

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ,
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

SCIENTIFIC JOURNAL

**ISSUES
IN JOURNALISM,
EDUCATION,
LINGUISTICS**

16+

2023. Том 42, № 1

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2023. Том 42, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Пстыга А., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка и перевода Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Иващенко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,0. Дата выхода 30.03.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 5 **Боева Я.К.**
Спортивная проблематика в СМИ: формирование ценностной картины мира
- 16 **Карпенко И.И.**
Понятие медиахолдинга в теории и практике современной журналистики
- 29 **Могилевская О.С., Полонский А.В., Глушкова В.Г.**
Образ России и патриотическая тема в публицистике В.А. Пьецуха
- 43 **Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А.**
Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества»

ПЕДАГОГИКА

- 55 **Анисимова А.Т.**
К вопросу о содержании и условиях реализации профессионально-ориентированного иноязычного образования
- 66 **Васильева М.Р., Апанович М.С., Мягкова Е.Г.**
Анализ информационной компетентности обучающихся медицинского вуза на начальном этапе подготовки
- 80 **Мерхелевич Г.В.**
Непрерывная иноязычная подготовка обучающихся: основы взаимодействия воспитательно-развивающего и образовательного компонентов процесса
- 90 **Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В.**
Абитуриент вуза как представитель поколения Z: личностные качества и ценностные ориентиры
- 105 **Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В.**
Проектирование современного учебника по иностранному языку в контексте мобильного обучения

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 114 **Baghana Je., Wang Qi., Bissenbayeva Zh.**
English Idioms and Phrases as the Reflection of language and Culture Symbiosis
- 126 **Бойчук И.В., Лукьянова Е.В., Купина Н.И.**
Ономастический роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» в переводе на английский язык
- 139 **Бугакова Н.Б.**
Ономастическое пространство рассказа А. Платонова «Такыр»
- 149 **Жигулина Т.С.**
Коммуникативные стратегии языковой личности (на примере руководителя вуза)
- 157 **Нурмухаметов А.Н.**
Особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации
- 166 **Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К.**
Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса
- 177 **Цюаньмин У**
Частотный анализ зоонимических фразеологизмов
- 195 **Чистякова А.А.**
Языковая личность современного рэп-исполнителя (на материале текстов Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky)

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2023. Volume 42, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg State University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Münster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,0. Date of publishing 30.03.2023. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 5 **Boeva Ya.K.**
Sports Issues in the Media: Formation of a Value Picture of the World
- 16 **Karpenko I.I.**
The Concept of Media Holding in the Theory and Practice of Modern Journalism
- 29 **Mogilevskaya O.S., Polonskiy A.V., Glushkova V.G.**
The Image of Russia and the Patriotic Theme in the Journalism of V.A. Pietsukh
- 43 **Prokofieva N.A., Shcheglova E.A.**
The Image of Peter the Great in "News of the Emperor's Russian Geographic Society"

PEDAGOGICS

- 55 **Anisimova A.T.**
On the Content and Conditions of Professional Foreign Language Training
- 66 **Vasilyeva M.R., Apanovich M.S., Myagkova E.G.**
Analysis of Medical Students' Information Competence at Initial Stage of Training
- 80 **Merkhelevich G.V.**
Basic Interrelations Between the Adaptation-and-Development and Educational Activities in the Foreign Language Lifelong Teaching/Learning Process
- 90 **Morozova I.A., Shevchenko S.A., Kuzmina E.V.**
University Entrant as a Representative of Generation Z: Personal Qualities and Value Orientations
- 105 **Khismatulina N.V., Pugacheva S.A., Malkova T.V.**
Designing a Modern Textbook in the Context of Mobile Education

LINGUISTICS

- 114 **Baghana Je., Wang Qi., Bissenbayeva Zh.**
English Idioms and Phrases as the Reflection of language and Culture Symbiosis
- 126 **Boichuk I.V., Lukyanova E.V., Kupina N.I.**
I. Ilf and E. Petrov's Novel "The Golden Calf" Onomasticon in an English Translation
- 139 **Bugakova N.B.**
Onomastic Space of the Story A. Platonov "Takyr"
- 149 **Zhigulina T.S.**
Communicative Strategies of the Linguistic Personality (On the Example of the Head of the University)
- 157 **Nurmuhametov A.N.**
Features of Translation of Non-Equivalent Language Units in Intercultural Communication
- 166 **Sarkisova A.Yu., Alexandrova Y.K.**
Linguistic Explication of the Opposition "We – They" in the Informal Communication of Russian Students
- 177 **Quanming Wu**
Frequency Analysis of Zoonymic Phraseological Units
- 195 **Chistyakova A.A.**
Linguistic Personality of a Modern Rap Artist (Based on Texts of Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky)

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070.15

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-5-15

Спортивная проблематика в СМИ: формирование ценностной картины мира

Боева Я.К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: boevayanka@gmail.com

Аннотация. Среди ключевых функций современных СМИ выделяется функция конструирования действительности в границах совокупности выверенных в мировоззренческом отношении ценностных образов и идей. Расширяющаяся практика продвижения оценочно-смысловых построений в процессе медийной репрезентации событий сегодня все плотнее переплетается с политикой, с идеологически маркированными способами интерпретации текущей действительности и формирования общественного мнения. В течение последних лет предметом напряжённых общественных дискуссий, актуализирующих ценностную оппозицию «свои – чужие», были отношения России и Болгарии, что не могло не получить своего отражения в СМИ и что требует своего оперативного осмысления. Автор статьи исходит из положения о том, что спортивная проблематика, являясь неотъемлемой частью информационно-смыслового пространства СМИ, используется в качестве одного из важнейших ресурсов политики. Цель исследования заключается в том, чтобы на материале репрезентаций в болгарских и российских СМИ спортивной проблематики проанализировать особенности формируемой ими в контексте текущей действительности ценностной картины мира. Сделан вывод о том, что сегодня спортивная проблематика в СМИ широко используется для формирования ценностной, политически и идеологически выверенной картины мира для общества.

Ключевые слова: болгарские СМИ, российские СМИ, картина мира, система ценностей, социальное конструирование, спортивная проблематика, XXXII летние Олимпийские игры в Токио, XXXII зимние Олимпийские игры в Пекине

Для цитирования: Боева Я.К. 2023. Спортивная проблематика в СМИ: формирование ценностной картины мира. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 5–15.
DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-5-15

Sports Issues in the Media: Formation of a Value Picture of the World

Yanka K. Boeva

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: boevayanka@gmail.com

Abstract. Among the key functions of modern mass media, the function of constructing reality within the boundaries of a set of value images and ideas verified in the worldview is highlighted. The expanding practice of promoting evaluative and semantic constructions in the process of media representation of events today is increasingly intertwined with politics, with ideologically

labeled ways of interpreting current reality and forming public opinion. In recent years, the relations between Russia and Bulgaria have been the subject of intense public discussions that actualize the value opposition of "friends and strangers", which could not but be reflected in the media and which requires its prompt reflection. The author of the article proceeds from the position that sports issues, being an integral part of the information and semantic space of the media, are used as one of the most important resources of politics. The purpose of the study is to analyze the features of the value picture of the world formed by them in the context of the current reality using the material of representations in the Bulgarian and Russian media of sports issues. It is concluded that today sports issues in the media are widely used to form a valuable, politically and ideologically verified picture of the world for society.

Keywords: Bulgarian media, Russian media, worldview, value system, social construction, sports issues, XXXII Summer Olympic Games in Tokyo, XXXII Winter Olympic Games in Beijing

For citation: Boeva Ya.K. 2023. Sports Issues in the Media: Formation of a Value Picture of the World. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 5–15 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-5-15

Введение

В современном обществе, которому приходится отвечать на многообразные вызовы эпохи, одним из особенно значимых факторов его функционирования являются средства массовой информации. Активное присутствие СМИ во всех сферах общественной жизни и деятельности делает их важнейшим социальным институтом. Роль СМИ как социального института была в поле зрения многих исследователей [Thompson, 1995; Знеполски, 1997; Засурский, 1999; Брайант, Томпсон, 2004; Сидоров и др., 2009; Луман, 2011; Вартанова, 2015; Полонский, 2016; Богова, 2017; Кастельс, 2017; Короченский, 2019], которые обращали внимание на их особый статус в современном, информационном обществе. Так, Н. Луман отметил особую роль СМИ в формировании знаний человека. Все, что «мы знаем об обществе, – подчеркнул он, – нам известно из массмедиа» [Луман, 2011, с. 244]. Как заметил Я.Н. Засурский, «сегодня принято говорить, что границы проходят не там, где стоят пограничники, а там, где есть информационные барьеры» [Засурский, 2001 с. 57]. Исследователи отмечают, что мир выглядит «по-разному для разных людей в зависимости от... карты, нарисованной для них авторами, редакторами и издателями газет, которые они читают» [Аронсон, Пратканис, 2003, с. 71]. На моделирующую общественное сознание роль СМИ указывал С.Г. Кара-Мурза, говоря о том, что сегодня СМИ – это «инструмент идеологии, а не средство для получения информации» [Кара-Мурза, 2005, с. 811].

СМИ сегодня, безусловно, являются тем «фактором, который обладает особой формирующей силой. Они «не просто присутствуют в жизни человека, предлагая ему свои информационно-посреднические услуги, а являются тем концептуальным предложением, на которое ориентированы практически все его духовные запросы, сконцентрировано все его внимание, все его силы, весь его интеллектуальный и эмоциональный потенциал» [Полонский, 2019, с. 206]. За счет непрерывного потока информации общество постоянно подвержено целенаправленному психологическому воздействию со стороны СМИ. Этот «технопсихологический штурм используется для решения как утилитарно-прикладных назначений, так и для плановых воздействий на массовое сознание, с длительными по времени действиями, для трансформации мышления, и возвращение ценностей, которые не характерны для данного общества [Нехаева, 2008, с. 141].

Сегодня функция СМИ, связанная с конструированием социальной действительности в границах совокупности в мировоззренческом отношении выверенных идей и образов, определяющих восприятие информации целевыми аудиториями, является одной из доминирующих. Фокусируя внимание аудитории на той или иной информации, осуществ-

ляя ее целенаправленный отбор и сопровождая оценочными суждениями, СМИ формируют у аудитории ценностную картину мира, в которой отражаются идеи, идеалы и нормы поведения и которая оказывает влияние на когнитивный опыт личности. СМИ управляют своей аудиторией, как замечает В.А. Сидоров [2009, с. 61], с помощью «выбора» актуальных тем, упорядочивая акценты таким образом, что одни факты обретают важность, социальную значимость, а другие умалчиваются или «теряются» в общем информационном потоке. В этом аспекте, как нам представляется, важно обратиться к рассмотрению особенностей медийной репрезентации спортивной проблематики, поскольку спорт в настоящее время, став «крупным социальным явлением... одной из тем, о которой люди говорят чаще всего» [Василенко, 2021, с. 110], сегодня является не только обязательной частью информационно-смыслового пространства СМИ, дискурса СМИ [Кожемьякин, 2010; Полонский, 2017], но и все прочнее переплетается с политикой и идеологией, с «продвигающими коммуникациями» [Кара-Мурза, 2017]. Как справедливо замечает Д.С. Срыбный, «на сегодняшний день сфера спорта вовлечена в процессы социального конструирования реальности» [Срыбный, 2017, с. 137].

В течение последних лет предметом напряжённых общественных дискуссий, актуализирующих ценностную оппозицию «свой – чужие», были отношения России и Болгарии, что не могло не получить своего отражения в СМИ и что требует своего оперативного осмысления. Необходимо иметь в виду, что спортивная проблематика, являясь неотъемлемой частью информационно-смыслового пространства СМИ, используется в качестве одного из важнейших ресурсов политики. Цель исследования заключается в том, чтобы на материале репрезентаций в болгарских и российских СМИ спортивной проблематики проанализировать особенности формируемой ими в контексте текущей действительности ценностной картины мира.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – средства массовой информации как фактор формирования ценностной картины мира. Предметная же область исследования включает в себя особенности ценностно-смысловой репрезентации в современных российских и болгарских общественно-политических периодических изданиях спортивной проблематики (включая освещение XXXII летних Олимпийских игр в Токио, состоявшихся в 2020 г., и XXXII зимних Олимпийских игр в Пекине – в 2022 г.).

Эмпирическую базу составляют разножанровые материалы, опубликованные в период 2021–2022 гг. в российских изданиях, таких как «Российская газета» (ежедневное общественно-политическое издание, учрежденное Правительством РФ), «Газета.ru» (круглосуточное общественно-политическое интернет-издание, которое принадлежит холдингу SUP Media и которое в 2014 году входило в первую тройку самых цитируемых интернет-ресурсов), «Спорт-Экспресс» (ежедневная спортивная газета, основанная в 1991 году издательским домом «Спорт-Экспресс», имеющим интернет-портал и мобильное приложение, входящим с 2001 года в объединение European Sports Magazines), а также в болгарских изданиях, среди которых – «ДУМА» (в прошлом официальная газета Болгарской социалистической партии, сегодня – ежедневная газета, отображающая актуальные общественно-политические темы и придерживающаяся консервативных взглядов; издание сотрудничает с «Российской газетой», открыто ведет с ней совместную работу, давая возможность аудитории получить еще одну точку зрения на глобальную политику), «Факти» (частный, демократичный таблоид, позиционирующий себя как представитель честной и свободной прессы) и некоторые другие.

В исследовании использованы описательный метод, позволивший произвести процедуру сбора информации, ее обработку и систематизацию, а также ценностно-смысловой анализ, благодаря которому удалось выявить содержащиеся в публикациях политико-идеологические оценки и установки.

Результаты и обсуждение

Сегодня СМИ создали в обществе такую ситуацию, которая способствует распространению ценностных смыслов и установок, позволяющих повысить уровень регуляции социального поведения [Флиер, 2000, с. 224]. В зависимости от использования в текстах СМИ определенных идей, образов, именовании, фраз и оборотов речи (метафор, эпитетов, идеологем, прецедентных высказываний и т.д.) создаются нужные, выверенные в соответствии с идеологической конструкцией векторы влияния на общественное сознание, что при продолжительном воздействии неизбежно приводят к изменению мировоззренческих и ценностных установок аудитории [Казаков, 2014, с. 87]. Реальность, создаваемая СМИ, становится мыслительной конструкцией действительности. Сегодня мы можем утверждать, что новостная информация в СМИ и реальность, представленная человеку в его опыте, не всегда совпадают. В этом аспекте следует обратить внимание на утверждение Г. Лозанова, что «медийный текст как носитель информации – это субъективное отражение взглядов автора и зачастую информация в СМИ однобока и субъективна. Информация как товар в значительной степени формируется интересами и идеями ее производителя, и в этом смысле не бывает информации, свободной от мнений и не связанной с интересами» [Лозанов, 1996, с. 41]. Мы живем в созданном СМИ «псевдомире», который заменяет нам реальный мир [Иванов, 2013, с. 210] и особенности которого обнаруживаются в совокупности характерных для него оценочных высказываний и «тематических доминант», или медиатопиков [Добросклонская, 2008, с. 40]. Спорт сегодня является одним из наиболее востребованных медиатопиков.

Необходимо заметить, что между СМИ, спортом и политикой всегда существовала связь. Спорт предоставляет важнейший контент для средств массовой информации. Победы или проигрыши спортсменов на международной арене влияют на имидж страны, которую они представляют. Победы в больших состязаниях объединяют граждан, вызывают чувства гордости и патриотизма, ощущения особой значимости своей страны или региона, что благоприятно сказывается и на внутриполитическом имидже. В свою очередь, СМИ сегодня не только отражают наиболее значимые ценностные установки спортивной деятельности, но и стали технологией их фокусирования и продвижения в обществе [Байкова, 2012]. Отображая крупные спортивные состязания, такие, например, как Олимпийские игры, СМИ превращаются в идеологическую площадку для репрезентации внутренней и внешней политики государств – в позитивном или негативном свете, в зависимости от складывающихся в мире обстоятельств и принципов, лежащих в основе деятельности редакции. Победы национальной сборной отражаются в прессе не столько как достижения команды, ее руководителей и попечителей, а как достижения государственной важности и сопричастности к ним каждого человека как гражданина и представителя страны. Помимо эмпатии, такие журналистские тексты моделируют не только вектор мировоззренческого выбора общества, его ценностно-смысловой динамики [Курасова, 2016], но и чувство соперничества, стремление к победе, к достижению лучшего результата. Противостояние и противоборство – в природе спортивного соревнования. Это обусловлено тем, что каждый спортсмен не только представляет свою страну, но и выступает в роли своеобразного ее «защитника». Из этого следует вывод, что патриотизм выступает в качестве важнейшей идеи как спортивного дискурса [Кислицына, Новикова, 2017], так и массмедийного.

Олимпийские игры, как известно, были возрождены с целью установления спортивных связей между странами, укрепления дружбы и мира, однако сегодня они стали ареной большой политики, принесшей с собой конфликтные ситуации. Как пишет болгарский исследователь Б. Ангелова-Игова: «Тезис “спорт вне политики” сегодня не имеет силы. “Чистого” спорта не существует, потому что на международное спортивное движение влияет множество факторов, в том числе и политических» [Ангелова-Игова, 2017, с. 183]. Олимпийские игры превратились в масштабные медийные события и зача-

стью сопровождаются трансляцией политических сообщений, предназначенных как для внутренней аудитории, так и для мирового сообщества [Спасов, 2013, с. 8].

В качестве показательного в этом контексте примера можно назвать публикацию в «Российской газете» (13 августа 2021 г.) об украинской прыгунье в высоту Ярославы Магучих. Украинская спортсменка из-за сделанной при награждении совместной фотографии с российской спортсменкой подверглась жесткому осуждению у себя на родине. Как сообщает «Российская газета», из-за «русофобских настроений на Украине» замминистра обороны «вызвал Магучих на разговор» [Когалов, 2021]. Этот материал демонстрирует попрание базовых ценностей олимпийского движения, к которым относятся дружба, совершенство, уважение. Из текста публикации становится ясно, что одна из соотечественниц Ярославы Магучих жестко осудила ее за фотографию, сделанную вместе с российской спортсменкой. Мы можем видеть, и не только по данной публикации, что к российским спортсменам в мире сегодня складывается особое отношение. Спорт превратился в транслятор политико-идеологической реальности, а спортсмены, в свою очередь, стали заложниками и «проводниками» политических идей, что находит свое отражение и в СМИ.

Так, в электронном издании Championat.com мы обнаружили историю польского футболиста Мацея Рыбуса, отказавшегося разрывать свой контракт с клубом «Динамо» [Марков, 2022]. За девять лет пребывания в России спортсмен успел обзавестись семьей. При этом, заметим, поступок спортсмена не нашел поддержки среди польской общественности, о чем свидетельствует публикация.

«Газета.ru» опубликовала слова американской гребчихи Меган Кальмо, заявившей о «мерзком чувстве», которое возникло у нее от победы России [Воропаев, 2021]. Подобное неспортивное поведение подняло волну возмущения в русскоязычном информационном пространстве. «Российская газета» рассматривает подобные случаи уже в контексте зимних Олимпийских игр в Пекине (2022 г.). В соответствии со словами заместителя председателя Европарламента Никола Бера, зимние Олимпийские игры оказались «ошибочной площадкой в неправильном месте» [Ковалева, 2021]. ЕС таким образом попытался, по всей видимости, выразить свое отношение к якобы нарушению прав человека в Китае. В продолжение этой темы, болгарское издание «Факти» в течение месяца повторяли идею дипломатического бойкота, выступая в поддержку высказывания о «сомнительном выборе места» проведения Олимпиады – в Пекине [Пекин 2022..., 2022].

Российские СМИ, в частности «Российская газета», освещают победы российских спортсменов прежде всего в новостном формате. При этом мы отметили частое использование концепта «команда», что имеет целью укрупнить духовно-психологическую связь болельщиков с группой спортсменов, выступающих во имя национальной идеи сплоченности, демонстрации в лице олимпийцев волевого и духовно-эмоционального ресурса страны. Использование выражения (концепта-лозунга) «Мы команда!» мотивирует приобщение всех читателей к успехам, имеющим значение для всей страны и для каждого. Об этом свидетельствуют слова Мартина Лютина: «За команду нужно выступать со светлой головой и отдать все, что есть» [Козина, 2021a] и тренера ватерполисток Белофастова: «Чем хуже нас судят, тем лучше мы играем» [Козина, 2021б].

Говоря в целом о российских СМИ, следует подчеркнуть, что они, освещая спортивные удачи или неудачи других стран, стараются придерживаться взвешенной позиции, болгарские же СМИ позволяют себе транслировать жесткие высказывания в адрес российских спортсменов. По всей видимости, практику болгарских медиа можно рассмотреть сквозь призму «спортивного национализма», который основывается скорее на эмоциональной привязанности, чем на непосредственной пропаганде политических идей [Cho, 2009; Горохов, 2013]. Болгарское общество чувствует ущемление своего спортивного самолюбия Россией на протяжении десятилетий в традиционном для себя виде спорте, что в итоге выражается в агрессивной риторике в болгарских СМИ, способствующей формированию русофобии у болгарской аудитории.

Заметим, что в болгарских СМИ средства речевой агрессии, нацеленные на преднамеренное оскорбление и снижение культурного статуса российского спорта и российского спортсмена, используются достаточно широко. Среди самых заметных заголовков, циркулирующих в интернет-СМИ, стали: *«Русия, мълчливо гледай тази снимка»* [Джамбазов, 2021] (русс. *«Россия, смотри на эту фотографию молча»*); *«Даже и смешният плач на руснаците не засенчи българския триумф в Токио!»* [Костурков, 2021] (русс. *«Смешной плач россиян не затмил болгарский триумф в Токио!»*); *«Русия не може на преглътне медала на "Златните момичета"»* [Русия не може ..., 2021] (русс. *«Россия не может переварить медаль "Золотых девочек"»*). В болгарских СМИ во всех рассмотренных нами публикациях делается акцент на броские заголовки и негативную оценочность (*«свержение русской гегемонии», «Россия демонстрирует, что не умеет проигрывать», «Все устали от русских побед», «Россия стала посмешищем», «очередная пощечина самолюбию российского ансамбля», «Болгарский ансамбль лучший, но русских либо всегда «проталкивало» жюри, либо невезение мешало нашим девушкам выйти к большим победам»* и др.). В болгарской газете *«24 часа»* находим такой пример: *«Насилените деца на Етери – истината за фигурното пързаляне»* [Насилените деца..., 2022] (*«Дети Этери подвергавшиеся насилию – правда о фигурном катании»*). Болгарский журналист называет российских фигуристок *«скаковыми лошадьми»*, на которых тренер Этери Тутберидзе проводит *«медикаментозные и физические опыты»*.

В практике дискредитации отдельных людей и организаций могут использоваться и стереотипы, под которыми понимаются мотивированные культурой «картинки мира», сформированные в сознании оценки и совокупности ассоциаций [Липпман, 2004]. Заявленная в стереотипе национальная или культурная принадлежность субъекта может вызвать негативную реакцию, которой нельзя противопоставить рациональные аргументы или факты [Христов, 2008, с. 164]. Так, в одной из публикаций в *«Российской газете»* [Домичев, 2021] говорится о запрете МОК использовать изображение медведей на купальных костюмах российских синхронисток, поскольку медведь символизирует национальную принадлежность спортсменов. Стереотипы о медведе, гармошке и ушанке, которые годами формировали представления о России, «сплелись» на Олимпийских играх в Токио с национально-культурной атрибутикой.

Речевой агрессии в силу значимости этого явления лингвисты уделяют сегодня особое внимание [Знеполски, 1997; Петрова, Рацибурская, 2011; Дзялошинский, Дзялошинская, 2019; Полонский, Глушкова, 2020]. Так, Г. Армянов обращает внимание на то, что в речевой агрессии журналисты сегодня подражают «языку улицы» [Армянов, 2008, с. 79].

Как мы можем заметить, болгарские СМИ в своих публикациях целенаправленно пренебрегают базовыми Олимпийскими ценностями, подменяя понятия традиционного олимпизма национальными амбициями [Ангелова-Игова, 2017]. Как выразился болгарский исследователь Н. Попов, *«журналистика отошла от принципа олимпийской идеологии, согласно которому спорт имеет изначальную цель облагораживать общество»* [Попов, 2019, с. 16].

Заключение

Проанализированные нами тексты показывают, что в период с 2021 по 2022 год российская пресса в отражении Олимпийских игр в Токио делала упор на демонстрацию командного духа, продвижение национального единства, в то время как болгарские СМИ заявляли прежде всего о своих успехах, при этом акцентируя внимание на неудачах своих соперников. Сегодня спортивная проблематика в СМИ широко используется для формирования ценностной, политически и идеологически выверенной картины мира общества.

Список источников

- Воропаев В. 2021. Гребчиха из США объяснила свои слова о том, что ей противно видеть серебро России на Играх. Газета.ru., 30 июля, 2021. URL: https://www.gazeta.ru/sport/news/2021/07/30/n_16317104.shtml?updated (дата обращения: 14.04.2022).
- Джамбазов Д. 2021. Русия, мълчаливо гледай тази снимка. Факти, 9 августа, 2021. URL: <https://fakti.bg/mnenia/603103-rusia-malchalivo-gledai-tazi-snimka> (дата обращения: 14.04.2022)
- Домичев М. 2021. Российские синхронистки поменяли на купальниках запрещенных медведей на балалайки. RG.RU, 2 августа, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/08/02/rossijskie-sinhronistki-pomeniali-na-kupalnikah-zapreshchennyh-medvedej-na-balalajki.html> (дата обращения: 14.04.2022).
- Ковалева Д. 2021. В Европарламенте призвали бойкотировать Олимпийские игры в Пекине. RG.RU, 8 декабря, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/12/08/v-evroparlamente-prizvali-bojkotirovat-olimpijskie-igry-v-pekine.html> ((дата обращения: 14.12.2022).
- Когалов Ю. 2021. Прыгунья в высоту Ярослава Магучих философски отнеслась к травле. RG.RU, 13 августа, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/08/13/prygunia-v-vysotu-iaroslava-maguchih-filosofski-otneslas-k-travle.html> (дата обращения: 14.04.2022).
- Козина А. 2021а. Пловцы радуют: в престижной эстафете 4x200 м вольным стилем мы – вторые. RG.RU, 28 июля, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/07/28/rossijskie-plovcy-vzjali-srebro-v-estafete-4h200-m-volnym-stilem.html> (дата обращения: 14.04.2022).
- Козина А. 2021б. Тренер ватерполисток Белофастов: Чем хуже нас судят, тем лучше мы играем. RG.RU, 5 августа, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/08/06/trener-vaterpolistok-belofastov-chem-huzhe-nas-sudiat-tem-luchshe-my-igraem.html> (дата обращения: 14.04.2022).
- Костурков Б. 2021. Даже и смешният плач на руснаците не засенчи българския триумф в Токио! Блиц спорт, 17 августа, 2021. URL: https://blitz.bg/sport/komentar/dazhe-i-smeshniyat-plach-narusnatsite-ne-zasenchi-blgarskiya-triumf-v-tokio_480445.html ((дата обращения: 14.12.2022).
- Марков Е. 2022. Новичка «Спартак» выгнали из сборной Польши. Почему так? Championat.com, 20 июня, 2022. URL: https://www.championat.com/football/article-4731557-za-hto-zaschitnika-spartaka-maceya-rybusa-otstranili-ot-sbornoj-polski-on-riskuet-propustit-chm-2022-rossiya-sankcii.html?utm_source=sourpaste ((дата обращения: 14.12.2022).
- Насилениге деца на Етери - истината за фигурното пързаяне. 2022. 24 часа, 17 февраля, 2022. URL: <https://www.24chasa.bg/sport/article/10902125> (дата обращения: 14.04.2022).
- Пекин 2022: Олимпиадата ще открият почти само диктатори. 2022. Факти, 31 Януари, 2022. URL: <https://fakti.bg/world/649133-pek-in-2022-olimpiadata-shte-otkriat-pochti-samo-diktatori> (дата обращения: 14.04.2022).
- Русия не може на преглътне медала на "Златните момичета". 2021. Булевард България, 8 августа, 2021. URL: <https://boulevardbulgaria.bg/articles/rusiya-ne-mozhe-da-preglatne-medala-na-zlatnite-momicheta> (дата обращения: 14.04.2022).

Список литературы

- Аронсон Э., Пратканис Э.Р. 2003. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Пер. с англ. И.Н. Волковой, Е.Н. Волкова. СПб., прайм-ЕВРОЗНАК, 384 с. (Pratkanis A.R., Aronson E. 2001. Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. University of California, Santa Cruz, New York, 156 p.).
- Байкова М.А. 2012. Репрезентация ценностей спорта в спортивной прессе советского и постсоветского периодов. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 3-2(17): 16–18.
- Богова Х. 2017. СМИ и отражение внешней политики Республики Болгария. *Коммуникология*, 5(1): 156–163. DOI 10.21453/2311-3065-2017-5-1-156-163
- Брайант Д., Томпсон С. 2004. Основы воздействия СМИ. Пер. с англ. В.В. Кулебы и Я.А. Лебедева. Под ред. Э.В. Крайникова. М., Издательский дом "Вильямс", 432 с. (Bryant J., Thompson S. 2002. Fundamentals of media effects. McGraw-Hill Companies, Inc.).
- Варганова Е.Л. 2015. О современных медиа и журналистике: Заметки исследователя. Москва, МедиаМир, 136 с.

- Василенко Е.И. 2021. Специфика развития Белгородской спортивной журналистики. В кн.: Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник трудов III международной научно-практической конференции, Белгород, 07–08 октября 2021 года. Под ред. А.П. Короченского, С.В. Ушаковой, Я.И. Тяжлова. Белгород, Общество с ограниченной ответственностью Издательско-полиграфический центр "ПОЛИТЕРРА": 108–112.
- Горохов В.А. 2013. Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи-2014 для олимпийской команды России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(5): 71–86.
- Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. 2019. Российские СМИ: как создается образ врага. Чебоксары, ИД "Среда", 316 с. DOI: 10.31483/a-92
- Добросклонская Т.Г. 2008. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., Флинта, Наука, 263 с.
- Засурский Я.Н. 1999. Информационное общество и средства массовой информации. *Информационное общество*, 1: 36–40.
- Засурский Я.Н. 2001. Информационное общество сегодня и завтра. *Информационное общество*, 3: 57–58.
- Иванов В.Ф. 2013. Массовая коммуникация. Киев, Академия Украинской прессы. Центр свободной прессы, 902 с.
- Казаков А.А. 2014. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, 14(4): 85–90.
- Кара-Мурза Е.С. 2017. Гипотеза «продвигающих» коммуникаций в российском медиaprостранстве. В кн.: Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. Материалы II международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 года. Под ред. А.А. Мальшева. СПб., Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета: 296–297.
- Кара-Мурза С.Г. 2005. Манипуляция сознанием. М., Эксмо, 832 с.
- Кастельс М. 2017. Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архиповой. Под ред. А.И. Черных. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 591 с. (Castells M. 2013. *Communication Power*. Oxford University Press, 574 p.).
- Кислицына Н.Н., Новикова Е.А. 2017. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2(26): 28–35.
- Кожемякин Е.А. 2010. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 12(83): 13–21.
- Короченский А.П. 2019. Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики. *Век информации*, 7(2): 18–26.
- Курасова К.А. 2016. Спорт как инструмент политической борьбы в международных отношениях. *Международный студенческий научный вестник*, 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873> (дата обращения: 14.12.2022)
- Липшман У. 2004. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Под ред. К.А. Левнисона, К.В. Петренко. М., Институт Фонда «Общественное мнение», 384 с. (Lippmann W. 1922. *Public Opinion*. New York, Macmillan, 233 p.).
- Луман Н. 2011. Общество общества. Кн. 2: Медиа коммуникации. Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М., Логос, 640 с. (Luhmann N. 1997. *Theory of Society*, Stanford, Stanford University Press).
- Нехаева Н.А. 2008. Способы разрушения сознания человека в дискурсе «четвертой власти» и формирование «человека одного измерения». *Известия Томского политехнического университета*, 312(6): 141–144.
- Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. 2011. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М., Флинта, Наука, 156 с.
- Полонский А.В. 2016. Медийный текст и его статус в современной культуре. В кн.: Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования/ Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Сборник трудов II международной научно-практической конференции и II международного научного семинара, Белгород, 05–07 октября 2016 года. Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, ИД «Белгород»: 68–74.

- Полонский А.В. 2017. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? В кн.: Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. Материалы II международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 года. Под ред. А.А. Малышева. СПб., Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета: 329–331.
- Полонский А.В. 2019. Лингвистика медиа: современная парадигма научного знания (Рецензия на словарь-справочник: Медиалингвистика в терминах и понятиях. Под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2018). *МедиаАльманах*, 1(90): 206–211. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.206211
- Полонский, А.В., Глушкова В.Г. 2020. Современные СМИ и проблема интолерантности. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 1(36): 171–181.
- Сидоров В.А., Ильченко С.С., Нигматуллина К.Р. 2009. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины. Под ред. В.А. Сидорова. СПб., Роза мира, 174 с.
- Срыбный Д.С. 2017. Имидж российского спорта в отечественных СМИ как предмет исследования. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 14(263): 134–137.
- Флиер А.Я. 2000. Культурология для культурологов. Под ред. О.И. Горяновой. М., Академический Проект, 496 с.
- Ангелова-Игова Б. 2017. Спорт, национализм и пропаганда. Проблемы на постмодерности, VII(3): 183–218.
- Армянов Г. 2008. Езикът на улицата, отразен в Интернет форумите. В кн.: Проблемы на социалингвистиката. Т. 9. Агресията на уличния език. Материалы от Деветата конференция по социалингвистика, София, 22–23 март, 2008 г. София, Междунар. социалингвистическо д-во; Велико Търново, Знак'94: 79–85.
- Знеполски И. 1997. Новата преса и преходът. Трудното конституиране на четвъртата власт. София, Дружество Гражданин, 195 с.
- Лозанов Г. 1996. Медии, власт и чувства. В кн.: Българско медиазнание. Брой. 1. Ред. Р. Милева, София, Балканмедиа: 41–54.
- Попов Н. 2019. Олимпийските идеи и съвременният спорт. *Спорт & Наука*, кн. ½: 13–23.
- Спасов О. 2013. Спортът и политиката, медийни ритуали, властови игри. София, Фондация „Медийна демокрация“, 164 с.
- Христов Ч. 2008. Убеждаване и влияние. София, Сиела, 204 с.
- Cho Y. 2009. Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics. *Media, Culture & Society*, 31(3): 347–364. DOI: 10.1177/0163443709102709
- Thompson J.B. 1995. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. Stanford, Stanford University Press, 314 p.

References

- Aronson E., Pratkanis E.R. 2003. Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zlupotreblenie [The Age of Propaganda: Mechanisms of Persuasion, Everyday Use and Abuse]. Per. from English. I.N. Volkova, E.N. Volkov. SPb., Publ. praym-EVROZNAK, 384 p. (Pratkanis A.R., Aronson E. 2001. *Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion*. University of California, Santa Cruz, New York, 156 p.)
- Baykova M.A. 2012. Sport values representation in sport printed press of soviet and post-soviet periods. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 3-2(17): 16–18 (in Russia).
- Bogova Kh. 2017. Media and reflection of the foreign policy of the republic of Bulgaria. *Communicology*, 5(1): 156–163(in Russia). DOI 10.21453/2311-3065-2017-5-1-156–163
- Brayant D., Tompson S. 2004. *Osnovy vozdeystviya SMI [Fundamentals of Media Impact]*. Per. from English. V.V. Kuleba, Ya.A. Lebedenko. Ed. E.V. Krainikova. M., Publ. Izdatel'skiy dom "Vil'yame", 432 p. (Bryant Je., Thompson S. 2002. *Fundamentals of media effects*. McGraw-Hill Companies, Inc.)
- Vartanova E.L. 2015. *O sovremennykh media i zhurnalistike: Zametki issledovatelya [On Contemporary Media and Journalism: Researcher's Notes]*. M., Publ. MediaMir, 136 p.
- Vasilenko E.I. 2021. The specifics of the development of Belgorod sports journalism. In: *Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoy informatsii [Discourse Studies and Media Criticism of Mass Media]*.

- Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Belgorod, October 07–08, 2021. Eds. A.P. Korochensky, S.V. Ushakova, Ya.I. Tyazhlov. Belgorod, Publ. "POLITERRA": 108–112.
- Gorokhov V.A. 2013. The national identities in global sporting culture: Sochi 2014 challenges for the Russian olympic team. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 16(5): 71–86.
- Dzyaloshinskiy I.M., Dzyaloshinskaya M.I. 2019. Rossiyskie SMI: kak sozdaetsya obraz vruga [Russian media: how the image of the enemy is created]. Cheboksary, Publ. ID "Sreda", 316 p. DOI: 10.31483/a-92
- Dobrosklonskaya T.G. 2008. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech' [Medialinguistics: A systematic approach to the study of media language: modern English media speech]. M., Publ. Flinta, Nauka, 263 p.
- Zasurskiy Ya.N. 1999. Informatsionnoe obshchestvo i sredstva massovoy informatsii [Information society and mass media]. *Information Society*, 1: 36–40.
- Zasurskiy Ya.N. 2001. Informatsionnoe obshchestvo segodnya i zavtra [Information society today and tomorrow]. *Information Society*, 3: 57–58.
- Ivanov V.F. 2013. Massovaya kommunikatsiya [Mass communication]. Kiev, Publ. Akademiya Ukrainy pressy, Tsentr svobodnoy pressy, 902 p.
- Kazakov A.A. 2014. Framing in media stories as a tool of influence on the audience: review of widely spread interpretations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 14(4): 85-90 (in Russia).
- Kara-Murza E.S. 2017. The hypothesis of "promoting" communications as a macroobject of media linguistics. In: Medialingvistika [Medialinguistics]. Iss. 6. Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in the coordinates of mass media]. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, July 2–6, 2017. Ed. A.A. Malyshev. SPb., Publ. Institut Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: 296–297.
- Kara-Murza S.G. 2005. Manipulyatsiya soznaniem [Manipulation of consciousness]. M., Publ. Eksmo, 832 p.
- Kastel's M. 2017. Vlast' kommunikatsii [The power of communication]. Per. from English. N.M. Tylevich, A.A. Arkhipova. Ed. A.I. Chernykh. M., Publ. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 591 p. (Castells M. 2013. Communication Power. Oxford University Press, 574 p.)
- Kislitsyna N.N., Novikova E.A. 2017. Sports discourse in the system of institutional types of discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2 (26): 28–35 (in Russia).
- Kozhemyakin E.A. 2010. Mass communication and media discourse: towards methodology. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 12(83): 13–21 (in Russia).
- Korochenskiy A.P. 2019. Post-journalism as a market ersatz of journalism. *Information Age*, 7(2): 18–26 (in Russia).
- Kurasova K.A. 2016. Sport kak instrument politicheskoy bor'by v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Sport as an instrument of political struggle in international relations]. Modern Problems of Science and Education. Surgery, 2. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873> (accessed: 14.12.2022)
- Lippman U. 2004. Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion]. Per. from English. T.V. Barchunova. Eds. K.A. Levnison, K.V. Petrenko. M., Publ. Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 384 p. (Lippmann W. 1922. Public Opinion. New York, Macmillan, 233 p.)
- Luman N. 2011. Obshchestvo obshchestva [Society Society]. Book. 2: Media kommunikatsii [Media communications]. Per. with him. A. Glukhov, O. Nikiforov. M., Publ. Logos, 640 p. (Luhmann N. 1997. Theory of Society, Stanford, Stanford University Press)
- Nekhaeva N.A. 2008. Ways of consciousness destruction in discourse of в "fourth estate" and formation of "one dimension man. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 6: 141–144 (in Russia).
- Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V. 2011. Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii [Language of modern media: means of verbal aggression]. M., Publ. Flinta, Nauka, 156 p.
- Polonskiy A.V. 2016. Mediynnyy tekst i ego status v sovremennoy kul'ture [Media text and its status in modern culture]. In: Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya. Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education; Actual problems of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad].

- Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference and II International Scientific Seminar, Belgorod, October 05–07, 2016. Ed. E.A. Kozhemyakin, A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. ID «Belgorod»: 68–74.
- Polonskiy A.V. 2017. Media reality: what can we say about it today? In: *Medialingvistika [Medialinguistics]*. Iss. 6. Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in the coordinates of mass media]. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, July 2–6, 2017. Ed. A.A. Malyshev. SPb., Publ. Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy» Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: 329–331.
- Polonskiy A.V. 2019. Linguistics of the media: the modern paradigm of scientific knowledge (A review of the reference dictionary: Duskaeva L.R. (ed.) (2019) *Media linguistics in terms and concepts*. Moscow: Flinta: Nauka publ.). *MediaAlmanah*, 1: 206–211 (in Russia). DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.206211
- Polonskiy A.V., Glushkova V.G. 2020. Modern media and the problem of intolerance. *Actual issues of modern philology and journalism*, 1(36): 171–181 (in Russia).
- Sidorov V.A., Il'chenko S.S., Nigmatullina K.R. 2009. Aksiologiya zhurnalistiki: opyt stanovleniya novoy distsipliny [Axiology of Journalism: Experience in the Formation of a New Discipline]. Ed. V.A. Sidorov. SPb., Publ. Roza mira, 174 p.
- Srybnyy D.S. 2017. Image of Russian sports in Russian mass media as a subject of Research. Scientific bulletin of Belgorod State University. *Humanities Sciences*, 14(263): 134–137 (in Russia).
- Flier A.Ya. 2000. Kul'turologiya dlya kul'turologov [Culturology for Culturologists]. Ed. O.I. Goriyanova. M., Publ. Akademicheskiiy Proekt, 496 p.
- Angelova-Igova B. 2017. Sport, Nationalism and Propaganda. *Postmodernism problems*, 7(3): 183–218 (in Bulgarian).
- Armyanov G. 2008. Ezik "t na ulitsata, otrazen v Internet forumite [he language of the street reflected in Internet forums]. In: Problemi na sotsiolingvistikata [Problems of sociolinguistics]. Vol. 9. Agresiyata na ulichniya ezik [The Aggression of Street Language]. Materials from the Ninth Conference on Sociolinguistics, Sofia, March 22–23, 2008. Sofiya, Publ. Mezhdunar. sotsiolingvisticheskoto d-vo; Veliko T'rnovo, Znak'94: 79–85.
- Znepolski I. 1997. Novata presa i prekhod "t. Trudnoto konstituirane na chetv "rtata vlast [The new press and the transition. The difficult constitution of the fourth estate]. Sofiya, Publ. Druzhestvo Grazhdanin, 195 p.
- Lozanov G. 1996. Medii, vlast i chuvstva [Media, power and feelings]. In: B "lgarsko mediaznanie [Bulgarian media studies]. Vol. 1. Ed. R. Milev, Sofiya, Publ. Balkanmedia: 41–54.
- Popov N. 2019. Olympic ideas and modern sport. *Sport & Nauka*, Vol. 1/2: 13–23.
- Spasov O. 2013. Sport "t i politikata, mediyni rituali, vlastovi igri [Sport and politics, media rituals, power games]. Sofiya, Publ. Fondatsiya „Mediyna demokratiya“, 164 p.
- Khristov Ch. 2008. Ubezhdavane i vliyanie [Persuasion and influence]. Sofiya, Publ. Siela, 204 p.
- Cho Y. 2009. Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics. *Media, Culture & Society*, 31(3): 347–364. DOI: 10.1177/0163443709102709
- Thompson J.B. 1995. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. Stanford, Stanford University Press, 314 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05. 01.2023

Received January 05, 2022

Поступила после рецензирования 07.02.2023

Revised February 07, 2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Боева Янка Красмирова, аспирант кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yanka K. Bоеva, Postgraduate Student, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-16-28

Понятие медиахолдинга в теории и практике современной журналистики

Карпенко И.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

Аннотация. Понятие «медиахолдинг» прочно вошло в современную теорию и практику журналистики вместе с тенденцией концентрации и монополизации средств массовой информации. Однако на сегодняшний день наметились некоторые противоречия между принятыми в теории журналистики дефинициями и реальной медиапрактикой. Авторами представлен анализ наиболее значимых современных научных трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблеме исследования деятельности медиахолдингов. Аккумулированные теоретические знания соотносятся с реальной практикой по концентрации средств массовой информации в границах холдингов разного типа: некоммерческих и коммерческих – национальных, региональных, муниципальных.

Ключевые слова: холдинг, медиахолдинг, издательский дом, медиагруппа, концентрация СМИ.

Для цитирования: Карпенко И.И. 2023. Понятие медиахолдинга в теории и практике современной журналистики. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 16–28. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-16-28

The Concept of Media Holding in the Theory and Practice of Modern Journalism

Irina I. Karpenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

Abstract. The concept of «media holding» has firmly entered the modern theory and practice of journalism, along with the trend of concentration and monopolization of the media. However, today there are some contradictions between the definitions accepted in the theory of journalism and real media practice. The article analyzes the most significant modern scientific works of domestic and foreign authors devoted to the problem of researching the activities of media holdings. The accumulated theoretical knowledge correlates with the actual practice of mass media concentration within the boundaries of holdings of various types: non-commercial and commercial – national, regional, municipal.

Keywords: holding, media holding, publishing house, media group, media concentration

For citation: Karpenko I.I. 2023. The Concept of Media Holding in the Theory and Practice of Modern Journalism. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 16–28 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-16-28

Введение

Активная информатизация современного общества стала причиной множества новых явлений во всех сферах нашей жизни. Прежде всего речь идет о глобализации. Профессио-

нальная журналистика не осталась в стороне от этого процесса. Здесь появились и активно развиваются новые процессы, радикально изменившие весь «ландшафт» медийного мира: концентрация и монополизация СМИ, коммерциализация и массивизация СМИ, и, конечно же, конвергенция.

Конвергентные процессы влияют сегодня на абсолютно все без исключения сферы журналистики: организационную, структурную, контентную, техническую, технологическую, регулирование, рынки сбыта и в целом на всю медиаиндустрию [Wirtz, 2001; Вартанова, 2013; Маркина, 2016]. Эти процессы в свою очередь в корне меняют наше представление о журналистике: появляются новые жанры и формы представления информации [Бычков, 2007; Пургин, 2011; Карпенко, 2021; Молчанова, 2022], используются новые «платформы» и среды для распространения контента [Богданович, Фёдорова, 2020; Демина, 2020], изменяются организационные формы средств массовой информации [Качкаева и др., 2010; Карпенко, 2017]. Исследователи определяют конвергенцию как «размывание границ между телекоммуникациями, вычислительной техникой и медиа» [Fransman, 2002, p. 39].

Особое влияние конвергенция оказывает на определение границ медиарынка, так как процессы слияния различных его сегментов – телевизионного- радиовещания, кабельного телевидения, Интернета и пр. делают эти границы менее четкими [Peltier, 2004; Gershon, 2005].

Новые организационные формы СМИ (медиахолдинги, медиакорпорации, альянсы и т.д.) стали в современных реалиях экономических потрясений и политической нестабильности актуальным альтернативным выходом из кризисного положения медиа. Медиаисследователи в своих работах делают акцент на том, что «для сохранения своей устойчивости традиционные медиаканалы должны разрабатывать новые бизнес-модели» [Social Media ..., 2013, p. 104]. Сегодня новые формы организации СМИ все шире находят применение не только на федеральном уровне, но и в регионах. Одна из таких форм – медиахолдинг – успешно функционирует и расширяется на российском медиарынке. Однако в практике концентрации российских СМИ сложилась на сегодняшний день достаточно спонтанная практика: номинация «холдинг» используется повсеместно и в совершенно различных условиях концентрации медиа. Изучение подобных практик проявления организационной конвергенции при полном отсутствии правовой дефиниции в медийной среде определяет актуальность настоящей работы.

Цель исследования состоит в концентрации научного представления о понятии «холдинг», которое сформировалась в современном научном медиадискурсе, и сопоставлении его с реальными практиками создания холдинговых компаний.

Объект и методы исследования

Исследовательским материалом выступает совокупность научных публикаций теоретиков и практиков журналистики по проблеме функционирования холдингов и определения его дефиниции.

Объектом исследования выступает соотносительность существующей на сегодняшний день журналистской теории в понимании такого феномена как «медиахолдинг» и реальной журналистской практики в области концентрации современных средств массовой информации.

Для достижения поставленной цели нами применялся комплекс научных методов: методы анализа и синтеза использовались в работе с теоретическими источниками; методы экспертных опросов, интервью и работа со статистическими источниками использовались для анализа реальных практик концентрации средств массовой информации в холдинговых структурах.

Результаты и обсуждение

Понятие «медиахолдинг» относительно недавно вошло в российский медийный дискурс и все больше привлекает интерес как теоретиков, так и журналистов-практиков. Причиной такого интереса является активная деятельность последних лет по созданию всевозможных медийных объединений в нашей стране, так как в условиях перманентных экономических проблем холдинговая структура в силу своей экономической успешности является удачной формой для функционирования современных малобюджетных СМИ, а для крупных СМИ – возможностью повысить свою доходность.

Только недавно в современном научном дискурсе стали появляться работы, описывающие новую форму организации СМИ – медиахолдинг. Однако само определение медиахолдинга можно сегодня найти в единичных работах по исследованию медиа. Так, в коллективной монографии «Медиасистема России» медиахолдинг определяется как «совокупность материнской организации и контролируемых ею дочерних (внучатых) организаций, занимающихся какими-либо видами деятельности в сфере медиабизнеса» [Медиасистема России, 2021, с. 359], однако авторы делают допущение в использовании термина. Так, «в случае, если факт существования холдинга из-за сложной структуры собственности является спорным, для обозначения такого «аморфного» объединения медиапредприятий имеет смысл использовать обозначение медиагруппа (или группа СМИ)» [Медиасистема России, 2021, с. 360].

Вариативность использования термина мы находим и в других работах. С.М. Гуревич допускает употребление терминов «издательский дом» и «медиахолдинг» в случаях, когда имеет место концентрация однотипных («Владелец такого «дома» не ограничивается одним печатным изданием. Он собирает под его «крышей» несколько изданий – газет или журналов, а нередко и тех, и других» [Гуревич, 2006, с. 6]) и разнотипных СМИ («медиахолдинг позволяет его владельцу создавать в его структуре СМИ, резко различающиеся по своему типу» [Гуревич, 2006, с. 6]).

С.С. Смирнов в своей практике разводит два понятия «медиахолдинг» и «медиагруппа», поясняя, что «понятия медиахолдинг и медиагруппа зачастую используются как синонимы, т. е. на первый взгляд имеется стихийно утвердившаяся языковая избыточность. Однако мы полагаем, что эти термины можно и нужно разделять по смыслу, поскольку существенная разница между медиахолдингом и медиагруппой заключается во внутренней организации этих объединений» [Смирнов, 2020, с. 26]. Свою точку зрения автор строит на утверждении исследователей-юристов Е.Г. Афанасьевой, В.Ю. Бакшинскаса, Е.П. Губина о том, что «холдинги являются объединениями организаций, хотя и связанных отношениями экономического контроля, но не теряющих своей юридической самостоятельности. Сами холдинги не являются юридическими лицами и не подлежат государственной регистрации» [Афанасьева и др., 2007, с. 5]. По этой причине С.С. Смирнов полагает юридически верным называть медийную организацию холдингом только в том случае, если «присутствует какая-то множественность хозяйствующих субъектов, владеющих каким-то количеством медиа (СМИ). Таким образом, под медиахолдингом мы понимаем совокупность материнской организации и контролируемых ею дочерних (внучатых) организаций, владеющих разными медиа» [Смирнов, 2020, с. 27], «занимающихся издательской, вещательной и иными видами деятельности в сфере медиа» [Смирнов, 2014, с. 44]. Под медиагруппой же автор понимает «просто совокупность разных медиа, контролируемых одной организацией <...> по этой причине в рамках полноценного медиахолдинга могут функционировать отдельные медиагруппы» [Смирнов, 2014, с. 44]. В своей работе «Медиахол-

динги России: национальный опыт концентрации СМИ» исследователь также придерживался подобной точки зрения, предлагая «такому роду предприятий <...> какое-то иное наименование, например, квазимедиахолдинг <...> корректнее использовать термин медиагруппа (группа СМИ)» [Смирнов, 2014, с. 45].

Отметим, что работы С.С. Смирнова – единственный прецедент в научном медийном дискурсе, где вопрос дефиниции поднимается с опорой на правовые акты. И вместе с тем автор, проведя большую исследовательскую работу, приходит к точке зрения, что «базовый вопрос о корректности использования термина медиахолдинг в России пока остается открытым» [Смирнов, 2014, с. 50].

В ряде других научных работ отечественных исследователей медиа мы также встречаем определения медиахолдинга – «это разновидность коммерческого объединения, функционирующего на рынке СМИ, основанная на отношениях экономического контроля и зависимости. Объединение нескольких юридически самостоятельных компаний медиасферы, которые связаны единым капиталом и управляются из единого центра. Соответственно, медиахолдинг становится владельцем контрольных пакетов акций других предприятий и выполняет функцию контроля и управления по отношению к их деятельности» [Чехова, 2020, с. 378].

Белорусский медиаисследователь Д. Никонович, опираясь на понимание опосредованной дефиниции «холдинг» в трудах белорусских, российских и зарубежных коллег, дает следующее определение: «Медиахолдинг – компания, осуществляющая контроль над несколькими СМИ, или объединение обладающих медиаресурсами компаний, связанных единым капиталом и управляемых его собственниками» [Никонович, 2014, с. 94]. Д. Никонович делает уточнение и о специфике деятельности организаций внутри холдинговой структуры: «предприятия медиахолдинга с точки зрения закона являются юридическими лицами, на которые (или на часть из которых) возложены функции редакций средств массовой информации» [Никонович, 2014, с. 95].

Таким образом, компании, которые входят в холдинг, работают по типу отношений экономической зависимости и контроля. «Участники холдинга, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, подчиняются одному из участников группы – холдинговой компании (головной организации), которая, будучи центром холдингового объединения, в силу владения преобладающей долей участия в уставном капитале, договора или иных обстоятельств прямо или косвенно (через третьих лиц) оказывает определяющее влияние на принятие решений другими участниками группы» [Дубровская, 2014, с. 61]. В медиахолдинге на отдельных участников компании возлагаются функции редакций средств массовой информации. Это уточнение дает понимание того, что понятие «холдинг» и понятие «редакция» не являются тождественными. Редакция в свою очередь может быть частью медийного объединения, хотя сама им не является.

Наряду с понятием медиахолдинга в российском научном дискурсе мы встречаем понятия «издательский холдинг», «издательский дом», «информационно-издательская компания» и др. Часто, в силу опять-таки номинативной неопределенности, все эти термины употребляются как синонимичные. В исследовании «От издательского дома – к медиахолдингу» С. Гуревич, говоря об издательском доме, отмечает, что данный тип организации концентрирует в себе однотипные издания печатной направленности: «В издательский дом обычно входят несколько печатных СМИ – газеты, еженедельники, журналы и их приложения. Иногда в него включают и книжное издательство» [Гуревич, 2006, с. 6].

Создание издательского дома, прежде всего на региональном медиарынке, продиктовано финансовыми и социально-политическими факторами. Преимущества создания издательского дома налицо. Во-первых, концентрация нескольких разноформатных средств массовой информации в одних руках повышает доходность медиа. Во-вторых, включающий в себя несколько средств массовой информации, издательский дом повышает доходность входящих в него СМИ за счет сокращения издержек – упразднения повторяющихся в разных изданиях отделов – рекламных, административно-хозяйственных, финансовых и пр., а также за счет экономии на арендуемых или занимаемых площадях.

Другим схожим с издательским домом типом медиаобъединений С.М. Гуревич предлагает считать информационно-издательскую компанию. Специфика данного типа медиа обусловлена включением в издательский дом компании, производящей аудиовизуальный, интернет-, теле- или радиоконтент. Это затратное предприятие, по мнению С. Гуревича, «возможно <...> лишь при наличии соответствующих задаче финансовых средств. Так возникает информационно-издательская компания – дальнейшее развитие формы издательского дома» [Гуревич, 2006, с. 6].

Еще одну попытку классифицировать концентрированные медийные компании мы находим в работе П.Н. Бычкова «Издательские дома и медиахолдинги в системе региональных СМИ». Здесь автор разделяет несколько типов объединений «Возникновение издательских домов и медиа-холдингов – одна из основных тенденций развития современного российского рынка СМИ <...> холдинг – лишь один из видов медиа-объединения, существуют также медиа-группы, тресты, издательские дома» [Бычков, 2007, с. 107]. Медиахолдинги исследователь определяет как «крупные информационно-издательские объединения и телекоммуникационные корпорации. Медиахолдинг по своей структуре – организованная структура взаимодействующих между собой предприятий с единым управляющим центром» [Бычков, 2007, с. 108].

Стоит отметить, что неустоявшаяся номинация организационных форм концентрированных средств массовой информации дает свободу в самопозиционировании и самономинации медиакомпаний. Так, сегодня есть практика называть издательский дом, медиагруппу или другие объединения СМИ медиахолдингом.

Рассмотрим эту тенденцию на примере белгородской медиапрактики. Мы опираемся на белгородский опыт, так как в данном регионе представлены практически все актуальные на сегодняшний день формы концентрации СМИ, действующие в пределах одного государства.

В белгородском медиапространстве на сегодняшний день функционирует несколько компаний, которые позиционируют себя как медиахолдинг:

1. «Белгородская Медиа Группа» (БМГ/ВМГ) – первый и крупнейший в Белгородской области коммерческий медиахолдинг. БМГ – холдинг горизонтального типа, в состав которого на сегодняшний день входят восемь радиостанций: «Европа Plus», «Радио Energy», «Калина Красная», «Ретро FM», «Комсомольская правда», «Авторадио», «Радио 7», «Comedy Radio». «Белгородская Медиа Группа» является крупнейшим радиохолдингом Черноземья. В составе холдинга четыре самостоятельных юридических лица, в состав которых входят разные радиостанции: ООО «Три А» – «Авторадио»; ЗАО «Компания Диферент» – «Ретро FM», Европа Plus; ООО «Бронко» – Comedy Radio и ООО «Радио-М-Белгород» – «Радио 7», Радио Energy. Две из восьми радиостанций транслируются по договору франшизы: «Калина Красная» (ООО «Компания Новое радио») и «Комсомольская правда» (АО ИД «Комсомольская правда»).

2. ООО «Радио холдинг», действующее с 2007 года, – еще один горизонтальный коммерческий радиохолдинг, ведущий свою деятельность на территории Черноземья. В его структуру входят три самостоятельных юридических лица: ООО «Радио-Холдинг» –

«Радио Русь» и «Маруся FM»; ООО «Радио-Регион» – «Русское радио» и ООО «Эффект», занимающееся трансляцией «Маруси FM» на другие регионы.

3. Единственным примером присутствия на белгородском медиарынке диагонального коммерческого медиахолдинга был пример ООО «Престиж-медиа», который включал в себя журнал «Торговля и Производство Белгородской области», автомобильный справочник «Автополис», газету «Стройка», справочники «Промышленные предприятия» и «Строитель», справочную службу о товарах и услугах, типографию «БелПолиИнформ», «Лавку печатника», занимающуюся продажей расходных материалов для офисного и полиграфического оборудования. Сегодня, в силу экономических и социально-политических условий, руководство компании «Престиж-медиа» перестало себя позиционировать как медиахолдинг – в составе организации остались только три печатных издания: справочники «Строитель» и «Белгородчина» и газета «Стройка».

4. Отметим также присутствие в регионе федерального коммерческого холдинга «1mi», позиционирующего себя как «многопрофильный коммуникационный холдинг, созданный <...> в результате объединения нескольких региональных интернет-изданий и имеющий сегодня одну из крупнейших в России собственную сеть общественно-политических региональных СМИ и пабликов в социальных сетях» [Холдинг 1MI, 2016–2023]. Сегодня в холдинг входят СМИ из 22 городов России, как федеральных («Советский спорт»), так и городских медиа (Ростов-на-Дону, Москва, Казань, Нижний Новгород, Красноярск, Новосибирск, Владимир и многие другие). В 2017 году в этот холдинг вошло старейшее белгородское интернет-СМИ Информационное агентство «Бел.Ру», окончательно потерявшее статус самостоятельного юридического лица в 2020 году.

5. Тип государственных федеральных холдингов представлен крупнейшим в нашей стране медиахолдингом ВГТРК (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания). Ее представительство на белгородском медиарынке – ГТРК «Белгород», основанная в 1992 году. Вплоть до 21 сентября 2006 г. ГТРК «Белгород» функционировала в рамках дочернего предприятия ВГТРК ФГУП «ГТРК «Белгород» (Федеральное государственное унитарное предприятие «Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Белгород»). Сегодня ее правопреемником путем поглощения стала ФГУП «ВГТРК» (Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»);

6. МАУ «Белгород медиа» – муниципальный холдинг вертикального типа (сегодня в него входит три разноформатных СМИ – телеканал «Белгород 24», газета «Наш Белгород» и сетевое издание «Белгородские новости»), созданный решением Совета депутатов в 2009 году. На своем сайте компания позиционирует себя как «первый в Белгороде медиахолдинг, объединивший городские средства массовой информации» [Контакты, 2023]. Все СМИ, входящие в холдинг, не являются самостоятельными организациями.

7. АНО «Издательский дом «Мир Белогорья» – крупнейший муниципальный холдинг, в который включены областные газеты «Белгородская правда» и «Белгородские известия», две районные газеты «Ясный ключ» и «Родина», два журнала «Спортивная смена» и «Большая переменка», журнал «ОноНас» (до 2021 года – в печатном виде, после 2021 года – в формате паблика во ВКонтакте) и сайт «БелПресса». В материалах официального сайта издательского дома «Мир Белогорья» мы также находим использование номинации «медиахолдинг» применительно к работе компании: «...Чтобы избежать самоцитирования, из анализа исключили также ссылки на СМИ, входящие в один медиахолдинг, объединённые единым брендом и редакцией» [«БелПрессу» признали..., 2020].

По мнению генерального директора АНО «Издательский дом «Мир Белогорья» Елены Дацковской, называться медиахолдингом как таковым компании мешает недостаточная масштабность в работе и недостаточная финансовая обеспеченность: «Холдинг, на мой взгляд, это более масштабная организация, выполняющая более широкий спектр задач. Мне бы хотелось участвовать в некоторых проектах, мне это было бы интересно, и я вижу, что моим работникам тоже. Однако у нас нет на это технической оснащенности, у нас нет на это того или иного образования и навыков. Учиться и вкладывать силы и ресурсы, учитывая, что это разовый, а не постоянный проект нашего холдинга, нет смысла. <...> Если мы упираемся в расширение, то нам нужны источники финансирования, а наши источники ограничены печатной и электронной прессой. <...> Если нас считать печатным медиахолдингом, то да. Но у нас есть куда расти и развиваться: и в техническом, и в творческом плане» (из интервью с Еленой Дацковской).

Юридически перечисленные компании носят абсолютно разный статус. Нами не выявлено закономерности в стратегии сохранения или ликвидации юридического лица при включении организации в медиахолдинг. Так, коммерческие горизонтальные радиохолдинги оставили внутри компании номинальную юридическую самостоятельность отдельных радиоканалов. Нами была отмечена тенденция к регистрации максимум двух радиоканалов одним юридическим лицом в компании. Эта стратегия оправдана снижением антимонопольных рисков для компании. В практике федерального медиахолдинга 1m1 налицо тенденция потери самостоятельно юридического статуса включаемых в холдинг компаний.

В муниципальных холдинговых структурах существует только одно юридическое лицо, управляющее деятельностью всех входящих в компанию СМИ.

В государственном холдинге ВГТРК ГТРК «Белгород» до 2006 года существовала как самостоятельное юридическое лицо, позднее была ликвидирована, и ее правопреемником стало Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания».

Таким образом, реальная практика образования холдинговых структур может иметь множество вариаций, в отличие от теоретического ее обоснования. Мы полагаем, что в современном научном медиадискурсе требуется дополнительная классификация понятий с учетом реальных медиапрактик, а не сугубо с опорой на сухую теорию.

В контексте нашего исследования мы придерживаемся следующей концепции: медиахолдинг мы определяем как макропонятие, в которое входят такие организационные формы, как издательский дом или издательский холдинг, медиагруппа и другие. Мы выделяем «горизонтальные» холдинги, в которые входят однотипные средства массовой информации (только печатные СМИ, только радиовещательные организации и т.д.), «вертикальные», куда входят разнотипные СМИ (печатные, радио, телевизионные медиа и пр.) и «диагональные» холдинги, в которые входят, помимо средств массовой информации, разного типа немедийные организации – типографии, рекламные агентства, системы распространения печатной продукции и другие организации.

В теории и практике медиа существует еще целый ряд номинаций концентрированных медийных организаций – медиаконгломерат, медиаконцерн, медиакорпорация, медиаимперия, трест, медиаальянс, которые все больше употребляются в контексте разговора о крупных, в первую очередь национальных или транснациональных компаниях и объединениях медиа.

Подытоживая наше исследование, наглядно представим, насколько существующая в современном медийном дискурсе теория отличается от реально существующей медиапрактики (см. таблицу).

Соотнесение теоретических точек зрения с реальной журналистской практикой
 Correlation of theoretical points of view with real journalistic practice

Теоретическое утверждение	Соотнесение с реальной практикой	Комментарий
1	2	3
<p>Медиахолдинг определяется как совокупность материнской организации и контролируемых ею дочерних (внучатых) организаций, занимающихся какими-либо видами деятельности в сфере медиабизнеса</p>	+	<p>Утверждение верно. Однако стоит уточнить, что в реальный медиахолдинг могут включаться как юридически самостоятельные, так и потерявшие при включении в компанию свой юридический статус компании</p>
<p>Медиахолдинг позволяет владельцу создавать в его структуре СМИ, резко различающиеся по своему типу</p>	+	<p>Утверждение верно. В границах медиахолдинга могут вести свою деятельность различные типы СМИ и даже организации из других сегментов рынка</p>
<p>Холдинги являются объединениями организаций, хотя и связанных отношениями экономического контроля, но не теряющих своей юридической самостоятельности. Сами холдинги не являются юридическими лицами и не подлежат государственной регистрации</p>	+/-	<p>В реальной практике в медиахолдинг могут включаться организации с дальнейшей реорганизацией и потерей самостоятельности юридического лица. Эта практика имеет место как на национальном, так и на региональном уровне, как в некоммерческих холдингах разных уровней (национальных, региональных и муниципальных), так и коммерческих «независимых». Холдинг действительно юридически не регистрируемое образование. Компании, позиционирующие себя как холдинг, ведут свою деятельность как ООО, ЗАО, АО, ИП АНО, МАУ и др.</p>
<p>Медийную организацию можно называть холдингом только в том случае, если «присутствует какая-то множественность хозяйствующих субъектов, владеющих каким-то количеством медиа. Таким образом, под медиахолдингом мы понимаем совокупность материнской организации и контролируемых ею дочерних (внучатых) организаций, владеющих разными медиа</p>	+	<p>Утверждение верное. При потере в силу тех или иных причин большего количества активов компании организация теряет статус холдинга</p>
<p>Медиахолдинг – это разновидность коммерческого объединения, функционирующего на рынке СМИ, основанная на отношениях экономического контроля и зависимости, объединение нескольких юридически самостоятельных компаний медиасферы, которые связаны единым капиталом и управляются из единого центра</p>	+/-	<p>На практике медиахолдинги могут включать в себя как самостоятельные компании, ведущие индивидуальную предпринимательскую деятельность, так и экономически зависимые СМИ, юридически реорганизованные при вхождении в холдинг</p>

Окончание табл.

1	2	3
<p>Предприятия медиахолдинга с точки зрения закона являются юридическими лицами, на которые (или на часть из которых) возложены функции редакций средств массовой информации</p>	<p>+/-</p>	<p>В структуру, к примеру, диагонального медиахолдинга могут быть включены не только средства массовой информации, но и компании из разных сегментов рынка – рекламные агентства, типографии, полиграфические предприятия и пр., не занятые в производстве журналистского материала</p>
<p>Владелец издательского дома не ограничивается одним печатным изданием. Он собирает под его «крышей» несколько изданий – газет или журналов, а нередко и тех, и других</p>	<p>+/-</p>	<p>Утверждение верно отчасти, так как сегодня на практике даже в издательском доме может быть в активе и электронное СМИ, к примеру, сайты газет, а также публики в социальных сетях, выпускаемых холдингом СМИ</p>
<p>Издательский дом концентрирует в себе однотипные издания печатной направленности: «В издательский дом обычно водят несколько печатных СМИ – газеты, еженедельники, журналы и их приложения. Иногда в него включают и книжное издательство»</p>	<p>+/-</p>	<p>На практике это утверждение не верно, так как сегодня, в условиях тотальной цифровизации и распространения Интернета, ни один издательский дом не ограничивается только выпуском печатной продукции. Помимо печатных СМИ в структуре ИД будут присутствовать: сайт ИД, отдельные сайты или страницы всех печатных СМИ, выпускаемых компанией, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах и пр.</p>
<p>Специфика информационно-издательской компании обусловлена включением в издательский дом организации, производящей аудиовизуальный, интернет-, теле- или радиоконтент. Это затратное предприятие возможно лишь при наличии соответствующих задаче финансовых средств. Так возникает информационно-издательская компания – дальнейшее развитие формы издательского дома</p>	<p>+/-</p>	<p>Само по себе определение «информационно-издательская компания» на сегодняшний день уже является устаревшим. Сегодня ему на смену пришло понятие «медиахолдинг», который по сути является организацией, включающей в себя разные типы средств массовой информации, производящих аудиовизуальный, интернет-, теле- и радиоконтент. Альтернативой могут выступать понятия «издательство», если компания занимается исключительно выпуском полиграфической продукции, или «издательский дом», если это компания, преобладающим профилем которой является выпуск печатных средств массовой информации</p>
<p>Под медиагруппой понимается совокупность разных медиа, контролируемых одной организацией. По этой причине в рамках полноценного медиахолдинга могут функционировать отдельные медиагруппы.</p>	<p>+/-</p>	<p>На практике в медиагруппу включаются медиа с юридически самостоятельным статусом. Эта практика развита как на федеральном, так и региональном рынке СМИ. Однако нами не было найдено ни одного примера включения нескольких медиагрупп в один холдинг. Напротив, в российской практике концентрации СМИ мы находим использование понятий «медиагруппа» и «медиахолдинг» как синонимичных</p>

Примечание: * – («+» – совпадает; «-» – не совпадает).

Заключение

Таким образом, в современных условиях сложилась достаточно противоречивая тенденция: современная юридическая теория не выработала дефиниции «медиахолдинг», журналистская теория сложила достаточно однобокое, основанное на экономической теории определение понятий «медиахолдинг», «издательский дом» и «медиагруппа». Реальная же практика намного многообразнее и вариативнее тех теорий, что описаны в теории организационных моделей, концентрированных СМИ. По этой причине полагаем, что существующие на сегодня теоретические подходы к осмыслению такого актуального явления как медиахолдинг требуют серьезного пересмотра и корректировки с опорой на практический опыт медийных организаций. Это актуализирует перспективы для дальнейшего исследования в данном направлении.

Список источников

- «БелПрессу» признали самым цитируемым белгородским СМИ в 2019 году. 2020. БелПресса, 13 марта 2020. URL: <https://www.belpressa.ru/society/massmedia/30664.htm#> (дата обращения: 02.02.2023).
- Контакты. 2023. Сетевое издание «Белгородские новости». URL: <https://www.belnovosti.ru/bmedia> (дата обращения: 02.02.2023).
- Холдинг1MI. 2016-2023. URL: <https://1mi.media/> (дата обращения: 02.02.2023).
- Social Media Guidebook. 2013. Ed. C. Möller, M. Stone. Vienna, OSCE Representative on Freedom of the Media, 153 p.

Список литературы

- Афанасьева Е.Г., Бакшинская В.Ю., Губин Е.П. 2007. Корпоративное право. Под ред. И.С Шуткина. Москва, Издательство «Волтерс Клувер», 648 с.
- Богданович Г.Ю., Федорова А.Ю. 2020. Новые медиа и медиаконвергенция как современная платформа восприятия медиапродукта. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*, 6 (1): 199–210.
- Бычков П.Н. 2007. Издательские дома и медиа-холдинги в системе региональных СМИ. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. S1: 107–109.
- Варганова Е.Л. 2013. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. Москва, МедиаМир, 277 с.
- Гуревич С.М. 2006. От издательского дома – к медиахолдингу. *Медиаскоп*, 1: 6.
- Демина И.Н. 2020. Цифровизация медиасреды: вызовы для экономической массовой коммуникации. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 1(1): 116–125.
- Дубровская О. 2014. Медиахолдинг – информационная структура XXI века. В кн.: Национальные медиахолдинги в контексте реализации государственной информационной политики. Материалы научно-практической конференции, Минск, 1 января – 31 декабря 2014 года. Под ред. С.В. Дубовика. Минск, Изд. центр БГУ: 59–63.
- Карпенко И. 2017. Организационная конвергенция: пути образования медиахолдингов и медиакорпораций. В кн.: Международная журналистика-2017: идея интеграции интеграций и медиа. Материалы VI международной научно-практической конференции, Минск, 16 февраля 2017 года. Под ред. Т.Н. Дасаевой. Минск, Белорусский государственный университет: 127–133.
- Карпенко И.И. 2021. Конвергенция жанров и форм в современной журналистике. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 3: 110–114.

- Качкаева А.Г., Кирия И.В., Коломеец К.Г., Лосева Н.Г., Силантьева О.М., Телень Л.О., Тихомирова Т.Б., Филимонов М.Г. 2010. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. Под ред. А.Г. Качкаевой. М., 200 с.
- Маркина Ю.В. 2016. Российские медиахолдинги: становление и особенности функционирования. Филологические науки. *Вопросы теории и практики*, 7-3(61): 36–39.
- Медиасистема России. 2021. Под ред. Е.Л. Варгановой. М., Издательство «Аспект Пресс», 424 с.
- Мисонжников Б.Я., Блохин И.Н., Потолокова М.О., Мельник Г.С., Павлушкина Н.А., Чиндяскина Ю.А., Клюев Ю.В., Зубко Д.В., Ван Беек-Никитина С.Г., Дегтярева О.В., Тепляшина А.Н. 2017. Современный медиахолдинг: формы существования и проблемы институционализации. Под ред. Б.Я. Мисонжникова. Москва, ФЛИНТА, Наука, 504 с.
- Молчанова К.А. 2022. Трансформация жанров и новых форм в современной журналистике. В кн.: Реклама и журналистика: на стыке времен, наук и цивилизаций. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 24 февраля 2022 года. Сборник статей. В 2-х частях. Часть 1. Москва, Институт мировых цивилизаций: 130–135.
- Никонович Д. 2014. Современный медиахолдинг: к вопросу дефиниции. В кн.: Национальные медиахолдинги в контексте реализации государственной информационной политики. Материалы научно-практической конференции, Минск, 1 января – 31 декабря 2014 года. Под ред. С.В. Дубовика. Минск, Изд. центр БГУ: 92–97.
- Пургин Ю.П. 2011. Функционирование медиахолдинга в условиях трансформации регионального информационного рынка (на примере издательского дома «Алтапресс»). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 221 с.
- Смирнов С.С. 2014. Медиахолдинги России: национальный опыт концентрации СМИ. Москва, МедиаМир, 160 с.
- Смирнов С.С. 2020. Феномены «медиахолдинг» и «медиагруппа» в России: проблема неопределенности правового статуса. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 23–40. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.2340
- Чехова А.В. 2020. Медиахолдинги в информационной среде. *StudNet*, 3(6): 377–381. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10011
- Fransman M. 2002. *Telecoms in the Internet Age: From Boom to Bust to...?* Oxford, Oxford University Press, 540 p.
- Gershon R. 2005. The transnationals: Media corporations, international trade and entertainment flows. In: *Global Entertainment Media*. Ed. A. Cooper-Chen. Mahwah N.J., Lawrence Erlbaum & Associates: 17–35.
- Peltier S. 2004. Mergers and Acquisitions in the Media Industries: Were failures really Unforeseeable? *Journal of Media Economics*, 17(4): 261–278. DOI: 10.1207/s15327736me1704_2
- Wirtz V.W. 2001. Reconfiguration of value chains in converging media and communications markets. *Long Range Planning*, 34(4): 489–506. DOI: 10.1016/S0024-6301(01)00066-8

References

- Afanas'eva E.G., Bakshinskas V.Yu., Gubin E.P. 2007. *Korporativnoe pravo [Corporate law]*. Ed. I.S Shutkin. Moskva, Publ. Volters Kluver, 648 p.
- Bogdanovich G.Yu., Fedorova A.Yu. 2020. New media and media convergence as a modern platform for media product perception. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 6(1): 199–210 (in Russian).
- Bychkov P.N. 2007. Izdatel'skie doma i media-kholdingi v sisteme regional'nykh SMI [Publishing houses and media holdings in the system of regional media]. *Bulletin of higher education institutes. Northern-caucasus region. Social sciences*, S1: 107–109.

- Vartanova E.L. 2013. Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki [Post-Soviet transformations of Russian media and journalism]. Moskva, Publ. MediaMir, 277 p.
- Gurevich S.M. 2006. Ot izdatel'skogo doma – k mediakholdingu [From a publishing house to a media holding]. *Mediascope*, 1: 6.
- Demina I. N. 2020. The digitalization of media environment: challenges for economic mass communication. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 1(1): 116–125 (in Russian).
- Dubrovskaya O. 2014. Mediakholding – informatsionnaya struktura XXI veka [Media holding – information structure of the XXI century]. In: Natsional'nye mediakholdingi v kontekste realizatsii gosudarstvennoy informatsionnoy politiki [National media holdings in the context of the implementation of state information policy]. Materials of the scientific-practical conference, Minsk, January 1 – December 31, 2014. Ed. S.V. Dubovik. Minsk, Publ. Izd. tsentr BGU: 59–63.
- Karpenko I. 2017. Organizatsionnaya konvergentsiya: puti obrazovaniya mediakholdingov i mediakorporatsiy [Organizational convergence: ways of formation of media holdings and media corporations]. In: Mezhdunarodnaya zhurnalistika-2017: ideya integratsii integratsiy i media [International journalism-2017: the idea of integrating integrations and media]. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Minsk, February 16, 2017. Ed. T.N. Dasaeva. Minsk, Publ. Belorusskiy gosudarstvennyy universitet: 127–133.
- Karpenko I.I. 2021. Convergence of genres and forms in modern journalism. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3: 110–114 (in Russian).
- Kachkaeva A.G., Kiriya I.V., Kolomeets K.G., Loseva N.G., Silant'eva O.M., Telen' L.O., Tikhomirova T.B., Filimonov M.G. 2010. Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v multimediyne [Journalism and Convergence: Why and How Traditional Media is Turning into Multimedia]. Ed. A.G. Kachkaeva. M., 200 p.
- Markina Yu.V. 2016. Russian media holdings: formation and functioning peculiarities. *Philology. Theory & Practice*, 7-3(61): 36–39 (in Russian).
- Mediasistema Rossii [Media system of Russia]. 2021. Ed. E.L. Vartanova. M., Publ. Aspekt Press, 424 p.
- Misonzhnikov B.Ya., Blokhin I.N., Potolokova M.O., Me'nik G.S., Pavlushkina N.A., Chindyaskina Yu.A., Klyuev Yu.V., Zubko D.V., Van Beek-Nikitina S.G., Degtyareva O.V., Teplyashina A.N. 2017. Sovremennyy mediakholding: formy sushchestvovaniya i problemy institutsionalizatsii [Modern media holding: forms of existence and problems of institutionalization]. Ed. B.Ya. Misonzhnikov. M., Publ. FLINTA, Nauka, 504 p.
- Molchanova K.A. 2022. Transformation of genres and new forms in modern journalism. In: Reklama i zhurnalistika: na styke vremen, nauk i tsivilizatsiy [Advertising and journalism: at the crossroads of times, sciences and civilizations]. Materials of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, February 24, 2022. Digest of articles. In 2 parts. Part 1. Moscow, Publ. Institut mirovykh tsivilizatsiy: 130–135.
- Nikonovich D. 2014. Sovremennyy mediakholding: k voprosu definitsii [Modern media holding: on the issue of definition]. In: Natsional'nye mediakholdingi v kontekste realizatsii gosudarstvennoy informatsionnoy politiki [National media holdings in the context of the implementation of state information policy]. Materials of the scientific-practical conference, Minsk, January 1 – December 31, 2014. Ed. S.V. Dubovik. Minsk, Publ. Izd. tsentr BGU: 92–97.
- Purgin Yu.P. 2011. Funktsionirovanie mediakholdinga v usloviyakh transformatsii regional'nogo informatsionnogo rynka (na primere izdatel'skogo doma «Altapress») [The functioning of a media holding in the context of the transformation of the regional information market (on the example of the publishing house "Altapress")]. Dis. ... cand. philol. sciences. Barnaul, 221 p.
- Smirnov S.S. 2014. Mediakholdingi Rossii: natsional'nyy opyt kontsentratsii SMI [Russian Media Holdings: National Experience of Media Concentration]. M., Publ. MediaMir, 160 p.

- Smirnov S.S. 2020. The phenomena of 'media holding' and 'media group' in Russia: the problem of uncertainty of the legal status. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6: 23–40. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.2340
- Chekhova A.V. 2020. Media holdings in the information environment. *StudNet*, 3(6): 377–381 (in Russian). DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10011
- Fransman M. 2002. *Telecoms in the Internet Age: From Boom to Bust to ...?* Oxford, Oxford University Press, 540 p.
- Gershon R. 2005. The transnationals: Media corporations, international trade and entertainment flows. In: *Global Entertainment Media*. Ed. A. Cooper-Chen. Mahwah N.J., Lawrence Erlbaum & Associates: 17–35.
- Peltier S. 2004. Mergers and Acquisitions in the Media Industries: Were failures really Unforeseeable? *Journal of Media Economics*, 17(4): 261–278. DOI: 10.1207/s15327736me1704_2
- Wirtz B.W. 2001. Reconfiguration of value chains in converging media and communications markets. *Long Range Planning*, 34(4): 489–506. DOI: 10.1016/S0024-6301(01)00066-8

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11. 2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received November 11, 2022

Revised February 06, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Карпенко Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Irina I. Karpenko, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 070.1 + 82.0

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-29-42

Образ России и патриотическая тема в публицистике В.А. Пьецуха

¹ Могилевская О.С., ² Полонский А.В., ³ Глушкова В.Г.

¹ Национальная спутниковая компания,

Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, пр-кт Московский, д. 139, к. 1 стр. 1, помещ. 10-н;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

³ Белгородский университет кооперации, экономики и права,
308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

E-mail: polonskiy@bsu.edu.ru; olga-mosk-grigorova@yandex.ru; valentine.glushkova@gmail.com

Аннотация. Отечественная публицистика современного периода отражает процесс поиска обществом своей культурной идентичности, – процесс, ставший особенно востребованным в конце 1990-х годов и не потерявший актуальности сегодня. Одним из ярких авторов, вступивших в широкий мировоззренческий диалог о России и ее духовном, нравственно-мировоззренческом пути в современном мире и обращающихся к осмыслению исторического опыта России, культурных границ русского мира, русского национального характера и вопроса патриотизма, является Вячеслав Алексеевич Пьецух (1946–2019 гг.). Осмыслению «русской темы» он посвятил более сорока лет своего писательского и публицистического творчества. В статье рассматривается образ России и тема патриотизма в эссе В.А. Пьецуха, опубликованных в 2001–2019 гг., в период активной разработки российским обществом своей национальной идеи и концепции культурной идентичности. Анализ эссеистики В.А. Пьецуха позволяет сделать вывод о том, что он стремится вместе со своей аудиторией узнать Россию лучше и разобраться в ее культурной специфике. Социальное и художественно-публицистическое осмысление сущности русского человека, фундаментальных ценностей русского мира как воплощения самобытной культурной традиции является содержательным ядром публицистических произведений В.А. Пьецуха.

Ключевые слова: В.А. Пьецух, публицистика, эссе, патриотизм, образ России, российское общество, мировоззренческий диалог

Для цитирования: Могилевская О.С., Полонский А.В., Глушкова В.Г. 2023. Образ России и патриотическая тема в публицистике В.А. Пьецуха. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 29–42. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-29-42

The Image of Russia and the Patriotic Theme in the Journalism of V.A. Pietsukh

¹ Olga S. Mogilevskaya, ² Andrey V. Polonskiy, ³ Valentina G. Glushkova

¹ National Satellite Company,

10-H, 1 Building, 1 Section, 139 Moscovsky Av., St. Petersburg 196105, Russia;

² Belgorod National Research University

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia;

³ Belgorod University of Cooperation, Economy and Law,

116 a, Sadovaya St, Belgorod 308023, Russia

E-mail: polonskiy@bsu.edu.ru; olga-mosk-grigorova@yandex.ru; valentine.glushkova@gmail.com

Abstract. Russian journalism of the modern period reflects the process of Russian society's search for its cultural identity, a process that became especially popular in the late 1990s and has not lost its

relevance today. Russian writer Vyacheslav Alekseevich Pietsukh (1946–2019) is one of the outstanding authors who have entered into a broad ideological dialogue about Russia and its spiritual, moral and ideological path in the modern world, turning to the understanding of the historical experience of Russia, the cultural boundaries of the Russian world, the Russian national character and the issue of patriotism. He devoted more than forty years of his writing and journalistic work to the comprehension of the "Russian theme". The article examines the image of Russia and the theme of patriotism in V.A. Pietsukh's journalistic essays published in 2001–2019, during the period of active development by the Russian society of the national idea and concept of its cultural identity. The analysis of V.A. Pietsukh's journalistically designed reflections allows us to conclude that he seeks to get to know Russia better and understand its cultural specifics together with his audience. Russian Russian's social, artistic and journalistic understanding of the essence of the Russian person, understanding of the fundamental values of the Russian world as the embodiment of an original cultural tradition is the content core of the publicistic works of V.A. Pietsukh.

Keywords: V.A. Pietsukh, journalism, essay, patriotism, the image of Russia, Russian society, ideological dialogue

For citation: Mogilevskaya O.S., Polonskiy A.V., Glushkova V.G. 2023. The Image of Russia and the Patriotic Theme in the Journalism of V.A. Pietsukh. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 29–42 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-29-42

Введение

В творчестве В.А. Пьецуха публицистика занимает особое место: десятки эссе, посвященных «русской теме», дополняют «русскоискательские» размышления в его прозе, создавая таким образом единое поле мировоззренческих рассуждений автора о России и «русском вопросе». Работа в жанре публицистического эссе выходит на первый план в творчестве В.А. Пьецуха в начале 2000-х годов — в период стремительных социальных преобразований и активизации публичных обсуждений национальной идеи, культурной идентичности и русской проблематики в целом. Его эссе — это личностный отклик на животрепещущие проблемы общества, находящегося в сложном процессе культурной самоидентификации, это самостоятельный поиск ответов мыслителя, интеллектуала и гражданина на ряд важнейших социальных вопросов при помощи художественно-публицистического слова. Эссе В.А. Пьецуха наполнены неравнодушными рассуждениями о прошлом, настоящем и будущем России, о ее духовной сущности, о ее судьбе и нравственно-мировоззренческом пути в современном мире.

Сегодня перед лицом сложной совокупности глобальных угроз и вызовов XXI века, в условиях нестабильности ценностно-смысловой сферы общества и возникновения несовпадающих интерпретаций ценностей безопасности и ценностей развития, в условиях небывалого усложнения ценностно-смыслового, мировоззренческого общественного диалога [Полонский, 2003; Полонский, Глушкова, 2016; Ильин, Степанов, 2020; Lopez-Claros et al., 2020; Persi, 2020; Прогнозируемые вызовы..., 2021; Гусельцева, 2022; Сдобников, 2022; Seeliger, Villa Braslavsky, 2022] особенно актуальным оказывается концептуально-аксиологический анализ публичных высказываний тех, кто стремится независимо думать, размышлять, решать, тех, кто прилагает интеллектуальные и эмоциональные усилия, чтобы очевидными стали закономерности и принципы функционирования современного мира. Одним из ярких авторов, активно вступающих в широкую мировоззренческую дискуссию о России и ее духовном-нравственном пути, обращающихся к осмыслению исторического опыта и культурных границ русского мира, осмыслению русского национального характера и вопросов патриотизма, является Вячеслав Алексеевич Пьецух [Вячеслав Пьецух, 2005–2023; Кенько, 2007; Сидоров, 2007; Лихина, 2013; Могилевская, 2017; Коробкова, 2019; Могилевская, 2019; Мельникова, 2021].

Как справедливо заметил М. Розовский, «Вячеслав Пьецух — наш классик, а классиков следует читать, исследовать, осмыслять, знать, примерять к сегодняшнему дню и чтить. Таким образом, между “читать” и “чтить” дистанция превеликая — тут не в одной букве разница! — и пройти её придётся нам и будущим поколениям» [Розовский, 2020]. Особая востребованность научных исследований подобного рода объясняется тем, что знание преподанных «уроков нравственности и культуры» позволяет определить духовный статус общества [Полонский, 2013, с. 203], особенности его оценочно-мировоззренческой рефлексии и перспективы его культурно- цивилизационного движения.

К творчеству Вячеслава Пьецуха обращаются А.А. Кенько, Н.Е. Лихина, Т.Н. Маркова, Ю.М. Павлов, В.В. Химич и другие исследователи, которые анализируют его стиль, способ познания окружающей действительности, особенности мировоззрения [Кенько, 2007; Маркова, 2011; Химич, 2011; Лихина, 2013; Павлов, 2019]. Образ рассказчика в произведениях Вячеслава Пьецуха оказывается в фокусе исследовательского внимания в работах Ю.Ю. Голомарева и О.В. Сизых [2014], которые видят в этом приеме потенциал, вызывающий читательскую аудиторию на вдумчивый диалог о современном человеке, культуре, русском национальном характере. При этом внимание исследователей обращено прежде всего к прозе В. Пьецуха, его же эссе упоминаются вскользь, как нецентральная часть творчества. Тем не менее публицистика Вячеслава Пьецуха, выверенная по всем параметрам — содержательному, концептуально-ценностному, культурно-историческому, социально-нравственному, эмоционально-оценочному и стилистическому, — представляет особый интерес, в том числе своей ролью в развертывании широкого публичного мировоззренческого диалога в современном российском обществе.

Предметом данного исследования является образ России и тема патриотизма в публицистической эссеистике В.А. Пьецуха 2001–2019 гг. — периода активной разработки российским обществом национальной идеи и концепции своей культурной идентичности.

Методология и эмпирическая база

Методологическую основу исследования сформировали работы Л.А. Аннинского, А.П. Короченского, Д.С. Лихачева, В.Ю. Меринова, Б.Я. Мисонжникова, Е.Ю. Сидорова, О.В. Устимовой, М.Б. Храпченко, в которых с опорой на конкретный материал рассматривается сфера культуры, творчества, СМИ и общественная миссия публицистики, освещаются особенности выраженной в публицистической форме мировоззренческой дискуссии и стилистической манеры В.А. Пьецуха, а также такие важные вопросы, как сущность патриотической идеи и принципы духовно-нравственного устройства общества [Храпченко, 1970; Лихачев, 1987; Вячеслав Пьецух, 2005–2023; Сидоров, 2007; Мисонжников, 2014; Устимова, 2017; Меринов, 2018; Короченский, 2021].

В работе используется совокупность исследовательских методов, которые дают возможность изучить, осмыслить и представить особенности публицистического творчества Вячеслава Пьецуха и его гражданскую позицию. Среди них — описательный метод, который позволил собрать, систематизировать и проанализировать необходимый материал, проблемно-тематический, обеспечивший фокусировку внимания на концептуальных аспектах анализируемых произведений, а также корпусный подход [Галинская, 2014] для реконструкции образа. Кроме того, был применен биографический метод, благодаря которому творческий и мировоззренческий путь автора распознавался через особенности его биографии и личности.

Эмпирическим материалом исследования послужили эссе, включенные в сборники в 2000-х годах: «Заколдованная страна» (2001), «Русская тема: о нашей жизни и литературе» (2005), «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории» (2006), «Низкий жанр» (2006), а также вошедшие в собрание сочинений В.А. Пьецуха в десяти томах (2016). Анализируемые эссе рассматриваются как целостная совокупность, поскольку в

репрезентации знаний, оценок и мировоззренческих установок автора они продолжают и дополняют друг друга, содержат отсылки друг к другу. «Русская тема» становится мета-темой для этих и других произведений Вячеслава Пьецуха. Патриотическая тема, как и вопрос о духовно-нравственной сущности русского человека, в его публицистическом творчестве особенно артикулированно начинает звучать в 2000-е годы, вплетаясь в общую канву поиска российским обществом своей национальной идеи.

В.А. Пьецух и его «открытие» России

Вячеслав Алексеевич Пьецух (1946–2019) – один из самых известных российских писателей и публицистов, произведения которого публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Столица» и др. Сегодня издано более двадцати сборников его произведений, многие из которых написаны в форме публицистических, литературно-философских эссе. М. Розовский, анализируя особенности жизни и творчества Вячеслава Пьецуха, заметил, что он «мыслил свободно и легко. Имел вкус ко всему изящному и сочному. Но всегда был сосредоточен на одном, на главном. А главным для него делом было смеяться над Россией и плакать о России – вместе с Россией в его стиле и слоге сказалось тайное единение с тремя, по крайней мере, русскими классиками – Чеховым, Платоновым и Зощенко» [Розовский, 2020]. В жизни человека, как известно, есть смыслы, к постижению которых он неустанно стремится. В ряду таковых находится понятие «родина», в размышлениях о которой всегда будет стоять многоточие как знак не только незавершенности, но и эмоционально-смыслового поиска, «раздумья, размышления, погруженности человека в свои мысли» [Гусельцева, 2022, с. 42], говоря словами М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Отечество — тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчетливо определить, но которого прикосновение к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной» [Салтыков-Щедрин, 1972]. Ярким подтверждением этих слов является творчество В.А. Пьецуха, который более сорока лет своего служения перу посвятил «русской теме». Причем, как сказал Л.А. Аннинский, «сугубо русская проблематика, с которой в своё время и вошёл в литературу этот дерзкий прозаик, лишена у Пьецуха всякого намёка на квасной патриотизм или почвенное самодовольство. Судьба России окрашена тревогой, которую приходится прикрывать юмором» [Пьецух, 2005–2023].

Проза и публицистика Вячеслава Пьецуха — это личностное интеллектуальное и эмоциональное переживание своего опыта жизни, размышление о своей стране, ее духовной сущности и о ее судьбе, попытка вдумчивого и заинтересованного осмысления России как страны, в которой он родился и прожил всю жизнь, попытка мыслью и чувством охватить ее образ, заново увидеть ее и осознать сущность патриотизма и любви к родине. «...Целая жизнь прожита в России, – писал он, – а что это за страна такая и что за народ ее населяет – в точности мы не знаем; вернее, знаем, но как-то отрывочно и скорее всего превратно... Заманчиво выяснить наконец, где и в какой компании мы живем...» [Пьецух, 2016з, 255–256].

Публицистическая эссеистика Вячеслава Пьецуха – это самостоятельное познание или, говоря словами самого публициста, собственное «открытие России», ее истории и русского национального характера [Пьецух, 2016з, с. 256]. Публицистическое «открытие» В.А. Пьецухом России – это всегда взгляд изнутри русской души и всегда его личностный опыт осмысления всего, что создала отечественная культура, чем вправе гордиться русский человек и что он должен подвергнуть мировоззренческому аудиту. Публицист стремится объективно рассмотреть то, к чему русский человек привык относиться как к безусловному, определить истинное значение того, что принято чтить или осуждать, стремится увидеть не только нравственную красоту русского мира, но и понять его сущность, определить его духовные границы и систему ценностей. Это «открытие» и есть духовно-этический процесс обретения человеком родины.

О таком настойчивом обретении родины пишет и русский философ, писатель и публицист И.А. Ильин, для которого постижение родины — это «акт духовного самоопределения», это живая заинтересованность, «переживание» всего истинно прекрасного и его совместное выстраивание: «Родина обретается именно живым и непосредственным духовным опытом» [Ильин, 1993, с. 94].

В своих эссе Вячеслав Пьецух называет Россию по-разному: используя не только административно-географические термины (*Россия, государство Российское, страна*), но и наименования, которые отражают характер отношения между государством и гражданином (*Родина, Отечество, наше Отечество*) или которые представляют собой эмоционально-образные выражения («*страна чудес*», «*непостижимая планета*», «*родная земля*», «*исключительная страна*», «*драгоценное отечество*»), демонстрирующие особое переживание автора того прекрасного, что Россия обрела в течение своей многовековой истории.

Россия для В. Пьецуха — это прежде всего национальная культура, ее богатый духовный мир, который имеет многовековую традицию, в котором зародились русский язык и литература, мир, в котором «вырос» русский интеллигент. Все это, по мысли публициста, нематериальное достояние русского мира, из которого складывается и образ самой России как самобытной духовной сокровищницы.

Мысль о России в публицистике В.А. Пьецуха всегда сопровождается рассуждениями о русском национальном характере. Так, публицист представляет русский народ, или «*руссаков*», как «*отпетых идеалистов*», а Россию — как «*страну мечтателей, подвижников и страдальцев за идеал*» [Пьецух, 2016в, с. 463]. Русскую душу он называет таинственной, до конца не раскрытой никем из мыслителей, а Россию — остающейся «*для нас самих загадкой... хотя бы по той причине, что наша родная история возбуждает множество “почему”, на которые только изредка находится соответствующее “потому”*» [Пьецух, 2016л, с. 386].

Русский человек в публицистике В.А. Пьецуха отличается противоречивостью, непредсказуемостью поведения. Судьбу страны автор описывает в тех же параметрах: «*Та же внезапная переменчивость, не всегда поддающаяся логическому анализу, характерна и для всей государственности Российской, что, конечно, неудивительно, поскольку власти предрасположены и подведомственный им народ не серафимы какие бестелесные, а те же самые родимые русачки*» [Пьецух, 2016а, с. 120]. Россия, как говорит В.А. Пьецух, это «*планета*», или «*вселенная*», движущаяся по законам, которые иногда противоречат естественным, физическим, и в этом заключается ее самобытность [Пьецух, 2016е, с. 159].

В публицистическом высказывании В.А. Пьецуха артикулированно звучит идея о том, что Россия и русский человек находятся во взаимной обусловленности, взаимозависимости, неотделимости друг от друга. Не только мироощущение русского человека зависит от судьбы его страны, но остается актуальной и обратная связь: Россия и русская душа всегда будут определять друг друга.

Размышляя о том, должна ли Россия стремиться влиться в европейское «*семейство народов*», стоит ли доказывать свою значимость и равняться на достижения европейской цивилизации, перенимать стиль жизни, стереотипы поведения, принятые в Европе, публицист делает свой вывод о том, что России необходимо развивать межкультурные отношения и с Западом, и с Востоком, чему способствует ее географическое положение, повышать уровень жизни населения до общеевропейского, но при этом нельзя терять свою культурную идентичность и отказываться от исконных традиций в стремлении облегчить диалог с «*соседями по континенту*»: «*Разве вот что следует взять в предмет: нужно блюсти свой внешний вид, поскольку на Западе и встречают по одежке, и провожают по одежке, а не как заведено в нашей нации — по уму... В остальном же (главным образом, по линии человечности) мы высокопросвещенная нация, потому что у нас каждый встречный старичок — отец, а каждая встречная старушка — мать...*» [Пьецух, 2016л, с. 366].

В. Пьецух не рассматривает глобализм как возможный путь развития жизни России, отвергает ценности, которые с воодушевлением приняла новая Россия после распада СССР: *«Вдруг как-то все обвалилось, испошилось, измельчало: литература, разговоры, театр с кинематографом, ориентиры, стиль общения, характеры... все дегенерировало до такой степени, что в результате мы получили неузнаваемую страну. Можно было подумать, что народ потравили или что нас кто-то незаметно завоевал, – а это мы на самом деле встали на общечеловеческую стезю»* [Пьецух, 2016б, с. 442].

Публицистические выступления Вячеслава Пьецуха призывают «руссаков» беречь самобытность родной культуры, традиций, лучших сторон исконного способа жизни. Отказ же от своей культурной идентичности предстает как нравственное преступление, предательство «руссаком» самого себя. Забвение того духовно-исторического пути, который русский народ прошел за столетия, забвение того трудного, прекрасного, бесценного опыта жизни на родной земле, который остался в народной памяти, сознании, памятниках культуры, литературы, фольклорных образах, отпечатался в народном характере, превратившись в естество русского человека, обозначает, по мнению публициста, гибель русской души и самой России.

Публицистика В.А. Пьецуха: образ России

Публицист разделяет понятия «родина» и «государство». В его творчестве их образы разнятся так же, как, например, образы «матери» и «мачехи». Первая всегда прекрасна, добра к своим сыновьям, щедра духовными богатствами, обретенными в течение веков и хранимыми в национальной культуре, литературе, быте, философии и религии, искусстве, повседневной нравственности. Вторая же, «мачеха», тяготеет к внешнему могуществу, великодержавности во многом за счет жестокого отношения к подвластному ей народу (через опричнину, крепостничество, политические преследования в XVIII–XX веках), «мачеха» не щадит человека, причиняет ему страдания и, говоря словами публициста, *«гнет сироту в дугу»* [Пьецух, 2007]. Вячеслав Пьецух исследует оба образа, однако трепетное, преисполненное душевного волнения отношение у него вызывает образ России-родины, России-матери. Подобные чувства он отмечает и у соотечественников, порой обижаемых «мачехой» и продолжающих преданно любить Россию-мать.

В.А. Пьецух задумывается о том, почему русские любят свое Отечество, вспоминая слова М.Ю. Лермонтова, «странную любовью», как в русской душе сочетаются вечное недовольство условиями существования с готовностью отстаивать честь, свободу и даже малую часть территории своей страны, идти ради нее на жертвы. Публицист называет такую любовь «горячей» и восхищается ее силой. В попытке объяснить это он предполагает, что, если «руссаки» – народ религиозный, истово верующий, тогда и Россия – своего рода религия: *«Россия и в самом деле сначала религия и только потом страна»* [Пьецух, 2016и, с. 47]. А вера подразумевает безусловное доверие, сердечную привязанность, преданность, готовность верить свою судьбу.

Образ России в публицистике Вячеслава Пьецуха связан с размышлениями о менталитете русского народа и вышедшей из опыта его жизни системе человеческих отношений. Так, в эссе «Руссаки» он соединяет образы России и русской души в художественно-публицистических размышлениях, посвященных русской глубинке: *«...Планета “лесов, полей и рек... города и веси без числа, хотя бы печально-неприглядные, но родные, и многие миллионы страдальцев... которым сызмальства известно, что у нас “каждый встречный старичок – отец, а каждая встречная старушка – мать”»* [Пьецух, 2007]. Автор этих строк и в других произведениях имплицитно ссылается на емкую «формулу» русской человечности, предложенную М.М. Пришвиным, подчеркивая таким образом, что Россия — это не столько большая территория и государство с влиятельным статусом, сколько культура, за много столетий выработавшая собственные традиции и обогатившая свою мысль и свою жизнь заимствованным опытом, Россия – сложившаяся веками система

человеческих отношений, мир, где высоко ценятся доброта, отзывчивость, бескорыстие, жертвенность, смелость, широта души, гостеприимство, жизнь по совести, любовь к людям и родной земле, уважение к старшим, к традициям. Быть русским, по мнению Вячеслава Пьецуха, значит необязательно обладать вышеназванными качествами (с ними у «русачков» соседствуют и негативные качества, такие, например, как безудержность, ленность, склонность к крайностям, пьянство, воровство), но непременно стремиться к этому: *«Атмосфера русской человечности такова, что она легко перемалывает любой национальный материал в нечто нервно-романтическое, неуравновешенное, сострадательное, вдумчивое, добродушное и беспутное, каковы качества нежданно-негаданно слагаются в причудливую сумму, и та проходит у нас под ласковым— русачок»* [Пьецух, 2016д, с. 390].

Глубокие размышления о русской одухотворенности представлены в эссе «Нагорная проповедь и Россия», в которой Вячеслав Пьецух говорит о вышеназванных человеческих качествах как ярчайших особенностях национального характера. Он представляет русскую землю и ее народ как невольных, исторических страдальцев, как тех самых страждущих, ради которых явился миру Иисус Христос: *«...Может быть, вся наша Россия назовется великой в Царствии Небесном уже за то, что она страдала без примера, сплошь населенная нищими, плачущими, кроткими и так далее, что все мы, отъявленно русские люди, за исключением недорослей и придурков, живущих физиологическим интересом, суть те же столпники, молчальники, веригоносцы, отшельники от цивилизации, праведники исторически, поневоле»* [Пьецух, 2016д, с. 22]. С одной стороны, эти строки отсылают читателя к христианскому учению, в котором говорится о вознаграждении в иной, вечной жизни за страдания, пройденные на земном пути. С другой стороны, подчеркивают качества человеческой души, традиционные в культуре русского народа – бесребреничество, бескорыстие, нестяжательство, всепрощение, отзывчивость, щедрость.

Именем «русачки» Вячеслав Пьецух обозначает тех, кто необязательно родился и вырос в России, но непременно является носителем и наследником ее культуры, живет по ее нравственным законам, обладает особенностями русского национального характера. Публицист ищет границы мира «русачков» и в конце концов приходит к выводу о том, что если границы и существуют, то непрерывно меняются. Ведь русский мир — это не только территория страны, но и русские эмигранты, и иностранцы, приезжающие жить или путешествовать в Россию и через некоторое время пребывания в ней попадающие под власть «обаяния русскости» – атмосферы, в которой сконцентрировались национальные качества «русачков» и которая влияет на внутренний мир иностранного гостя, так что он начинает вести себя по-русски: *«...Русскость – эта такая сила, что, как показывает практика, ей охотно покоряется инакомыслящий элемент. Об онемечившихся русских что-то не слышать, а немцы в России уже во втором поколении становились истовыми православными, мздоимствовали и проигрывались в «стуколку» до белья»* [Пьецух, 2016к, с. 468].

Эти размышления продолжаются в эссе «От Кюстина до наших дней», где Вячеслав Пьецух размышляет о России через сопоставление своего видения с впечатлениями маркиза Астольфа де Кюстина, посетившего страну в середине XIX века и затем выпустившего книгу очерков «Россия в 1839 году». В ней французский путешественник, который провел несколько месяцев в России, описывает свои впечатления о природе, климате, государственной системе, менталитете и образе жизни русского народа, степени технического прогресса в стране, национальной литературе и искусстве. Соотнося их с собственными наблюдениями, В. Пьецух иронизирует над тем, с каким непониманием и пренебрежением маркиз отзывается о России, удивляется однозначно негативному и во многом стереотипному представлению о ней. Для Пьецуха Россия – это страна своеобразной по своей красоте природы, обаятельного даже в своих противоречиях русского характера, долгого и сложного исторического пути, богатой культуры и литературы: *«В середине XIX столетия, когда де Кюстин приехал к нам погостить, в России уже были Бортнянский и Глин-*

ка, Пушкин и Гоголь, Брюллов и Иванов, Баженов и Казаков и гений Лобачевский уже вывел свою теорию о пересекаемости миров. То есть удивительно, даже странно, как живучи в России, можно было про них не знать...» [Пьецух, 2016ж, с. 192]. Россия для В. Пьецуха — это кладезь культурных сокровищ, представленных в зодчестве, художественном слове, фольклоре, искусстве.

В то же время публицист не фокусирует свое внимание только на вызывающем позитивные эмоции, он однозначно соглашается с теми высказываниями Астольфа де Кюстина, которые касаются неустроенности отечественного быта, извечной бедности населения, казнокрадства, отсталости в области технического прогресса. И Вячеслав Пьецух с горечью подытоживает свои размышления фразой, вынесенной и в название эссе: «*от Кюстина до наших дней*» система общественно-политических отношений, русский «*способ бытия*» остались почти теми же, в то время как страну всколыхнули четыре революции, две гражданские и две мировые войны, не раз менялись власть и идеология. Публицист заключает, что, возможно, Россия – это «*константа, потому что со времен Астольфа де Кюстина, описавшего наше отечество в 1839 году, кажется, и многое изменилось, и вроде бы ничего*» [Пьецух, 2016ж, с. 175].

Эта «константность» национальных достоинств и недостатков, по мнению В. Пьецуха, оставляют Россию как будто вне времени, вне пространства, помещают ее за пределы измерений, в вечность. А представление о том, что не имеет пределов, может быть только отрывочным, поэтому Россия никогда и никем не будет оцененной и понятой до конца. Тем более Россия не может быть понятой человеком, которому она чужда, приходит к выводу Вячеслав Пьецух: «*...Европейцу Россию понять нельзя. Ну как ее, действительно, понять, если у русских вечно свой хлеб не растет, но при этом они – едва ли не самая артистичная нация в мире, что доказали европейцам Станиславский, Дягилев, Михаил Чехов, Барышников, Баланчин*» [Пьецух, 2016ж, с. 174].

Публицист настаивает на том, что «лицом» любого народа является прежде всего национальная культура, она представляет интерес и ценность, заслуживает уважения и бережного отношения, и только потом страну представляет уровень развития цивилизации в ней. Автор эссе «От Кюстина до наших дней» проводит четкую границу между отечественной культурой и уровнем развития цивилизации в России, подчеркивая, что первая является достоинством русского мира, а второй – ее извечным недостатком, и в этом эссеист видит одно из главных противоречий в образе России. Публицист не принимает многие выводы о России, сделанные де Кюстином, который не отделяет достижения народа в области культуры и искусств от бытового обустройства.

В эссе «От Кюстина до наших дней» Вячеслав Пьецух высказывается о загадочном «*обаянии русскости*» – силе, которая уже во втором поколении делает русскими иностранцев, поселившихся в России. Под это влияние, «*могучую власть над сердцами людей*» попадает и маркиз де Кюстин. Пытаясь разгадать загадку о силе очарования русскости, Вячеслав Пьецух предполагает, что она заключается в самой России, то есть во «*всем путном, что в ней есть*»: сдержанных, неброских пейзажах, аскетичных, холодных просторах, уникальной архитектуре, русской речи, способной передать разные оттенки одного и того же смысла (В. Пьецух), а также в самих «*руссаках*» – столь же «*малоприветливых*», как и их край, но по-родному гостеприимных и отзывчивых к чужой беде. «*Но главное, – подытоживает В.А. Пьецух, – чем-то обаятельна наша жизнь. И тяжела-то она, и бестолкова, и беспросветна, но вместе с тем есть в ней некая необъяснимая прелесть, которая, например, проявляется, как только два человека сойдутся попить чайку*» [Пьецух, 2016ж, с. 232].

В. Пьецух: размышления о патриотизме и любви к родине

Публицистика Вячеслава Пьецуха – это личностное «переживание» России, стремление объективно, честно оценить жизнь в ней в разные времена и сердечная боль, горя-

чее чувство любви и сострадания к ней. В сборнике историософских эссе «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории» он акцентирует внимание читателей на этом вопросе. Вячеслав Пьецух разделяет понятия «патриотизм» и «любовь к Родине».

Патриотизм для него – скорее деятельность (порожденная идеологией государства), чем чувство, поэтому патриотизм в его понимании не связан с искренностью, настоящей готовностью жертвовать собой ради родной земли: или «...*Наши народ, вообще чуждый позе и бурному проявлению своих чувств, любит родину неназойливо и органически, как природу, и психически нормальному русскому незачем... распространяться при каждом удобном случае о сердечной привязанности к России, тем более строить на этой привязанности политическую платформу. Нормальный русак принимает отчизну всякой, какой бы она ни была... в отличие от патриота, которому ничем вырезать часть мирного населения, только бы восторжествовал облюбованный образец*» [Пьецух, 2016з, с. 271].

Понятие «патриотизм» Вячеслав Пьецух ставит в один ассоциативный ряд с чувством национального превосходства и беспочвенной гордостью. В настрое «*ураган-патриотов*», то есть «*националистически настроенных граждан*» (В. Пьецух), он видит жестокость, узость кругозора, неумение слушать противоположное мнение, уважать представителей других культур. Все эти качества, по мысли В.А. Пьецуха, порождены чувством неуверенности в себе.

«*Ураган-патриотизм*» происходит, по словам публициста, от недостатка образования и «злой обиды» на геополитическую судьбу страны: «*Нынешний патриот преимущественно сердится, выискивает козни*» [Пьецух, 2016з, с. 269]. Любовь же к Родине – живое человеческое чувство, лишённое декларативности, и естественное, как сама жизнь, это мирное, созидательное чувство, связанное с ощущением того, что родная земля с ее богатой природой и культурой есть часть духовного облика самого народа и так же едина с ним, как едины в человеке душа и тело: «*Любовь к отечеству есть чувство вовсе не головное, а нечто, приближающееся к обонянию или к способности птиц ориентироваться в пространстве*» [Пьецух, 2016з, с. 271]. Любовь к Родине – это глубоко личное чувство, как, например, вера в Бога. Не случайно Вячеслав Пьецух говорит о том, что Россия для русского человека – это религия. И вера эта оказывается горячей, живой, жертвенной и в итоге спасительной для России. Публицист в качестве примера обращается к историческим событиям, когда «русак», проявив свою глубокую сердечную привязанность к Родине, не раз отстаивали ее независимость.

Любовь «русак» к родной земле в эссеистике В.А. Пьецуха – это чувство, которое невозможно объяснить с помощью только логики, оно иррационально. В связи с этим вспоминается старинное русское понятие, служившее для обозначения любви и сердечной привязанности, – «жалеть». Оно вмещает в себя такие смыслы, как душевная теплота, понимание, сопереживание, бережность, трепетность, преданность. Поэтому представление о любви «русак» к России в публицистической эссеистике В.А. Пьецуха выражается словом «жалеть»: русский человек «жалет» свою Родину, то есть болеет душой за нее: «*Разумеется, ничего у нас нет дороже нашей России и никого нет роднее русского человека, потому что мы говорим: «Не по хорошу мил, а по милу хорош», на чем патриотам и культурному меньшинству, собственно, и следует помириться... Как жизнь прекрасна только потому, что она — жизнь, так и Россия драгоценна только потому, что она — Россия*» [Пьецух, 2016з, с. 274].

Любовь к России, названную публицистом безотчетной, иррациональной, можно сравнить, по мнению В.А. Пьецуха, с первой любовью – трепетным, щемящим чувством, которое исходит не из доводов о достоинствах и недостатках объекта, нередко приносит даже страдания, поскольку бывает безответной и все же становится одним из самых сильных переживаний в жизни [Пьецух, 2016д, с. 18]. Из этого сравнения публицист делает вывод о том, что русский народ, по своей сути религиозный, возможно, оттого так иррационально, преданно и горячо любит свою родину, что в ходе долгой ее истории у него

многое отнималось: жизнь и свобода во времена опричнины, крепостного права и сталинских репрессий, земля и имущество во время коллективизации, так что «русак», как христианский подвижник, сохранил в себе последнее – свою веру в Россию, – веру, которую у него, «мученика», «страдальца», не в силах отнять никто: *«Остается только безответная любовь к несчастной своей земле»* [Пьецух, 2016в, с. 463; Пьецух, 2016ж, с. 183; Пьецух, 2016з, с. 272].

Чувство «русака» к России публицист сравнивает также с любовью человека к своему ребенку, к другим родственникам, которых любят, привечают и жалеют хотя бы за то, что те «свой»: *«Наверное, нет на Земле народа более преданного своему отечеству, чем русские, которые к тому же принимают его всяким: и монархическим, и социалистическим, и демократически-воровским. Так еще относятся к родным людям: хоть ты алкоголик и скупщик краденого, а родной...»* [Пьецух, 2016ж, с. 239].

Иными словами, русский человек любит в Родине не ее разные обличья (монархическое, социалистическое и др.), а внутреннюю, духовную сущность, неизменную в своей красоте, непреходящую, вечную.

Ключевые мысли публициста о родине вынесены в одну из частей эссе «Забытые слова (Синодик)» (2002 г.), которое по форме напоминает словарь или список усопших для поминовения в православной традиции. Такое заимствование структуры текста, с одной стороны, кажется ироничным обращением автора к читателю, как будто «похоронившему» понятие «Родина», а с другой, выглядит как укор. *«Оно (слово «родина»)*, – пишет В.А. Пьецух, – *не то чтобы забылось, а как-то потерялось в кутерье социально-политических катаклизмов и перемен»* [Пьецух, 2016б, с. 431]. Эти пронзительные слова сказаны о времени, когда Россия находилась в переходном периоде: из одного тысячелетия в другое, с одного политического курса к другому, – но эта мысль В. Пьецуха не утратила своей печальной правдивости и позже. И напряженная, ищущая мысль публициста обращается к тому, что могло бы объединить народ России на его огромной территории, помогло решить трудную задачу самоопределения.

Что же, по мнению Пьецуха, необходимо для того, чтобы Россия не стала всего лишь частью прошлого? Уважительное, теплое, сыновнее отношение «русачков» к своей родной земле; именно такое отношение публицист и считает истинным патриотизмом. Сохранение исконных ценностей и традиций, бережное отношение к национальной культуре, знание и интерес к родной литературе и истории, историческая память и преемственность поколений.

Что же такое патриотизм в наши дни, с точки зрения В.А. Пьецуха?

Созидательная настроенность, которая вмещает в себя такие понятия, как семейственность (*«...Если человек, вместо того чтобы растить картошку и воспитывать детей, норовит возглавить партию социал-эксплуататоров, его нужно опасаться, как буйнопомешанного, который ни с того ни с сего может хватить стулом по голове»* [Пьецух, 2016л, с. 404], преемственность поколений (*«...Настойчиво звучит зов предков насчет нравственной связи будущего с минувшим»* [Пьецух, 2007], стремление к духовному развитию, полезному, созидательному труду (*«...патриот сейчас тот, кто непосредственно работает над увеличением плотности населения на квадратный километр России и, как пушкинский Скупой рыцарь, трясется над сокровищами русского языка»* [Пьецух, 2007]. Главную мысль о сущности патриотизма Вячеслав Пьецух выразил в эссе «Мы и XX век», таким образом представив естественную и безграничную любовь к родине как одну из наивысших ценностей русского мира: *«...Тот, по всей вероятности, патриот, кто принимает Россию всякой, хоть социалистической, хоть капиталистической, хоть языческой, ибо неистребима ее духовно-умственная константа, каковая, собственно, и есть — Русь»* [Пьецух, 2016г, с. 156].

Выводы

Публицистическое творчество Вячеслава Пьецуха представляет собой осмысление жизни «руссака», попытку «взглянуть на Россию заново», еще раз оценить достоинства и недостатки ее культурного опыта. В.А. Пьецух вносит в повестку дня проблему культурной идентичности русского человека свои личностные переживания, которые всегда соединяются с размышлениями о судьбе родной земли и народа.

Публицистически сформулированные размышления В.А. Пьецуха о России – это поиск Родины, осмысление ее культурных констант и самобытного способа бытия русского человека. Россия в публицистической эссеистике В. Пьецуха – это великая сокровищница многовековой культуры, достояний искусства и литературы, народных обычаев, нравственных традиций, уникальной природы, национального языка, и, наконец, «обаяния русскости» – суммы душевных богатств, которыми обладает русская душа.

Список источников

- Вячеслав Пьецух. 2005–2023. Лаборатория Фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor2989> (дата обращения: 12.03.2022).
- Ильин И.А. 1993. О сущности правосознания. Москва, Рарогъ, 235 с.
- Лихачев Д.С. 1987. Заметки о русском. В кн.: Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Том 2. Л., Художественная литература: 418–494.
- Пьецух В.А. 2016а. Гадание на бобах. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 108–123.
- Пьецух В.А. 2016 б. Забытые слова. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 412–445.
- Пьецух В.А. 2016в. Конец эпохи. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 463–466.
- Пьецух В.А. 2016г. Мы и XX век. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 155–171.
- Пьецух В.А. 2016 д. Нагорная проповедь и Россия. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 7–54.
- Пьецух В.А. 2016е. Нос. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 155–171.
- Пьецух В.А. 2016ж. От Кюстина до наших дней. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 172–240.
- Пьецух В.А. 2016з. Открытие России. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 255–274.
- Пьецух В.А. 2016и. Письма из деревни. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 8. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 7–131.
- Пьецух В.А. 2016 к. Русский — это как? В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 467–472.
- Пьецух В.А. 2016л. Уроки родной истории. В кн.: Собрание сочинений в 10 томах. Том 7. Москва, Хорошая книга, Зебра Е: 342–411.
- Пьецух В.А. 2007. Русаки. Октябрь, 11. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2007/11/rusaki.html> (дата обращения: 07.08.2022).
- Пьецух В.А. 2015. Что такое литература, и как это делается. Октябрь, 1. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2015/1/chto-takoe-literatura-i-kak-eto-delaetsya.html> (дата обращения: 07.08.2022).
- Розовский М. 2020. Читайте Пьецуха. Литературная газета, 15 июля, № 29 (6745). URL: <https://lgz.ru/article/29-6745-15-07-2020/-chitayte-petsukha/> (дата обращения: 07.08.22).
- Салтыков-Щедрин М.Е. 1972. Убежище Монрепо. В кн.: Собрание сочинений в 20 томах. Том 13. М., Художественная литература: 265–404. URL: <https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/02comm/0385.htm> (дата обращения: 12.03.2022).
- Сидоров Е.Ю. 2007. Рассуждение о писателе Пьецухе. Знамя, 6: 195–201. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3301> (дата обращения: 12.03.2022).
- Соловьев В.С. 1898. Патриотизм. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. С.-Пб., Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона): 36–38.

Список литературы

- Галинская Т.Н. 2014. Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, 2(30): 114–124.
- Гусельцева М.С. 2022. Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход. *Вестник Российский государственный гуманитарный университет. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 1: 12–34. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-12-34
- Ильин И.В. Степанов С.А. 2020. Моисеев Н.Н. о России в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*, 2: 6–21.
- Кенько А.А. 2007. Категория русского национального характера в творчестве Вячеслава Пьецуха. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 18: 242–249.
- Коробкова Т.В. 2019. Иерархия ценностей в прозе и публицистике В.А. Пьецуха. *Мир науки, культуры, образования*, 3(76): 372–373.
- Короченский А.П. 2021. Медийная репрезентация культуры в современной России в свете медиакритики. В кн.: *Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения. Сборник материалов 60-го Международного научного форума, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2021 года. В 2 т. Т. 1.* Под ред. А.А. Малышева. Санкт-Петербург, ООО "Медиапапир": 37–38.
- Лихина Н.Е. 2013. Иронический дискурс творчества В. Пьецуха. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 4(4): 53–62.
- Мельникова Л.А. 2021. Образ Гёте в повести В. А. Пьецуха «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гёте». *Гуманитарный научный вестник*, 12: 229–234. DOI: 10.5281/zenodo.5776179.
- Меринов В.Ю. 2018. Патриотическая идея в древнерусских художественно- публицистических произведениях XV–XVI столетий. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 37(1): 77–83. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-77-83
- Мисоньников Б.Я. 2014. Феноменология публицистического текста. В кн.: *Публицистика в современном обществе. Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)». Материалы научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 14 ноября 2013 года.* Под ред. Б.Я. Мисоньникова. СПб., С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т Высш. шк. и мас. коммуникаций: 5–15.
- Могилевская О.С. 2017. Проблема «русскости» в публицистическом творчестве В.А. Пьецуха. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 33(7): 118–122.
- Могилевская О.С. 2019. «Заколдованная» страна: образ России в эссеистике В.А. Пьецуха. *Медиасреда*, 1: 153–157.
- Полонский А.В. 2003. Русское слово в социокультурной перспективе. *Русский язык за рубежом*, 3(185): 61–68.
- Полонский А.В. 2013. Стилистические уроки современных массмедиа и православное слово. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, 1: 191–205.
- Полонский А.В., Глушкова. В.Г. 2016. Культура и человек в условиях глобализации. В кн.: *Психологические знания в современном мире. Материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов, Белгород, 07 апреля 2016 года.* Белгород, Издательство Белгородский университет кооперации, экономики и права: 268–274.
- Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. 2021. Под ред. А.С. Коржевского. М., РГГУ, 604 с.
- Сдобников В.В. 2022. Перевод и лингвистическая безопасность. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*, 1(57): 93–108. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-93-108
- Устимова О.В. 2017. Духовность и национальная идея как основа глобального коммуникативного пространства. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 5(9): 60–67.
- Храпченко М.Б. 1970. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., Сов. Писатель, 392 с.

- Lopez-Claros A., Dahl A., Groff M. 2020. *Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 562 p. DOI: 10.1017/9781108569293
- Persi U. 2020. Sentiment analysis: The main theoretical prerequisites and some empirical application. *Przegląd Ruscystyczny*, 1(169): 80–91. DOI: 10.31261/pr.7726
- Seeliger M., Villa Braslavsky P.-I. 2022. Reflections on the Contemporary Public Sphere: An Interview with Judith Butler. *Theory, Culture & Society*, 39(4): 67–74. DOI: 10.1177/02632764211066260.

References

- Galinskaya T.N. 2014. A corpus-based approach to reconstruction of the media image of a politician's linguistic personality. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 2(30): 114–124 (in Russia).
- Gusel'tseva M.S. 2022. Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 1: 12–34 (in Russia). DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-12-34
- Il'in I.V., Stepanov S.A. 2020. Moiseev N.N. About Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*, 2: 6–21 (in Russia).
- Ken'ko A.A. 2007. Category of Russian national character in Vyacheslav Pyetych work. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 18: 242–249 (in Russia).
- Korobkova T.V. 2019. Hierarchy of values in prose and journalism by V.A. P'ezuch. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 3(76): 372–373 (in Russia).
- Korochenskiy A.P. 2021. Mediynaya reprezentatsiya kultury v sovremennoy Rossii v svete mediakritiki [Media representation of culture in modern Russia in the light of media criticism]. In: *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya [Media in the Modern World. 60th Petersburg readings]*. Collection of materials of the 60th International Scientific Forum, St. Petersburg, June 30 – July 02, 2021. In 2 volumes, Vol. 1. Ed. A.A. Malyshev. Sankt-Peterburg, Publ. OOO "Mediapapir": 37–38.
- Likhina N.E. 2013. The ironic discourse in the works of V. Pyetsukh. *Slovo.ru: Baltic accent*, 4(4): 53–62 (in Russia).
- Mel'nikova L.A. 2021. The image of Goethe in the story by V. A. Pyetsukh "Night vigils with". *Johann Wolfgang von Goethe". Humanitarian Scientific Bulletin*, 12: 229–234 (in Russia). DOI: 10.5281/zenodo.5776179.
- Merinov V.Yu. 2018. Patriotic idea in ancient Russian artistic publicistic works XV–XVI century. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 37(1): 77–83 (in Russia). DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-77-83
- Misonzhnikov B.Ya. 2014. Fenomenologiya publitsisticheskogo teksta [Phenomenology of journalistic text]. In: *Publitsistika v sovremennom obshchestve [Publicism in modern society]*. *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov (tragediya publitsistiki v informatsionnom obshchestve) [Modern periodicals in the context of communicative processes (tragedy of journalism in the information society)]*. St. Petersburg, November 14, 2013. Ed. B.Ya. Misonzhnikov. SPb., Publ. S.-Peterb. gos. un-t, In-t Vyssh. shk. i mas. kommunika-tsiy: 5–15.
- Mogilevskaya O.S. 2017. Issue «Russianness» in publicism by V.A. Pietsukh. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 33(7): 118–122 (in Russia).
- Mogilevskaya O.S. 2019. «Zakoldovannaya» strana: obraz Rossii v esseistike V.A. P'etsukha ["Enchanted" country: the image of Russia in the essays of V.A. Pietsukha]. *Mediasreda*, 1: 153–157.
- Polonskiy A.V. 2003. Russkoe slovo v sotsiokul'turnoy perspective [Russian word in the socio-cultural perspective]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 3(185): 61–68.
- Polonskiy A.V. 2013. Stylistic lessons of contemporary mass media and orthodox word. *Vestnik TvGU Series: Philology*, 1: 191–205 (in Russia).
- Polonskiy A.V., Glushkova. V.G. 2016. Kul'tura i chelovek v usloviyakh globalizatsii [Culture and people in the context of globalization]. In: *Psikhologicheskie znaniya v sovremennom mire [Psychological knowledge in the modern world]*. Materials of the international scientific-practical and scientific-methodical conference of the faculty and postgraduate students, Belgorod, April 07, 2016. Belgorod, Publ. Belgorodskiy universitet kooperatsii, ekonomiki i prava: 268–274.

- Prognoziruemye vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i napravleniya ikh neytralizatsii [Forecasted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization]. 2021. Ed. A.S. Korzhevsky. M., Publ. RGGU, 604 p.
- Sdobnikov V.V. 2022. Translation and linguistic security. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 1(57): 93–108 (in Russia). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-93-108
- Ustimova O.V. 2017. The national idea and spirituality in the global communication space. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 5(9): 60–67.
- Khrapchenko M.B. 1970. Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya i razvitie literatury [The creative individuality of the writer and the development of literature]. M., Publ. Sov. Pisatel', 392 p.
- Lopez-Claros A., Dahl A., Groff M. 2020. Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge, Cambridge University Press, 562 p. DOI: 10.1017/9781108569293
- Persi U. 2020. Sentiment analysis: The main theoretical prerequisites and some empirical application. *Przeglad Rusycystyczny*, 1(169): 80–91. DOI: 10.31261/pr.7726
- Seeliger M., Villa Braslavsky P.-I. 2022. Reflections on the Contemporary Public Sphere: *An Interview with Judith Butler*. *Theory, Culture & Society*, 39(4): 67–74. DOI: 10.1177/02632764211066260.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11. 2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received November 11, 2022

Revised February 06, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Могилевская Ольга Сергеевна, старший промопродюсер НАО «Национальная спутниковая компания», Санкт-Петербург, Россия

Olga S. Mogilevskaya, Senior Promotional Producer of the National Satellite Company, St. Petersburg, Russia

Полонский Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Глушкова Валентина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

Valentina G. Glushkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Business Communications, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

УДК 81-112.4

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества»

¹Прокофьева Н.А., ²Щеглова Е.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;

² Институт лингвистических исследований РАН,
199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
E-mail: n.prokofieva@spbu.ru; e.scheglova@spbu.ru

Аннотация. Год юбилея Петра I проходит под знаком большого внимания к персоне первого российского императора. Это предопределяет разносторонний интерес к образу Петра Великого, в том числе в аспекте его создания и мифологизации в периодических изданиях, начиная с XVIII века. Несмотря на неспадающий интерес к персоне Петра Великого, особенности репрезентации его образа в географических изданиях не попадали в сферу внимания исследователей. А в то же время географические издания как часть общего публицистического дискурса представляют необыкновенный интерес как периодические издания, в которых освещается неочевидная, но значимая в политическом отношении грань деятельности правителя. В связи с этим целью данного исследования является анализ речевой репрезентации образа Петра I в географических изданиях XIX века. Для проведения анализа был выбран лингвистический аспект, соединяющий в себе интенционально-стилистический анализ и диахронический метод исследования. Результатом такого анализа стало формирование представления о неизвестной грани образа первого российского императора, выделены основные коммуникативные векторы создания образа Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества», описаны способы речевой репрезентации образа первого лица государства в периодике XIX века, а также проанализирована специфика формирования положительнооценочных значений. В целом можно сказать, что новым представляется как сам материал, так и системный подход к его описанию и обобщению.

Ключевые слова: образ правителя, миф о Петре Первом, речевая репрезентация образа, положительнооценочная лексика, географическая периодика, Русское географическое общество

Для цитирования: Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. 2023. Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества». Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 43–54. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

The Image of Peter the Great in “News of the Emperor’s Russian Geographic Society”

¹Natalia A. Prokofieva, ²Ekaterina A. Shcheglova

¹ Saint-Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint-Petersburg 199034, Russia;

²Institute for Linguistic Studies, RAS,
9 Tuchkov pereulok, Saint-Petersburg 199053, Russia;
Saint-Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint-Petersburg 199034, Russia
E-mail: n.prokofieva@spbu.ru; e.scheglova@spbu.ru

Abstract. The year of Peter I's jubilee is accompanied with great attention to the person of the first Russian Emperor. This encourages diverse interest to the image of Peter the Great, including its creation

and mythologization in mass media from the XVIIIth century. Despite the regular interest to the person of Peter the Great, peculiarities of his image representation in geographical media were not in the focus of researchers' attention. But at the same time geographical media as a part of general publicist discourse are of special interest as periodical media which highlight unobvious but politically significant aspect of the ruler's activity. So, the purpose of this research is the analysis of speech representation of Peter I's image in geographical media in the XIXth century. We selected the linguostylistic aspect for the analysis which includes intentional stylistic analysis and diachronic method of the research. The result of such an analysis is the formation of understanding for the unknown aspect of the first Russian Emperor's image. The article outlines the main communicative vectors of creating Peter I's image in "News of the Emperor's Russian Geographic Society": the relation of descendants to Peter the Great, personal qualities of the Emperor, his actions and deeds. Within the analysis the authors described the methods of speech representation for the image of the first person in mass media of the XIXth century. The authors paid special attention to the specifics of forming positively assessing meanings. On the whole we may say that we consider both the material and the system approach to its description and generalization as innovative.

Keywords: the ruler's image, the myth about Peter the Great, the speech image representation, positively assessing vocabulary, geographical periodicals, the Russian Geographic Society

For citation: Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. 2023. The Image of Peter the Great in "News of the Emperor's Russian Geographic Society". Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 43–54 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54

Введение. Петр Первый: миф и реальность

История как наука всегда предполагает допущения: невозможно судить непредвзято о происходящем здесь и сейчас, а по прошествии времени многое забывается, утрачивается и становится сложно восстановить ход исторических событий. Именно поэтому возникает такое множество интерпретаций, характеризующих эпоху, отдельные события или личность правителя. Образ правителя всегда далёк от образа реального человека, несшего на своих плечах груз ответственности за целое государство (о законах формирования портретов политиков см. [Руженцева, 2019]). Он создаётся из впечатлений современников, подчас отрывочных сведений о поступках и деяниях, шлейфа слухов и зачастую переплетается со своими литературными двойниками (например, о региональном аспекте темы сохранения памяти о Петре см. [Пашков, 2022]). Вследствие этого появляется приукрашенный, окутанный мифами и легендами образ властителя, которому придаются те черты, которые хотелось бы в нём видеть в текущий момент. И многие исторические персоны в разные эпохи по-разному трактуются – в зависимости от значимых политических настроений. В этом смысле достаточно вспомнить образ Ивана Грозного, Александра III, Николая II, лидеров советского времени. В зависимости от эпохи их то возносили на пьедестал уважения, то низвергали в бездну презрения, и это своеобразное отражение ментальности русского человека, для которого нет оттенков, а есть только чёрное и белое (ср. «Не приведи бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» («Капитанская дочка» (1836) А. С. Пушкина)).

Наверное, в России старых и новых времён были только два правителя, образ которых преимущественно оставался положительным – Александр Невский и Пётр I (даже несмотря на отдельные неоднозначные, а подчас и мрачные эпизоды в жизни каждого). Это правители-реформаторы, правители-новаторы, защитники интересов народа и отечества, образ которых и есть воплощение русского духа. В юбилейный год для Петра I невозможно обойти вниманием особенности создания его образа в сознании русского человека. Представляется возможным рассмотреть эту тему в непривычном ракурсе – в интерпретации географических изданий XIX века. Оказывается, и такие, казалось бы, далёкие от политизированности издания работали на создание главного мифа российской истории.

Выбор для анализа образа Петра I не случаен: наверное, нет другого правителя, с которым было бы связано такое количество легенд и слухов, причём не только в русской

картине мира, но и в картине мира народов, земли которых граничат с территорией России. Это очень важно, потому что выводит образ русского правителя на мировой уровень (существуют работы, которые демонстрируют, что образ Петра присутствует в размышлениях о России в самых разных национальных культурах: например, о социокультурной адаптации образа в Японии [Щепкин, 2021, 2022]) и показывает небезосновательность возникших представлений. Обратимся к тем составляющим, которые определяют образ Петра I в сознании его народа.

Образ Петра Великого в периодике XVIII и XIX вв.

Пётр I в фольклоре получает образ градостроителя, реформатора, провидца, первооткрывателя, основателя морского могущества России, отца русского народа и др. Все эти характеристики закладываются ещё при жизни царя, но в полной мере развиваются посмертно. С течением времени прижизненные поступки первого русского императора переосмысляются и приобретают особый вес в представлении последующих поколений. Все его деяния приобретают логическую определённость, под них подводится осмысленная база. Мысли и поступки царя интерпретируются и выстраиваются в логически выверенную последовательность, что в совокупности и создаёт во многом идеализированный образ Петра I.

Такой образ Петра I складывался в течение многих лет и был результатом целенаправленной работы сподвижников, проповедников, публицистов, писателей и поэтов (о проявлении мифа о Петере в поэзии см. работы Т.Е. Абрамзон [2006, 2007а, 2007б]). Большая часть текстов о Петре имела панегирический характер, поскольку сами реформы, создание российского флота, победы в военных кампаниях не могли не восхищать. Безусловно, методы, к которым прибегал самодержец, осуждались, что получило воплощение в анти-образе антихриста, имевшего хождение в среде старообрядцев, но результаты реформ, умение вырвать Россию из небытия и на долгие годы задать вектор развития государства не вызывали сомнения у последующих поколений, что закрепило за образом Петра I преимущественно положительные черты (о направлениях мифологизации [Мезин, 1984; Петр I в русской..., 2006; Конанова, 2008; Он весь..., 2022]). Поэтому последующие императоры оценивались как продолжатели политики Петра.

Следует отметить, что миф вокруг имени императора создавался в повременных изданиях, то есть печать впервые в России выступила как один из ключевых источников мифологизации. Конечно, в первую очередь это были «Ведомости» (о репрезентации Петра в «Ведомостях» см. [Малышев, 2021а]), созданные и развивавшиеся в пропагандистских целях. Но вслед за «Ведомостями» эстафету подхватывают и издания последующих эпох, в частности и издания Императорского Русского географического общества (ИРГО).

Нужно учитывать, что деятельность ИРГО, утверждённого в 1845 г. высочайшим указом Николая I, не ограничивалась исключительно научными целями, но всегда была непосредственно связана с внутри- и внешнеполитическими интересами Российской Империи [Павлов, 2010]. Общий рост национального самосознания, пришедший на середину XIX века, вызвал целый ряд сопутствующих процессов: развитие интереса к слову (развитие словарного дела, сбор областных слов и выражений), возрастающее внимание к фольклорной традиции и в том числе обращение к собственным историческим корням. Как следствие, миф о Петре Первом обрастает новыми деталями, оттачиваются ключевые смысловые доминанты. Очевидно, если учитывать специфику деятельности общества, что на все эти тенденции не могут не реагировать «Записки Русского Императорского общества» (далее ЗИРГО). Так, заслугам первого императора посвящена статья в двух частях известного российского естествоиспытателя, основателя эмбриологии, академика К.М. Бэра «Заслуги Петра Великого по-части распространения географических познаний о России и пограничных с нею землях Азии», опубликованная в двух номерах ЗИРГО [Бэр, 1849, 1850].

Образ Петра формируется как образ царя, умеющего предвидеть и предугадывать события, знающего обо всём и умеющего всё. Его образ близок к образу бога. Сам по себе образ божественной царской власти характерен для русской культуры, но при Петре он впервые переосмысливается: с выходом на первый план светской культуры в противовес культуре церковной изменяются приоритеты, и божественность теперь воспринимается как проявление разума. Именно поэтому Пётр Первый мыслится (и так последовательно создаётся его образ в периодике) как человек, наделённый божественным разумом, и потому способный сделать всё – построить город на топком болоте, создать с нуля флот и победоносную армию, вырвать целый народ из тьмы невежества, укрепить государственность (ср. три этапа эстетической легитимации власти в концепции А.Ю. Дорского [2013]). И всё это возможно благодаря интересам Петра в самых разных сферах; не становится исключением и география (напрямую связанная с интересом Петра к мореходству). Романтический образ царя-морехода, царя-судостроителя, царя-бунтаря даёт начало и образу царя-первооткрывателя. Расширение горизонтов – залог упрочения роли государства на мировой арене, и именно такую задачу ставит перед собой Пётр Великий.

Во многом эпоха Петра стала продолжением эпохи Великих географических открытий. На тот момент на карте ещё очень много белых пятен, и долгом мудрого правителя было расширение географических познаний и инициирование открытия новых земель. Первая половина XVIII века характеризуется целой чередой географических открытий, ставших результатом экспедиций в Сибирь, на берега Каспийского моря, в степи южного Приуралья. Вдохновителем и организатором этих экспедиций был Пётр I. Исследователи подчёркивают, что при этом он руководствуется не только научными интересами, но государственной необходимостью. Основной целью всех этих географических экспедиций было выяснение положения молодого государства на международной арене, закрепление территориальных и экономических выгод [Вернадский, 1988]. Успехи предпринятых экспедиций получали отражение на страницах научно-популярного издания «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764 гг.) [Готовцева, 2008]. Была заложена традиция сообщать о результатах освоения географических территорий как о важных научных достижениях, выявляя глубокие взаимосвязи с культурой, жизнью общества и политической историей России.

Именно это традиция, на наш взгляд, и была продолжена в статьях о роли Петра I в приращении географического знания, опубликованных столетие спустя в ЗИРГО. Сохранение традиции можно увидеть в глубине проработки исторического фона, сопутствующего экспедициям, установлении взаимосвязей вновь полученных результатов с уже имеющимися сведениями о территориях, детальной демонстрации культурно-исторического значения полученных в ходе экспедиций сведений.

Следует отметить общее преобладание в текстах тональности восхваления личности первого императора, восхищения его гением, проявившем себя и на этом поприще. Пётр I показывается как истинный вдохновитель такого важного для государства дела, как освоение прилегающих к границам государства территорий. Обратим внимание, что эта тональность сохраняется на протяжении всего изложения. Неудачи отчасти нивелируются. Так, экспедиции на побережье Каспийского моря, призванные воплотить «имперскую идею» Петра I, реализовать его желание найти путь в Индию и далее для прямой торговли. Конечно, ничему из этого не суждено было сбыться: изначальный план натолкнулся на неточность географических познаний того времени, походы проходили тяжело, были сопряжены со значительными человеческими и материальными потерями [Анисимов, 1989, с. 413–432]. Не отрицая трудностей, возникших на пути первооткрывателей, автор материала в ЗИРГО делает акцент на гении Петра I, видящего необходимость освоения региона (в середине XIX века Каспий – зона реализации ближайших внешнеполитических интересов Российской Империи) и осознающего неточность имеющихся географических сведений о нём.

Речевая репрезентация образа Петра в «Записках Императорского Русского географического общества»

В первую очередь следует отметить, что материалы ЗИРГО появляются сто лет спустя по завершении всех событий, к которым обращается автор, то есть на момент создания анализируемого материала проходит достаточное количество времени, позволяющее оценить фигуру императора и осознать его вклад в становление российской государственности и определение её роли в общем миропорядке. Это ретроспективный взгляд, который предполагает подведение итогов, определение общей оценки деятельности Петра. Неслучайно в связи с этим наблюдается сознательное подчёркивание титулования Петра (о традиции номинации царствующих особ [Малышев, 2021б]): *Великий царь, Великий монарх* [Бэр, 1849, с. 222]. Отдельного упоминания достойно и то, что слово *великий* в представленных материалах употребляется не столько как прозвище царя (Пётр I Великий), а как положительнооценочное прилагательное, в результате чего подтверждается заслуженность этого титула и его полноточность. Представляется, что *великий* становится ключевым словом в представленных публикациях (ср.: *цель всегда была велика* [Бэр, 1849, с. 218]), а всё остальное лишь развитие и дополнение основной цели создать ещё одну грань образа великого императора. В данном случае – в сфере географического знания.

По нашим наблюдениям, формирование образа Петра I в материалах ЗИРГО развивается по трём основным коммуникативным векторам: 1) отношение потомков к деятельности императора, 2) личные качества Петра Великого, 3) его конкретные дела и поступки. В ходе анализа мы предполагаем рассмотреть каждый из этих векторов, выделив основные средства репрезентации образа Петра I в географическом издании.

1) Отношение потомков к деятельности Петра I.

Главное чувство, которое должна вызывать деятельность Петра I как инициатора географических открытий, – это **благодарность**. Признание заслуг императора предлагается воспринимать как необходимый долг потомков. Именно с выражения благодарности начинается статья: *Благодарность обязывает Русское Географическое Общество привести на память заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний* [Бэр, 1849, с. 217]. Это начало перекликается с заголовком статьи (упоминание заслуг, обозначение их характера и области знаний и т.п.). Вместе заголовки и начало публикации задают комплиментарный тон всему материалу.

Помимо благодарности, ещё одно чувство должны испытывать потомки – это **чувство гордости**, ведь, с одной стороны, можно гордиться величием некогда правившего монарха, рождённого Русской землёй, с другой – гордиться причастностью к этим великим поступкам и возможностью воплотить в жизнь идеи почившего императора: *...мысли Великого Императора были большею частью так обширны, что могли быть приведены вполнѣ въ исполненіе только потомствомъ* [Бэр, 1849, с. 253]. Подобные смысловые коллизии создают общее ощущение преемственности, целенаправленного исторического развития, движения к лучшему, т. е. глобально способствует росту национальной гордости и национального самосознания. В этих фрагментах текста преимущественно используется косвенно положительнооценочная лексика (в частности здесь: *обширны*): без прямо обозначенной оценки и при внешней объективности изложения автор стремится к созданию общего положительного впечатления о герое публикации и солидаризации аудитории и автора, аудитории и героя статьи (о законах формирования оценки [Маркелова, 2013]).

2) Личные качества Петра I.

Репрезентации личных качеств Петра Великого уделено наибольшее внимание в материалах ЗИРГО. Первопричиной всех успехов в области освоения земель автор так или иначе видит личность великого императора. Можно выделить несколько основных смысловых доминант текстов, касающихся личностной характеристики Петра I.

Прежде всего это **провидческие способности** императора. Его разум позволяет ему видеть дальше, чем другим, просчитывать пути достижения отдалённых целей, важных с точки зрения построения государственности, но не понятных обывателю. Способность предвидеть – важная черта государственного лидера. Автор может заявлять прямо с помощью оценочных средств о наличии этой черты у Петра I: *Идеи, руководившія его при назначеніи ученыхъ экспедицій, носят на себѣ печать величія и прозорливости: гениальный взоръ его провидѣл плоды ихъ в отдалённой будущности* [Бэр, 1849, с. 217]. В сочетании имплицитно (*прозорливость* мыслится как положительное качество, но при этом является безоценочной в языковом плане единицей) и эксплицитно выраженной оценки (устойчивое сочетание *печать величія* и положительнооценочное прилагательное *гениальный* однозначно демонстрируют преклонение автора перед героем публикации) срабатывает общий коммуникативный эффект создания образа безупречного императора. Поэтому даже условные неудачи Петра подаются как опережающие своё время идеи.

Та же мысль проводится через сравнения образа мысли предшественников и современников и Петра Великого как носителя особого разума: *Если вспомнить какую цѣну въ то время придавали владѣнію золотосною или среброносною землею, и какъ поздно дознали, что богатства лишь тамъ сосредочиваются, гдѣ развита разнообразная дѣятельность, – съ удовольствіемъ... что великій Государь гораздо менѣе заботился о золотѣ, нежели объ обезпеченіи промышленности и торговли* [Бэр, 1850, с. 268]. Подчёркивается, что мысль Петра I намного опережала своё время, обеспечивая таким образом укрепление государства не только для современников, но и для потомков. Особенно отмечается отсутствие у царя стремления к наживе, что всегда было ценностью русской картины мира. Расстановка акцентов происходит благодаря противопоставлению *золота* как метафорического обозначения личного богатства и *обеспечения промышленности и торговли*, которые мыслятся как государственная задача. В этом аспекте любопытно снисходительное отношение самого Петра к сподвижникам, наживавшимся на его нестяжательстве: если задачи государственные решались эффективно, то позволительно было и до известных пределов доходившее корыстолюбие (ср. многочисленные исторические свидетельства отношения Петра I к предприимчивому на благо своего кармана А.Д. Меншикову).

Нужно отметить особую роль темпоративов в подобных контекстах: *Петръ и въ то уже время признавалъ для Русскихъ возможность ходить моремъ в Индію, хотя они могли отправляться только изъ Бѣлаго и Азовскаго морей, ибо путь по Балтійскому-Морю не былъ еще имъ открытъ* [Бэр, 1850, с. 281]. Провидчество, предвосхищение будущего подчёркивается обилием частиц (здесь усилительная частица *уже*, относящаяся к указательному местоимению *то*). Темпоративы работают на уже упомянутый эффект контраста, с помощью которого противопоставляется эпоха Петра I и современный автору XIX век как эпоха преобладающего невежества и эпоха (относительного?) понимания мысли великого императора. Противопоставление *то* и *наше* (о времени) типично для толкования исторической канвы в любой сфере, тем важнее подчеркнуть, что Пётр значительно опережал современников, предвидя необходимые для укрепления государства шаги. Частицы же укрупняют это значение в тексте, не называя прямо превосходство Петра, но расставляя необходимые автору акценты.

Восхищение перед императором как провидцем имеет в материалах ЗИРГО ещё одно оценочное преломление. Значимой для автора частью образа Петра Первого является его первенство во многих сферах жизни, глобально он – **зачинатель**, первый во всём. Это его свойство всё время подчёркивается в аспекте значимости действий, которые Петр предпринимает, в том числе в области географических открытий. При этом акцент делается на автономности России как государства, способного обеспечить собственные потребности, что косвенно или напрямую обеспечивается деятельностью императора: *При Петрѣ явились первыя изготовленныя въ самой Россіи карты отдѣльныхъ частей госу-*

дарства [Бэр, 1849, с. 220]. Ключевыми словами в этих фрагментах текста становятся слова, указывающие на открытие (*первый, первая, впервые* и проч.), а также притяжательные и определительные прилагательные, указывающие на локализованность действия или события, территориальную ограниченность. Если в других контекстах это, возможно, было бы скорее недостатком, чем достоинством взаимодействия России с остальным миром, то в географических изысканиях, когда ещё многие области не открыты и разворачивается борьба за освоение земель, умение изготавливать географические карты становится по-настоящему значимым достижением [Голубинский, 2020].

Точно так же подчёркивается **личное участие Петра в организации экспедиций** и стремление к обобщению полученного опыта и применению его в новых разработках: *По окончаніи ея [экспедиции по Каспию], Петръ велѣлъ къ картѣ, основанной на послѣдней съемкѣ, присовокупить и съемку восточнаго берега, сдѣланную Бековичем, Кожинымъ и (Травинымъ). Такъ возникла первая, на точныхъ данныхъ основанная карта Каспійскаго-Моря* [Бэр, 1850, с. 277]. Мало того, что Петр Великий представлен как зачинатель всех великих дел своей эпохи, ему также приписываются способности удерживать в мыслях все достижения и консолидировать разнонаправленные усилия современников (подданных). Он вырисовывается как масштабнейшая личность своего времени, благодаря тому, что умеет найти применение любым, пусть даже порой незначительным открытиям и находкам. Это свойство не только великого ума, но и одаренного руководителя. Поэтому косвенно – через описание действий Петра в деле первооткрывателей – формируется главный образ великого правителя великой империи.

Продолжением образа провидца и зачинателя становится ещё одна грань личности Петра. Он репрезентируется в тексте как **преобразователь** [Бэр, 1849, с. 220]. Реформы всех областей жизни общества – это знамя, под которым прошла вся Петровская эпоха, и подтверждением тому становятся в том числе и решения, принятые Петром в области географических экспедиций: *...Князь на пятомъ переходѣ отъ устьевъ Эмбы достигнуть былъ Высочайшимъ повелѣніемъ отправить черезъ Персію въ Индію всѣ возможныя свѣдѣнія о лежащихъ на пути его странахъ, преимущественно о золотыхъ розсыпяхъ, и затѣмъ возвратиться черезъ Китай и Бухарію. Такимъ-образомъ, едва не явился у насъ второй Марко-Поло. Половинныя мѣры не были дѣломъ Петра* [Бэр, 1850, с. 275]. Обратим внимание на выделенный в примере фрагмент: это своеобразный лейтмотив, который определяет деятельность Петра, становится основным принципом правления. Неслучайно само высказывание звучит подобно лозунгу. В создании положительнооценочного по содержанию высказывания использован всё тот же приём обращения к имплицитному способу выражения оценки через косвеннооценочную лексику. Значение «доводить дело до логического конца» является безусловно положительной характеристикой человека в общем и правителя в частности.

Для потомков важна была идея **самостоятельности императора** в принятии решений. В реформах Петра хотели видеть не подражание Европе и простую гонку за уже имеющимися там достижениями, но свободу и независимость мысли. Узкая географическая тематика не даёт в полной мере развернуть эту мысль, однако даже в описании деталей организации экспедиции она прослеживается: *Вообще исторія географическихъ экспедицій при Петрѣ доказываетъ, что руководившая его при этомъ мысль была его собственная* [Бэр, 1849, с. 218]. Субъективные местоимения задают необходимую модальную рамку высказывания: отправление географической экспедиции – личное дело российского императора, который не просто отдаёт распоряжения, но в полной мере владеет ситуацией во всей её полноте, осознаёт все ближайшие и отдалённые последствия своих действий, несёт за них персональную ответственность.

Автор и в этом случае прибегает к прямой характеристике личности Петра, используя положительнооценочную лексику или становящуюся таковой в контексте: *человѣкъ съ характеромъ вполне самостоятельнымъ мало способенъ дѣйствовать по внушеніямъ*

других [Бэр, 1849, с. 218]. Здесь следует обратить внимание также на порядок слов (инверсию определения), который позволяет сделать необходимый акцент на характеристике императора (*самостоятельный*) без избыточных хвалебных высказываний, что способствует формированию объемного образа Петра Великого и сохранению сдержанной манеры изложения научно ориентированного издания.

При той ответственности, которую берёт на себя император, очевидно, что следующим штрихом его портрета должна стать **целеустремлённость**, способность довести до конца любое дело: *Не въ духъ Петра было оставлять однажды задуманные планы безъ исполненія* [Бэр, 1849, с. 236]. Высказывание строится через отрицание таким образом, что информация о неспособности Петра оставлять планы нереализованным должна быть в пресуппозиции читателя.

3) Дела и поступки Петра I.

Характеристика дел и поступков Петра Великого вытекает из характеристики его личности. Самостоятельность правителя в принятии и выполнении решений всегда высоко ценилась, а в отношении Петра I (царя-ремесленника) это стало особенно значимо. Напомним, важной составной частью мифа о Петре является его желание любое дело освоить самому (судостроение, военное дело и т.п.). **Личная вовлечённость** императора делает любое начинание более оправданным, в большей степени имеющим основание для его воплощения. Ключевым здесь становится местоимение *сам*, приобретающее в контексте, как и многие другие средства, положительную окраску: *Инструкціи писалъ онъ очень часто самъ, иногда даже на походъ* [Бэр, 1849, с. 218]. Всячески подчёркивается деятельность императора, который не гнушается самой чёрной работой. И это тоже становится положительной характеристикой государя, потому что это проявление сокращения дистанции между правителем и подданными.

Интересны фрагменты, в которых описываются личные встречи императора с участниками экспедиций. Он не просто отдаёт приказы, но **разъясняет цели**, причины и последствия в ходе непосредственного общения: *Петръ самъ непосредственно пригласилъ для этой цели доктора Мессреимидта. ... Въ данной ему инструкціи заключались слѣдующія отрасли знанія: 1) географія, 2) естественная исторія во всемъ ея объемъ, 3) медицина (*Materia medica*) и въ особенности эпидемическія болѣзни, 4) описаніе Сибирскихъ народовъ и изслѣдованіе ихъ языковъ, 5) памятники и другія древности, и 6) вообще что встрѣтитсѣ замѣчательного* [Бэр, 1849, с. 221]. Эта возможность личного общения царя и подданных, главнокомандующего и солдат всегда глубоко ценится в русской национальной традиции и является составной частью мифа «о хорошем начальнике». Отметим усиление значения причастности Петра к решению насущных вопросов экспедиции через оценочное наречие *непосредственно* в постпозиции по отношению к определительному местоимению *сам*. Такая инверсия позволяет расставить в тексте акценты, дважды выделить непосредственное участие Петра в планировании и реализации собственных инициатив и **заинтересованность в людях**, исполняющих его замыслы.

Узость темы заставляет автора обращаться к не самым значительным деталям экспедиций, но каждая такая деталь обращается дополнительным штрихом к портрету государя, работающего во благо России и её народа: *Бековичу поручено было, сдѣлавъ въ Казани предварительныя распоряженія для хивинскаго похода, отправится въ Кабарду и тамъ дѣйствовать въ пользу Россіи; о чемъ и данъ указъ Сенату 21 мая 1714 года, съ корабля Св. Екатерина, при Березовыхъ- Островахъ. Мы упомянули объ этомъ неважномъ обстоятельстве, чтобы доказать до какой степени Петръ лично распоряжался подобными предприятиями, и даже въ путешествіяхъ и походахъ употреблять на то свободныя минуты* [Бэр, 1850, с. 270]. Наречие *лично* логически выделяется при помощи инверсии, оно подчёркивает значимую для автора особенность отношения Петра к инициированным географическим исследованиям в условиях постоянных военных походов и иных предприятий. Каждая деталь: исключительная занятость, личная вовлечённость во все начина-

ния, постоянная **забота о благе государства и народа** – воспринимаются как эталонные качества идеального государя. По сути, рядовой материал ЗИРГО оказывается осмыслением облика Петра I как идеального правителя, способного найти время для самых незначительных мелочей, которые в совокупности дают превосходный результат.

Подтверждением этого становится резонанс петровских начинаний в последующие эпохи: *Как наша Китайская торговля и теперь еще производится на основании трактата 1727 года, а самый трактатъ предначертанъ Петромъ, то можно сказать без преувеличенія, что наша теперешняя торговля съ Китаемъ основана единственно стараниями Петра...* [Бэр, 1849, с. 231]. Пётр Великий становится фигурой, объединяющей прошлое и будущее России, заложившей фундамент её нынешнего величия и дальнейшего процветания.

Заключение

Ценность предложенного к рассмотрению материала ЗИРГО как источника изучения лингвистической основы мифа о Петре I определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, мы имеем дело с продолжением традиции описания достижений первого императора в приращении научного знания (научно-популярные издания петровской и послепетровской эпохи). Во-вторых, имеют значение особенности самого журнала: это официальный печатный орган РГО, издаваемый для освещения деятельности последнего, а значит, отражающий интересы государственной политики. В-третьих, исторические материалы не являлись спецификой ЗИРГО, это узкоспециализированное издание, а следовательно, демонстрация личности Петра Великого может происходить только в аспекте географических изысканий его эпохи. Большое, как известно, видится в малом, и подобного рода материалы могут продемонстрировать ключевые позиции лингвистической основы формирования образа в преломлении под нужды специализированного издания.

Среди языковых средств, участвующих в репрезентации личности Петра I, в первую очередь следует указать на ресурсы формирования положительной оценки – имплицитно или эксплицитно. При этом доля положительнооценочной лексики, прямо выражающей восхищение автора перед личностью Петра, сравнительно невелика. Автор преимущественно сдержан в выражении собственной оценки. Однако роль положительнооценочных средств берёт на себя лексика, приобретающая коннотацию положительной оценки в контексте (о сохранении культурного кода в коннотации [Коурова, 2006]). Так, даже прилагательное *великий*, традиционно используемое в качестве прозвища с именем императора, в этих контекстах становится средством выражения оценки – актуализируются изначальные положительнооценочные коннотации привычного атрибута. Эта умеренность в использовании лексики, прямо выражающей положительную оценку, в сочетании с детальным описанием деяний Петра, когда вторичная положительная оценочность образуется у лексических единиц в контексте употребления, работает на впечатление заслуженности всех оценок, даваемых автором.

Кроме того, важно подчеркнуть, что автор выстраивает положительный образ Петра Великого не на пустом месте. На протяжении всего текста происходит тонкая игра с читательской пресуппозицией. Адресат знаком с мифом о Петре и в той или иной степени испытывает его влияние. Сведения о географических достижениях эпохи Петра ложатся на подготовленную почву и лишь дополняют уже известное – образ идеального правителя-провидца, обладающего всеми необходимыми качествами – целеустремлённостью, самостоятельностью решений, разумом, способным просчитать далёкие последствия собственных действий.

Деяния Петра I в сфере освоения новых территорий полностью укладываются в уже имеющееся в культуре представление о нём как о правителе, который одинаково сведущ во всех областях знаний и практической деятельности.

Список источников

- Бэр К.М. 1849. Заслуги Петра Великого по-части распространения географических познаний о России и пограничных съ нею земляхъ Азіи. Записки Русскаго географическаго общества. Книжка III. Санктпетербургъ, Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. Я. В. Канцеляріи: 217–253.
- Бэр К.М. 1850. Заслуги Петра-Великаго по-части распространения географическихъ познаний о Россіи и пограничныхъ съ нею земляхъ Азіи. Записки Императорскаго Русскаго географическаго общества. Книжка IV. Издана подѣ смотрѣніемъ В.В. Григорьева. Санктпетербургъ, въ типографіи Ф. Королькова: 260–283.

Список литературы

- Абрамзон Т.Е. 2006. Миф о Петре I в поэзии М.В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 16-2: 232–240.
- Абрамзон Т.Е. 2007а. Одические амшпау Петра Великого в мифологии власти А.П. Сумарокова. В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов. Том 13. Под ред. Е.И. Анненковой, О.М. Буранок. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена: 122–132.
- Абрамзон Т.Е. 2007б. Память образа и образ памяти о Петре Великом в поэзии Г.Р. Державина. В кн.: Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты. VIII Ручьевские чтения. Сборник материалов Международной научной конференции, Москва, 01 января – 31 декабря 2007 года. Под ред. В.Ф. Романова. М., Магнитогорский государственный университет: 5–10.
- Анисимов Е.В. 1989. Время петровских реформ. Л., Лениздат, 496 с.
- Вернадский В.И. 1988. Очерки по истории естествознания в России середины XVIII столетия. В кн.: Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. Под ред. А.Л. Яншина, С.Р. Микулинского, И.И. Мочалова. М., Наука: 63–201.
- Голубинский А.А. 2020. Образ Петра Великого в отечественной картографии. В кн.: Образ Петра Великого в мировой культуре. Сборник трудов XII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 31 мая – 01 июня 2019 года. СПб., Европейский Дом: 95–106.
- Готовцева А.Г. 2008. Географические открытия первой половины XVIII века и русская журналистика: журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 11: 11–28.
- Дорский А.Ю. 2013. Эстетика власти. СПб., Алетейя, 296 с.
- Конанова Е.И. 2008. Петр I в русском общественном сознании XVIII–первой половине XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 236 с.
- Коурова О.И. 2006. Коннотация как способ хранения культурной информации. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1, 68–73.
- Мальшев А.А. 2021а. Властители мира в петровских «Ведомостях» (1702–1727): стилистика священного и мирского. Медиаскоп, 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2724> (дата обращения: 21.10. 2022).
- Мальшев А.А. 2021б. Грамматика имени собственного в петровских «Ведомостях»: державный и полудержавный властелин. В кн.: Медиалингвистика. Материалы V международной научной конференции. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2021 года. Санкт-Петербург, Издательство ООО "Медиапапир": 54–58.
- Маркелова Т.В. 2013. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М., Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова, 300 с.
- Мезин С.А. 1984. Петр I в русской литературе и общественной мысли. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 277 с.
- «Он весь, как Божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике. 2022. Под ред. О.С. Кругликовой. СПб., Алетейя, 560 с.
- Павлов К.А. 2010. Русское географическое общество: история и современность. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 1: 4–8.

- Пашков А.М. 2022. 200-летний юбилей Петра I в переписке столичных историков и петрозаводских краеведов. *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*, 44(4): 28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765
- Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. 2006. Под ред. С.И. Николаева. СПб., Наука, 450 с.
- Руженцева Н.Б. 2019. Портреты политиков: типология и речевая организация. *Политическая лингвистика*, 5(77): 57–63. DOI: 10.26170/pl19-05-05
- Щепкин В.В. 2021. Россия и Петр I в исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 43(6), 77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659
- Щепкин В.В. 2022. Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 44(4), 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

References

- Abramzon T.E. 2006. Mif o Petre I v poezii M.V. Lomonosova: istoricheskoe i mifologicheskoe v obraze carja-reformatora [The myth of Peter I in the poetry of M.V. Lomonosov: historical and mythological in the image of the reformer tsar]. *Historical, Philological and Cultural Studies*, 16-2: 232–240.
- Abramzon T.E. 2007a. Odicheskie amplua Petra Velikogo v mifologii vlasti A.P. Sumarokova [Odic roles of Peter the Great in the mythology of power A.P. Sumarokov]. In: Problemy izuchenija russkoj literatury HVIII veka [Problems of Studying Russian Literature of the 18th Century]. Interuniversity collection of scientific papers. Vol. 13. Eds. E.I. Annenkova, O.M. Buranok. SPb., Publ. Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena: 122–132.
- Abramzon T.E. 2007b. Pamjat' obraza i obraz pamjati o Petre Velikom v poezii G.R. Derzhavina [The memory of the image and the image of the memory of Peter the Great in the poetry of G.R. Derzhavin]. In: Izmenjajushhasja Rossija v literaturnom diskurse: istoricheskij, teoreticheskij i metodologicheskij aspekty [Changing Russia in Literary Discourse: Historical, Theoretical and Methodological Aspects]. VIII Ruchevisky Readings. Collection of materials of the International Scientific Conference, Moscow, January 01 – December 31, 2007. Ed. V.F. Romanov. M., Publ. Magnitogorskij gosudarstvennyj universitet: 5–10.
- Anisimov E.V. 1989. Vremja petrovskih reform [Time of Peter's reforms]. L., Publ. Lenizdat, 496 p.
- Vernadskij V.I. 1988. Oчерки po istorii estestvoznanija v Rossii serediny XVIII stoletija [Essays on the history of natural science in Russia in the middle of the XVIII century]. In: Vernadskij V.I. Trudy po istorii nauki v Rossii [Proceedings on the history of science in Russia]. Eds. A.L. Janshin, S.R. Mikulinsky, I.I. Mochalov. M., Publ. Nauka: 63–201.
- Golubinskij A.A. 2020. Obraz Petra Velikogo v otechestvennoj kartografii [The image of Peter the Great in domestic cartography]. In: Obraz Petra Velikogo v mirovoj kul'ture [The Image of Peter the Great in World Culture]. Collection of Proceedings of the XII International Peter's Congress, St. Petersburg, May 31 – June 01, 2019. SPb., Publ. Evropejskij Dom: 95–106.
- Gotovceva A.G. 2008. Geographical discoveries of the first half of the 23th century and russian journalism: (monthly writings serving entertainment and enlightenment magazine). RGGU Bulletin. Journalism Literary Criticism Series, 11: 11–28 (in Russia).
- Dorskiy A.Yu. 2013. Estetika vlasti [Aesthetics of power]. SPb., Publ. Aleteyya, 296 p.
- Konanova E.I. 2008. Petr I v russkom obshchestvennom soznanii XVIII – pervoy polovine XIX v.: konstruirovaniye i dekonstruktsiya mifologicheskogo obraza [Peter I in the Russian public consciousness of the 18th – first half of the 19th century: construction and deconstruction of the mythological image]. Dis. ... cand. philol. sciences. Stavropol', 236 p.
- Kourova O.I. 2006. Konnotatsiya kak sposob khraneniya kul'turnoy informatsii [Connotation as a way of storing cultural information]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1: 68–73.
- Malyshev A.A. 2021a. World rulers in Peter's the Great 'Vedomosti' (1702–1727): stylistics of the sacred and profane. Mediascope. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2724> (accessed: 21.10. 2022).
- Malyshev A.A. 2021b. Grammar of the proper names in Peter's "Vedomosti": sovereign and semi-sovereign lords. In: Medialingvistika [Medialinguistics]. Materials of the V international scientific conference. Issue. 8. Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in the coordinates of mass media], St. Petersburg, June 30 – July 02, 2021. Sankt-Peterburg, Publ. Mediapapir: 54–58.

- Markelova T.V. 2013. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in Russian]. M., Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati imeni Ivana Fedorova, 300 p.
- Mezin S.A. 1984. Petr I v russkoy literature i obshchestvennoy mysli [Peter I in Russian Literature and Social Thought]. Dis. ... cand. philol. sciences. Saratov, 277 p.
- "On ves', kak Bozhiya groza": obraz Petra I v russkoy dorevolyutsionnoy zhurnalistike ["He is all like God's thunderstorm": the image of Peter I in Russian pre-revolutionary journalism]. 2022. Ed. O.S. Kruglikova. SPb., Publ. Aleteyya, 560 p.
- Pavlov K.A. 2010. Russian Geographic Society: Past and Present. *Service & Tourism: Current Challenges*, 1: 4–8 (in Russia).
- Pashkov A.M. 2022. Two-century anniversary of Peter the great in the correspondence of metropolitan historians and petrozavodsk local historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(4): 28–42 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765
- Petr I v russkoy literature XVIII veka. Teksty i kommentarii [Peter I in Russian literature of the 18th century. Texts and comments]. 2006. Ed. S.I. Nikolaev. SPb., Publ. Nauka, 450 p.
- Ruzhentseva N.B. 2019. Portraits of politicians: typology and verbal organization. *Political Linguistics*, 5(77): 57–63 (in Russia). DOI: 10.26170/pl19-05-05
- Shchepkin V.V. 2021. Russia and peter the great in the historical conception of japanese writer Shiba Ryotaro. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(6): 77–83 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659
- Shchepkin V.V. 2022. The image of Peter the great in Meiji Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(4), 80–89 (in Russia). DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11. 2022

Received November 11, 2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Revised February 06, 2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Прокофьева Наталья Анатольевна, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Natalia A. Prokofieva, Associate Professor of the Department of Media Linguistics, Institute "School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Щеглова Екатерина Александровна, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ekaterina A. Shcheglova, Researcher of Institute for Linguistic Studies, RAS, Associate Professor of the Institute "School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.1

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65

К вопросу о содержании и условиях реализации профессионально-ориентированного иноязычного образования

Анисимова А.Т.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13
E-mail: anna_smv@mail.ru

Аннотация. Классическое языковое обучение в условиях современной образовательной среды переходит в более функциональный формат, в котором иностранный язык из объекта преподавания и изучения трансформируется в дидактический инструмент профессионального образования. Анализ научно-педагогических публикаций позволяет утверждать, что наиболее перспективной в этом отношении моделью является предметно-языковой интегрированный подход к иноязычному образованию (CLIL модель). Несмотря на значительный корпус публикаций, посвященных различным аспектам данной модели, проблема разработки принципов и критериев отбора предметно-тематического содержания обучения не выступала предметом отдельного изучения, что определило актуальность настоящей работы. Целью данного исследования является определение принципов формирования учебного контента, а также выявление проблемных зон на пути реализации интегрированного обучения. В статье рассматриваются наиболее актуальные и дискуссионные вопросы и условия организации обучения по CLIL модели.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение; CLIL модель; дидактические принципы; организационно-педагогические условия; разработка учебных материалов; профессиональный дискурс; профессионально-ориентированное обучение иностранному языку

Для цитирования: Анисимова А.Т. 2023. К вопросу о содержании и условиях реализации профессионально-ориентированного иноязычного образования. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 55–65. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65

On the Content and Conditions of Professional Foreign Language Training

Anna T. Anisimova

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University,
13 Kalinina St, Krasnodar 350044, Russia
E-mail: anna_smv@mail.ru

Abstract. The challenges of the modern educational environment foster the transformation of classical language teaching into a more functional format in which language is not to be viewed as the only goal of learning and teaching but as a didactic instrument of professional education. Thematic analysis was used as the theoretical-methodological reference to the problem which revealed that the most promising model in this regard is the content-language integrated approach to foreign language education (CLIL model). Despite the considerable body of publications devoted to various aspects of this model, the problem of

developing principles and criteria for selecting the subject-thematic teaching content was not the object of separate study, which determined the relevance of this work. The study reported in this article deals with the development of didactic approach to teaching materials development and reveals the problematic areas on the way of integrated language learning implementation. The article discusses the most relevant and controversial issues and conditions for the organization of training within CLIL model framework.

Keywords: content-language integrated teaching/learning; CLIL модель; didactic principles; organizational and pedagogical conditions; development of teaching material; professional discourse; professionally-oriented foreign language teaching

For citation: Anisimova A.T. 2023. On the Content and Conditions of Professional Foreign Language Training. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 55–65 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65

Введение

Владение иностранным языком в настоящее время является неоспоримым преимуществом для профессионала в любой сфере деятельности, необходимым условием реализации внутреннего потенциала и достижения профессиональных целей. В современном мире иностранный язык (как правило, английский) стал частью профессии, что в образовательной среде отразилось на сдвиге парадигмы обучения иностранному языку (ИЯ) в сторону профессионального контента. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции является требованием современных ФГОС ВО, предъявляемым ко всем образовательным программам высшего образования на всех специальностях и направлениях подготовки.

Однако высокие требования к качеству обучения ИЯ, как показывает практика, далеко не всегда соответствуют реалиям и не могут быть выполнены по ряду причин. Проблемы и перспективы развития иноязычного образования в российских вузах широко и разносторонне обсуждаются в научно-педагогической литературе [Хомутова, 2013; Крылов, 2016; Аругтюнян, 2017; Алмазова и др., 2018; Завьялов, 2018; Капранчикова, 2018; Салехова, 2018; Сысоев, 2019; Морозова, 2020; Попова и др., 2020; Сысоев, 2020; Амерханова, 2021; Завьялов, 2021; Капранчикова и др., 2021; Сидоренко и др., 2021; Макерова, 2022; Сысоев, Токмакова, 2022; Ширяева, Литвишко, 2022]. Мы же в данной работе обращаемся к не менее актуальной проблеме, решение которой зависит от профессиональной компетенции и квалификации самого преподавателя, а именно учебно-методическое обеспечение курса иностранного языка, качество учебных материалов, предлагаемых обучающимся.

Цель исследования: в ходе исследования данной проблемы мы ставили перед собой следующие цели и задачи: сформулировать принципы подбора учебного материала и критерии разработки проблемных заданий для эффективного обучения иностранному языку в профессиональной сфере; выявить проблемные зоны и организационно-педагогические условия, от которых зависит эффективность реализации иноязычного профессионально-ориентированного обучения.

Методы исследования: Для решения поставленных задач использовался метод теоретического анализа отечественной и зарубежной научно-педагогической литературы, эмпирический метод педагогического наблюдения.

Общая характеристика методологии и предметно-языковой интегрированной модели обучения иностранному языку (CLIL)

Методическая задача интеграции иноязычного образования и профессионального контента, а также вызовы образовательной среды, способствовали поиску адекватной лингводидактической модели. Обучение ИЯ на неязыковых специальностях в настоящее время, как правило, сводится к чтению иноязычных текстов профессиональной направ-

ленности, заучиванию профессиональной лексики, переводу текстов и отдельных предложений с иностранного языка на родной и наоборот [Алмазова и др., 2018; Завьялов, 2021; Сысоев, Токмакова, 2022]. Совершенно очевидно, что данный подход, известный в научно-методической литературе как иностранный язык для специальных целей (англ. English for Specific Purposes – сокр. ESP), не решает задачу обучения иноязычному общению, что позволило бы современным специалистам использовать ИЯ для полноценного участия в международных профессиональных сообществах, научных мероприятиях, способствуя как личному профессиональному образованию, так и развитию своей профессиональной отрасли. В связи с этим в вузовской практике обучения иностранному языку получил распространение так называемый предметно-языковой интегрированный подход (англ. Content and Language Integrated Learning – сокр. CLIL), который предполагает одновременное овладение предметным знанием и иностранным языком [Marsh, 1994]. В отличие от ESP модели, CLIL модель предполагает развитие всех видов иноязычной речевой деятельности на предметно-тематическом материале профессиональной направленности, а также изучение студентами профессионального дискурса, который служит основой для разработки практических заданий и упражнений, квази-профессиональных задач и кейсов, «направленных на достижение первой цели – овладение иностранным языком в профессиональной сфере» [Амерханова, 2021].

Сдвиг образовательной парадигмы от обучения к изучению ИЯ, на который указывают исследователи [Research for Materials..., 2010], отразился на изменении отношения обучающихся к предметному содержанию обучения. Обучающиеся эффективнее усваивают то, в чем они видят интерес и потребность. Это стимулирует их когнитивную деятельность и повышает мотивацию к изучению ИЯ, который из цели обучения переходит в разряд средств овладения профессиональными знаниями и, таким образом, способствует комплексному профессиональному развитию студентов.

Однако, несмотря на мощный лингводидактический потенциал, данная образовательная модель имеет ряд ограничений, с которыми приходится считаться организаторам учебного процесса на российском образовательном пространстве. К числу таких ограничений относятся: нестандартные требования к профессиональной компетенции преподавателя, который помимо собственной коммуникативной иноязычной компетенции должен владеть методикой преподавания ИЯ и профильных дисциплин, а также быть компетентным в предметной области реализации образовательной программы; высокие требования к уровню владения ИЯ обучающихся, который должен быть в диапазоне В1-В2 по общеевропейской шкале CEFR (Common European Framework of Reference); и, наконец, организация обучения по CLIL модели требует разработки учебно-методических материалов, соответствующих содержательно профильной специализации образовательной программы, методически – принципам и технологиям обучения ИЯ. Отбор предметного содержания обучения является одним из ключевых аспектов разработки интегрированного курса иностранного языка.

Принципы формирования учебного контента

Проблема разработки учебных материалов для языкового образования легла в основу нового и быстро развивающегося академического направления прикладной лингвистики [Tomlinson, 2022, p. 3–5], что свидетельствует о её актуальности и методическом потенциале. Сформировавшийся к настоящему времени обширный корпус исследований в этой области предлагает теоретическое обоснование и практические принципы формирования учебного контента. В отечественной лингводидактике данное направление также чрезвычайно востребовано, свидетельством чему являются многочисленные разработки в области юриспруденции [Завьялов, 2018; Сысоев, 2019], экономики [Амерханова, 2018], в аграрном секторе [Капранчикова, 2018; Сысоев, Токмакова, 2022], для вузов музыкаль-

ного профиля [Максаев, 2019], докторские диссертации [Салехова, 2008; Крылов, 2016], коллективная монография [Алмазова и др., 2018]. Эти и многие другие исследования последних лет, рассматривая общие и частные вопросы реализации предметно-языкового обучения ИЯ в российском высшем образовании, создают серьезную методологическую базу для совершенствования методики преподавания, а также дальнейших разработок предметного компонента учебных материалов в соответствии с направленностью образовательной программы.

На основе анализа публикаций отечественных и зарубежных лингвистов мы выделили и классифицировали дидактические принципы подбора, использования и разработки учебного контента при составлении учебных пособий, организации образовательного процесса предметно-языкового интегрированного курса.

Принцип межпредметных связей и взаимообусловленности. Подход к определению предметно-тематического содержания обучения при реализации CLIL модели не предполагает простой выбор дисциплины из учебного плана образовательной программы. Так, Л.Л. Салехова отводит определяющую роль контекстным факторам, таким как «квалификация учителя или преподавателя, языковая поддержка, возраст учеников и социальные требования среды обучения» [Салехова, 2018, с. 183], а также не исключает тематическое, межпредметное и междисциплинарное содержание [Салехова, 2018]. Мы считаем, что при подборе материала следует, прежде всего, учитывать междисциплинарное взаимодействие и взаимообусловленность компонентов учебного плана, что позволит интегрировать обучение ИЯ в предметное содержание образовательной программы. В таком случае интегрированный курс будет состоять из предметно-тематических модулей, относящихся к разным дисциплинам специализации и участвовать в формировании общих и специальных профессиональных компетенций наряду с универсальной коммуникативной компетенцией. При этом непременно следует принимать во внимание семестр, в котором реализуются профильные дисциплины, на что указывает П.В. Сысоев: «Предметно-тематические модули интегрированного курса должны быть направлены на обогащение и расширение профессиональных знаний и практики студентов одновременно или после изучения ими конкретных профильных дисциплин на родном языке» [Сысоев, 2020, с. 171].

Принцип дублирования и дополненности. Данный принцип непосредственно связан с предыдущим, дополняет его и уточняет. Формирование тематических модулей интегрированного курса ИЯ должно соответствовать логике составления учебного плана специальности, так чтобы учебный материал на ИЯ дублировал, а в некоторых случаях дополнял изученный материал на родном языке. Разделы тематических модулей должны разнообразить изучение профильных дисциплин на родном языке, освещая международный опыт, развивая навыки работы с профессиональным дискурсом на языке оригинала. Создание продуктивной билингвальной образовательной среды будет способствовать повышению мотивации обучающихся как к освоению профессионального контента, так и к изучению ИЯ.

Принцип внутривысшей специализации. Предметно-тематический компонент профессионально-ориентированного обучения ИЯ, как правило, содержательно соответствует общему направлению образовательной программы, что представляет интерес для всех профилей подготовки. Однако, по справедливому замечанию П.В. Сысоева, «наряду с инвариантным компонентом, характерным для всех профилей обучения» необходимо «включать и вариативный компонент, отражающий специфику будущей профессиональной деятельности выпускников конкретного профиля обучения в рамках направления подготовки» [Сысоева, 2019, с. 360].

Принцип проблемности и актуальности. Тексты, задания к текстам должны стимулировать когнитивно-коммуникативную деятельность обучающихся, что подразумевает активное вовлечение обучающихся в образовательный процесс через «работу с реальными жизненными ситуациями, а не с воображаемыми объектами, что свойственно большин-

ству традиционных методов обучения. В данном контексте и практики, и исследователи в сфере лингводидактики единодушны во мнении о том, что именно конкретность и актуальность учебных заданий стимулирует познавательную деятельность учащихся, побуждая их мыслить реальными терминами, в то же время, овладевая реальными профессиональными знаниями произвольно и эмоционально» [Ширяева, Литвишко, 2022, с. 16].

Принцип аутентичности профессионального языкового материала. Перевод учебных пособий, написанных на родном языке обучающихся, исследователи считают «демотивирующим фактором для учащихся, которые борются с содержанием, обусловленным языковыми требованиями неродного языка и культурной сложностью текста» [Czura, 2017, p. 36]. При отборе учебного материала следует ориентироваться на оригинальные англоязычные тексты профессиональной направленности различных функциональных стилей, учитывая при этом не только содержательную ценность, но и «дидактическую сообразность текста» [Сысоев, 2020], в том числе уровень владения обучающимися иностранным языком.

Примером задания на развитие понимания профессионального текста непосредственно на языке оригинала, не прибегая к переводу, могут служить упражнения на краткий пересказ текста (summary), изложение материала русскоязычного текста английским языком (rendering).

Принцип имплицитного обучения следует учитывать при разработке заданий по освоению учебного материала. Овладение коммуникативной компетентностью первично, как утверждают исследователи [Tomlinson, 2022], и является основой формирования имплицитного языкового знания. Комплекс коммуникативных проблемных заданий следует основывать на приоритете коммуникативной деятельности над языковой корректностью.

Если в ESP подходе доминирует лингвистическая составляющая, то CLIL модель предполагает сбалансированность предметного и языкового компонентов. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке практических заданий, сместив акцент с лексико-грамматических упражнений на нестандартные формы работы с языковым материалом, опираясь на языковой компонент как инструмент в решении познавательных задач. В основе CLIL модели лежит категория знания – фундаментальная категория образования, а основным способом его освоения является «конструктивистский» (см. *constructed vs instructed* [Westwood, 2008]), направленный на формирование концептуальных представлений и совершенствование интеллектуальных способностей обучаемого в отличие от трансляции, запоминания и воспроизведения готового знания.

Работа с аутентичным текстом, который традиционно остается центральным элементом обучения, строится вокруг смыслов, а не формы. Задания по усвоению концептуальных смыслов текста стимулируют механизмы смыслопорождения и сопряженные с ними когнитивные процессы, участвующие в овладении иностранным языком. К таким заданиям можно отнести выделение ключевых слов, скрытых посланий (messages), составление концептуально-схематических планов (КСП) – графических блок-схем, включающих все ключевые термины и причинно-следственные цепочки [Вдовина, 2018]. Обучающиеся выполняют задания по интерпретации содержания текста, используя КСП в качестве визуальной основы; обсуждают дискуссионные моменты; выполняют творческие письменные задания в рамках тематического модуля. Грамматические и лексические структуры, слова, значение которых угадывается из контекста, автоматически заполняют лакуны в ментальной матрице обучаемого, образуя фундамент свободного владения языком.

Принцип дифференцированного подхода к работе с текстом [Морозова, 2020]. Работе с профессионально-ориентированным иноязычным текстом как источником нового знания отводится главная роль в интегрированном курсе. Обучение пониманию профессиональных иноязычных текстов должно быть организовано с учетом иерархии информационных уровней – от низшего семантического уровня ко второму уровню когнитивного понимания и верхнему смысловому уровню значащих переживаний [Богин, 2009].

В зависимости от цели чтения и уровня понимания выделяют такие виды чтения, как ознакомительное, изучающее, просмотровое, поисковое [Фоломкина, 2005]. Дифференцированный подход к работе с текстом подразумевает обучение студентов разным типам чтения, привлечение и освоение новых лексических единиц и грамматических конструкций на разных этапах работы с контентом (чтение, осмысление, анализ). Итоговым контролем понимания текста и усвоения языкового материала может быть интегративное задание в виде дискуссии, ролевой игры, творческого письменного задания.

Студентоцентрированный подход к обучению при условии соблюдения вышеописанных принципов открывает студентам возможности усваивать иностранный язык через собственные открытия и эвристики функционирования языка в речи.

Руководствуясь именно таким подходом, а также принципами подбора учебного материала, описанными выше, мы разработали несколько предметно-тематических модулей в рамках курса профессионального иностранного языка для магистрантов образовательной программы «Управление комплексным развитием сельских территорий». Так, модуль «Public Administration and Rural Development Policy» («Государственное управление и политика развития сельских территорий») дополняет в содержательном плане профильные дисциплины. Работа с текстами различных функциональных стилей предусматривает критическое аналитическое чтение, анализ и обсуждение актуальных научно-исследовательских статей данной тематики, научно-популярных и публицистических текстов в рамках подтемы «EU Rural Development Policy» («Зарубежный опыт развития сельских территорий»). Комплекс проблемных заданий направлен на развитие навыков академического письма и ведения дискуссии на профессиональные темы. Данное учебное пособие находится в стадии разработки и апробирования на факультете управления КубГАУ.

Организационно-педагогические условия реализации CLIL модели

В реалиях российского высшего образования эффективность реализации CLIL подхода в обучении иностранному языку, а также вышеуказанных принципов при разработке учебного материала для интегрированного курса, зависит от ряда факторов и педагогических условий, которые широко обсуждаются в многочисленных научно-педагогических публикациях. Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, актуальные.

Первостепенное значение для успешной реализации данной методики имеет квалификация преподавателя. Ведение занятий по профильным дисциплинам на иностранном языке преподавателями-предметниками является наиболее предпочтительным, но далеко не всегда осуществимым. Требуемый для этого уровень владения ИЯ не ниже B2 (CEFR) у преподавателя профильной кафедры – такое же трудно выполнимое условие, как и дополнительное профессиональное образование в предметной области преподавателя иностранного языка.

Тем не менее, в отечественном иноязычном образовании накоплен определенный опыт в решении данной проблемы. Прежде всего, это опыт межкафедрального взаимодействия профильных и языковых подразделений вуза, который используется для разработки учебно-методических материалов на основе предметно-языкового интегрированного обучения [Попова и др., 2020]; специальная подготовка профессиональных кадров через программы повышения квалификации преподавателей иностранного языка и языковой подготовки преподавателей профильных дисциплин [Завьялов, 2021]; тандем-метод (преподавательский тандем), когда оба специалиста участвуют в реализации интегрированного курса, при этом «преподаватель иностранного языка обучает иноязычной составляющей курса и контролирует ее, а преподаватель профильных дисциплин – содержательной составляющей» [Амерханова, 2021, с. 37].

Однако необходимо признать, что массовое внедрение данных практик в систему иноязычного образования не происходит по причине высоких затрат временных и матери-

альных ресурсов. Мы склоняемся к компромиссному и более щадящему, но не менее продуктивному, по нашему мнению, подходу к решению данной проблемы. Задача предметно-языкового синтеза решается лингвистом – преподавателем ИЯ, обладающим необходимыми знаниями и компетенциями в объеме, достаточном для организации изучения отдельных предметно-языковых модулей. Преподаватель ИЯ выполняет роль организатора, руководителя и партнера, направляя учебный дискурс на взаимодействие и сотрудничество обучаемых, делая акцент на автономии обучаемых, что создает атмосферу творческого партнерства между преподавателем и студентами. Данный подход способствует переакцентуации учебного процесса с обучения на изучение, что соответствует современным образовательным трендам, на который указывают исследователи [Research for Materials..., 2010].

Не менее важным условием эффективной реализации предметно-языкового интегрированного курса является исходный уровень владения иностранным языком самих обучающихся, который также должен быть в диапазоне В1-В2 (CEFR). Данное педагогическое условие детально описывает и убедительно аргументирует В.В. Завьялов [Завьялов, 2021], его необходимость эмпирически доказана практикой реализации CLIL модели. Уровень В1 (средний) соответствует требованиям ФГОС основного общего образования к моменту окончания средней общеобразовательной школы. Однако в реальности уровень владения ИЯ первокурсников не представляется возможным оценить выше А1-А2 (начальный), по крайней мере, для регионального вуза это так в большинстве случаев. Ситуацию можно было бы поправить в вузе через коррекционный курс на бакалавриате, и соблюдение условия непрерывности изучения иностранного языка, что, к сожалению, не соответствует сложившейся практике. Как правило, ИЯ как обязательная дисциплина изучается на первых двух курсах бакалавриата, а нередко только на первом курсе, после чего следует перерыв, последствия которого проявляются на уровне магистратуры, программные требования которой значительно превышают реальный уровень владения ИЯ студентов и становятся формальностью. Такая ситуация отрицательно сказывается на мотивации как студентов, так и преподавателей, и, как следствие, на результатах образовательного процесса.

Нам представляется, что решение данной проблемы, как и вышеупомянутой кадровой проблемы, напрямую зависит от языковой политики вуза. Организация иноязычного образования в вузе должна учитывать реальную трудоемкость процесса изучения иностранного языка, который, согласно исследованиям, требует 2,5–3 года регулярных занятий [Сидоренко и др., 2021], при этом для формирования уровня В1 требуется временной ресурс не менее 300 часов.

Заключение

Предметно-языковой интегрированный подход к обучению иностранному языку (CLIL модель) представляет собой инновационную образовательную модель, которая способна произвести желаемый синергетический эффект в иноязычном профессиональном образовании при условии устранения выявленных проблемных зон и следования рекомендуемым дидактическим принципам.

В данной работе на основе анализа исследований отечественных и зарубежных ученых, а также личного профессионального опыта был выявлен и обоснован ряд принципов формирования учебного контента для эффективной реализации CLIL модели: принцип межпредметных связей и взаимообусловленности; принцип дублирования и дополнительности; принцип внутривузовской специализации; принцип проблемности и актуальности; принцип аутентичности профессионального языкового материала; принцип имплицитного обучения; принцип дифференцированного подхода к работе с текстом.

Эпизодический характер использования CLIL модели в российских вузах объясняется проблемами, решение которых выходит за рамки компетенции отдельных подразделений вуза. Выполнение непреодолимых для многих региональных вузов педагогических условий полноценной реализации данной методики зависит от политики вуза, который должен взять реальный курс на обновление образовательных технологий.

Список литературы

- Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Вдовина Е.К., Гальскова Н.Д., Крылов Э.Г., Минакова Л.Ю., Обдалова О.А., Рыбушкина С.В., Салехова Л.Л., Серова Т.С., Сидоренко Т.В., Шульгина Е.М. 2018. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов. Под ред. Л.П. Халяпиной. СПб., Изд-во Политехн. ун-та, 380 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83
- Амерханова О.О. 2021. Особенности внедрения CLIL-курса «Иностранный язык в профессиональной сфере» для студентов неязыковых направлений подготовки. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 26(192): 33–43. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-192-33-43
- Арутюнян В.С. 2017. Иноязычное образование в вузе: проблемы, методы, ресурсы, перспективы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2: 225–233.
- Богин Г.И. 2009. Уровневое развитие языковой личности. В кн.: Обретение способности понимать: работы разных лет. В 2-х т. Том 1. Тверь, Твер. гос. ун-т: 5–103.
- Вдовина Е.К. 2018. Разработка и реализация модели, интегрирующей экономические дисциплины и академический английский язык в СПбПУ Петра Великого. В кн.: Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Вдовина Е.К., Гальскова Н.Д., Крылов Э.Г., Минакова Л.Ю., Обдалова О.А., Рыбушкина С.В., Салехова Л.Л., Серова Т.С., Сидоренко Т.В., Шульгина Е.М. 2018. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов. Под ред. Л.П. Халяпиной. СПб., Изд-во Политехн. ун-та: 246–293. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83
- Завьялов В.В. 2018. Особенности отбора предметной стороны содержания обучения английскому языку студентов направления подготовки «Юриспруденция». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 23(177): 30–38. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-177-30-38
- Завьялов В.В. 2021. Педагогические условия предметно-языкового интегрированного обучения студентов нелингвистических направлений подготовки (на примере направления подготовки «Юриспруденция»). *Общество. Коммуникация. Образование*, 12(2): 63–74. DOI: 10.18721/JHSS.12205
- Капранчикова К.В. 2018. Особенности отбора предметного содержания обучения иностранному языку в аграрном вузе. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 23(176): 46–55. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-176-46-55
- Капранчикова К.В., Завгородняя Е.Л., Саенко Е.С. 2021. Межкафедральное взаимодействие в аграрном вузе как основа для разработки курса профессионального иностранного языка на основе модели интегрированного предметно-языкового обучения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 26(190): 69–78. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-69-78
- Крылов Э.Г. 2016. Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе. Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Екатеринбург, 52 с.
- Макурова Н.В. 2022. Теоретические аспекты предметно-языковой интеграции в неязыковом вузе. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 6(208): 227–234. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.6.p227-234
- Максаев А.А. 2019. Проектирование предметного содержания учебных программ по иностранному языку для студентов вузов музыкального профиля. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24(179): 58–68. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-179-58-68
- Морозова Г.А. 2020. Дифференцированный подход при обучении студентов стратегиям понимания профессионально ориентированных иноязычных текстов. *Вестник Владимирского*

государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки, 43(62): 109–117.

- Попова Н.В., Алмазова Н.И., Евтушенко Т.Г., Зиновьева О.В. 2020. Опыт внутривузовского сотрудничества в процессе создания профессионально-ориентированных учебников по иностранному языку. *Высшее образование в России*, 29(7): 32–42. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-32-42
- Салехова Л.Л. 2008. Дидактическая модель билингвального обучения математике в высшей педагогической школе. Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Казань, 44 с.
- Салехова Л.Л. 2018. Интегрированное предметно-языковое обучение CLIL: использование в контексте национально-русского билингвизма (опыт Казанского федерального университета). В кн.: Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Вдовина Е.К., Гальскова Н.Д., Крылов Э.Г., Минакова Л.Ю., Обдалова О.А., Рыбушкина С.В., Салехова Л.Л., Серова Т.С., Сидоренко Т.В., Шульгина Е.М. 2018. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов. Под ред. Л.П. Халыпиной. СПб., Изд-во Политехн. ун-та: 181–210. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83
- Сидоренко Т.В., Замятина О.М., Кудряшова А.В. 2021. Анализ эффективности интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL) в российском университете. *Язык и культура*, 54: 299–317. DOI: 10.17223/19996195/54/17
- Сысоев П.В. 2019. Дискуссионные вопросы внедрения предметно-языкового интегрированного обучения студентов профессиональному общению в России. *Язык и культура*, 48: 349–371. DOI: 10.17223/19996195/48/22
- Сысоев П.В. 2020. Этапы разработки учебных материалов для предметно-языкового интегрированного обучения. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3: 169–178.
- Сысоев П.В., Токмакова Ю.В. 2022. Разработка методики предметно-языкового интегрированного обучения студентов аграрного вуза. *Перспективы науки и образования*, 1 (55): 221–235. DOI: 10.32744/pse.2022.1.14
- Фоломкина С.К. 2005. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Под ред. Н.И. Гез. М., Высшая школа, 255 с.
- Хомутова Т.Н. 2013. Иноязычное образование в вузе: состояние, проблемы, решения. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 10(1): 101–105.
- Ширяева Т.А., Литвишко О.М. 2022. CLIL как ответ на современные вызовы в профессиональном образовании. *Вопросы прикладной лингвистики*, 1(45): 7–36. DOI: 10.25076/vpl.45.01
- Czura A. 2017. Translation is not Enough – the Need for Pedagogical Adaptation in CLIL Textbook Development. *Porta Linguarum*, 27: 35–46. DOI: 10.30827/Digibug.53950
- Marsh D. 1994. Bilingual Education & Content and Language Integrated Learning. International Association for Cross-cultural Communication, Language Teaching in the Member States of the European Union (Lingua) University of Sorbonne. Paris.
- Research for Materials Development in Language Learning: Evidence for Best Practice. 2010. Eds. B. Tomlinson, H. Masuhara. London, Bloomsbury Academic, 432 p. DOI: 10.5040/9781474211949.ch-001
- Tomlinson B. 2022. The discipline of materials development. In: *Routledge Handbook of Materials Development for Language Teaching*. Eds. J. Norton, H. Buchanan. London, Routledge, Ch. 1, 14 p. DOI: 10.4324/b22783
- Westwood P. 2008. What teachers need to know about teaching methods. Camberwell, Acer Press, 105 p.

References

- Almazova N.I., Baranova T.A., Vdovina E.K., Gal'skova N.D., Krylov E.G., Minakova L.Yu., Obdalova O.A., Rybushkina S.V., Salekhova L.L., Serova T.S., Sidorenko T.V., Shul'gina E.M. 2018. Integrirovannoe obuchenie inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov [Integrated teaching of foreign languages and professional disciplines. Experience of Russian universities]. Ed. L.P. Khalyapina. SPb., Publ. Politekhn. un-ta, 380 p. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83

- Amerkhanova O.O. 2021. Features of the implementation of the CLIL-course “Foreign Language in the Professional Sphere” for students of non-linguistic programmes. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 26(192): 33–43 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-192-33-43
- Arutyunyan V.S. 2017. Foreign language education in universities: problems, methods, resources, prospects. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistik*, 2: 225–233 (in Russian).
- Bogin G.I. 2009. Urovnevoe razvitiye yazykovoy lichnosti [Level development of linguistic personality]. In: Obreteniye sposobnosti ponimat': raboty raznykh let [Acquisition of the ability to understand: works of different years]. In 2 vol.. Vol. 1. Tver', Publ. Tver. gos. un-t: 5–103.
- Vdovina E.K. 2018. Razrabotka i realizatsiya modeli, integriruyushchey ekonomicheskie distsipliny i akademicheskoy angliyskiy yazyk v SPbPU Petra Velikogo [Development and implementation of a model that integrates economic disciplines and academic English at Peter the Great SPbPU]. In: Almazova N.I., Baranova T.A., Vdovina E.K., Gal'skova N.D., Krylov E.G., Minakova L.Yu., Obdalova O.A., Rybushkina S.V., Salekhova L.L., Serova T.S., Sidorenko T.V., Shul'gina E.M. 2018. Integrirovannoe obucheniye inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov [Integrated teaching of foreign languages and professional disciplines. Experience of Russian universities]. Ed. L.P. Khalyapina. SPb., Publ. Izd-vo Politekh. un-ta: 246–293. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83
- Zav'yalov V.V. 2018. Selection features of the subject side of the content of english teaching to students of "jurisprudence" programme. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 23(177): 30–38 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-177-30-38
- Zav'yalov V.V. 2021. Pedagogical conditions of content and language integrated learning of students of non-linguistic directions of training (on the example of the direction of training “law”). *Terra Linguistica*, 12(2): 63–74 (in Russian). DOI: 10.18721/JHSS.12205
- Kapranichikova K.V. 2018. Features of the selection of the subject content of teaching a foreign language in the agrarian university. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 23(176): 46–55 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-176-46-55
- Kapranichikova K.V., Zavgorodnyaya E.L., Saenko E.S. 2021. Interdepartmental interaction in an agrarian university as a basis for the development of a professional foreign language course based on the model of content and language integrated learning. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 26(190): 69–78 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-69-78
- Krylov E.G. 2016. Integrativnoe bilingval'noe obucheniye inostrannomu yazyku i inzhenernym distsiplinam v tekhnicheskoy vuz [Integrative bilingual teaching of a foreign language and engineering disciplines at a technical university]. Abstract dis. ... doc. ped. Sciences. Yekaterinburg, 52 p.
- Makerova N.V. 2022. Theoretical aspects of content and language integration at non-linguistic university. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 6(208): 227–234 (in Russian). DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.6.p227-234
- Maksaev A.A. 2019. Content design of foreign language academic programmes for students at the musical universities. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 24(179): 58–68 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-179-58-68
- Morozova G.A. 2020. Differentiated approach to teaching non-linguistic students the strategies of comprehension of professionally oriented texts. *Bulletin of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*, 43(62): 109–117 (in Russian).
- Popova N.V., Almazova N.I., Evtushenko T.G., Zinov'eva O.V. 2020 Experience of Intra-University Cooperation in the Process of Creating Professionally-Oriented Foreign Language Textbooks. *Higher Education in Russia*, 29(7): 32–42 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-32-42
- Salekhova L.L. 2008. Didakticheskaya model' bilingval'nogo obucheniya matematike v vysshey pedagogicheskoy shkole [Didactic model of bilingual teaching of mathematics in higher pedagogical school]. Abstract dis. ... doc. ped. Sciences. Kazan, 44 p.
- Salekhova L.L. 2018. Integrirovannoe predmetno-yazykovo obucheniye CLIL: ispol'zovaniye v kontekste natsional'no-russkogo bilingvizma (opyt Kazanskogo federal'nogo universiteta) [Integrated subject-language teaching CLIL: use in the context of national-Russian bilingualism (experience of Kazan Federal University)]. In: Almazova N.I., Baranova T.A., Vdovina E.K., Gal'skova N.D., Krylov E.G., Minakova L.Yu., Obdalova O.A., Rybushkina S.V., Salekhova L.L., Serova T.S., Sidorenko T.V., Shul'gina E.M. 2018. Integrirovannoe obucheniye inostrannym yazykam i professional'nym

- distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov [Integrated teaching of foreign languages and professional disciplines. Experience of Russian universities]. Ed. L.P. Khalyapina. SPb., Publ. Politekhn. un-ta: 181–210. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id18-83
- Sidorenko T.V., Zamyatina O.M., Kudryashova A.V. 2021. Analysis on content and language integrated learning perspectives in Russian universities. *Language and Culture*, 54: 299–317 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/54/17
- Sysoev P.V. 2019. Controversial issues of the introduction of content and language integrated learning approach to teaching foreign language professional communication in Russia. *Language and Culture*, 48: 349–371 (in Russian). DOI 10.17223/19996195/48/22
- Sysoev P.V. 2020. Stages of the Development of Teaching Materials for Content and Language Integrated Learning. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 3: 169–178 (in Russian).
- Sysoev P.V., Tokmakova Yu.V. 2022. Teaching agricultural university students professional foreign language and a specialized major via an integrated course. *Perspectives of Science and Education*, 1(55): 221–235. DOI: 10.32744/pse.2022.1.14
- Folomkina S.K. 2005. Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze [Learning to read in a foreign language in a non-linguistic university]. Ed. N.I. Gez. M., Publ. Vysshaya shkola, 255 p.
- Khomutova T.N. 2013. Foreign language teaching at the university level: state of the art, problems and solutions. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 10(1): 101–105 (in Russian).
- Shiryaeva T.A., Litvishko O.M. 2022. CLIL as a reply to modern challenges in the vocational education. *Issues of Applied Linguistics*, 1(45): 7–36 (in Russian). DOI: 10.25076/vpl.45.01
- Czura A. 2017. Translation is not Enough – the Need for Pedagogical Adaptation in CLIL Textbook Development. *Porta Linguarum*, 27: 35–46. DOI: 10.30827/Digibug.53950
- Marsh D. 1994. Bilingual Education & Content and Language Integrated Learning. International Association for Cross-cultural Communication, Language Teaching in the Member States of the European Union (Lingua) University of Sorbonne. Paris.
- Research for Materials Development in Language Learning: Evidence for Best Practice. 2010. Eds. B. Tomlinson, H. Masuhara. London, Bloomsbury Academic, 432 p. DOI: 10.5040/9781474211949.ch-001
- Tomlinson B. 2022. The discipline of materials development. In: *Routledge Handbook of Materials Development for Language Teaching*. Eds. J. Norton, H. Buchanan. London, Routledge, Ch. 1, 14 p. DOI: 10.4324/b22783
- Westwood P. 2008. What teachers need to know about teaching methods. Camberwell, Acer Press, 105 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Received September 05, 2022

Поступила после рецензирования 31.01.2023

Revised January 31, 2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анисимова Анна Тихоновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

Anna T. Anisimova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Foreign Languages Department, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

УДК [378:61-057.875]:[001.101:004]
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-66-79

Анализ информационной компетентности обучающихся медицинского вуза на начальном этапе подготовки

Васильева М.Р., Апанович М.С., Мягкова Е.Г.

Красноярский государственный медицинский университет имени
профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,

Россия, 660022, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1

E-mail: malika951@yandex.ru; marina.apanovich@list.ru; myagkova@krasgmu.ru

Аннотация. На сегодняшний день формирование информационной компетентности студентов медицинского вуза является неотъемлемой частью образовательного процесса, поскольку обучающиеся активно используют информационные технологии в своей учебной и профессиональной деятельности. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования информационной компетентности студентов медицинского вуза. Целью данного исследования является оценка базового уровня информационной компетентности студентов, поступивших в медицинский вуз, сформировавшегося в результате освоения образовательной программы основного общего образования. Было проведено анкетирование студентов, в котором приняли участие 98 человек. Знания студентов оценивались с помощью тестирования, практические умения – при помощи контролируемых материалов. Результаты исследования показали различные уровни подготовки по информатике, что значительно усложняет образовательный процесс. Полученные данные могут представлять интерес для преподавателей информатики и информационных технологий в медицинских вузах при коррекции учебных программ в целях повышения эффективности формирования информационной компетентности студентов.

Ключевые слова: информационная компетентность, информационная культура, информатика, программные редакторы, практические навыки, студенты медики

Для цитирования: Васильева М.Р., Апанович М.С., Мягкова Е.Г. 2023 Анализ информационной компетентности обучающихся медицинского вуза на начальном этапе подготовки. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 66–79. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-66-79

Analysis of Medical Students' Information Competence at Initial Stage of Training

Maria R. Vasilyeva, Marina S. Apanovich, Helena G. Myagkova

Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University,
1 Partizan Zheleznyak St, Krasnoyarsk 660022, Russia

E-mail: malika951@yandex.ru; marina.apanovich@list.ru; myagkova@krasgmu.ru

Abstract. To date, the formation of information competence of medical university students is an integral part of the educational process, since students actively use information technology in their educational and professional activities. Despite the numerous publications on this issue, there is practically no research on the information competence of medical university students. The purpose of this study is to assess the basic level of information competence of students enrolled in a medical university, formed as a result of mastering the educational program of basic general education. A survey of students was conducted, in which 98 people took part. Students' knowledge was assessed by testing, practical skills – with the help of control materials. The results of the study showed different levels of training in computer science, which significantly complicates the educational process. The data obtained may be of interest to

teachers of computer science and information technology in medical universities when correcting curricula in order to increase the effectiveness of the formation of students' information competence.

Key words: information competence, information culture, computer science, program editors, practical skills, medical students

For citation: Vasilyeva M.R., Apanovich M.S., Myagkova E.G. 2023. Analysis of Medical Students' Information Competence at Initial Stage of Training. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 66–79 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-66-79

Введение

Современные условия обучения в системе высшего образования диктуют будущим специалистам ряд требований, таких как владение цифровыми технологиями, способность адаптироваться к новым условиям и форматам и др. Наблюдается тенденция к изменению целей образования.

Происходит смещение акцента с формирования знаний, умений и навыков на формирование компетенций. Компетентность является результатом образования [Гец, 2021]. Среди ряда формируемых компетенций особая роль отводится информационной компетентности. Человек, умеющий работать с информацией – это человек, обладающий высоким уровнем информационной компетентности [Черкасова, 2019, с. 132].

Формирование информационной компетентности обучающихся, являющейся ключевой компетентностью современного человека, сопряжено с умением работать в условиях информационно-коммуникационной среды. Знания, умения и навыки по работе с информационными технологиями необходимы как в учебной и научной, так и в повседневной деятельности студента. Информационная компетентность является одним из компонентов формирования личности новой формации. Овладение средствами информационных технологий представляет собой минимальный уровень компьютерной грамотности [Воронцова, 2015; Берман, 2017; Глухих, Андреева, 2018; Третьяков 2018; Калдыбаев, Садыкова, 2020; Kadirimbetova, 2020].

Информационная компетентность – один из компонентов формирования личности нового времени, базис в организации ряда компетенций личности 21 века [Третьяков, 2018], которая имеет важное значение для студентов и выпускников медицинских вузов. Деятельность специалиста медицинской сферы – врача неотделима от информационной среды и информационных технологий, которые занимают все более значимые позиции в области здравоохранения [Овсянникова, 2015; Пашко, 2018; Rajaram et al., 2020; Singh et al., 2021].

Понятие информационной компетентности неразрывно связано с термином информационная культура. Информационная культура призвана обеспечивать удовлетворение индивидуальных информационных потребностей с использованием современных информационно-коммуникативных и образовательных технологий. Для высших учебных заведений формирование информационной культуры у обучающихся является одной из приоритетных задач. Она является показателем соответствия или адекватности человека современным социокультурным изменениям [Костюченко, 2010; Хрулева, 2014; Fortova et al., 2019].

Первое упоминание об информационной культуре обычно приписывают исследователю из Финляндии Мариам Гинман. Информационная культура – концепция, открытая для изменений и инноваций, необходимое и желательное состояние, если организация должна была быть успешной и конкурентоспособной [Ginman, 1987].

В литературе можно выделить 2 кластера определений информационной культуры. В первом случае – это среда, в которой информация хорошо управляется и используется эффективно и результативно. Во втором случае – это инструмент отражения культурных ценностей, установок и моделей поведения, связанных с информацией, независимо от того, являются ли они положительными или отрицательными, эффективными или неэффективными [Oliver, 2017].

На сегодняшний день состоялся переход медицинских вузов на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования [Гришаева, 2019]. В условиях реализации стандартов подготовка кадров осуществляется посредством компетентного подхода [Дьяченко, Дьяченко, 2017; Татров и др., 2021]. Обучение специалистов осуществляется в системе инновационной образовательной среды, где формируются различные группы компетенций – универсальные (УК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные (ПК) [Заброда, 2019; Кудашкина и др., 2019].

Среди компетенций, формирующих информационную культуру по укрупненной группе «Клиническая медицина» (в которую входят специальности – лечебное дело, педиатрия, стоматология) можно выделить следующие (табл. 1):

Таблица 1
Table 1

Компетенции, формирующие информационную культуру
по укрупненной группе «Клиническая медицина»
Competences for Information Culture Formation in Enlarged Group "Clinical Medicine"

Компетенция	Индикатор достижения компетенции
Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий (УК-1)	Осуществляет поиск и интерпретирует информацию по профессиональным научным проблемам (УК-1.4);
УК-4. Способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия	УК-4.4 Использует современные информационные и коммуникационные средства и технологии
ОПК-10. Способен решать стандартные задачи профессиональной деятельности с использованием информационных, библиографических ресурсов, медико-биологической терминологии, информационно-коммуникационных технологий с учетом основных требований информационной безопасности	ОПК-10.1 Обладает навыками поиска и использование в своей профессиональной деятельности информации с применением современных информационных, библиографических ресурсов, информационно-коммуникационных технологий для решения стандартных задач
ОПК-11. Способен подготавливать и применять научную, научно-производственную, проектную, организационно-управленческую и нормативную документацию в системе здравоохранения	ОПК-11.3 Готовит информационно-аналитические материалы и справки, в т.ч. для публичного представления результатов научной работы (доклад, тезисы, статья)

Поскольку информатика входит в образовательную программу основного общего образования, то предполагается, что у выпускников школ, поступающих в вуз, уже сформированы базовые знания, умения, навыки, необходимые для того, чтобы приступить к освоению основной образовательной программы, нацеленной на решение профессиональных задач. Соответственно они должны владеть следующими базовыми навыками:

- поиска информации в сети Интернет;
- подготовки и презентации научного доклада;
- преобразования информации: текстовыми, табличными, мультимедиа редакторами.

Однако зачастую преподаватели сталкиваются с рядом трудностей и проблем, среди которых:

- отсутствие умения использовать современные информационные технологии при работе с информацией;
- отсутствие умения редактировать текст, работать с электронными таблицами, оформлять презентации;

–отсутствие умения эффективно находить качественную, достоверную информацию в сети Интернет, ее критически оценивать;

–информационное неравенство (уровень компьютерной грамотности обучающихся сильно разнится).

Вопрос изучения информационной компетентности студентов, пришедших на обучение в университет, является крайне важным, поскольку такой анализ позволит разработать методы и повысить эффективность преподавания дисциплины «Информационные технологии», а также информационную компетентность обучаемых и уровень подготовленности будущего врача к профессиональной деятельности.

Цель исследования – оценка базового уровня информационной компетентности студентов, поступивших в медицинский вуз, сформировавшегося в результате освоения образовательной программы основного общего образования. Задачи – проанализировать самооценку уровня информационной компетентности у обучающихся путем проведения анкетирования; оценить реальный уровень знаний обучающихся в результате выполнения практических заданий по дисциплине «Информационные технологии».

Объекты и методы исследования

В исследовании приняли участие обучающиеся по дисциплине «Информационные технологии» (всего 98 человек). Первоначально было проведено анкетирование с целью выявления начального уровня информационной компетентности обучающихся. Анкета содержала 14 вопросов. Вопросы затрагивали такие аспекты, как место проживания, самооценка обучающихся как пользователей, что изучалось на информатике в школе, какими программными средствами владеют выпускники, вопросы работы в сети интернет, уровень владения информационными технологиями.

Затем было проведено входное компьютерное тестирование с целью выявления базовых знаний в области информатики. После этого проводилась оценка практических умений с использованием контролирующих материалов по работе в программных редакторах – MS Word, MS Excel, MS Power Point.

MS Word. Студенты занимались редактированием текста: форматирование абзацев, работа со ссылками и колонтитулами, форматирование таблиц. Также исследовалась скорость набора текста (табл. 2).

MS Excel. Студентами проводилась работа по редактированию электронных таблиц: форматирование и редактирование ячеек, работа с листами, проведение расчетов с помощью формул, работа по созданию и редактированию графиков, задания на сортировку и фильтрацию (табл. 2).

MS Power Point. Обучающиеся создавали мультимедиа презентации. Следует отметить, что отсутствовали какие-либо критерии по созданию презентаций. Это было сделано намеренно, поскольку в будущем необходимо было оценить, информационную грамотность оформления работ (наличие обязательных элементов в документе и оформление мультимедиа презентации) (табл. 2).

Критерии оценивания были следующими. Выполнение задания – 100 %, не выполнение – 0 %. Наличие элемента мультимедиа презентации – 100 %, его отсутствие – 0 %. Преподавателями выставлялся средний бал за мультимедиа презентацию. В табл. 2 представлены результаты по выполнению заданий студентами.

Результаты и их обсуждение

В ходе анкетирования изучался вопрос, в каком населенном пункте проживал выпускник школы. Были получены следующие результаты: 73 % проживали в городе, 9 % – в ПГТ (поселок городского типа), 16 % – в селе. Обучающимся было предложено оценить свой уровень владения навыками работы за компьютером. В результате анализа данного аспекта было определено, что 1 % из числа опрошенных вообще не владеет данными навыками, 39 % считают себя начинающими пользователями, 60 % – опытными пользова-

телями. Также обучающимся был задан вопрос: «Считаете ли Вы себя профессионалом в области ИТ?» Не было получено ни одного утвердительного ответа. На рис. 1 представлены результаты самооценивания уровня владения навыками работы за компьютером. На вопрос, изучалась ли информатика в школе, 99 % ответили положительно и только 1 % – отрицательно (1 человек из села и 1 из города).

Основные особенности изучения информатики в школе представлены на рис. 2. На рис. 3 представлены особенности изучения информатики в школе в зависимости от типа населенного пункта, где представлена более подробная характеристика по типу изучаемых компьютерных программ и осваиваемых технологий.

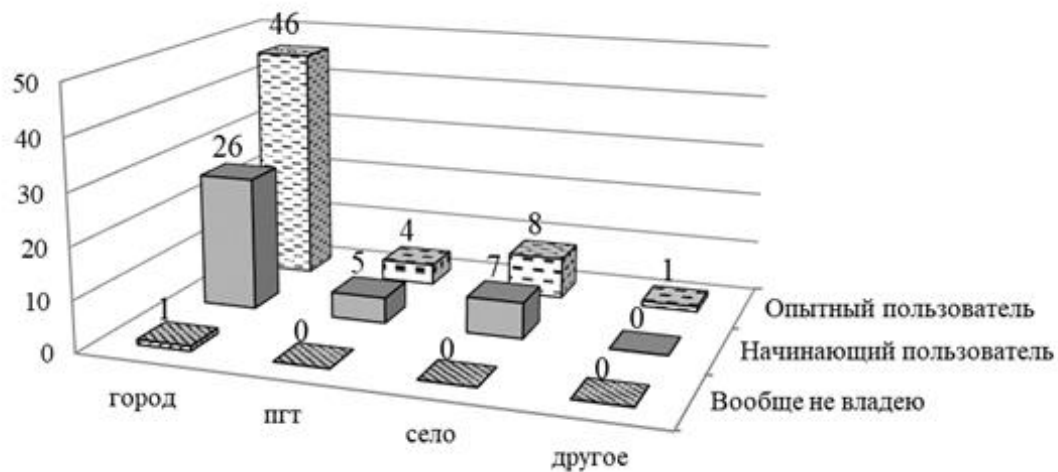

Рис. 1. Результаты самооценивания уровня владения навыками работы за компьютером
 Fig. 1. Self-Assessment Results of Computer Skills

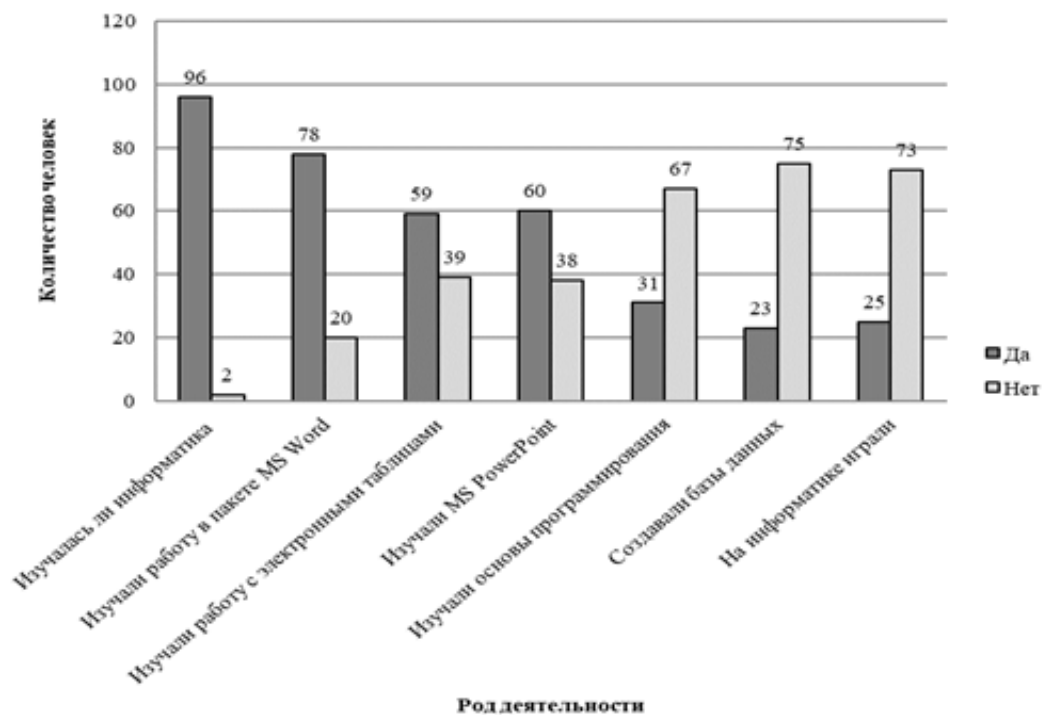

Рис. 2. Особенности изучения информатики в школе
 Fig. 2. Features of Studying Computer Science at School

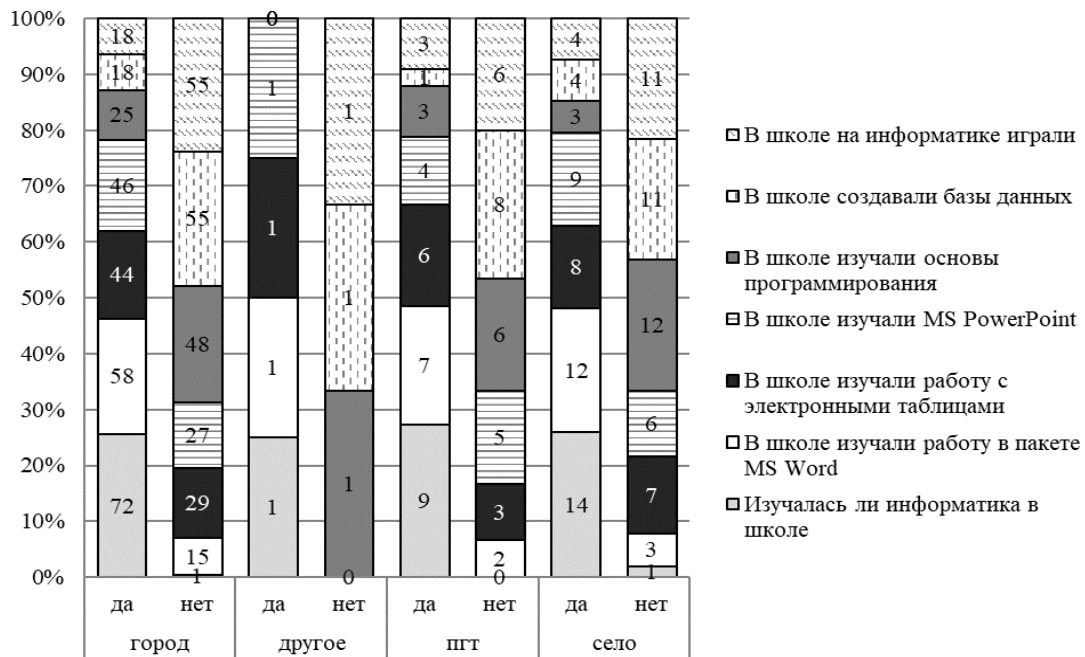

Рис. 3. Особенности изучения информатики в школе в зависимости от типа населенного пункта

Fig. 3. Features of Studying Computer Science at School Depending on Settlement Type

Следующим предметом изучения явилось самооценивание студентов по вопросам работы в текстовом редакторе, редакторе электронных таблиц и редакторе мультимедиа презентаций. Обучающимся было предложено оценить свой уровень владения программными редакторами. Преподавателями был проведен контроль знаний с помощью специальных заданий, обсуждение которых будет приведено далее. Сравнивались данные самооценивания студентами и оценивание преподавателей (рис. 4, 5, 6, 7). В данном исследовании принимали участие только те студенты, которые изучали указанные программные редакторы в школе. Программный редактор MS Word изучали 78 человек, редактор электронных таблиц – 59 человек, редактор мультимедиа презентаций – 60 человек.

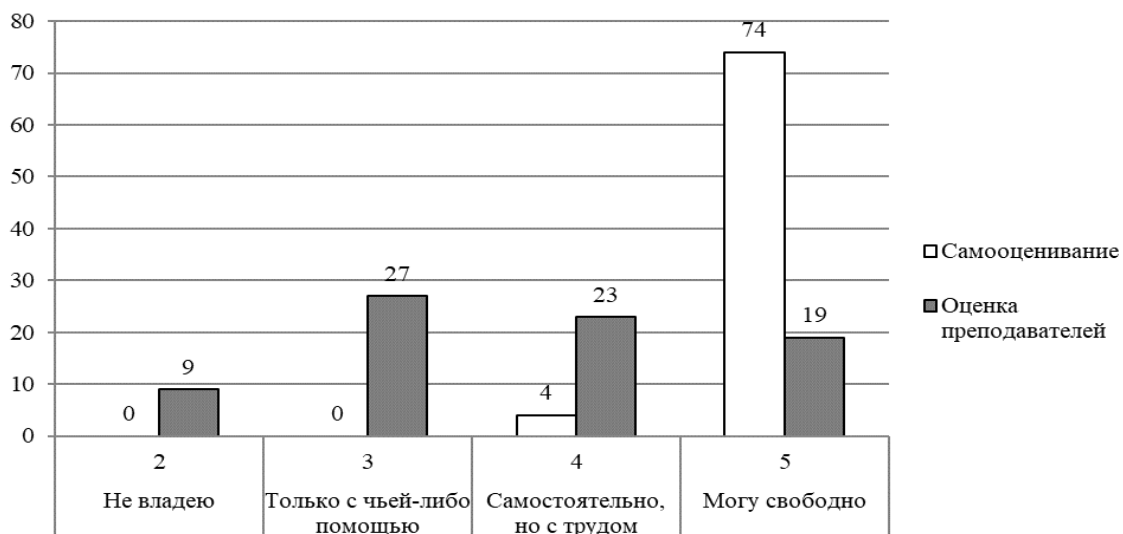

Рис. 4. Результаты самооценивания

и оценка преподавателями работы студентов в текстовом редакторе

Fig. 4. Comparison of Self-Assessment and Teachers' Assessment Results on Work in Word Processors

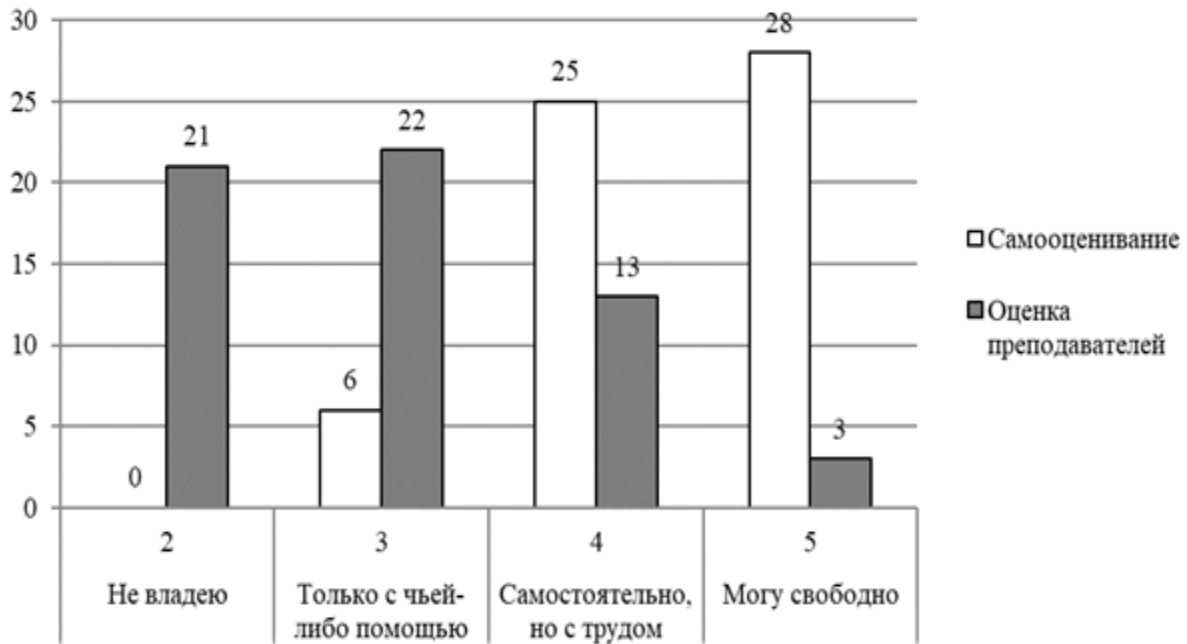

Рис. 5. Результаты самооценивания и оценки преподавателями работы студентов в редакторе таблиц

Fig. 5. Comparison of Self-Assessment and Teachers' Assessment Results on Work in Spreadsheet Editors

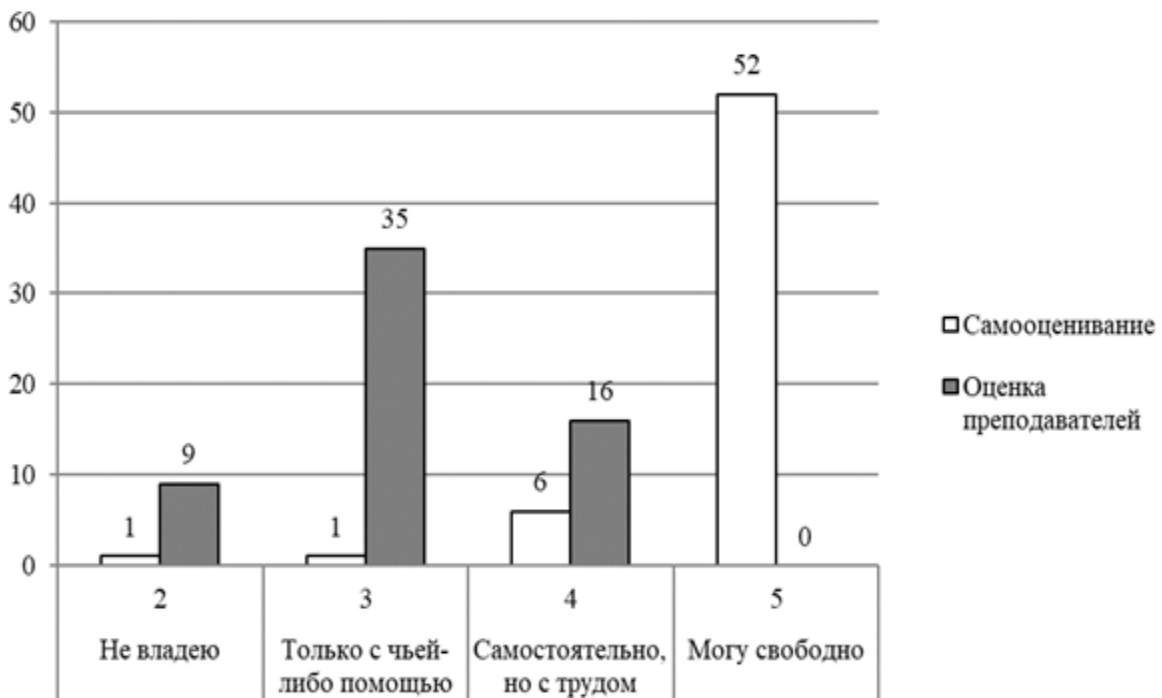

Рис. 6. Результаты самооценивания и оценки преподавателей работы студентов в редакторе мультимедиа презентаций

Fig. 6. Comparison of Self-Assessment and Teachers' Assessment Results on Work with Multimedia Presentation Solutions

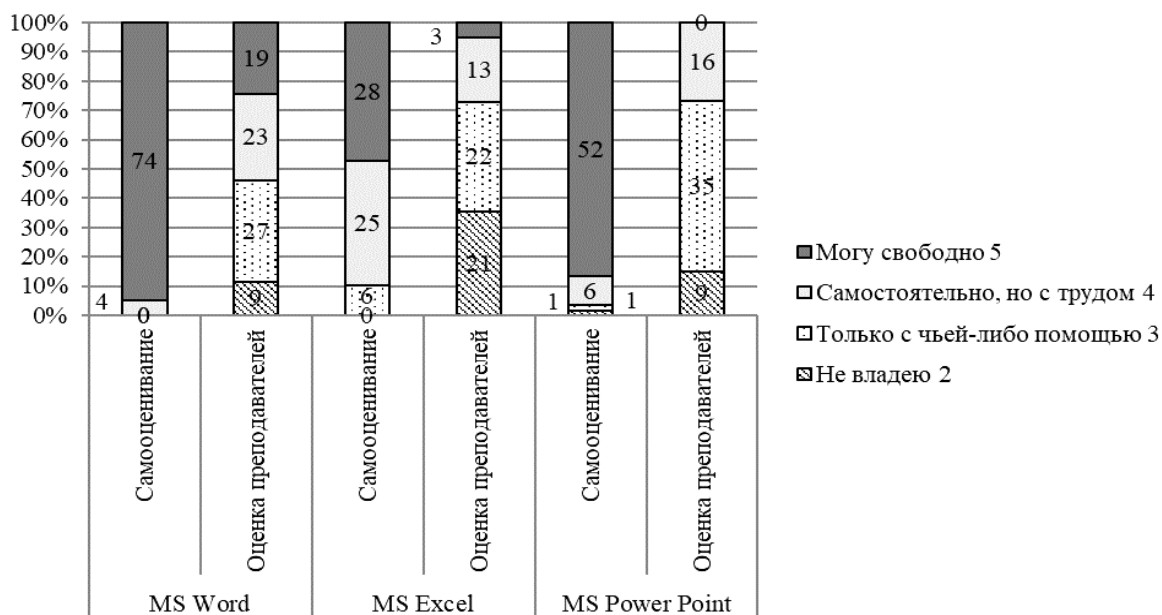

Рис. 7. Результаты самооценивания и оценки преподавателей работы студентов в текстовом редакторе, редакторе электронных таблиц и редакторе мультимедиа презентаций
 Fig. 7. Comparison of Self-Assessment and Teachers' Assessment Results on Work in Word Processors, Spreadsheet Editors and with Multimedia Presentation Solutions

В процессе анализа полученных результатов наблюдаем картину завышенной самооценки студентов по сравнению с оцениванием преподавателей во всех случаях. Преимущественно студенты считают, что они свободно владеют различными программными редакторами, что не совпадает с наблюдением преподавателей (см. рис. 4, 5, 6, 7). Следующий анализ был посвящен сравнению результатов самооценивания и оценивания преподавателями в зависимости от типа населенного пункта, в котором оканчивал школу нынешний студент (табл. 2). На этапе оценки работы обучающихся в программных редакторах были получены нижеследующие результаты (табл. 3).

Таблица 2
 Table 2

Самооценивание и оценка преподавателей работы студентов в текстовом редакторе, редакторе таблиц и мультимедиа презентаций в зависимости от типа населенного пункта
 Comparison of Self-Assessment and Teachers' Assessment Results on Work in Word Processors, in Spreadsheet Editors, Multimedia Presentation Solutions Depending on Settlement Type

Тип населенного пункта	ПО	MS Word		MS Excel		MS Power Point	
	Оценка	Оценка преподавателей (кол-во)	Самооценивание (кол-во)	Оценка преподавателей (кол-во)	Самооценивание (кол-во)	Оценка преподавателей (кол-во)	Самооценивание (кол-во)
1	2	3	4	5	6	7	8
город	2	7	0	13	0	6	2
	3	21	0	18	4	27	1
	4	15	4	10	19	13	5
	5	15	54	3	21	0	39

Окончание табл. 2
 End of Table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
пгт	2	1	0	2	0	1	0
	3	0	0	2	0	2	0
	4	4	0	2	2	1	0
	5	2	7	0	4	0	1
село	2	1	0	5	0	2	0
	3	6	0	2	2	5	0
	4	3	0	1	3	2	1
	5	2	12	0	3	0	8
другое	2	0	0	1	0	0	0
	3	0	0	0	0	1	0
	4	1	0	0	1	0	0
	5	0	1	0	0	0	1

Таблица 3
 Table 3

Результаты оценки практических навыков студентов
 Assessment Results of Students' Practical Skills

Группа навыков	Владеют	Не владеют	Задание	Владеют	Не владеют
Форматирование текста	48 %	52 %	Изменить шрифт	90 %	10%
			Выравнивание по ширине	65 %	35%
			Отступ первой строки	47 %	53%
			Междустрочный интервал	70 %	30%
			Отступ до и после абзаца	56 %	44%
Работа с непечатаемыми символами			Заменить неразрывные пробелы на обычные	5 %	95%
			Заменить разрыв строки на знак абзаца	4 %	96%
Работа со ссылками и колонтитулами	59 %	41 %	Автособираемое оглавление	30 %	70%
			Нумерация страниц	74 %	26%
			Создание гиперссылок	74 %	26%
Форматирование таблицы	72 %	28 %	Заливка ячеек таблицы	79 %	21%
			Выравнивание в ячейках	60 %	40%
			Изменение цвета шрифта	79 %	21%
			Изменение цвета границ	70 %	30%
Скорость набора текста	100 %	0 %	Минимум	56	
			Максимум	200	
Среднее	60 %	40 %	Скорость набора текста (среднее)	117,1	
Форматирование и редактирование ячеек	66 %	34 %	Добавление столбцов	85 %	15%
			Изменение цвета границы ячейки	40 %	60%
			Заливка ячеек	72 %	28%

Окончание табл. 3

End of Table 3

Группа навыков	Владеют	Не владеют	Задание	Владеют	Не владеют
Работа с листами	55 %	45 %	Переименовать лист	59 %	41 %
			Изменение цвета ярлычка	51 %	49 %
Производить расчеты с помощью формул	29 %	71 %	Простые формулы	73 %	27 %
			Формулы с абсолютными ссылками	14 %	86 %
			Усложненные формулы	24 %	76 %
			Использование функции "ЕСЛИ"	16 %	84 %
			Использование других специальных функций	18 %	82 %
Типы данных	40 %	60 %	Изменить формат данных	39 %	61 %
			Изменить число знаков после запятой	41 %	59 %
Работа с графиками	29 %	71 %	Построить график функции по диапазону данных	44 %	56 %
			Изменение заголовка диаграммы	35 %	65 %
			Подпись данных	17 %	83 %
			Изменение цвета области построения	31 %	69 %
			Изменение цвета маркера	32 %	68 %
			Удаление легенды	15 %	85 %
Сортировка и фильтрация	34 %	66 %	Сортировка в алфавитном порядке	34 %	66 %
			Применение фильтра	34 %	66 %
Среднее	42 %	58 %			
Наличие обязательных элементов	37 %	63 %	Титульный лист (тема)	98 %	0 %
			Титульный лист (кто выполнил)	59 %	41 %
			Титульный лист (кто проверил)	3 %	97 %
			План	15 %	85 %
			Список литературы	7 %	93 %
			Вежливость	41 %	59 %
Оформление	58 %	42 %	Единый фон	91 %	9 %
			Структурированность информации на слайде	42 %	58 %
			Шрифт без засечек	61 %	39 %
			Заголовок у каждого слайда	32 %	68 %
			Отсутствие точек в заголовках	63 %	37 %
			Наличие изображений	85 %	15 %
			Использование схем, диаграмм, объектов SmartArt	6 %	94 %
			Грамотность в использовании анимации	67 %	33 %
Грамотность в использовании звука	74 %	26 %			
			3,02		
Среднее	48 %	52 %			

Результаты исследования показали, что не владеют либо имеют очень низкий уровень владения навыками работы: 40 % обучающихся – в текстовом редакторе MS Word, 58 % – в табличном редакторе MS Excel и 52 % – в мультимедиа редакторе MS Power Point. При этом преподавателями были проставлены оценки в целом за составление презентации по определенной теме, за грамотность оформления и информационное наполнение. Неудовлетворительно выполненных презентаций было 18 %, удовлетворительно – 61 %, хорошо – 21 %, отлично – 0 %. Средний балл составил 3,02. Оценивалось умение грамотно составлять резюме (текстовый документ): 44 % испытуемых испытывали затруднения как в плане наполнения, так и оформления документа. Средняя скорость набора текста у обучающихся составила 117,12 знаков в минуту при норме 150–200 знаков в минуту (уверенный пользователь).

Заключение

Проанализирована информационная компетентность студентов медицинского вуза на начальном этапе подготовки. 99 % опрошенных изучали информатику в школе. Анализ самооценивания обучающихся показал следующее: 60 % считают себя опытными пользователями, 39 % – начинающими, 1 % – вообще не владеет навыками работы за компьютером. Проведено изучение видов деятельности на занятиях в зависимости от типа населенного пункта. Программный редактор MS Word изучали 78 человек, редактор электронных таблиц – 59 человек, редактор мультимедиа презентаций – 60 человек. В результате анализа самооценивания и оценки преподавателями работы в текстовом редакторе, редакторе электронных таблиц и мультимедиа презентаций выявлена завышенная самооценка студентов по сравнению с оцениванием преподавателями во всех случаях.

При исследовании конкретных практических навыков работы в программных редакторах получено: умением работать в текстовом редакторе MS Word не владеют 40 % обучающихся либо имеют очень низкий уровень владения навыками работы в программе; в табличном редакторе MS Excel – 58 % обучающихся имеют очень низкий уровень; в мультимедиа редакторе MS Power Point 52 % обучающихся имеют очень низкий уровень.

Анализ информационной грамотности студентов показал значительный разброс в оценках уровня начальной подготовки по информатике, что значительно усложняет образовательный процесс: обучение, ориентированное на отстающих, будет снижать заинтересованность продвинутых пользователей. Для решения этой проблемы необходима выработка индивидуальной образовательной траектории, которая позволит больше времени уделять отстающим студентам, а наиболее опытных пользователей – вовлекать в проектную деятельность.

Список литературы

- Берман Н.Д. 2017. Формирование информационной компетенции студентов. *Современные исследования социальных проблем*, 8 (2-2): 28–34. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34
- Воронцова Э.М. 2015. Особенности формирования информационной компетентности студентов при изучении дисциплины «Медицинская информатика». *Вестник Марийского государственного университета*, 5(20): 10–15.
- Гец Е.А. 2021. О некоторых вопросах применения заданных материалов в процессе обучения информатике студентов медицинского вуза. В кн.: Интеграция научных школ Дальнего Востока в образование региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 23–24 ноября 2021 года. Под ред. В.А. Давыденко. Хабаровск, Издательство Тихоокеанского государственного университета: 95–98.
- Глухих С.И., Андреева А.В. 2018. Формирование информационной компетенции студентов медицинского вуза. *Педагогическое образование в России*, 12: 95–99. DOI: 10.26170/ro18-12-14

- Гришаева О.В. 2019. Кластерный подход при разработке учебных программ медицинских специальностей. *Современные проблемы науки и образования*, 2: 33.
- Дьяченко В. Г., Дьяченко С.В. 2017. Стандартизация высшего медицинского образования, производственный контекст. *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России*, 1(26): 2.
- Заброда Н.Н. 2019. Формирование профессиональных компетенций в системе подготовки кадров высшей квалификации. *Медицинское образование и вузовская наука*, 1(15): 18–20.
- Костюченко Т.Я. 2010. Информационная культура и электронные обучающие ресурсы. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(42): 44–47.
- Кудашкина О.В., Амиров А.Ф., Липатова Е.Е. 2019. Реализация модели многоуровневой диагностики сформированности профессиональных компетенций в системе медицинского образования. *Современное педагогическое образование*, 9: 52–57.
- Овсянническая Л.Ю. 2015. Педагогические условия формирования информационной компетентности специалистов здравоохранения. *Мир науки, культуры, образования*, 4(53): 48–51.
- Пашко А.К. 2018. Формирование информационной компетентности студентов медицинского университета. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*, 8(2): 97–105.
- Татров А.С., Туаева И.Б., Габараева Л.Н., Аветисян Р.Р., Кайгуков А.О. 2021. Личностно ориентированное обучение в процессе подготовки специалиста с высшим профессиональным образованием в области медицины и организации здравоохранения в соответствии с требованиями компетентностного подхода и ФГОС. *Современные проблемы науки и образования*, 2: 23. DOI: 10.17513/spno.30593
- Третьяков А.Л. 2018. Информационная компетентность как образовательный феномен. В кн.: *Язык и актуальные проблемы образования. Материалы Международной научно-практической конференции Москва, 31 января 2018 года.* Под ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. Москва. Некоммерческое партнерство «Международная академия наук педагогического образования»: 389–392.
- Хрулёва А.А. 2014. Формирование информационной культуры как необходимое условие повышения уровня высшего профессионального образования. *Проблемы современного педагогического образования*, 45-1: 348–355.
- Черкасова Л.В. 2019. Технология визуализации учебного материала как способ формирования у школьников информационной компетентности. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 1(58): 132–141. DOI: 10.26105/SSPU.2019.45.14.014
- Калдыбаев С.К., Садыкова Л.Ю. 2020. Педагогикалык окуу жайынын студентинин маалыматтык компетенттуулугу: маңызы жана түзүмү. *Alatoo academic studies*, 4: 77–84. DOI: 10.17015/aas.2020.204.09
- Fortova L.K., Gudkova A.V., Yudina A.M., Mashkina V.A. 2019. Formation of Information and Communicative Culture of Students of a Humanitarian Profile. In: *Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences. (TPHD 2018). Proceedings of the International Conference. Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 312: 531–534.
- Ginman M. 1987. Information Culture and Business Performance. *Proceedings of the 12th Biennial Conference, Helsinki, 1987. Latul Quarterly*, 2(2): 93–106.
- Kadirimbetova G.R. 2020. Formation of information competence in students in the process of physical education. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*, 8 (12): 107–110.
- Oliver G. 2017. Understanding Information Culture: Conceptual and Implementation Issues. *Journal of Information Science Theory and Practice*, 5(1): 6–14. DOI:10.1633/JISTaP.2017.5.1.1
- Rajaram A., Hickey Z., Patel N., Newbigging J., Wolfrom B. 2020. Training medical students and residents in the use of electronic health records: a systematic review of the literature. *Journal of the American Medical Informatics Association*, 27(1): 175–180. DOI: 10.1093/jamia/ocz178
- Singh H.K., Joshi A., Malepati R.N., Najeeb S., Balakrishna P., Pannerselvam N.K., Singh Y.K., Ganne P. 2021. A survey of E-learning methods in nursing and medical education during COVID-19 pandemic in India. *Nurse Education Today*, 99. DOI: 10.1016/j.nedt.2021.104796

References

- Berman N.D. 2017. Formation of information competence of students. *Russian Journal of Education and Psychology*, 8 (2-2): 28–34 (in Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34
- Vorontsova E.M. 2015. Peculiarities of information competence formation of students when studying the discipline "medical informatics". *Vestnik of the Mari State University*, 5(20): 10–15 (in Russian).
- Gets E.A. 2021. On some issues of the use of problem materials in the process of teaching informatics to students of the medical university. In: Integratsiya nauchnykh shkol Dal'nego Vostoka v obrazovanie regiona [Integration of scientific schools of the Far East into the education of the region]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, November 23–24, 2021. Ed. V.A. Davydenko. Khabarovsk, Publ. Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta: 95–98.
- Glukhikh S.I., Andreeva A.V. 2018. Formation of information competence of medical university students. *Pedagogical Education in Russia*, 12: 95–99 (in Russian). DOI: 10.26170/po18-12-14
- Grishaeva O.V. 2019. Cluster approach in the development of training programs for medical specialties. *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 2: 33 (in Russian).
- D'yachenko V. G., D'yachenko S.V. 2017. Standartizatsiya vysshego meditsinskogo obrazovaniya, proizvodstvennyy kontekst [Standardization of higher medical education, industrial context.]. *Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya Dal'nego Vostoka Rossii*, 1(26): 2.
- Zabroda N.N. 2019. Formirovanie professional'nykh kompetentsiy v sisteme podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii [Formation of professional competencies in the system of training highly qualified personnel]. *Meditsinskoe obrazovanie i vuzovskaya nauka*, 1(15): 18–20.
- Kostyuchenko T.Ya. 2010. Information culture and electronic educational devices. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2(42): 44–47 (in Russian).
- Kudashkina O.V., Amirov A.F., Lipatova E.E. 2019. Realizatsiya modeli mnogourovnevoy diagnostiki sformirovannosti professional'nykh kompetentsiy v sisteme meditsinskogo obrazovaniya [Implementation of the model of multilevel diagnostics of the formation of professional competencies in the system of medical education]. *Modern Pedagogical Education*, 9: 52–57.
- Ovsyanitskaya L.Yu. 2015. Pedagogical conditions of the health professionals' information competence formation. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(53): 48–51 (in Russian).
- Pashko A.K. 2018. Forming the information competence of the students of medical university. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 8(2): 97–105 (In Belarus).
- Tatrov A.S., Tuaeua I.B., Gabaraeva L.N., Avetisyan R.R., Kaytukov A.O. 2021. Personally focused education in the process of learning a specialist with a higher professional education in the field of medicine and health care system in accordance with the requirements of a competent approach and fgos. *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 2: 23 (in Russian).
- Tret'yakov A.L. 2018. Informatsionnaya kompetentnost' kak obrazovatel'nyy fenomen [Information Competence as an Educational Phenomenon]. In: Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya [Language and actual problems of education]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Moscow, January 31, 2018. Eds. E.I. Artamonova, O.S. Ushakova. M., Publ. Nekommercheskoe partnerstvo "Mezhdunarodnaya akademiya nauk pedagogicheskogo obrazovaniya": 389–392.
- Khruleva A.A. 2014. Formirovanie informatsionnoy kul'tury kak neobkhodimoe uslovie povysheniya urovnya vysshego professional'nogo obrazovaniya [Formation of information culture as a necessary condition for raising the level of higher professional education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 45-1: 348–355.
- Cherkasova L.V. 2019. Technology of visualization of the training material as the way of formation of information competence among school students. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 1(58): 132–141 (in Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2019.45.14.014
- Kaldybaev S.K., Sadykova L.Yu. 2020. Information competence of student of pedagogical university: essence and structure. *Alatoo academic studies*, 4: 77–84 (in Kyrgyzstan). DOI: 10.17015/aas.2020.204.09
- Fortova L.K., Gudkova A.V., Yudina A.M., Mashkina V.A. 2019. Formation of Information and Communicative Culture of Students of a Humanitarian Profile. In: Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences. (TPHD 2018).

Proceedings of the International Conference. Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 312: 531–534.

- Ginman M. 1987. Information Culture and Business Performance. Proceedings of the 12th Biennial Conference, Helsinki, 1987. *Latul Quarterly*, 2(2): 93–106.
- Kadirimbetova G.R. 2020. Formation of information competence in students in the process of physical education. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*, 8(12): 107–110.
- Oliver G. 2017. Understanding Information Culture: Conceptual and Implementation Issues. *Journal of Information Science Theory and Practice*, 5(1): 6–14. DOI:10.1633/JISTaP.2017.5.1.1
- Rajaram A., Hickey Z., Patel N., Newbigging J., Wolfrom B. 2020. Training medical students and residents in the use of electronic health records: a systematic review of the literature. *Journal of the American Medical Informatics Association*, 27(1): 175–180. DOI: 10.1093/jamia/ocz178
- Singh H.K., Joshi A., Malepati R.N., Najeeb S., Balakrishna P., Pannerselvam N.K., Singh Y.K., Ganne P. 2021. A survey of E-learning methods in nursing and medical education during COVID-19 pandemic in India. *Nurse Education Today*, 99. DOI: 10.1016/j.nedt.2021.104796

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.10.2022

Поступила после рецензирования 23.11.2022

Принята к публикации 10.03.2023

Received October 26, 2022

Revised November 23, 2022

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильева Мария Равильевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, Россия

Maria R. Vasilyeva, Candidate of Biological, Associate Professor of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia

Апанович Марина Степановна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, Россия

Marina S. Apanovich, Candidate of Physical and Mathematical, Associate Professor of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia

Мягкова Елена Георгиевна, доцент кафедры медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, Россия

Elena G. Myagkova, Associate Professor of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia

УДК 81'243:37.091.3
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-80-89

Непрерывная иноязычная подготовка обучающихся: основы взаимодействия воспитательно-развивающего и образовательного компонентов процесса

Мерхелевич Г.В.

Донецкая академия транспорта,
Донецкая Народная Республика, 283086, г. Донецк, пр. Дзержинского, 7;
Сетевой корпоративный центр непрерывной иноязычной подготовки «АРПИ»,
Донецкая Народная Республика, 283015б, г. Донецк, ул. Артема 145А, ком. 734
E-mail: forarpi@gmail.com.ua; info@arpi.com.ua

Аннотация. Важную роль в повышении качества иноязычной подготовки играет воспитательно-развивающая деятельность. Несмотря на многочисленность публикаций, посвященных данной проблематике, вопрос о необходимости включения данного вида деятельности в общий учебный процесс в научной литературе не освещен. Целью данного исследования является рассмотрение роли воспитательно-развивающей деятельности как дополнительной по отношению к образовательному компоненту педагогического процесса, что позволяет обучающимся овладеть иностранным языком как инструментом прямого обмена иноязычной информацией. Исследование проводилось на основе зарубежного опыта, а также педагогического опыта автора с целью реализации методологических возможностей, не используемых отечественной школой. Результаты исследования подтверждают факт усиления суммарного педагогического потенциала данного процесса посредством организации воспитательно-развивающей деятельности на его начальном этапе и подтверждают ее полную функциональную автономность от его образовательной составляющей.

Ключевые слова: воспитательно-развивающая деятельность, деятельностный подход, иностранный язык, непрерывное образование, методология, молилингвальный подход

Для цитирования: Мерхелевич Г.В. 2023. Непрерывная иноязычная подготовка обучающихся: основы взаимодействия воспитательно-развивающего и образовательного компонентов процесса. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 80–89. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-80-89

Basic Interrelations Between the Adaptation-and-Development and Educational Activities in the Foreign Language Lifelong Teaching/Learning Process

Gennady V. Merkhelevich

Donetsk University of Transportation Systems and Technology,
7 Prospect Dzerdzynskogo St, Donetsk 283068, Donetsk People's Republic;
The ARPI Foreign Language Teaching and Translation Agency
743 Apt., 7 Floor, 145A Ulitsa Artyoma St, Donetsk 283015, Donetsk People's Republic
E-mail: forarpi@gmail.com.ua; info@arpi.com.ua

Abstract. This paper deals with the problem of improving the quality of the foreign language teaching/learning process by letting certain student's adaptation-and-development activities added to it as an additional component part to be done inside and outside the classroom prior to and, later on, in combination with the teaching/learning activities traditionally used during the classes. Being an entirely

new for the foreign language acquisition practices both nationally and internationally, this methodological approach has heretofore never been described in literature. Based on the above, the objective of the survey discussed is to consider the important part which the newly developed adaptation-and-development activities proved to play in improving quality of the educational process outcome, and to confirm that the result achieved meets the goal set. With international and author's own English-language teaching experiences applied, the research under discussion performed made it possible to successfully accomplish the purpose of the survey, its result having allowed to create an individual foreign-language setting for each student, with his/her understanding and speaking abilities developed before other knowledge and skills. The survey also proves the core role and functionally autonomous nature of the adaptation-and-development activities when compared to and used in combination with the traditional educational part of the whole teaching/learning process.

Keywords: adaptation-and-development activities, interactionist approach, foreign language, continuous education, methodology, monolingual language acquisition

For citation: Merkhelovich G.V. 2023. Basic Interrelations Between the Adaptation-and-Development and Educational Activities in the Foreign Language Lifelong Teaching/Learning Process. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 80–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-80-89

Введение

Многолетний опыт, приобретенный в сфере преподавания иностранных языков, показывает, что *образовательная деятельность*, осуществляемая в этой области, в ее современном исполнении является недостаточно эффективной для достижения конечной цели данного педагогического процесса в целом, сформулированной потребностью общества и предусмотренной социальными задачами образования, требует приложения дополнительных усилий и привлечения новых ресурсов [Мерхелевич, 2020б]. Одной из причин возникновения данной проблемы является неподготовленность среднестатистического преподавателя-лингвиста, то есть «чистого» языковеда, к выполнению им востребованной обществом комплексной функции педагога-филолога, который должен быть в достаточной степени адаптирован к условиям иноязычной культурной среды и обладать необходимым опытом применения языка для обмена информацией в речевой форме на деятельностной основе, что не предполагает необходимости наличия теоретических знаний о языке. В связи с этим задача овладения языком как инструментом остается нерешенной даже при наличии у обучающегося достаточного объема знаний в области грамматики.

Решение этой задачи приходится возлагать на других специалистов, обладающих необходимой степенью культурной – в отличие от лингвистической – адаптации к иноязычной среде и способных не только передать обучающемуся свой практический опыт, но и создать условия, которые сделают иноязычную среду привлекательным для обучающегося информационным пространством *общекультурного* и *профессионального* содержания.

Научный вклад исследования заключается в: *выявлении* и *обосновании* возможности удовлетворения потребности общества в повышении эффективности процесса обучения иностранному языку за счет *воспитательно-развивающей* деятельности как дополнительного компонента данного процесса; *формулировании* ее роли в общем педагогическом процессе.

Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке и введении учебных, учебно-справочных и учебно-методических пособий, предназначенных для организации иноязычной подготовки на основе *воспитательно-развивающей* деятельности как отдельного компонента общего педагогического процесса, предшествующего его *образовательной* составляющей. При этом одной из причин разработки данных материалов явилась потребность в создании условий для формирования психолого-педагогической основы индивидуальной мини-среды обучающегося, необходимость

и пути создания которой не рассматриваются ни зарубежными, ни отечественными научными изданиями.

Актуальность исследования. Одной из первостепенных по важности задач развития Донецкой Народной Республики (ДНР) как социума, соответствующего всем требованиям развития полноценного общества, является обеспечение возможности прямого доступа организаций и отдельных жителей, осуществляющих свою деятельность на территории Республики, к иноязычному информационному пространству с целью непрерывного получения информации международного значения и своевременной передачи в мировое информационное пространство сообщений о собственных достижениях, взглядах на происходящие в мире события, равно как и в других целях, позволяющих формировать в мировых масштабах объективное мнение об интеллектуальном, культурном и экономическом потенциале ДНР как самостоятельного государства. Объективная необходимость решения данной задачи в максимально короткие сроки обусловлена также потребностью в активизации культурных, экономических и научных связей между ДНР и странами дальнего зарубежья на коммуникативной основе с помощью иностранного языка, обладающего статусом международного. Очевидным препятствием на пути к решению этой задачи является недостаточная степень владения иностранным языком специалистами и жителями Республики, обусловленная существующим уровнем методологической разработанности методов организации образовательной деятельности в области иностранных языков, традиционно применяемых в средней и высшей школе. В этой связи особенно большое значение приобретает необходимость решения проблемы обучения иностранному языку на национальном уровне с целью его превращения из теоретически изучаемой учебной дисциплины в осваиваемый на практике *инструмент* свободного и качественного обмена информацией в ходе любой из используемой в настоящее время форм (*устной, письменной и др.*) коммуникации.

Многолетний и в первую очередь международный опыт показывает, что попытки достичь средствами одной лишь образовательной деятельности такого результата, который позволил бы обучающимся *овладеть* тем или иным иностранным языком как практическим ресурсом, обуславливающим возможность осуществлять обмен информацией в устной и письменной форме, оказались в большинстве случаев неэффективными [Мерхелевич, 2020а; 2017; Bloomfield, 1942]. Возможной областью поиска причин такого феномена может послужить исторический опыт превращения английского языка в государственный на территории Англии в период средневековья и в единый язык международного общения – на территории Европы более позднего периода [Захарова, Мерхелевич, 2011; Мерхелевич, 2018; 2020а]. Основной причиной такой неудачи явилась неспособность национальной системы образования Англии справиться с решением данной задачи по отношению ко всему населению страны, включающему его взрослую часть, которая уже получила среднее и высшее образование и оказалась вне зоны ответственности и влияния учебных заведений, функционирующих на территории страны. Сложившееся при этом положение дел послужило основой для создания и постоянного совершенствования принципиально нового подхода к обучению английскому языку как иностранному, который в дальнейшем положил начало новой методологии обучения любому иностранному языку, осуществляемому на непрерывной основе [Мерхелевич, 2020б]. При этом такой методологический подход не предполагал применения родного языка, доказал свою высокую эффективность, благодаря которой продолжает использоваться в международном масштабе до настоящего времени [Мерхелевич, 2020а].

Результаты изучения педагогической литературы и анализа международного опыта, приобретенного в области обучения иностранному языку, позволили выделить следующих зарубежных ученых: из *США* – L. Bloomfield [1942], A.P.R. Howatt и H.G. Widowsen, [2004], N. Brooks [1964], C.C. Fries и A.C. Fries [1964], R. Lado [1957; 1964], W.M. Rivers [1964], W.F. Mackey [1965], из *Индии* – N.S. Prabhu [1987] и B. Kumaravadevelu [2006]; из

Великобритании – Е.М. Anthony [1963], W.E. Rutherford [1987], P. Skehan [1998], R. Ellis [Ellis, 1999] и др.

В этой связи следует отметить, что ограниченность методологической основы исследования границами *зарубежного* опыта иноязычной подготовки, который не охватывает исторический период развития отечественной школы, объясняется международным масштабом достижений, продемонстрированных британскими и американскими школами на примере английского языка. Основанием для такого научного выбора послужили результаты, достигнутые ведущими представителями вышеупомянутых школ в процессе становления английского языка как межнационального средства коммуникации и его превращения в официальный государственный язык на территории целого ряда изначально неанглоязычных стран мира [Howatt и Widowson, 2004; Kumaravadivelu, 2006].

При этом путь развития отечественной школы аналогичного профиля не включает подобных исторических этапов и поэтому характеризуется более скромными результатами совершенствования методологии в данной области педагогики.

Очевидной в создавшейся обстановке становится недостаточная методологическая разработанность иноязычной подготовки отечественных специалистов различной профессиональной ориентации ввиду многолетней организации учебного процесса в условиях ограниченности профессиональных контактов с естественной иноязычной средой. Такое положение дел послужило причиной постановки задачи в форме традиционного *изучения* языка как учебной *дисциплины* вместо требуемого *овладения* языком как *инструментом* обмена информацией, что не предполагает возможности создания условий для достижения цели исследования.

В связи с этим одна из *задач* исследования связана с обоснованием необходимости эффективного решения данной методологической проблемы в *общекультурной* и *профессиональной* плоскостях на основе зарубежного опыта, приобретенного в обучении иностранному языку на протяжении всей истории его естественного формирования как ресурса, востребованного социумом с целью обеспечения непрерывности своего экономического и культурного развития.

Цель исследования: сформулировать и осветить роль основанной на деятельностном подходе *воспитательно-развивающей* деятельности как дополнительной и сопутствующей по отношению к *образовательной* деятельности, связанной с преподаванием иностранного языка с целью овладения им как инструментом прямого обмена иноязычной информацией.

Объекты и методы исследования

Объект исследования: воспитательно-развивающая деятельность как неотъемлемая составляющая монолингвального процесса обучения иностранному языку как инструменту обмена информацией на деятельностной подражательно-ассоциативной основе.

Предмет исследования: пути формирования воспитательно-развивающей деятельности при обучении иностранному языку как отдельного педагогического ресурса, являющегося дополнительным по отношению к образовательной деятельности.

Методы исследования. При проведении исследования использованы следующие методы, педагогические подходы и приемы:

– *методологический подход*, ориентированный на овладение языком обучающимся как конечным результатом педагогического процесса [Kumaravadivelu, 2006], основанный на сочетании элементов, входящих в состав группы методов, относящихся к категории коммуникативных *Natural Methods*, к которым относятся *Conversation Method*, *Direct Method*, *Communication Approach* [Anthony, 1963; Prabhu, 1987], ориентированные на *монологический* (непереводной) режим организации учебного процесса на основе диалого-

вой формы *коммуникативно-деятельностного* подхода и исключают использование родного языка [Мерхелевич, 2017];

– *педагогические приемы*, основанные на авторских: 6-актовой модели аудирования при механическом запоминании информации средствами, *слуховой, зрительной и эмоциональной* памяти на *ассоциативно-комплексной* основе [Мерхелевич, 2018].

Отечественный опыт применения образовательного подхода

При рассмотрении причин возникновения проблемы недостаточной эффективности иноязычной подготовки следует упомянуть об основной и принципиальной особенности *образовательного* подхода, применяемого к иностранным языкам в системе образования, которая предусматривает изучение иностранного языка как учебной дисциплины, конечной целью которого является приобретение *знаний* о грамматике того или иного иностранного языка, что не предполагает *овладение* им как средством или ресурсом, позволяющим в дальнейшем осуществлять с его помощью обмен информацией на иноязычной основе [Мерхелевич, 2018]. Следовательно, применение такого подхода не возлагает на систему образования в целом и на каждого преподавателя в частности ответственности за приобретение обучающимися умения применять иностранный язык в практических целях и, как следствие, не позволяет решать задачу содействия жителям и организациям ДНР в их интеграции с иноязычным культурно-информационным пространством международного масштаба.

Сравнительный анализ методики преподавания английского языка, применяемой ныне в странах СНГ и ранее в Англии (в процессе его превращения в государственный), подтверждает факт отношения к нему в первом случае как к информационному ресурсу, а во втором – как к средству общения (вначале в устной, а затем и в письменной форме) с целью его превращения в новую культурно-коммуникативную основу общества [Мерхелевич, 2017; 2018; Howatt Widdowson, 2004]. При этом первый подход ставит язык в один ряд с теоретическими (естественными и гуманитарными) дисциплинами, по отношению к которым формирование информационного ресурса практикуется на теоретико-познавательной основе в форме приобретаемых *знаний*, а второй предполагает овладение языком как практическим *ресурсом* на основе передачи педагогом опыта его применения в условиях среды, или повседневной жизни. Одна из особенностей первого подхода заключается в многолетней неизменности его методологической основы, что объясняется культурной и психологической изоляцией организаторов педагогического процесса от иноязычной среды и, как следствие, отсутствием у них ощущения происходящих в ней изменений. Кроме того, такая изоляция не позволяет педагогам анализировать эффективность своей образовательной деятельности на основе самоанализа (рефлексии), который возможен только с позиций участника иноязычной среды. Отсутствие возможности такого анализа не позволяет отслеживать и повышать эффективность процесса иноязычной подготовки отечественных специалистов с целью удовлетворения потребности общества в части его интеграции с международным культурно-информационным пространством как функции, необходимой для его непрерывного развития.

Под влиянием вышеизложенной традиции функционирования советской и постсоветской школы в части обращения с иностранным языком, которая заключалась в его изучении, наши многократные попытки внедрения на территории Донбасса международного опыта обучения языку как инструменту обмена информацией успехом не увенчались. Основной причиной этой неудачи явилось отсутствие у среднестатистического учителя школы и преподавателя вуза собственного опыта применения преподаваемого иностранного языка на практике, без которого решение данной задачи не представлялось и не представляется возможным. В связи с этим в данных условиях не остается ничего другого, как воспользоваться международным опытом обучения английскому языку без участия в дан-

ном процессе местной системы образования на начальном, коммуникативно-познавательном этапе педагогического процесса, но с ее подключением к этому процессу на его последующих этапах [Мерхелевич, 2020в].

Многолетняя отечественная практика отношения к иностранному языку как к предмету, который следует изучать вместо инструмента, которым надлежит овладевать в практических целях, явилась причиной целого ряда неиспользованных педагогических и методологических возможностей, что, по мнению автора, не позволило достичь востребованного обществом конечного результата.

По мнению автора, такие *неиспользованные возможности*, которые вызваны своеобразной методикой преподавания иностранного языка, методологическими приемами и подходами, применяемыми в отечественной практике преподавания иностранного языка, заключаются в следующем:

– свойственное системе образования изучение иностранной литературы *в переводе на родной язык*, что вне сомнения дает обучающимся *общее представление* о содержании произведения, но при этом *не позволяет* им полноценно воспринять все тонкости иностранного языка в исполнении автора, включая *стиль, мелодику, ритм, оттенки, и возможности*, равно как и другие его *особенности*, что в конце концов не позволяет обучающемуся *прочувствовать* все прелести этого языка, выражаемые автором *в речевой форме*, и избежать *неадекватности* восприятия смыслового содержания его идиоматических выражений и самых различных оттенков, свойственных *только* этому языку;

– преобладающая практика преподавания иностранного языка на *билингвальной* основе, что не соответствует международному подходу, нарушает культурно-языковую *целостность* коммуникативно-познавательного пространства и не способствует полноценной адаптации к нему обучающимися на интуитивной основе, которая предполагает способность ориентироваться в условиях любых возникающих в нем ситуаций;

– изучение *артиклей* осуществляется не совместно с именем существительным (в начале курса грамматики), а отдельно от него в самом *конце* этого курса. Такой порядок и последовательность работы с учебным материалом *не позволяет* обучающемуся *освоить* и *прочувствовать* роль того или иного артикля как полноценного, хотя и зависимого от существительного члена предложения, обладающего вполне определенным смысловым значением, а при необходимости – передать это значение средствами родного языка при переводе;

– рассмотрение вопроса об *исчисляемости* имени существительного *ограничивается* категорией исчисляемых и неисчисляемых существительных, но *не распространяется* на существительные *переменной* исчисляемости, что впоследствии является причиной *ошибочного* применения артиклей и вносит *искажение* в содержание материала, передаваемого средствами *иностранного* и впоследствии воспринимаемого с помощью *родного* языков.

В дополнение к вышеупомянутым проблемам, практика преподавания иностранного языка не предусматривает выработки следующих навыков:

- умения *выразить мысль* в устной форме на *непереводной* основе;
- чувства *стиля*, свойственного различным литературным *жанрам*;
- умения *мыслить* на иностранном языке;
- умения адекватно *воспринимать* информацию на основе условного *виртуального* образа объекта восприятия при отказе от *ориентации* на *словарный состав* его описания в тексте оригинала.

Особого внимания, по мнению автора, заслуживает ряд особенностей, характерных для профессиональной подготовки переводчиков, которых по непонятной причине не принято относить к категории *филологов*, несмотря на то, что определяющей психолого-

методологической базой их будущего профессионализма следует считать полноценную адаптацию к культуре иноязычного социума, что и лежит в основе *филологии* как науки¹.

Вышеупомянутые особенности подхода к подготовке переводчика наблюдались автором в период его работы на кафедре теории и практики перевода факультета иностранных языков одного из крупных университетов. При этом в процессе преподавания практического курса перевода на третьем году обучения у большинства студентов наблюдалось следующее:

– устойчивая *привычка* выполнять учебные переводы на родной язык с иностранного и с иностранного на родной с помощью электронного переводчика; что не только чревато опасностью неадекватной передачи смыслового значения отдельных лексем (слов и словосочетаний) языком перевода, но серьезными погрешностями стиля языка перевода под влиянием языка оригинала, в том числе и касающимися ошибочного размещения логического ударения;

– отсутствие умения понять смысловое содержание оригинала на непередаваемой основе при выяснении значения неизвестных лексем и новых значений уже известных слов и словосочетаний на основе иноязычных дефиниций.

Выявлены также и некоторые другие недостатки, касающиеся в первую очередь отсутствия у будущего переводчика интереса к пребыванию в иноязычной среде и вызванной этим фактом отсутствия у него осведомленности о текущих общественно-политических событиях, происходящих в жизни как иноязычной среды, так и среды родного языка, то есть отсутствия постоянной связи с жизнью своей страны и международного социума. Такое положение дел в результате приводит к отклонению от общепринятой терминологии при выполнении перевода материала с одного языка на другой, а привлекательность якобы «быстрого» машинного перевода навсегда остается ложной профессиональной ценностью даже опытного переводчика.

При этом высказанные выше замечания следует расценивать не как критику или демарш по отношению к существующей системе образования, а как объективную оценку имеющихся в ее распоряжении возможностей, ограниченность которых до сих пор не позволила, а следовательно, и не позволит впредь решить стоящую перед ней задачу.

Вследствие наличия вышеперечисленных неиспользованных возможностей и на фоне отсутствия какой-либо обеспокоенности их наличием и необходимостью устранения со стороны профессионалов-филологов и других специалистов системы образования возникает потребность в расширении ресурса педагогического процесса путем включения в его состав нового методологического компонента, разработанного и апробированного в ходе исследования в форме воспитательно-развивающей деятельности, что позволило рассмотреть учебный процесс как принципиально новую комплексную систему.

Зарубежный опыт иноязычной подготовки и его внедрение в процессе исследования

Зарубежные научные источники подтверждают ориентацию международной методики обучения иностранному языку на *овладение* обучающимся иностранным языком как активным практическим *ресурсом*, что, в отличие от вышеупомянутой *образовательной* задачи, предполагает выработку *навыка* применения иностранного языка как *инструмента* обмена информацией, происходящее на основе передачи педагогом обучающемуся собственного опыта применения данного языка в речевом выражении с практической целью [Захарова, Мерхелевич, 2011; Мерхелевич, 2018; 2020а; 2020в].

¹ Словарь русского языка. 1981. В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., Русский язык, 794 с.

В дополнение к вышеизложенному, обращает на себя внимание факт постоянного анализа качества обучения иностранному языку, о чем на примере английского языка свидетельствуют исследования ряда зарубежных ученых [Howatt и Widowson, 2004; Anthony, 1963; Brooks, 1964; Ellis, 1999; Kumaravadivelu, 2006].

Выводы

В результате исследования сделаны следующие *выводы и заключения*:

1. Обоснована потребность общества в повышении эффективности образовательной деятельности в сфере преподавания иностранного языка за счет ее дополнения коммуникативно-деятельностным компонентом педагогического процесса.
2. Выявлена роль воспитательно-развивающей деятельности как *дополнительного* компонента процесса обучения иностранному языку, целесообразность включения которого в общий педагогический процесс обусловлена стремлением не переформатировать традиционный методологический подход как объективно сложившийся, а *усилить* его потенциал путем применения данного вида деятельности как дополнительного ресурса.
3. Подтверждена полная функциональная и содержательная автономность воспитательно-развивающей деятельности, ее независимость от образовательного компонента общего педагогического процесса.

Список литературы

- Захарова О.А., Мерхелевич Г.В. 2011. Дистанционные технологии в изучении иностранных языков: опыт международного сотрудничества. В кн.: Автоматизація технологічних об'єктів та процесів. Пошук молодих. Збірник наукових праць XI міжнародної науково-технічної конференції аспірантів та студентів, Донецьк, 17–20 травня 2011 року. Донецьк, ДонНТУ: 280–282.
- Мерхелевич Г.В. 2018. Иностранный язык: изучать как предмет или применять как инструмент. Киев, Восточный издательский дом, 324 с.
- Мерхелевич Г.В. 2020а. Исторические этапы развития непрерывного обучения английскому языку в Европе и мире: научно-аналитический обзор. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки*, 3: 206–212.
- Мерхелевич Г.В. 2020б. Концепция непрерывного обучения иностранному языку на корпоративной основе в условиях информационно-образовательной иноязычной среды. *Вестник Луганского национального университета им. Т. Шевченко. Серия 1. Педагогические науки. Образование*, 2(46): 63–69.
- Мерхелевич Г.В. 2019. Методологическая основа системы научно-методического обеспечения процесса обучения иностранному языку студентов и специалистов. *Вестник Луганского национального университета им. Т. Шевченко. Серия 1. Педагогические науки. Образование*, 2(28): 31–37.
- Мерхелевич Г.В. 2020в. Методологические аспекты обучения иностранному языку в зарубежной науке и практике: научно-исторический обзор. *Вестник Академии гражданской защиты*, 3(23): 75–87.
- Мерхелевич Г.В. 2017. Психолого-педагогические особенности методологических подходов к обучению иностранному языку в зарубежной науке и практике: историко-научный обзор. В кн.: Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Электронный сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Под ред. В.М. Панфиловой. Елабуга, Изд. ЕИ КФУ: 14–19.
- Стефаненко П.В. 1998. Основы педагогики высшей школы. Под ред. В.В. Буреги. Донецк, ДонГАУ, 82 с.
- Anthony E.M. 1963. Approach, method, technique. *English Language Teaching*, 17: 63–67.

- Bloomfield L. 1942. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages. Baltimore, Publ. Linguistic Society of America, 16 p.
- Brooks N. 1964. Language and language learning: Theory and practice. New York, Publ. Harcourt, Brace & World, 300 p.
- Ellis R. 1999. Learning a second language through interaction. Philadelphia, Publ. Benjamins, 285 p.
- Fries C.C., & Fries A.C. 1961. Foundations of English teaching. Tokyo, Publ. Kenkyusha, 383 p.
- Howatt, A.P.R., Widdowson, H.G. A History of English Language Teaching, 2nd ed. 2004. Oxford: Oxford University Press, 417 p.
- Kumaravadivelu B. 2006. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod. Mahwah, New Jersey, London, Publ. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 258 p.
- Lado R. 1964. Language teaching: A scientific approach. New York, Publ. McGraw-Hill, 239 p.
- Prabhu N.S. 1987. Second language pedagogy. Oxford, Publ. Oxford University Press, 153 p.
- Rivers W.M. 1964. The psychologist and the foreign language teacher. Illinois, Publ. University of Chicago Press, 212 p.
- Rutherford W.E. 1987. Second language grammar: Learning and teaching. London, New York, Publ. Longman, 195 p.
- Skehan P. 1998. A cognitive approach to language learning. Oxford, Publ. Oxford University Press, 324 p.

References

- Zaharova O.A., Merhelevich G.V. 2011. Distancionnye tehnologii v izuchenii inostrannyh jazykov: opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Remote technologies in the study of foreign languages: the experience of international cooperation]. In: avtomatizacija tehnologichnih ob'ektiv ta procesiv. Poshuk molodih [Automation of technological objects and processes. Search for young people]. Zbirnik naukovih prac' hi mizhnarodnoï naukovo-tehnichnoï konferencii aspirantiv ta studentiv, Donec'k, 17 – 20 travnja 2011 roku. Doneck, Publ. DonNTU: 280–282.
- Merhelevich G.V. 2018. Inostrannyj jazyk: izuchat' kak predmet ili primenjat' kak instrument [Foreign language: study as a subject or apply as a tool]. Kiev, Publ. Vostochnyj izdatel'skij dom, 324 p.
- Merhelevich G.V. 2020a. A historical insight about development of English language teaching/learning in Europe and round the world. *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, 3: 206–212.
- Merhelevich G.V. 2020b. Developing concept for foreign-language teaching/learning continuous process intended for information-based foreign-language educational setting. *Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta im. T. Shevchenko. Serija 1. Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie*, 2(46): 63–69.
- Merhelevich G.V. 2019. Methodological fundamentals of the foreign language teaching/learning process intended for university students and professionals. *Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta im. T. Shevchenko. Serija 1. Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie*, 2(28): 31–37.
- Merhelevich G.V. 2020v. International experiences of using foreign language teaching and learning methodological approaches (a survey-based historical insight). *Vestnik Akademii grazhdanskoj zashhity*, 3(23): 75–87.
- Merhelevich G.V. 2017. International experiences of using foreign language teaching and learning approaches (a survey-based historical insight). In.: *Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavanija jazykov: voprosy teorii i praktiki* [Modern Problems of Philology and Methods of Teaching Languages: Issues of Theory and Practice]. Jelektronnyj sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Ed. V.M. Panfilova. Elabuga, Publ. EI KFU: 14–19.
- Stefanenko P.V. 1998. Osnovy pedagogiki vysshej shkoly [Fundamentals of higher education pedagogy]. Ed. V.V. Buregi. Doneck, Publ. DonGAU, 82 p.
- Anthony E.M. 1963. Approach, method, technique. *English Language Teaching*, 17: 63–67.
- Bloomfield L. 1942. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages. Baltimore, Publ. Linguistic Society of America, 16 p.

- Brooks N. 1964. Language and language learning: Theory and practice. New York, Publ. Harcourt, Brace & World, 300 p.
- Ellis R. 1999. Learning a second language through interaction. Philadelphia, Publ. Benjamins, 285 p.
- Fries C.C., & Fries A.C. 1961. Foundations of English teaching. Tokyo, Publ. Kenkyusha, 383 p.
- Howatt, A.P.R., Widdowson, H.G. A History of English Language Teaching, 2nd ed. 2004. Oxford: Oxford University Press, 417 p.
- Kumaravadivelu B. 2006. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod. Mahwah, New Jersey, London, Publ. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 258 p.
- Lado R. 1964. Language teaching: A scientific approach. New York, Publ. McGraw-Hill, 239 p.
- Prabhu N.S. 1987. Second language pedagogy. Oxford, Publ. Oxford University Press, 153 p.
- Rivers W.M. 1964. The psychologist and the foreign language teacher. Illinois, Publ. University of Chicago Press, 212 p.
- Rutherford W.E. 1987. Second language grammar: Learning and teaching. London, New York, Publ. Longman, 195 p.
- Skehan P. 1998. A cognitive approach to language learning. Oxford, Publ. Oxford University Press, 324 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.10.2022

Поступила после рецензирования 23.11.2022

Принята к публикации 10.03.2023

Received October 26, 2022

Revised November 23, 2022

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мерхелевич Геннадий Викторович, заведующий кафедрой русского и иностранного языков, Донецкая академия транспорта; директор Сетевого корпоративного центра непрерывной иноязычной подготовки «АРПИ», г. Донецк, Донецкая Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Merkhelevich, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Donetsk Academy of Transport, Director of the Network Corporate Center for Continuous Foreign Language Training "ARPI", Donetsk, Donetsk People's Republic

УДК 378.14

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-90-104

Абитуриент вуза как представитель поколения Z: личностные качества и ценностные ориентиры

Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В.

Волгоградский государственный технический университет,
Россия, 400005, г. Волгоград, проспект им. Ленина, д. 28

E-mail: morozovaira@list.ru, svetashhev@mail.ru, katerina993@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях приоритет государства – приоритет высшего образования в развитии личности современной молодежи, однако количество поступающих в вузы в последние годы существенно снижается. На этот факт указывают итоги приёмных компаний в вузах. Одной из причин снижения набора абитуриентов в высшие учебные заведения является слабая степень учета личностных качеств абитуриентов при организации вузом профориентационной работы. Цель исследования – выявить личностные качества и ценностные ориентиры современных абитуриентов как представителей поколения Z. В ходе исследования изучены научные подходы к понятию личности человека и уточнены составляющие компоненты его структуры (генетический, мотивационный, деятельностный и ценностный компоненты). Определено, что важным фактором, влияющим на формирование личностных качеств человека, является среда воспитания. Авторами статьи уточнены характерные особенности среды воспитания поколения Z, которые повлияли на развитие качеств личности современных абитуриентов: информационная перегруженность современного общества, приоритет виртуального мира, гиперопека со стороны родителей, экономические кризисы и другие. На основе анализа результатов научных исследований авторами впервые определены компоненты структуры личности поколения Z (генетический, мотивационный, деятельностный, ценностный) и раскрыто их содержание. Использование результатов исследования в процессе организации профориентационной работы позволит выстроить эффективные коммуникации с абитуриентами с целью привлечения их в высшие учебные заведения.

Ключевые слова: теория поколений, профориентационная работа, среда воспитания, структура личности человека, жизненные принципы, социальный опыт

Для цитирования: Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В. 2023. Абитуриент вуза как представитель поколения Z: личностные качества и ценностные ориентиры. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 42(1): 90–104. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-90-104

University Entrant as a Representative of Generation Z: Personal Qualities and Value Orientations

Irina A. Morozova, Svetlana A. Shevchenko, Catherina V. Kuzmina

Volgograd State Technical University,
28 Lenina St, Volgograd 400005, Russia

E-mail: morozovaira@list.ru, svetashhev@mail.ru, katerina993@yandex.ru

Abstract. In modern conditions, the priority of the state is the priority of higher education in the development of the personality of today's youth, but the number of university students has been significantly reduced in recent years. This fact is indicated by the results of admission companies in universities. One of the reasons for the decrease in the enrollment of applicants to higher educational institutions is the weak degree of consideration of the personal qualities of applicants when organizing career guidance work by the university. The purpose of the study is to identify the personal qualities and

value orientations of modern applicants as representatives of the Z generation. In the course of the study, scientific approaches to the concept of human personality were studied and the constituent components of its structure (genetic, motivational, activity and value components) were clarified. It is determined that an important factor influencing the formation of a person's personal qualities is the environment of education. The authors of the article clarified the characteristic features of the upbringing environment of generation Z, which influenced the development of personality traits of modern applicants: information overload of modern society, the priority of the virtual world, overprotection by parents, economic crises, and others. Based on the analysis of the results of scientific research, the authors for the first time determined the components of the personality structure of generation Z (genetic, motivational, activity, value) and disclosed their content. Using the results of the study in the process of organizing career guidance work will allow building effective communications with applicants in order to attract them to higher educational institutions.

Keywords: theory of generations, career guidance, environment of education, structure of a person's personality, life principles, social experience

For citation: Morozova I.A., Shevchenko S.A., Kuzmina C.V. 2023. University Entrant as a Representative of Generation Z: Personal Qualities and Value Orientations. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 90–104 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-90-104

Введение

Реалии современной жизни протекают в условиях всеобщей информатизации, обусловленной приоритетом научно-технического прогресса во всех областях жизни.

Сегодня государству нужны компетентные трудовые кадры, которые могут креативно и быстро принимать управленческие решения. В связи с этим государство уделяет особое внимание деятельности образовательных учреждений высшего образования, которые являются важным стратегическим ресурсом в условиях социально-экономического и технологического развития России.

В 2022 году был разработан Проект «Национальная доктрина образования Российской Федерации» [Национальная доктрина... 2022], который является идеологическим документом для формирования государственной политики в области отечественного образования. Один из важных акцентов в документе направлен на личность человека, выявление отдельных, фрагментарных человеческих потенциалов и превращение их в сугубо полезные ресурсы для использования в том или ином социальном производстве.

Очевидно, что приоритетом государства является преобразование человеческого потенциала в человеческий капитал как ресурс и драйвер развития современного информационного общества. Важная роль в этом процессе отводится образовательным учреждениям высшего образования. Однако в последние годы наблюдается снижение набора студентов в вузы даже на бюджетные места [Общероссийский образовательный... 2022]. К причинам данного явления можно отнести: демографические изменения в обществе; дисбаланс спроса и предложения на рынке образовательных услуг и рынке труда; снижение доходов населения, связанные с пандемией; конкуренцию между вузами и другие. С нашей точки зрения, одной из причин такой ситуации является снижение качества профориентационной работы, хотя именно она в настоящее время приобретает особое значение и становится важнейшим этапом подготовки образовательного процесса.

В современных условиях процесс поступления в вуз – сложное и многоэтапное взаимодействие университета с абитуриентами и их родителями. Каждый участник этого процесса имеет разные цели и интересы. При планировании профориентационной работы важно учитывать личностные качества современного абитуриента, что позволит выстраивать с ними эффективные коммуникации в процессе привлечения в вуз и дальнейшего взаимодействия в рамках учебного процесса.

Основой настоящего исследования являются результаты научных работ в области личности человека [Allport, 1937; Erickson, 1991; Рубинштейн, 2000; Туленкова, 2020; Платонов, 1972]. Личностные качества [Стилман и др., 2018; Палфри и др., 2011; Богданов и др., 2018; Дзюба и др., 2021; Тарасова, 2020; Трохина и др., 2018; Ольховая и др., 2020; Зинурова, 2022; Шлегель, 2022] и ценностные ориентиры [Большунова, 2018; Ермолова и др., 2020] поколения Z формировались под воздействием среды воспитания, особенности которой изучались в работах зарубежных и отечественных авторов [Белозерова и др., 2018; Шлегель, 2022; Богданов и др., 2018].

Кто они – современные абитуриенты? Каковы их потребности и жизненные ценности? В исследовании личность современного абитуриента рассматривается в контексте теории поколений.

В педагогической и социологической литературе понятие «поколение» является объектом многих научных исследований отечественных и зарубежных авторов. Теория поколений была разработана в 1991 году [Howe, Strauss 1991]. Согласно теории, поколение – это социальные группы, рожденные в определенный исторический период, испытавшие влияние одних и тех же событий, особенностей воспитания, имеющие схожие ценности.

Анализ результатов исследований позволяет констатировать, что теория поколений основывается на следующих положениях:

- поколение – совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период;
- имеет место цикличность поколений – каждое пятое поколение имеет схожие ценности;
- одно поколение имеет общие критерии: переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте, одинаковые модели поведения и ощущение причастности к данному поколению;
- системы ценностей у людей, выросших в разные исторические периоды, различаются;
- ценности поколения формируются в результате семейного воспитания, под влиянием общественных событий, в котором оно находится в период взросления;
- в реальности временные границы между поколениями зависят от географического, политического и экономического положения региона.

Фундаментальная теория поколений была адаптирована исследователями Е. Шамис и Е. Никоновым [2017] к российской действительности. Изучение личности человека в контексте теории поколений позволяет достичь следующих положительных эффектов: снизить конфликты между поколениями людей, живущих одновременно в настоящее время; сократить затраты (временные и материальные) на осуществление деятельности образовательных учреждений; построить конструктивное взаимодействие между поколениями в осуществлении новых проектов и стратегических планов [Шамис, Никонов, 2017].

В исследовании мы рассматриваем поколение как общность людей примерно одного возраста со сходными знаниями, ценностными ориентациями и формами поведения, которые были сформированы под влиянием среды воспитания [Дутко, 2020].

Современные абитуриенты – это представители поколения Z. К поколению Z относятся молодые люди, рожденные в информационном обществе после 2000 года. Поколение Z формировалось под влиянием Интернета, который используется в учебе, досуге, общении и работе. Это обстоятельство накладывает отпечатки на характеристику личностных качеств поколения Z.

Тематика научных работ в отношении поколения Z включает вопросы: ценностей и мотивов, среды воспитания, личностных особенностей, методов взаимодействия и другие. Факторы среды воспитания поколения Z изучались в работах С.И. Богданова [2018], Л.А. Белозёровой [2018], Е.В. Шлегель [2022], Н.Е.Петровской [2021] и других авторов. Исследования личностных качеств поколения Z представлены в работах Е.М. Тарасовой

[2020], А.А. Трохина и др. [2018], Т.В. Большуновой [2018] и других авторов. Ценностные ориентиры поколения Z уточнялись в работах Т.В. Ермоловой и др. [2020]; Е.К. Грошевой и др. [2021]; Р.И. Маминой и др. [2020] и других авторов.

Однако, несмотря на широкий спектр работ в изучении личности современных абитуриентов вузов, в научных работах характерные особенности среды воспитания поколения Z представлены в разобобщенном виде; отсутствует конкретизация в структурных компонентах личности поколения Z. Также в полной мере не представлены ценностные ориентиры поколения Z.

В связи с этим авторами поставлена цель выявления личностных качеств и ценностных ориентиров современных абитуриентов как представителей поколения Z.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является поколение Z – молодые люди, рожденные в информационном обществе после 2000 года.

В процессе исследования использовались следующие методы: монографический метод для изучения литературы по рассматриваемой проблеме; методы анализа и синтеза, на основе которых отдельные факторы были объединены в целостную структуру среды воспитания поколения Z; метод теоретического анализа – идентификация и обзор отдельных признаков, характерных для рассматриваемого объекта исследования, что позволило систематизировать структуру личностных качеств современных абитуриентов и другие.

Результаты и их обсуждение

1. Структурные компоненты личности человека. Личность человека – это динамичная система психофизических компонентов (элементов разума и тела), которые влияют на его мышление и поведение [Allport, 1961]. Личность человека характеризуется определенными чертами (определяющими характеристиками), которые проявляются в относительно стабильном поведении человека в широком диапазоне ситуаций. При этом разнообразные стимулы могут вызвать одинаковые ответные реакции так же, как и множество реакций (чувства, ощущения, интерпретации, поступки) могут иметь одинаковое функциональное значение.

Черты личности могут быть общими (для людей в пределах определенной культуры) и индивидуальными (уникальными у конкретного человека, наиболее точно отражающие его личностную структуру) и обуславливают поведение человека [Allport, 1937].

Индивидуальные черты особенно часто проявляются в сферах интересов и установок. Черты, сформированные окружающей средой, обусловлены влияниями в социальном и физическом окружении и отражают характеристики и стили поведения, усвоенные в процессе научения. В развитии черт личности большую роль играют наследственность и окружающая среда. Помимо непосредственного воздействия ситуационных факторов, на поведение людей в значительной мере влияют те группы, к которым они принадлежат (семья, группы сверстников, школа, национальность) [Cattell, 1950].

3. Фрейд [1990] связывает понятие личности человека с его потребностями и мотивами, придавая им важную роль в поведении человека, но занижая роль сознания. На развитие личности влияют социальные факторы и возрастные изменения человека. Развитие личности зависит от культурных традиций и экономического уровня развития общества, а также от исторического этапа, который ребёнок застал. Ребёнок, взрослея, проходит ряд стадий и приобретает новое личностное новообразование, которое закладывается в структуру личности, сохраняясь в последующие периоды жизни [Erickson, 1991].

В среде педагогов и психологов устоялось мнение, что качества личности человека формируются в процессе взаимодействия с социальной средой и оказывают влияние на поведение индивида. Однако к числу таких качеств не относят генетически и физиологи-

чески обусловленные особенности и характеристики, определяющие познавательные процессы. Вместе с тем авторы указывают на ситуативный фактор, который может способствовать не «типичному» поведению личности. Для нашего исследования представляют интерес результаты научных работ В.Н. Мяснищева [1960] и А.Н. Леонтьева [1975], которые рассматривают личность человека во взаимосвязи с его деятельностью.

Личность формируется и проявляется в деятельности, которая обусловлена его сознанием, в которой человек преобразует окружающую его действительность. В рамках деятельности психические процессы (мышление, память, ощущения, восприятие, воображение, речь, внимание, эмоции и воля) переходят в свойства личности (особенности восприятия, мышления, памяти). Психические свойства определяют способности, характер и направленность личности (как мотивы, которые побуждают человека действовать). Личность – это совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия [Рубинштейн, 2000].

Влияние качеств личности человека на его деятельность рассматривает и В.Н. Мяснищев [1960], характеризуя личность как систему отношений человека к различным объектам действительности (явлениям природы, общества, ценностям, к себе). Главным в структуре личности является соотношение содержательных тенденций, которые реализуются в различных видах деятельности, связанных с условиями жизни соответствующего исторического периода.

А.Н. Леонтьев [1975], изучая качества личности с позиции деятельностного подхода, доказывает, что функционирование личности осуществляется в деятельности, в которой она реализует свои способности и развивает свою сущность. В исследовании А.Н. Леонтьева была разработана структура индивидуальной деятельности человека, которая содержит взаимосвязанные компоненты: деятельность; мотивы, цели и условия; личностный смысл.

По мнению Л.А. Туленковой [2020], поведение личности зависит от влияния социальных условий; определяется опытом, приобретаемым на протяжении всей жизни, как набором моделей поведения; обусловлено внешней стимуляцией, а не врожденными качествами.

В исследовании мы основывались на понимании личности человека с позиции структурного подхода К.К. Платонова [1972]. Личность рассматривается как динамическая система, которая развивается во времени, при этом изменяются входящие в её состав элементы и связи между ними при сохранении функции.

Автор предлагает включать в структуру личности следующие подструктуры:

- биопсихические свойства (половые и возрастные свойства личности, типологические свойства личности (темперамент), которые больше зависят от физиологических особенностей мозга);
- индивидуальные особенности психических процессов (функции памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли);
- индивидуальный опыт (знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем обучения, но с влиянием биологических и генетических свойств личности);
- направленность и отношения личности (потребности, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, ценностные приоритеты), на основе которых формируется социальный опыт человека.

Подструктуры, включающие индивидуальный и социальный опыт, взаимосвязаны друг с другом через ценностные приоритеты. Ценностные приоритеты – состояние готовности личности к определённому стилю поведения и направлению деятельности, основанному на личном опыте с учетом постоянно меняющейся ситуации [Фельдштейн, 1980].

Ценностные приоритеты характеризуют содержание активности личности и являются внутренним носителем регуляции поведения личности. Ценностные ориентации человека включают иерархию ценностей, которая складывается: 1) на основе внешне детерми-

нированных потребностей и осознается как социально значимая на уровне идеализированных ценностей; 2) на основе личностных потребностей человека (включая личностный опыт) [Сунцова, 2005]. Ценностные ориентиры молодежи формируются под воздействием, прежде всего, сложившихся целевых установок окружающего общества, взаимообусловленных процессами, происходящими в экономике.

Основываясь на анализе результатов научных работ, мы сделали несколько важных выводов в отношении личности человека:

- личность как система имеет динамический характер, который проявляется в способности развиваться во времени, изменяя состав входящих в нее компонентов и связей между ними, при сохранении функции;

- личность человека рассматривается с позиции биологического и социального аспектов;

- движущие силы формирования и развития личности: наследственность и социальная среда (среда воспитания ребенка, культурные традиции и экономический уровень развития общества);

- личность проявляется в деятельности, в которой она реализует свои способности, развивает свою сущность, используя индивидуальный опыт, приобретаемый на протяжении всей жизни, как набор моделей поведения;

- на поведение личности оказывают влияние: социальная среда, потребности и мотивы личности; ценностные ориентации; черты характера, ситуативные факторы и другое;

- ценностные приоритеты личности формируются на основе социального и личностного опыта.

К биологическим факторам, влияющим на индивидуально-психологические свойства личности человека, относятся генетические характеристики анатомического и физиологического строения. К социальным факторам, влияющим на развитие личности человека, относятся: среда воспитания; принадлежность к определенной культуре и социальному классу; ситуационное поведение, ценности и стиль жизни; семейное окружение; общение в среде сверстников (социализация, приобретение опыта, оказывающего устойчивое влияние на развитие личности).

В исследовании структуру личности человека мы рассматриваем как сочетание устойчивых свойств человека, сформировавшихся в процессе его развития и проявляющихся при различных ситуациях. Устойчивые свойства личности проявляются в наследственности, потребностях и мотивах [Фрейд, 1990], жизненных ценностях и деятельности [Мясищев, 1960; Леонтьев, 1975], обусловленной личностным опытом [Леонтьев, 1975].

Мы предлагаем включить в структуру личности человека следующие компоненты:

- генетический компонент (возрастные свойства, способности, типологические свойства личности; индивидуальные особенности психических процессов – функции памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли);

- мотивационный компонент (потребности и мотивы, ориентирующие деятельность личности; ценностные ориентиры, сформированные на основе внешне детерминированных потребностей, которые осознаются как социально значимые на уровне идеализированных ценностей);

- деятельностный компонент (модели поведения, основанные на личном опыте, определяющем различные проявления активности);

- ценностный компонент (ценностные ориентиры, сформированные на основе личностных потребностей и опыта как системы знаний, умений и навыков).

Генетический компонент структуры отражает биологический аспект рассмотрения личности человека. Социальный аспект проявляется в мотивационном, деятельностном и ценностном компонентах.

2. Особенности среды воспитания поколения Z. Одним из факторов, влияющих на формирование личностных качеств человека, является среда воспитания. Обратимся к результатам исследований.

В научных работах широко обсуждается данный вопрос. Так, например, Л.А. Белозерова и другие [2018] полагают, что среда формирования личностных качеств представителей поколения Z включает культивирование в обществе получение информации с помощью Интернета. Авторы связывают постоянное использование гаджетов с созданием новых эталонов восприятия пространства. Причем информация, полученная таким путем, становится частью функциональной грамотности растущего человека. Интернет-средства дают человеку основу для формирования индивидуальности в виртуальном социуме.

По мнению С.И. Богданова и других [2018], на формирование личностных качеств представителей поколения Z оказал влияние приоритет виртуального мира перед реальной действительностью. Авторы считают, что приоритет виртуального мира связан не столько с интересом к технологическим инновациям, сколько с отчуждением от современного взрослого мира, в котором имеют место различные противоречия. Среди таких противоречий в работе отмечается противоречие между трансляцией свободного выбора индивидуальных образовательных маршрутов и жестким ограничителем ЕГЭ, что способствовало «мировоззренческой запутанности» представителей поколения. Это обстоятельство повлекло за собой отсутствие осознанности свободы своих возможностей и способов их реализации.

Обзор отечественных источников [Белозерова и др., 2018; Грошева, Чуприна, 2021; Петровская, 2021] позволил выделить и другие характеристики среды формирования поколения Z. Среди них можно отметить информационную перегруженность современного общества и интернет-стиль жизни молодого поколения. В таких условиях молодые люди чаще всего неосознанно потребляют информацию, которая может быть токсична и способствовать стрессу. Информация в Интернете может быть ложной и даже опасной, что приводит к различным негативным последствиям. Проблема медиаграмотности поколения Z сегодня стоит очень остро перед педагогическим сообществом.

Среде формирования личности поколения Z свойственна и такая особенность, как разрыв детско-родительских отношений [Шлегель, 2022]. Между родителями и детьми растет «цифровой барьер» [Регуш и др., 2022]. Раньше информацию дети узнавали от родителей, теперь они в этом не нуждаются. Они находят ответы на интересующие их проблемы в Интернете и более сосредоточены на самих себе. Поколение росло в отсутствии оппозиции родителей, авторитета и поведенческих регламентов, в состоянии эмоциональной самоизоляции и разрушенной привязанности [Регуш и др., 2022; Ермолова и др., 2020].

Другой характеристикой среды воспитания поколения Z является гиперопека родителей, которая проявляется в том, что родители создавали для детей комфортную среду для развития. Представители поколения Z росли в комфорте и регулярном поощрении даже самых небольших достижений [Кулакова, 2018].

К особенностям среды формирования поколения Z также относится и повсеместная трансляция быстрого успеха отдельных людей, что создаёт обманчивую картину построения прекрасной жизни без особых усилий.

Поколение Z формировалось в условиях преодоления глубоких экономических кризисов и других негативных явлений в обществе [Шлегель, 2022; Регуш и др., 2022]. В результате у поколения молодых людей сформировалось скептическое отношение к перспективам экономики [Регуш и др., 2022]. При этом для поколения Z виртуальный мир является более понятным и безопасным [Шлегель, 2022].

Таким образом, можно сделать вывод, что к характерным особенностям среды воспитания поколения Z относятся:

- культивирование в обществе новых способов получения информации (Интернет источники) и как следствие изменение эталонов восприятия пространства, влияющих на формирование функциональной грамотности молодого человека;
- информационная перегруженность современного общества и как следствие не всегда осознанное потребление различной информации (в т.ч. и ложной), снижение уровня медиаграмотности;
- формирование среди молодёжи приоритета виртуального мира в сравнении с реальной действительностью и как следствие уход от проблем современного взрослого мира;
- «цифровой барьер» между родителями и детьми, разрыв детско-родительских отношений и как следствие эмоциональная самоизоляция молодых людей;
- гиперопека со стороны родителей и как следствие восприятие окружающего мира, в котором важны комфорт и развлечения;
- повсеместная трансляция быстрого успеха отдельных людей, формирование представлений о достижении прекрасной жизни без особых усилий;
- негативные события в общественной жизни (экономические кризисы, террористические акты, эпидемии и другие) и как следствие уход в виртуальный мир с целью удовлетворения потребностей в психологической и физической безопасности.

3. Личностные качества и ценностные ориентиры поколения Z. Особенности среды воспитания, рассмотренные выше, повлияли на формирование личностных качеств поколения Z.

Зарубежные авторы, характеризующие личностные особенности поколения Z, выделяют следующие:

- пренебрежение социальными нормами и правилами, неумение вести очный диалог, стремление не принадлежать к какой-либо определенной категории людей, проблемы обучения (неспособность фокусировать внимание, нацеленность на решение проблем своими силами, стремление к молниеносному принятию решений), высокая степень индивидуализации; высокая прагматичность [Стилман, Стилман, 2018];
- достижение и приверженность долгосрочным целям, страхи перед неудачами, подверженность манипуляциям извне, тревожность, низкая степень продолжительности концентрации внимания [Schenarts, 2020];
- низкая степень критического мышления, непонимание различий между объективными фактами и мнениями; склонность к многозадачности, терпимость, уверенность в себе, навыки владения информационными технологиями и способность быстро найти ответы на интересующие вопросы [Hampton et al., 2020];
- восприятие своей идентичности сразу в пространствах офлайн и онлайн; концентрация личности на индивидуальном стиле жизни; быстрое, но неглубокое осмысление информации; склонность к аутизации как способе защиты от проблем современного образа жизни, ориентированность на потребление и высокая индивидуальность [Палфри, Гассер, 2011].

Обратимся к результатам исследований отечественных авторов.

С.И. Богданов, К.В. Султанов, А.А. Воскресенский [Богданов и др., 2018] к личностным характеристикам поколения Z относят высокую самооценку, самоуверенность, мобильность [Грошева, Чуприна, 2021], гибкость, легкость восприятия нового, частую смену места и окружения, ориентацию на быстро достижимые цели, слабовыраженную заботу о будущем. Среди ценностей поколения Z авторы выделяют: стремление к здоровому и «рациональному» образу жизни; формальность диплома о высшем образовании [Петровская, 2021].

Т.И. Дзюба и Л.В. Буря [2021] к личностным характеристикам поколения Z относят: индивидуализм, неспособность справляться с трудностями, стремление к самовыражению и реализации своего творческого потенциала, неспособность сосредоточиться на теоретической информации, снижение способности к запоминанию информации, стремление к

ранней самостоятельности, способность высказывать своё мнение, зависимость от общественного внимания и признания, подверженность манипуляциям со стороны других членов общества. К ценностным приоритетам поколения авторы относят значимость информации, получаемой через Интернет [Грошева, Чуприна, 2021]; приоритет виртуального общения против живого общения; стремление связать свою профессию со своими потребностями при отсутствии зависимости от мнения и решения родителей при выборе вуза.

М.С. Яницкий [2020] делает акцент на социализацию поколения Z и считает характерными для поколения качества личности: клиповость мышления, фрагментированность сознания, виртуальный характер межличностных коммуникаций, ценность собственного престижа. Е.М. Тарасова [2020] выделяет психологические особенности поколения Z: быстрота переключения внимания и способность к многозадачности за счет быстрой оценки получаемой информации; уверенность в себе; клиповое мышление; высокий уровень толерантности; тревожность, обусловленную доступом к негативной информации через Интернет.

А.А. Трохина и другие [2018] дополняют особенности личности поколения Z:

- клиповое мышление позволяет продуктивно работать с большими массивами информации, но в тоже время порождает низкую концентрацию внимания, поверхностное восприятие информации и не способность её анализировать и делать глубокие выводы [Рындак, 2019; Ольховая и др., 2020; Кондрашихина и др., 2020; Захарова, 2019];

- способность к креативности, что проявляется в создании ярких аккаунтов;

- прагматизм как отсутствие желания работать в бюрократической корпорации и желание проявлять предпринимательские способности в создании стартапов [Петровская, 2021; Зинурова, 2022];

- рациональная практичность, которая проявляется в осуществлении деятельности, которая имеет практический смысл [Петровская, 2021; Зинурова, 2022; Шлегель, 2022];

- усидчивость и целеустремленность [Шлегель, 2022];

- ориентация на быстрый карьерный результат (здесь и сейчас), отрицание долгосрочного планирования;

- потребность в комфортной жизни;

- склонность к аутизации, погружение в свой мир [Кондрашихина и др., 2020; Захарова, 2019];

- слабая степень готовности к взрослым проблемам, размытые жизненные принципы.

В работе Т.В. Большуновой [2018] представлены мотивы и ценностные ориентации поколения Z: стремление к самореализации и избегание корпоративной зависимости [Грошева, Чуприна, 2021; Мамина, Толстикова, 2020]; выбор профессии, которая обеспечивает достойный доход, даже если она не очень нравится; легкое и быстрое достижение высокого положения на работе; тотальное следование рекомендациям информационных ресурсов Интернета [Грошева, Чуприна, 2021]; приоритет людей, которые открывают наиболее интересную информацию и лучшие развлечения [Трубникова, Порудчикова 2018] постоянное присутствие в информационном пространстве и собственная исключительность [Петровская, 2021]; важность непрерывного движения и впечатлений [Грошева, Чуприна, 2021]. Установки и ценности поколения Z отражают его характерные черты: свободное общение со взрослыми на равных (отрицание иерархии в отношениях на равных); наслаждение своей жизнью, любовь к себе; стремление достичь успеха, стать состоятельным, чтобы жить, как хочется; эгоцентричность, глобальное мышление; заикленность на внешности, виртуальная коммуникабельность [Петровская, 2021], зависимость от общественного мнения; равенство и отсутствие дискриминации вокруг себя; стремление к взрослой жизни.

Т.В. Ермолова и др. [2020] выделяют жизненные принципы поколения: приоритет уровня технологической насыщенности среды [Мамина, Толстикова, 2020]; высокая сте-

пень индивидуализации [Трубникова, Порудчикова, 2018; Захарова, 2019; Петровская, 2021]; высокая прагматичность, нацеленность на успех, предполагающая точную «смету» необходимых затрат и усилий; синдром упущенной выгоды [Мамина, Толстикова, 2020]; независимость; мотивированность на результат [Трубникова, Порудчикова, 2018].

Чаще всего авторы научных работ отмечают такие личностные характеристики, как клиповость мышления, склонность к аутизации, прагматизм и реализм, гиперактивность и некоторые другие. Перечисленные характеристики являются основными, которые повлияли на формирование других особенностей личности поколения Z.

Полученные результаты исследования позволили сформировать общее представление о современном абитуриенте в контексте теории поколений.

Изучив результаты научных исследований разных авторов в отношении личностных качеств и ценностей поколения Z, мы представили структуру личности как систему компонентов и раскрыли их содержание (см. таблицу).

Компоненты структуры личности поколения Z
 Generation Z Personality Structure Components

Компонент	Содержание компонента
Генетический (в том числе функции психических процессов)	<ul style="list-style-type: none"> -Быстрота восприятия новой информации, способность к выполнению многоцелевых задач; -восприятие своей идентичности сразу в пространствах офлайн и онлайн; -низкая степень критического мышления; -клиповость мышления и фрагментарность сознания; -склонность к аутизации, погружение в свой мир; -тревожность; -гибкость, бесконфликтность при условии не затрагивания их личных интересов; -прагматизм; -психологическая гибкость к перестроению своей жизни; -толерантность (уважение к чужой индивидуальности).
Мотивационный	<p>Потребности: в здоровом и рациональном образе жизни; в быстром карьерном росте; бесконфликтном общении через Интернет; в психологической и физической безопасности.</p> <p>Мотивы достижения быстрого карьерного результата (здесь и сейчас); успеха без особых усилий.</p>
Деятельностный	<ul style="list-style-type: none"> -Нацеленность деятельности на конкретный результат; -стремление к самообразованию при выполнении различных видов деятельности; -осуществление деятельности, которая приносит доход через доступ к различным источникам дохода (блоггерство, создание проектов); -приоритет деятельности с высоким уровнем технологической обеспеченности.
Ценностный	<ul style="list-style-type: none"> -Ценности своего престижа и активных социальных контактов в поле Интернета; -ценность собственного времени и работы по гибкому графику, чтобы путешествовать; -ценность своей самостоятельности, автономности и независимости в суждениях и поступках; -информационная и финансовая независимость; -безопасность и стабильность своей жизни.

Общая характеристика подструктур личности позволяет более целостно представить личность поколения Z и увидеть его сильные (предприимчивость, стремление к самовыражению и реализации своего творческого потенциала, нацеленность на практический результат и другие) и слабые (клиповость мышления, склонность к аутизму, низкую степень критического мышления, тревожность и другие) стороны.

Заключение

Таким образом, личность человека – это системное образование, которое обусловлено биологическим и социальным аспектами, имеет динамический характер и проявляется в деятельности. Личность человека раскрывается через структуру, которая представляет собой сочетание устойчивых свойств человека, сформировавшихся в процессе его развития и проявляющихся при различных ситуациях. Важную роль в формировании качеств личности играет среда воспитания. В результате исследования уточнены характерные особенности среды воспитания поколения Z, которые повлияли на развитие качеств личности: информационная перегруженность современного общества, приоритет виртуального мира, гиперопека со стороны родителей, экономические кризисы и другие.

Научное изучение личностных качеств человека предполагает системный подход, который отражается в разработке структуры личности, состоящей из системы компонентов, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии. Структура личности позволяет выявить ее особенности и отличия, акцентируя внимание на её основных составляющих. Структурным компонентам присущ динамический характер, они мобильны и изменчивы. Авторами впервые определены компоненты структуры личности поколения Z (генетический, мотивационный, деятельностный, ценностный) и раскрыто их содержание.

Выявленные личностные черты и ценностные приоритеты поколения Z являются основой как для повышения качества профориентационной работы, так и для дальнейших исследований. Перспектива дальнейшего исследования нам видится в изучении эффективных способов взаимодействия с абитуриентами как в рамках профориентационной работы, так и с потенциальными студентами в процессе обучения.

Результаты исследования помогут преподавателям вузов ориентироваться в потребностях и мотивах современных абитуриентов.

Список источников

- Национальная доктрина образования Российской Федерации. Проект. 2022. URL:https://rnk-concept.ru/wp-content/uploads/2022/04/777-2022_Doktrina.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
- Общероссийский образовательный портал. URL: https://obrmos.ru/go/go_scool/news/go_go_scool_news_041.html (дата обращения: 15.10.2022).
- Палфрей Дж., Гассер У. 2011. Дети цифровой эры. Пер. с англ. Н. Яцок. Под ред. М. Трушковой. М., Эксмо, 368 с. (Palfrey J. and Gasser U. 2008. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives. New York, Basic Book, 375 p.).
- Стиллман Д., Стиллман И. 2018. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. Пер. с англ. Ю. Кондукова. Под ред. Н. Шульгиной. М., Манн, Иванов и Фербер, 310 с. (David Stillman, Jonah Stillman. 2017. Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace. Harper Business, 320 p.).
- Шамис Е., Никонов Е. 2017. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М., Университет «Синергия», 140 с.

Список литературы

- Белозерова Л.А., Поляков С.Д., Жидяева О.О. 2018. Социокультурные особенности поколения Z: опыт эмпирического исследования. *Поволжский педагогический поиск*, (25): 16–23.
- Богданов С.И., Султанов К.В., Воскресенский А.А. 2018. Постматериальные ценности и жизненные ориентации поколения Z: цифровая молодежь в образовательной системе

- современной России. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 187: 24–30.
- Большунова Т.В. 2018. Ценностно-мотивационный аспект участия поколения Z в современном политическом процессе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 1: 63–67.
- Грошева Е.К., Чуприна А.Д. 2021. Отличительные черты и особенности поколения Z. *Бизнес-образование в экономике знаний*, 3: 32–33.
- Дзюба Т.И., Буря Л.В. 2021. Ценностные установки поколения Z. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 3-2(54): 17–21. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21.
- Дутко Ю.А. 2020. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования. *Проблемы современного образования*, 4: 28–37. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-4-28-37
- Захарова В.А. 2019. Студенты поколения Z: реальность и будущее. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 4: 47–50.
- Зинурова Р.И. 2022. Социокультурные параметры гражданского активизма поколения ZET. *Управление устойчивым развитием*, 2(39): 24–28
- Ермолова Т.В., Литвинов А.В., Савицкая Н.В., Логвинова О.К. 2020. Приоритеты психолого-педагогической работы с поколением Z (зарубежный опыт). *Современная зарубежная психология*, 9 (4): 89–102. DOI: 10.17759/jmfr.2020090408
- Кондрашихина О. А., Бадалова М. В., Терентьева А. И. 2020. Особенности личностной идентичности пользователей социальных сетей поколений Y и Z. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*, 31: 43–55.
- Леонтьев А.Н. 1975. Деятельность. сознание. Личность. М., Политиздат, 304 с.
- Мамина Р.И., Толстикова И.И. 2020. Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации. *International Journal of Open Information Technologies*, 8: 34–36
- Мясищев В.Н. 1960. Личность и неврозы. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 426 с.
- Ольховая Т.А., Чернова А.А., Парамонов В.Б. 2020. Поколение Z: новые реалии социализации. *Современные проблемы науки и образования*, 4: 28.
- Петровская Н.Е. 2021. Имманентные особенности модели маркетинга персонала для поколения Z. *Вестник НГИЭИ*, 10(125): 68–77.
- Платонов К.К. 1972. О системе психологии. М., Мысль, 216 с.
- Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. 2022. Психологические проблемы подростков России периода цифровизации (2010–2020). *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 203: 7–9.
- Рындак В.Г. 2019. Профессиональное самоопределение студентов из поколения Z: проблемы, пути решения. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 5(223): 91–99.
- Сунцова Я.С. 2005. О согласовании социальных и культурных ценностей в регуляции поведения личности. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 9: 56–62.
- Тарасова Е.М. 2020. Некоторые психологические особенности студентов поколения. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 2: 62–70. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70.
- Трохина А.А., Петерсон К.Ю. 2018. Карьерные перспективы молодежи поколения на примере Уральского региона. В кн.: *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XXI международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана*, Екатеринбург, 22–23 марта 2018 года. Под ред. Е.В. Грунт, А.В. Меренкова, Н.Л. Ангоновой. Екатеринбург, УрФУ: 656–667.
- Трубникова Н.В., Порудчикова А.В. 2018. Поведение потребителей в интернет среде: поколение Z и его приоритеты. *Коммуникология*, 6(3): 93–103
- Туленкова Л.А. 2020. К вопросу о понятии «личность» в контексте формирования универсальных учебных действий. *Современные проблемы науки и образования*, 5: 157. DOI: 10.17513/srpo.30152
- Фельдштейн Д.И. 1980. Психологические проблемы общественно-полезной деятельности как условия формирования личности подростка. *Вопросы психологии*, 4: 69–78.

- Фрейд З. 1990. О психоанализе. Пер. с нем. М.В. Вольфа. Минск, Харвест, 416 с. (Freud S. 1909. *Über Psychoanalyse. Fünf Vorlesungen, gehalten zur 20jährigen Grundungsfeier der Clark University in Worcester, Mass.*).
- Шлегель Е.В. 2022. Поколение Z: типические черты и ценностные ориентации. *Вестник Гуманитарного университета*, 2(37): 122–130.
- Яницкий М.С. 2020. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 22(1): 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206.
- Allport G.W. 1937. *Personality: A psychological interpretation*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 588 p.
- Allport G.W. 1961. *Pattern and growth in personality*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 608 p.
- Cattell R.B. 1950. *Personality: A systematic, theoretical, and factual study*. New York, McGraw-Hill, 689 p.
- Erickson E. 1991. Problema ego-identichnosti [The problem of ego identity]. *Referativnyi zhurnal, seriya: Sotsiologiya – Abstract journal, series Sociology*, 2: 158–172.
- Hampton D., Welsh D., Wiggins A.T. 2020. Learning Preferences and Engagement Level of Generation Z Nursing Students. *Nurse Educator*, 45(3): 160–164. DOI: 10.1097/NNE.0000000000000710.
- Schenarts P.J. 2020. Now Arriving: Surgical Trainees From Generation Z. *Journal of Surgical Education*, 77(2): 246–253. DOI: 10.1016/j.jsurg.2019.09.004

References

- Belozerova L.A., Polyakov S.D., Zhidyayeva O.O. 2018. Social and cultural features of the generation z: empirical research experience. *Volga Region Pedagogical Search*, 3(25): 16–23 (in Russia).
- Bogdanov S.I., Sultanov K.V., Voskresenskiy A.A. 2018. Postmaterial values and orientations of generation Z: digital natives and the education system of modern Russia. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 187: 24–30 (in Russia).
- Bol'shunova T.V. 2018. Value and motivation of participation "generation Z" in the present political process. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1: 63–67 (in Russia).
- Grosheva E.K., Chuprina A.D. 2021. Gen Z distinctive features and features. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*, 3(20): 32–34.
- Dzyuba T.I., Burya L.V. 2021. Gen Z value attitudes. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3-2(54): 17–21 (in Russia). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21.
- Dutko Yu.A. 2020. Generation Z: basic concepts, characteristics and current research. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 4: 28–37. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-4-28-37
- Zakharova V.A. 2019. Students of generation z: reality and future. *Nauchnye trudy Mos-kovskogo gumanitarnogo universiteta*, 4: 5. DOI: 10.17805/trudy.2019.4.5
- Zinurova R.I. 2022. Socio-cultural features of generation z civic activism. *Sustainability Management*, 2(39): 24–29 (in Russia). DOI: 10.55421/2499992X_2022_2_24
- Ermolova T.V., Litvinov A.V., Savitskaya N.V., Logvinova O.K. 2020. Priorities of psychological and educational work with generation Z (foreign experience). *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9(4): 89–102 (in Russia). DOI: 10.17759/jmfp.2020090408
- Kondrashikhina O.A., Badalova M.V., Terent'eva A.I. 2020. Some peculiarities of personality identity of generation Z and Y users of social networks. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 31: 43–55 (in Russia). DOI: 10.26516/2304-1226.2020.31.43
- Leont'ev A.N. 1975. Deyatel'nost'. soznanie. Lichnost' [Activity. consciousness. Personality]. M., Publ. Politizdat, 304 p.
- Mamina R.I., Tolstikova I.I. 2020. Phygital generation in free global communication, *International Journal of Open Information Technologies*, 8(1): 34–41 (in Russia).
- Myasishchev V.N. 1960. Lichnost' i nevrozy [Personality and neuroses]. L., Publ. Leningr. un-ta, 426 p.

- Ol'khovaya T.A., Chernova A.A., Paramonov V.B. 2020. Generation Z: the new realities of socialization. *Modern problems of science and education. Surgery*, 4: 28 (in Russia). DOI: 10.17513/spno.29976
- Petrovskaya N.E. 2021. Immanent features of the personnel marketing model for generation Z. *Bulletin NGIEI*, 10(125): 68–77 (in Russia). DOI: 10.24412/2227-9407-2021-10-68-77
- Platonov K.K. 1972. O sisteme psikhologii [On the system of psychology]. M., Publ. Mysl', 216 p.
- Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. 2022. Psychological Problems of Russian Adolescents During Digitalisation (2010–2020s). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 10(125): 68–77 (in Russia). DOI: 10.24412/2227-9407-2021-10-68-77
- Ryndak V.G. 2019. Professional'noe samoopredelenie studentov iz pokoleniya Z: problemy, puti resheniya. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(223): 91–99. DOI: 10.25198/1814-6457-222-91
- Suntsova Ya.S. 2005. To the problem of correlation between social and cultural values in regulation of one's behaviour. *Bulletin of Udmurt University*, 9: 56–62 (in Russia).
- Tarasova E.M. 2020. Some psychological features of generation Z students. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2: 62–70 (in Russia). DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70.
- Trokhina A.A., Peterson K.Yu. 2018. Career prospects of young people of generation Z on the example of the Ural region. In: *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]*. Proceedings of the XXI International Conference in memory of Professor L.N. Kogan, Yekaterinburg, March 22–23, 2018. Eds. E.V. Grunt, A.V. Merenkov, N.L. Antonova. Ekaterinburg, Publ. UrFU: 656–667.
- Trubnikova N.V., Porudchikova A.V. 2018. Consumer Behavior in Internet Environment: Generation Z and its priorities. *Communicology*, 6(3): 93–103 (in Russia). DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-3-93-103
- Tulenkova L.A. 2020. To the question of the concept of "personality" in the context of the formation of universal learning activities. *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 5: 157 (in Russia). DOI: 10.17513/spno.30152 DOI: 10.17513/spno.30152
- Fel'dshteyn D.I. 1980. Psikhologicheskie problemy obshchestvenno-poleznoy deyatel'nosti kak usloviya formirovaniya lichnosti podrostka [Psychological problems of socially useful activity as a condition for the formation of a teenager's personalit]. *Voprosy psikhologii*, 4: 69–78.
- Freyd Z. 1990. O psikhoanalize [On Psychoanalysis]. Per. with him. M.V. Vol'f. Minsk, Publ. Kharvest, 416 p. (Freud S. 1909. *Uber Psychoanalyse. Fünf Vorlesungen, gehalten zur 20jährigen Grundungsfeier der Clark University in Worcester, Mass.*)
- Shlegel E.V. 2022. Generation Z: typical traits and value orientations. *Bulletin of Liberal Arts University*, 2(37): 122–130 (in Russia). DOI: 10.35853/vestnik.gu.2022.2(37).12
- Erikson E.G. 1991. Problema ego-identichnosti [The problem of ego-identity]. *Referativnyy zhurnal. Seriya: Sotsiologiya*, 2: 155–172.
- Yanitskiy M.S. 2020. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *The Bulletin of Kemerovo State University*, 22(1): 194–206 (in Russia). DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206.
- Allport G.W. 1937. *Personality: A psychological interpretation*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 588 p.
- Allport G.W. 1961. *Pattern and growth in personality*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 608 p.
- Cattell R.B. 1950. *Personality: A systematic, theoretical, and factual study*. New York, McGraw-Hill, 689 p.
- Erickson E. 1991. Problema ego-identichnosti [The problem of ego identity]. *Referativnyi zhurnal, seriia: Sotsi-ologiya – Abstract journal, series Sociology*, 2: 158–172.
- Hampton D., Welsh D., Wiggins A.T. 2020. Learning Preferences and Engagement Level of Generation Z Nursing Students. *Nurse Educator*, 45(3): 160–164. DOI: 10.1097/NNE.0000000000000710.
- Schenarts P.J. 2020. Now Arriving: Surgical Trainees From Generation Z. *Journal of Surgical Education*, 77(2): 246–253. DOI: 10.1016/j.jsurg.2019.09.004

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.10.2022
Поступила после рецензирования 23.11.2022
Принята к публикации 10.03.2023

Received October 26, 2022
Revised November 23, 2022
Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Морозова Ирина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Irina A. Morozova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Шевченко Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Svetlana A. Shevchenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Кузьмина Екатерина Валериевна, доцент кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Ekaterina V. Kuzmina, Associate Professor of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

УДК 37.02

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-105-113

Проектирование современного учебника по иностранному языку в контексте мобильного обучения

Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В.

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
E-mail: khisnatulya@yandex.ru

Аннотация. Повсеместная цифровизация бытовой жизнедеятельности, выстраиваемая на принципах мобильности, доступности, индивидуализации, постепенно охватывает и сферу образования. Одним из перспективных направлений представляется мобильное обучение, которое требует иного подхода к разработке учебников / учебных пособий. В педагогической науке данная область исследования является недостаточно изученной и требует дополнительного освещения. Цель исследования – рассмотреть теоретические аспекты мобильного обучения для выявления принципиальных качественных его характеристик, подлежащих обязательному учету в разработке концепции учебных изданий нового поколения. Исследование проводилось методами анализа специальной литературы, педагогического наблюдения, анкетирования, обобщения практического педагогического опыта. По результатам исследования авторами предложено теоретическое обоснование необходимости модернизации учебно-методического обеспечения, описан опыт проектирования дидактики на основе гуманитарно-антропологического и андрагогического подходов с применением цифровых технологий. Проблема трансформации двухмерного пространства традиционного учебника в открытую, динамичную, мобильную информационно-образовательную среду решается применением QR-кодов.

Ключевые слова: цифровые технологии, учебно-методическое обеспечение, учебная литература, открытая информационно-образовательная среда, гуманитарно-антропологический подход, андрагогический подход

Для цитирования: Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В. 2023. Проектирование современного учебника по иностранному языку в контексте мобильного обучения. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 105–113. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-105-113

Designing a Modern Textbook in the Context of Mobile Education

Natalya V. Khismatulina, Svetlana A. Pugacheva, Tatiana V. Malkova

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Letchika Pilyutova St, Saint-Petersburg 198206, Russian Federation
E-mail: khisnatulya@yandex.ru

Abstract. Widespread digitalization of our everyday life, built on the principles of mobility, accessibility, individualization, gradually covers the sphere of education. One of the promising areas is mobile learning, which requires a different approach to designing textbooks. In pedagogical science, this area of research is insufficiently studied and needs additional attention. The purpose of the research is to consider the theoretical aspects of mobile learning in order to reveal its fundamental qualitative characteristics to be taken into account in developing the concept of modern learning materials. The study was carried out via a special literature review, pedagogical observation, questionnaires and a synthesis of practical pedagogical experience. As a result of the research the authors offer a theoretical substantiation of the need to modernize teaching and learning materials. The authors describe the experience of designing didactics on the basis of humanitarian and

anthropological, and andragogical approaches with using some digital technology elements. The problem of transforming the two-dimensional space of a traditional textbook into an open, dynamic, mobile informational and educational environment is solved by applying QR codes.

Keywords: digital technologies, educational and methodological support, teaching materials, open information and educational environment, humanitarian and anthropological approach, andragogical approach

For citation: Khismatulina N.V., Pugacheva S.A., Malkova T.V. 2023. Designing a Modern Textbook in the Context of Mobile Education. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 105–113 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-105-113

Введение

Стремительный технологический прогресс изменил повседневную жизнь человека как на индивидуальном, так и на общественном уровне. В сфере формального образования в теоретических размышлениях отечественных исследователей также всё чаще заявляются в качестве обыденных понятия цифровизации, беспроводных технологий, мобильной и интерактивной среды. Тем не менее на практике наблюдается ряд трудностей, требующих насущного разрешения [Хисматулина и др., 2022].

Во-первых, в современном образовательном пространстве очевидно, как никогда, расслоение двух поколений – так называемых цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов (термины М. Пренски), иными словами, технологически продвинутых обучающихся, рожденных в цифровую эру, для которых медиа – естественная среда жизнедеятельности, и преподавателей, как правило, представителей старшего поколения, вынужденно пытающихся ассимилироваться в неорганичной для себя среде цифровых технологий [Prensky, 2001; Prensky 2006].

Подобный различный характер «происхождения» участников образовательного процесса порождает вторую трудность – трудность коммуникации в условиях различного мышления и разных предпочитаемых языков взаимодействия. С одной стороны, речь идет о доцифровой упорядоченной картине мира у преподавателей с ориентацией на линейную логику, глубокий контент, исключительно структурный нарратив, выстроенный на мощном знанием массиве; с другой стороны, мы говорим о мозаичной картине мира цифровых аборигенов, предпочитаемой ими нелинейной логике в познавательной деятельности, когда собственное представление о предмете выстраивается на основе слабо связанных информационных артефактах, фрагментированного контента, разрозненных контекстов.

В качестве третьей трудности пунктирно обозначим сам факт того, что в эпоху цифровизации цифровые аборигены обучаются цифровыми иммигрантами, которые в своем большинстве всё ещё предпочитают традиционные методы обучения и разрабатывают дидактические материалы по образцу, выработанному не один десяток лет назад еще для доцифрового поколения. Отметим, что выявленные трудности потенциально усиливают риски пассивности обучающихся, их безынициативности, снижения мотивации, формального присутствия в аудитории и т. п. Оптимальным решением, по мнению авторов, является осмысленное принятие преподавателями уже сформированного цифрового мобильного характера образовательного пространства, переосмысления образовательных подходов и педагогических технологий, осознанный выбор методологических оснований для проектирования учебно-методического обеспечения дисциплин.

Заявленная тема исследования детерминирует его цель – рассмотреть теоретические аспекты мобильного обучения для выявления принципиальных качественных его характеристик, подлежащих обязательному учету в разработке учебных материалов нового поколения.

Объекты и методы исследования

В качестве объектов исследования обозначим само явление мобильного обучения, понятие современного учебника (или учебника нового поколения) как основополагающего элемента учебно-методического обеспечения, а также принципы его проектирования. Методологию исследования составили труды зарубежных и отечественных исследователей, посвященных анализу качественных характеристик современного молодого поколения как определяющего фактора в эффективном обучении; особенностям мобильного обучения, позволяющего вывести границы образовательного процесса за пределы учебной аудитории; педагогическим подходам, способным, с одной стороны, удовлетворить потребность целевой аудитории в мобильности, повсеместной доступности, индивидуализации образования, а с другой стороны, ответить на запрос преподавательского состава по поиску методологических оснований для разработки адекватного времени учебно-методического обеспечения в целом и учебников/учебных пособий в частности как его основных смыслообразующих элементов. К методам исследования отнесем анализ специальной литературы, педагогическое наблюдение, анкетирование, обобщение практического педагогического опыта.

Теоретические основы исследования

В контексте высшего образования термин «мобильное обучение» (m-learning) относится к использованию мобильных и портативных устройств, таких как смартфоны, ноутбуки, планшеты, имеющих беспроводной доступ к сети Интернет, и рассматривается как подсистема электронного обучения (e-learning), для которого также характерно использование сетевых технологий, но с привязкой к конкретному компьютерному стационарному рабочему месту [Quinn, 2001; Welsh, 2003; Kearney et al., 2012]. К. Питерз отмечает исключительные особенности новых мобильных технологий и неограниченный потенциал, которые они предлагают с позиции адаптации к индивидуальным потребностям целевой аудитории, тем самым помещая учебный процесс в рамки гибкого обучения [Peters, 2009]. В этой же логике М. Керни, С. Шак, К. Бурден, М. Розенберг подчеркивают уникальность мобильного обучения в обеспечении доступа к информационно-образовательным ресурсам за пределами традиционных аудиторных условий [Kearney et al., 2012] в зависимости от личностных потребностей и возможностей обучающихся [Rosenberg, 2001]. Зарубежные исследователи заявляют также, что m-learning отличается с педагогической точки зрения конструктивистским подходом к обучению [Brown, Campione, 1996], когда обучающиеся на основе предложенного материала формируют личностные смыслы, генерируют собственные знания, самостоятельно выстраивают свою картину мира.

Отечественные исследователи также подчеркивают потенциал мобильного обучения. Е.В. Савченко, В.А. Данилова, Т.Г. Шихалкина особо отмечают возможности m-learning в реализации личностно-ориентированного подхода к обучению [Савченко, 2017; Данилова, Шихалкина, 2020], в выстраивании индивидуальной образовательной траектории обучающихся. Возможности индивидуализации обучения особо отмечены и М.Р. Нашхоевой, которая рассматривает перспективы внедрения мобильного обучения на основе выделения таких положительных его характеристик, как мобильность, доступность, непосредственность, ситуативность, повсеместность, удобство и контекстуальность [Нашхоева, 2020, с.289]. Качество подобных функциональных признаков m-learning позволяет М. В. Дрыгиной выделить значимую его роль в непрерывном образовании, обозначить его ценность не только для неформального и информального образования, но и для формального образовательного пространства [Дрыгина, 2018].

Внедрение мобильных технологий произвело истинную революцию в образовательной среде и навсегда должно было изменить структурно-содержательную составляющую учебного процесса, обозначить иные подходы в реализации учебных программ в высшем

образовании посредством модернизации учебно-методического обеспечения. Тем не менее в научном сообществе отмечается рассинхронизация теории и практики, спорадический характер использования элементов мобильного обучения, обусловленный определенной ригидностью преподавательского состава к принятию и адекватному использованию новых технологий, зачастую недостаточной компьютерной грамотностью, тяготением к созданию доцифровой классической учебной литературы – учебников / учебных пособий как основных элементов в педагогическом проектировании учебно-методического обеспечения. С этих позиций справедливым кажется высказывание И.П. Павловой о том, что «в настоящее время учебники создаются и издаются (или переиздаются) в огромном количестве и с большой скоростью, причем авторы или авторские коллективы, как правило, не интересуются результатами методических исследований и не всегда осознают, что создание нового, современного учебника (или совершенствование ранее изданного) не должно ограничиваться лишь подбором новых текстов, а требует нового методического сопровождения» [Павлова, 2011, с. 45], адекватного современным условиям.

Традиционное понимание учебника, фиксированное в педагогических словарях как материальное средство передачи знаний, утрачивает свою состоятельность и актуальность в рамках процессов цифровизации, гуманизации и гуманитаризации, непрерывного образования, смешанного обучения. К. Костюк, генеральный директор компании «Директ-Медиа», в своем выступлении «Некролог для учебника» (учебника старого формата, бумажного образца) выразился еще более драматично: «Учебник умер»¹. Учебник нового поколения – это уже не «плоский» двухмерный мир учебной литературы (термин А. Литтлджона) [Littlejohn, 2011, с. 182], уникальный источник с закрытой системой знаний, а динамичная, открытая информационно-образовательная среда. Согласимся с определением И.М. Осмоловской, доктором педагогических наук, председателем научного совета по проблемам дидактики при Отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования: «Учебник нового поколения, обеспечивающий осуществление процесса обучения в современных условиях, можно представить как предметную информационно-образовательную среду (ИОС), которая понимается как созданная субъектами образования совокупность информационных, методических и технических ресурсов, обеспечивающих достижение целей обучения и воспитания (в том числе и самообразования)» [Осмоловская, 2014, с. 47].

Результаты и их обсуждение

В проектировании учебника нового поколения в условиях мобильного обучения авторы основывались как на исследовании научной тематической литературы (анализ представлен выше), собственном педагогическом опыте, а также на результатах анкетирования обучающихся (выборка составила 54 курсанта первого и второго курса обучения Санкт-Петербургского университета МВД России). Респондентам было предложено ответить на вопрос, каким они видят идеальный учебник. Приведем наиболее часто встречающиеся комментарии: «Учебник должен быть такой, чтобы сразу хотелось начать по нему заниматься – яркий, красочный, с разнообразными элементами-вставками, схемами, графикой»; «Следует исключить бесконечно длинные тексты, поскольку скучно, а иногда даже невыносимо читать сухой текстовый материал и выполнять однотипные задания»; «Материал в учебнике должен быть разнообразным, проиллюстрированным разными примерами, желательно с ссылками на реальные события, мнения современников и т.п.»; «Было бы неплохо наличие юмора и игровых моментов, можно даже попробо-

¹ Костюк К. 2021. Некролог для учебника. О новых информационных форматах. Вебинары 2020–2021, 11 января 2021. Директ-Медиа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pWdsNl0gRG4> (дата обращения: 05.03.2022).

вать поместить учебный материал в игровую среду с бонусами, поощрениями за переход от уровня к уровню и т.п., или совместить учебный процесс и прохождение некоего тематического квеста, полного шифров и загадок»; «В учебнике должно быть всё, что требуется для самостоятельного освоения материала, вне аудиторной работы с преподавателем»; «Должны быть ссылки на дополнительные источники при желании глубже проработать тему»; «Было бы интересней заниматься с привлечением цифровых мобильных технологий».

Ответы респондентов характерны для поколения «цифровых аборигенов». Для них чужда и трудна для восприятия линейная логика изложения материала; при сформированной субъектности зачастую характерны сомнения в исключительности монопольного взгляда автора-разработчика на предмет учебного материала; ощущаются требования выйти за пределы доцифрового бумажного носителя. Подчеркнем положительный эффект от подобного взаимодействия с целевой аудиторией, поскольку задуматься о потребностях обучающихся не означает потакать их сопротивлению глубоким знаниям. Наоборот, это принятие иной картины мира, иных механизмов познавательной деятельности, возможность найти решение во взаимонаправленном сотрудничестве.

В качестве результата исследования авторы предлагают следующее видение концепции учебника нового поколения в условиях мобильного обучения. Методологическими основаниями видятся как минимум два подхода – гуманитарно-антропологического и андрагогического. Гуманитарно-антропологический основывается на антропопрактике, на тезисе о том, что образование должно вплестаться в органику человека, выстраиваться в согласии со всеми гранями человеческого (по принципам природосообразности, культуросообразности, социосообразности) [Слободчиков, 2010]. Это положение закрепляет идею учета таких характеристик современного цифрового поколения, как «клиповое мышление» [Осмоловская, 2016, с. 72], «мозаичная картина мира» [Осмоловская, 2014, с. 46], экранная культура, для которой свойственна быстрая смена кадра, моментальный доступ к информации «в один клик». Как следствие, в образовательном процессе речь идет уже не о трудности, а о невозможности воспринимать обучающимися большой по объему материал, когда обучение идет постепенно, медленно, логично, от простого к сложному. У нынешнего поколения иное восприятие информационного потока – объемное, нелинейное. Необходимая для освоения информация должна быть краткой, но ёмкой; фрагментарной, желательна без «монологической» речи со стороны автора учебника и логоцентристской (только так, а не иначе; только такой смысл, а не иной) её подачи. Современной аудитории привычнее самостоятельно собирать целостное и ценностное ей самой представление об изучаемом предмете из многочисленных информационных источников, как мозаику из отдельных ее частей. В русле данных рассуждений оказывается, что в построении учебных материалов на смену привычному линейному принципу древа приходит принцип ризомности – организации образовательного процесса в среде с множеством возможностей.

Обращение к обучающемуся как полноправному субъекту образования, создание условий для реализации его активной позиции, поиска им индивидуальных смыслов в процессе обучения, придания личностной окраски изучаемому материалу – основной посыл андрагогического подхода, который подразумевает индирективность в изложении материала, его вариативность и избыточность, открытость информационно-образовательного пространства, активизацию субъектной позиции обучающихся, взаимодействие субъектов образовательного процесса, что позволяет обучающемуся реализовать индивидуальный образовательный маршрут [Илакавичус и др.].

Описанные педагогические подходы согласуются с гуманистической, личностно-ориентированной позицией, однако не дают полноценного ответа, каким образом реализовать идею мобильного обучения на страницах разрабатываемой кафедрой учебной ли-

тературы. В решении данной задачи авторам импонирует метафора О.В. Давыдовой, которая обосновала принцип «матрёшки» в современной дидактике: инвариативное ядро (базовый учебный материал) сопровождается множеством оболочек (дополнительными разнообразными информационно-образовательными ресурсами) [Давыдова, 2013], которые становятся доступными благодаря применению QR-кодов на страницах учебников / учебных пособий, позволяющих трансформировать закрытое двумерное пространство печатного издания в образовательный ресурс без границ. Повсеместное использование QR-кодов на страницах учебной литературы может рассматриваться как определенная технологическая карта по научению обучающихся самостоятельно работать с внешними источниками информации. Так, например, в авторской разработке учебника для иноязычной подготовки будущих судебных экспертов повсеместное (методически продуманное и обоснованное) использование QR-кодов с генерированными ссылками на внешние источники позволяет обучающимся в любое время, в любом месте, согласно собственным потребностям ознакомиться с многообразным дополнительным материалом – тематическими учебными видео, аутентичными интервью, инфографическими материалами, актуальными статистическими данными, аудиозаписями носителей языка, тематическими цитатами, мнениями специалистов из сферы профессиональной деятельности, научными статьями по изучаемому предмету, монографиями и учебниками и т.д. Как итог, двумерная плоскость учебника раздвигает свои границы, превращая преподаваемый материал в неограниченный информационно-образовательный ресурс.

Заключение

Современная образовательная среда – это пространство, которое, будучи выстроенным на основе гуманизации и гуманитаризации, ориентировано на человека, раскрытие его потенциала, создание условий для его личностного роста. Принцип антропопрактики, который по своей сути означает «не навреди», призывает не воздействовать на обучающихся, а взаимодействовать с ними; не управлять, а направлять; не отвергать их потребности, а согласовываться с ними [Журавлева, 2008; Журавлева, 2010]. «Цифровые аборигены» – молодые люди, которые могут без затруднений работать в виртуальном пространстве, с легкостью обрабатывать нелинейную информацию из нескольких источников, предпочитая мобильную мозаичную картину мира с последующим собственным упорядочиванием системных элементов. Игнорирование подобных характерных особенностей нынешней целевой аудитории и ориентация преподавателей на привычные формы и методы работы, использование классической дидактики, казалось бы, с проверенным не на одном поколении, гарантированным результатом приводит зачастую в сегодняшних условиях к обратному эффекту – снижению мотивации и познавательного интереса. Напротив, опора на сильные «прокаченные» стороны обучающихся способствует эффективности процесса обучения. С этих позиций, по мнению авторов, следует подходить и к разработке открытых, мобильных, динамических пространств учебников / учебных пособий, что позволит создать для каждого собственную территорию смыслов на базе личностного осмысления и обеспечить тем самым реализацию индивидуальной образовательной траектории.

Список литературы

- Давыдова О.В. 2013. Современный учебник для вузов: компетентностный подход. *Вестник ГГУ*, 15: 166–174.
- Данилова В.А., Шихалкина Т.Г. 2020. Возможности использования мобильного обучения (m-learning) в процессе изучения английского языка для профессиональных целей (ESP). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 39(2): 206–215.
- Дрыгина М.В. 2018. К вопросу использования мобильных технологий для изучения иностранного языка. *Самарский научный вестник*, 7(3): 317–321.

- Журавлева О.Н. 2008. Методология обновления содержания современного школьного учебника на основе принципа гуманитарности. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 71: 261–268.
- Журавлева О.Н. 2010. Гуманитарная экспертиза содержания современного школьного учебника. *Вестник Московского государственного областного университета*, 1: 35–40.
- Илакавичус М.Р., Хисматулина Н.В., Пугачева С.А. 2022. Учебное пособие как средство подготовки обучающихся к самообразованию в образовательных организациях МВД России. *Инновации в образовании*, 8: 5–12.
- Нашхоева М.Р. 2020. M-learning: мобильные технологии в изучении иностранных языков. *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*, 13: 289–295.
- Осмоловская И. М. 2014. Учебники нового поколения: поиск дидактических решений. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 4 (19): 45–53.
- Осмоловская И. М. 2016. Разработка учебников нового поколения в России. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*, 6(1): 71–77.
- Павлова И. П. 2011. Современный учебник иностранного языка для неязыкового вуза: проблемы и перспективы. *Вестник МГЛУ*, 12 (618): 43–60.
- Савченко Е.В. 2017. Понятие мобильное обучение в исторической перспективе: развитие концепции личностно-ориентированного обучения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 22(4): 59–65.
- Слободчиков В. И. 2010. Концептуальные основы антропологии современного образования. *Образование и наука*, 1(69): 11–21.
- Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В. 2022. Характерные особенности "цифровых аборигенов" как целевой аудитории в современном образовательном пространстве. *Проблемы современного педагогического образования*, 76(2): 216–218.
- Brown A., Campione J. 1996. Psychological Theory and Design of Innovative Learning Environments: on Procedures, Principles, and Systems. *Innovations in Learning: New Environments for Education*, L.Schauble and R. Glaser, Eds. Mahwah, NJ: Erlbaum: 289–325. DOI: 10.4324/9780203053515-18.
- Kearney M., Schuck S., Burden K., Aubusson P. 2012. Viewing Mobile Learning from a Pedagogical Perspective. *Research in Learning Technology*, 20(1): 1–17. DOI:10.3402/rlt.v20i0/14406.
- Littlejohn, A. 2011. The Analysis of Language Teaching Materials: Inside the Trojan Horse. In B. Tomlinson (Ed.), *Materials Development in Language Teaching*, Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed.: 179–211.
- Peters K. 2009. M-Learning: Positioning educators for a mobile, connected future in Mobile Learning, M. Ally, Ed. Edmonton: AU Press: 113–132. DOI:10.19173/irrodl.v8i2.350.
- Prensky M. 2001. *Digital Game-Based Learning*. McGraw-Hill, 442 p.
- Prensky M. 2006. *Don't Bother Me Mom – I'm Learning*. Saint Paul: Paragon House: 254 p.
- Quinn C. 2001. Get ready for m-learning. *Training and Development*, 20(2): 20–21.
- Rosenberg M. 2001. *E-learning: Strategies for delivering knowledge in the digital age*. New York: MacGraw-Hill, 344 p.
- Welsh E., Wanberg C., Brown K., Simmering M. 2003. E-learning: uses, empirical results and future directions. *International Journal of Training and Development*, 7(4): 245–258. DOI: 10.1046/j.1360-3736.2003.00184.x

References

- Davydova O. V. 2013. Modern Textbook for Universities: Competence-Based Approach. *Vestnik GGU*, 15: 166–174 (in Russian).
- Danilova V.A., Shikhalkina T.G. 2020. M-learning in teaching english for specific purposes (ESP). *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija*, 39(2): 206–215 (in Russian).
- Drygina M.V. 2018. Using Mobile Technologies for Studying Foreign Languages. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 7(3): 317–321 (in Russian).
- Zhuravleva O. N. 2008. Methodology of Renovation of the Modern School Textbook Content on the Basis of the Humanitarisation Principle. *A. I. Gertsena Izvestiya RGPU*, 71: 261–268 (in Russian).

- Zhuravleva O.N. 2010. Humanitarian Examination of The Modern School Textbook Content. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 1: 35–40 (in Russian).
- Ilakavichus M.R., Khismatulina N.V., Pugacheva S.A. 2022. Preparation for Self-Education in Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a Task of a Textbook. *Innovatsii v obrazovanii*, 8: 5–12 (in Russian).
- Nashkoeva M.R. 2020. M-learning: Mobile Technologies in Learning Foreign Languages. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 13: 289–295 (in Russian).
- Osmolovskaya I.M. 2014. Uchebniki novogo pokoleniya: poisk didakticheskikh resheniy [New Generation Textbooks: Searching for Didactic Solutions]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 4(19): 45–53.
- Osmolovskaya I. M. 2016. Development of textbooks of new generation in Russia. *Vestnik Grodzenskago dzyarzhaynaga yuniversiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 3. Filalogiya. Pedagogika. Psikhologiya*, 6(1): 71–77 (in Russian).
- Pavlova I. P. 2011. Sovremennyy uchebnik inostrannogo yazyka dlya neyazykovogo vuza: problemy i perspektivy [A Modern Textbook of a Foreign Language for Non-Language Universities: Problems and Prospects]. *Vestnik MGLU*, 12(618): 43–60.
- Savchenko E.V. 2017. Historical Perspective of the Notion of M-Learning: Development of Learner-Centred Education Concept. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 22(4): 59–65 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-59-65.
- Slobodchikov V. I. 2010. Kontseptual'nye osnovy antropologii sovremennogo obrazovaniya [Conceptual Foundations of the Anthropology of Modern Education.]. *Obrazovanie i nauka*, 1(69): 11–21.
- Khismatulina N.V., Pugacheva S.A., Malkova T.V. 2022. Kharakternye osobennosti "tsifrovyykh aborigenov" kak tselevoy auditorii v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Characteristics of "Digital Natives" as a Target Audience in Today's Educational Space]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 76(2): 216–218.
- Brown A., Campione J. 1996. Psychological Theory and Design of Innovative Learning Environments: on Procedures, Principles, and Systems. *Innovations in Learning: New Environments for Education*, L.Schauble and R. Glaser, Eds. Mahwah, NJ: Erlbaum: 289–325. DOI: 10.4324/9780203053515-18.
- Kearney M., Schuck S., Burden K., Aubusson P. 2012. Viewing Mobile Learning from a Pedagogical Perspective. *Research in Learning Technology*, 20(1): 1–17. DOI:10.3402/rlt.v20i0/14406.
- Littlejohn A. 2011. The Analysis of Language Teaching Materials: Inside the Trojan Horse. In B. Tomlinson (Ed.), *Materials Development in Language Teaching*, Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed.: 179–211.
- Peters K. 2009. M-Learning: Positioning educators for a mobile, connected future in Mobile Learning, M. Ally, Ed. Edmonton: AU Press: 113–132. DOI:10.19173/irrodl.v8i2.350.
- Prensky M. 2001. *Digital Game-Based Learning*. McGraw-Hill, 442 p.
- Prensky M. 2006. *Don't Bother Me Mom – I'm Learning*. Saint Paul: Paragon House: 254 p.
- Quinn C. 2001. Get ready for m-learning. *Training and Development*, 20(2): 20–21.
- Rosenberg M. 2001. *E-learning: Strategies for delivering knowledge in the digital age*. New York: MacGraw-Hill, 344 p.
- Welsh E., Wanberg C., Brown K., Simmering M. 2003. E-learning: uses, empirical results and future directions. *International Journal of Training and Development*, 7(4): 245–258. DOI: 10.1046/j.1360-3736.2003.00184.x

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2023

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received January 27, 2023

Revised February 27, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хисматулина Нагалья Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

Пугачева Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

Малкова Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Khismatulina, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Svetlana A. Pugacheva, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Tatiana V. Malkova, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811.1/8

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-114-125

English Idioms and Phrases as the Reflection of language and Culture Symbiosis

¹Zherom Baghana, ¹Qi Wang, ²Zhanat Bissenbayeva

¹Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia;

²Almaty Humanitarian Economic University,
43 Kunayev St, Almaty 050051, Kazakhstan

E-mail: baghana@yandex.ru; Mimiracle123@yandex.ru; zhanat_2006@mail.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of idioms productivity based on the example of English culture. The authors analyze the peculiarities of historical, cultural and language aspects of idioms functioning in modern English. According to the research work, English idioms are characterized as the language substance presenting its cultural heritage. Modern English is characterized by the development of figurative, idiomatic meaning in terminological expressions, still it possesses the characteristic features from the language and cultural past revealed in the form of idioms and phrases. The authors stress, that biblical idioms present the main part of idioms' units range typical for modern English usage today. Idioms of classic literature origin come next in popularity due to necessity to follow customs and traditions of national culture. Finally, idioms from artworks by W. Shakespeare and W. Scott outperformed other English authors in popularity while using idioms by common people in everyday life aspects. To conclude, the lexical level of modern English has some number of borrowed idioms from foreign literature authors: authors from the USA and France have had the most significant impact on the state of the English language today; so, American and French idioms are of productive usage level in the modern English language functioning.

Keywords: language and culture interaction, idiom, modern English, biblical idioms, borrowed idioms, idioms from literature

For citation: Baghana Je., Wang Qi., Bissenbayeva Zh. 2023. English Idioms and Phrases as the Reflection of language and Culture Symbiosis. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 114–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-114-125

Английские фразеологические единицы и свободные словосочетания как симбиоз языка и культуры

¹Багана Ж., ¹Ван Ци, ²Бисенбаева Ж.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85;

²Алматинский Гуманитарно-Экономический Университет,
Казахстан, 050051, Алматы, ул. Кунаева, 43

E-mail: baghana@yandex.ru; Mimiracle123@yandex.ru; zhanat_2006@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности высокопродуктивных фразеологических единиц и свободных словосочетаний на примере английской лингвокультуры. В ходе исследования фразеологические единицы и свободные словосочетания английского языка характеризуются как

элементы, представляющие собой часть культурного наследия в рамках британской лингвокультуры. Для состояния современного английского языка характерной особенностью является функционирование фразеологических единиц, значение которых претерпело изменение, что обусловлено влиянием экстралингвистических факторов. Доказано, что английский язык обладает характерными чертами лингвокультурного прошлого, реализующимися в форме фразеологизмов и свободных словосочетаний. В исследовании подчеркнуто, что библеизмы представляют собой основную часть диапазона фразеологических единиц, функционирующих в современном английском языке. Вслед за библеизмами фразеологические единицы и свободные словосочетания, заимствованные из классической британской литературы, входят в ранг продуктивных и занимают вторую позицию по принципу продуктивности, что продиктовано необходимостью следовать обычаям и традициям родной культуры, отражающейся в произведениях английских классиков. Сделан вывод, что фразеологические единицы и свободные словосочетания, заимствованные из произведений У. Шекспира и В. Скотта, превосходят продуктивность заимствованных фразеологических единиц из произведений других представителей классической английской литературы и функционируют в ежедневной речи британцев. В заключении отмечено, что лексический состав современного английского языка содержит определенное количество заимствованных из французской и американской художественной литературы фразеологических единиц и свободных словосочетаний.

Ключевые слова: взаимодействие языка и культуры, фразеологические единицы, современный английский язык, библеизмы, заимствованные фразеологизмы, фразеологизмы из художественных произведений

Для цитирования: Baghana Je., Wang Qi., Bissenbayeva Zh. 2023. English idioms and phrases as the reflection of language and culture symbiosis. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 114–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-114-125

Introduction

Such linguistic brunch as Phraseology is a coherent system, it can be called a unique language and culture symbiosis substance since its units are fundamentally different in various languages, on the one hand, and the meaning of its units are not understood from its constituents. And on the other hand, idioms can not belong to free phrases elements, on the contrary, they are a part of a more complex system of the national language complicated structure, possessing certain relations types with different levels [Anderson, Pelteret, 2012, c. 33].

In our research work we analyze the idioms' peculiar features based on the example of the English language and culture. One must stress, various paradigms of idiom units are distinguished while the analysis of English culture. They are characterized as are unambiguous, homonymous, synonymous, antonymous substances.

Methods

According to the research work two groups of methods are used: general scientific methods and special methods. The general scientific methods group uses word analysis and synthesis, as well as the method of generalization. These methods are used to comprehend the relevant theoretical and practical material. The group of special methods includes a descriptive method that allows identifying the characteristic features and relationships of linguistic units; a quantitative method which is used in the selection of linguistic material to measure the productivity of certain linguistic and cultural units of native speakers. In addition, methods of collecting and processing linguistic material are used as well, in particular, the method of illustrative examples selection for the certain linguistic phenomena from written sources.

Results and discussion

Taking into consideration the criteria of stylistic features, it is necessary to distinguish stylistically marked and neutral idiom units, and the former make it possible to identify various layers in their composition that differ significantly in stylistic coloring and stylistic affiliation.

Syntagmatic relations of idiom units are characterized by “the possibilities of their compatibility with a certain range of lexical units; some idiom units are characterized by limited compatibility, for example, the idiom “*into the eyes of the public*” can have the combinations with the verb *to come, to be*, but can not be combined with the verbs *to become, to take*”, etc [Wright, 2002, p. 124].

Other idiom units are characterized by a single, closed compatibility, they can be used with only one single word. However, among idiom units there are many components possessing a variety of syntagmatic connections [Baghana et al., 2018].

It should be noted, that most idiom units are characterized by one possible word meaning, their semantic structure is quite monolithic, indecomposable. For example, “*from the first look*” – *on the first impression*, “*to daydream*” – *to indulge in disembodied dreams*.

But there are idiom units that have several meanings, for example, “*to play fool*” - 1. *do nothing*; 2. *behave frivolously, fool around*; 3. *to do stupid things*.

The influence of Literature from artwork on Modern English

Bible Studies and Biblical idioms in Modern English

Bible has been considered the limitless source of idiom units' variations analysis. The expressions used in the modern English speech of the biblical origin are:

– “*The apple of Sodom*” – *a beautiful, but rotten fruit*.

The idiom “*The apple of Sodom*” denotes two meanings variations: 1. *something that is promising high pleasure, enjoyment, on the one hand, but will bring only bitter disappointment, on the other hand (cute, but rotten)*;

2. *deceptive appearance of the person*. The word *apple* in the idiom is a hyperonym meaning “fruit” [Thomas, 1999, p. 45].

Examples:

1. “*I can't help admiring him though I know he's the apple of Sodom*”.

2. “*No, don't do it now, honey! It's just the apple of Sodom*” [Philip, 2007, p. 98].

– “*The beam (the mote) in one's eye*” – in accordance with the biblical text a *speck (in your brother's eye)* means:

1. *blind spot* – *sin or obstacle, lack of perception, failure, invisible area*;

2. *to see one's weakness*, for example:

“*He doesn't understand it! He has the mote in his eye*” [Thomas, 1999, p. 51].

– “*The blind leading the blind*” – this idiom is a part from the biblical sentence “*if the blind lead the blind, both shall fall into the ditch*” which is used about a failed experience, for example:

“*...Inviting him to the contest was no use, he has no talent for self-expression. It's The blind leading the blind*”;

– “*By the sweat of one's brow*” – this idiom is used to mention hard work of common people, for example:

“*..He must earn for his living by the sweat of his own brow. There's nobody to help him*” [Philip, 2007, p. 159];

– “*Can the leopard change his spots?*” – this idiom also has the variant “*change one's spots*”, and it means *the inability to change a person's nature*, for example:

“*Anthony is always late! I believe he'll be late even for his own funerals. Can the leopard change his spots?*” [Seidl, 1989, p. 35].

– “*A crown of glory*” – it means *laurel wreath of the winner, or a high award*, for example:

“*At the end of the project the winners will be awarded. A crown of glory moment will be great!*” [Philip, 2007, p. 159].

– “Daily bread” – *nourishment, food*, for example:

“The economic crisis is the reason why many people face up the daily bread problem today”

– “A drop in the bucket” – a minor attempt which can not be successful, for example:

“Everything has been done for me! My actions are like A drop in the bucket now” [Philip, 2007, p. 156].

– “A fly in the ointment” – the idiom is used to denote:

1. a minor, unpleasant event that overshadows the situation;
2. a hindrance .

The ointment (balm, ointment, incense) mentioned in this expression was used by the ancient Jews after bathing. Incense was prepared from special oils, as well as from fragrant, sweet-smelling substances and it was applied to hair and beard, as well as to the skin to make it soft. *To put incense on someone's feet meant to express special respect.*

“The plot of the story was great, as well as the performance itself. But the fly in the ointment was we could not find our car afterwards”.

– “Loaves and fishes” – is used to mention *privileges*, often received by politicians who came to power, for example:

“His loge is completely changed now. He has all that loaves and fishes.

– “The prodigal son” – denotes a man who has committed many sins and returned home for forgiveness, for example:

“The Church is always ready to receive back her prodigal sons” [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 78].

– “The promised land” - In the Bible, Canaan is described as God's promised land to Abraham and his descendants. Currently, this phrase can be used in relation to any place where someone is passionately striving to find happiness, for example:

“I can’t explain why, but my mom has always had the desire to live her life only in Scotland, calling it the promised land” [Seidl, 1989, p. 54].

– “A prophet is not without honor, save in his own country” – the idiom is used describing a great, outstanding person who is recognized and accepted by everyone except people close to him, they can be his own countrymen, family members; it can also be used to refer to a remarkable idea or invention.

In the modern English language there are also a lot of whole sentences-sayings and various nominal constructions with the main word noun to be borrowed from the Bible, the most productive of them are:

– “To bear one's cross” – it means *meekly endure all the vicissitudes of fate*;

– “To escape by the skin of one's teeth” – the idiom has the meaning as *barely able to escape*, for example:

“He understood it was the last chance for him, so it was the escape by the skin of his teeth” [Philip, 2007, p. 161].

– “To kill the fatted calf” - *to welcome someone cordially (like a prodigal son)*;

– “To laugh to scorn” – has the meaning *laugh contemptuously*;

– “To sow the wind and reap the whirlwind” – means *to sow the wind and reap the storm, to suffer from one's own imprudence, to pay for something*, for example:

“... He’s very rude and impolite, you know. Therefore, he sows the wind and reap the whirlwind”

“To worship the golden calf” – *to value wealth, money* [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 109].

It is necessary to stress, idioms of biblical origin differ in meaning in comparison with the biblical prototypes. This can be explained by the fact of the needed modern reinterpretation over time. Moreover, in the English language idioms of biblical origin do not correspond to the modern English word order and, therefore, archaic word are usually omitted. For example, the idiom

“to kill the fatted calf” from the parable “The prodigal son” originally was used to stress the direct meaning *to kill a fatted calf – to make feast and cook the best dish – a fat calf*. Time passed and this idiom had an additional meaning – *to treat the best food and dishes which were at home*.

Another ancient idiom “*gall and wormwood*”, denoting *something disgusting or shameful* was changed in its word order and the definite article was added. So, the currently used idiom is “*the wormwood and the gall*”.

The ancient English idiom “*whatever a man soweth, that shall he reap*” has an archaic verb form of the modern verb *to sow*. The characteristic feature of idiom meaning is a kind of shift changing in meaning from positive in archaic idioms to negative connotations in modern interpretations of biblical idioms, for example:

1. “*When thou doest alms let not thy left hand know what thy right hand doeth*”.

This is the archaic idiom based on the biblical prototype which has the meaning “*when you give alms, let your left hand not know what your right hand is doing*”

2. “*Not to let one's left hand know what one's right hand does*” [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 106].

This is the modern idiom based on the biblical saying stressing a kind of confusion, inconsistency in actions, when the decisions taken today contradict to the decisions taken the day before. It possesses negative connotation, depicting the examples of some official orders to be canceled by the orders or instructions on the same topic which are fundamentally different.

Some units of English idioms go back to the biblical story. One must mention, biblical concepts can be traced as parts of such idioms as “*forbidden fruit*” – *something forbidden to do*; “*Job's comforter*” – *somebody who is unable to help and is a kind of grief-comforter*; “*Judah's kiss*” – *expresses the highest degree of human treachery, as well as a symbol of betrayal*; “*a dead letter*” – *a law that has lost its meaning* [Seidl, 1989, p. 62].

The influence of Literature and idioms from W. Shakespeare artwork on Modern English

Modern English has a lot of idioms which are aimed at enhancing the aesthetic aspect of the language. Historical aspects of customs and traditions have been the reason of the idioms variations functioning in modern English. Still, the main influence belongs to the literary and artistic works’ peculiarities revealed in works by many outstanding English poets and writers. Therefore, works of the famous English classic W. Shakespeare are one of the most important literary sources of productive idiom units that have enriched the English language vocabulary. The most productive are “*Macbeth*”, “*Othello*”, “*Henry XVIII*”.

Idioms from “*Macbeth*”:

Modern Business English has a widely used idiom “*Lady Macbeth strategy*” denoting “a takeover strategy in which a third party makes a better offer to the target company than the initial hostile bidder for the purchase of the company”, for example the company can initially act as a kind of “white knight”, and then it is united with the initial hostile bidder for the purchase of the company.

ITC is not able to win. Let's play Lady Macbeth strategy! [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 178].

1. “*To make assurance double sure*” – *to be safe in any matter*.
2. “*The be – all and end - all*” – *the aspects which fill all spheres of life, which are everywhere*
3. “*The milk of human kindness*” – the ironic meaning is “*balm of good nature*”, it is also used to describe *compassion and humanity* towards a person, for example:

“I really feel sorrow for all that. And you? Don't you feel milk of human kindness to sacrifice all you have?” [Kachru et al., 2006, p. 206].

4. “*To screw one's courage to the sticking place*” – *to gain courage, to dare to do something*, for example:

No, I really don't want to be a loser no longer! I will screw my courage to the sticking place and will be successful in all deeds!

5. “*To win golden opinions*” – *this idiom is used to denote a desire of a person who wants to earn a favorable, flattering opinion about himself*, for example:

“*Coming to an agreement with Mr. White is you will win the golden opinions, I must say*” [Seidl, 1989, p. 109].

6. “*The sere and yellow leaf*” – *old age, decrepitude*, for example:

“*And don't even think of my coming to the sere and yellow leaf, not yet*”

7. “*Pride of place*” – *high position, ecstasy of one's own position, arrogance*, for example:

“*He really has achieved a lot! I would even call him a pride of place person*” [Anderson, Pelteret, 2012, p. 32].

8. “*Full of sound and fury*” – *loud, menacing speeches that mean nothing*, for example:

“*Your words are full of sound and fury. Only promises, no deeds*” [Seidl, 1989, p. 102].

Shakespeare's work “Hamlet” ranks among the most productive in terms of idioms use in modern English. The most frequently used idioms from the work are:

1. “*To be or not to be?*” – *A key issue that imperiously requires a solution before a new serious step*, for example:

What specialty to choose is a kind of to be or not to be question now.

2. “*To cudgel one's brains*” – *to puzzle over a difficult task*, for example:

I don't hate Maths, but all these problems cudgel my brains!

3. “*The observed of all observers*” – *the center of everyone's attention*, for example:

“*She's so well-dressed and looks like a million dollars! She's observed of all observers*” [Wright, 2002, p. 156].

4. “*To be hoist with one's own petard*” – *this idiom is used to describe a person who fell into his own trap*, for example:

“*Fortunately, he was hoist with one's own petard. Now we know the truth*”.

5. “*To do yeoman service*” – *to provide timely assistance*, for example:

The accident happened last week. He provided with the yeoman service and soon will recover [Seidl, 1989, p. 119].

6. “*Our withers are unwrung*” – *the idiom is often used in the Court stressing that accusation did not hurt the defendant*, for example:

I promised you, everything will be fine! Our withers are unwrung, they will not beat us [Wright, 2002, p. 196].

7. “*To shuffle off (this mortal coil)*” – *this idiom is used in the situation describing the difficulties of the person to wants to leave this mortal world, to commit suicide*, for example:

Life is not the bed of roses for him. I am afraid shuffling off is in his minds.

8. “*To give pause to (smb.)*” – *disconcerting or confusing somebody*, for example:

Speaking in a loud voice only makes him giving pause. It's useless! Give him more time to think, please [Philip, 2007, p. 96].

9. “*To out-Herod Herod*” – *this idiom is used describing a very cruel person, the one who surpasses Herod in cruelty*, for example:

10. “*To know a hawk from a handsaw*” – *this idiom is used denoting a person who is able to distinguish several things. It has also such interpretation variant as to know a cuckoo from a hawk, meaning to be able to differentiate elementary things.*

11. “*Caviar to the general*” – *this idiom is used to state the idea that there are unique things which can be understood only by some categories of people. In this case caviar is not the dish easily appreciated by the public – general which is unable to value the product as it has rough taste*, for example:

The analysis of the key crisis features is not for the Department of Economic and Social Affairs, it's caviar to the general. [McCarthy, O'Dell, 2004, p. 109].

12. “*Germane to the matter*” – this idiom is often used in business meeting to stimulate participants to start speaking up to the point.

13. “*A towering passion*” – denotes frenzy or rage, for example:
The boss was in a towering passion and fired her.

14. “*The primrose path of dalliance*” – the way of enjoyment or entertainment [Philip, 2007, p. 116].

15. “*There's the rub*” – this idiom is used to denote the idea of understanding the key matter or the main reason of difficulties, for example:

The just pretended to love, but she didn't. There's the rub!

16. “*From whose bourne no traveler returns*” – describes a place where no one has ever returned from, that is, in the realm of death, for example:

- *I haven't seen him for ages.*

- *And probably will not see again. He has gone to the place from whose bourne no traveler returns.*

17. “*In the mind's eye*” – is used in order to mention something not real that can happen only in imagination, for example:

Having my own apartment is just in my mind's eyes [McCarthy, O'Dell, 2004, p. 99].

18. “*To the manner born*” – this idiom is used to denote something that a person has been accustomed to do for a long time, for example:

He's good with numbers. He is making reports to the manner born.

19. “*Sweets to the sweet*” – is used while giving gifts to the person you love and want to make happy, for example:

I am happy today to give sweets to the sweetest sweet of mine [Philip, 2007, p. 109].

20. “*To the top of one's bent*” – is used to stress action done completely, in full length; to do something with your heart's content, as much as you like, for example:

I appreciate what you have done for me to the top of my bent [Wright, 2002, p. 79].

Idioms from “Othello”:

1. “*The green-eyed monster*” – usually used to describe a jealousy person, for example:
That's not excuse for rudeness! I am tired of this green-eyed monster type.

2. “*To chronicle small beer*” – this idiom is used to denote minor events, things which should be paid less attention, for example:

It's impossible to deal with him. He's a kind of person who always chronicles small beer, I hate his greediness [Wright, 2002, p. 109].

3. “*To wear one's heart upon one's sleeve*” – to have another unsightly side, the wrong side of something. This idiom is often used while describing a person's character, for example:

You should be careful with him, I dare say! He wears his heart upon his sleeve.

4. “*Trifle light as air*” – it means to flaunt one's feelings, to express feelings directly, not to hide emotions, for example:

He's to open-minded, he trifles light as air [McCarthy, O'Dell, 2004, p. 89].

5. “*The head and front of*” - the most important and essential thing, for example:

Finding a new source of income is the head and front of my reality now.

6. “*A foregone conclusion*” - biased opinion, conclusion;

7. “*Ocular proof*” - visible proof;

8. “*Curled darlings*” – prosperous admirers, for example:

Jeremy is not a match for her, don't worry. She's interested only in curled darlings [Philip, 2007, p. 178].

Idioms from «King Henry IV»

1. “*To eat one out of house and home*” – *to ruin a person by living at his expense*, for example:

His nephews and nieces have been living with him for three years already. No wonder if they will eat him out of house and home soon [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 98].

2. “*The wish is father to the thought*” – *this idiom is used to denote the idea that the desire begets thought; it is used to stress that people believe willingly only in desired ideas*, for example:

Nobody knows what will be with Andrew and Katie. We used to believe them to be ideally matching. The wish is father to the thought. Who knows... [Wright, 2002, p. 109].

3. “*The better part of valour is discretion*” – *modesty is one of the bravery’s ornaments*, for example:

John is a good example of a courageous person. But we should not forget that the better part of valour is discretion [McCarthy, O’Dell, 2004, p. 102].

Idioms from “Twelfth Night”

1. “*Midsummer madness*” – *insanity*;

2. “*The whirligig of time*” – *vicissitudes of fate*;

3. “*Cakes and ale*” – *carefree fun, the period of enjoying life*, for example:

Gap year is the best time for career choice. It’s not the cakes and ale period [Wright, 2002, p. 107].

Idioms from “As You Like It”

1. “*How the world wags?*” – *this idiom is used to greet the person and to inquire about the person’s life*, for example:

Hi Anthony, how the world wags?

2. “*In good set terms*” – *means to do something with all the determination or severity*, for example:

I want to warn you in good set terms, never even come to my house anymore!

3. “*Lay it on with a trowel*” – *to exaggerate; to flatter crudely*;

4. “*Sermons in stones*” – *serious thoughts inspired by natural phenomena*, for example:

Spring, it’s time to start the new project. Yes, it’s a kind of Sermons in stones to me [Seidl, 1989, p. 39].

Idioms from “Midsummer Night's Dream”

1. “*Fancy free*” – *this idiom is often used to describe a person who is not in love with anybody, who is alone*, for example:

Carl can do what he wants as he’s fancy free, you know.

2. “*The beginning of the end*” – *this expression denotes a starting point of the catastrophe or a very important event which will come to an end soon*, for example:

Here he comes with the results of the final test! I think it’s the beginning of my end in this college [Philip, 2007, p. 102].

Idioms from “King”

1. “*Every inch a king*” – *the idiom is used to describe a real king - from head to toe*;

2. “*More sinned against than sinning*” – *this saying denotes a person who is unfairly offended, to whom others are more likely to be blamed for his drawbacks*, for example:

It’s so hard to deal with her! She is really more sinned against than sinning [Seidl, 1989, p. 59].

In modern English, idioms from Shakespeare works can be used with some changes in structure. For example, the expression “*to wear one’s heart upon one’s sleeve*” taken from “Othello” was originally associated with the medieval knightly tradition of wearing the colors of their lady on their

sleeves. In modern English, it is usually used in an abbreviated form “*to wear one's heart upon one's sleeve*”. Also, instead of the preposition *upon* another preposition *on* is used.

The idioms from Shakespeare artwork “*the better part of valour is discretion*” taken from “King Henry IV” has been changed in its structure, and at present it is limited to “*discretion is the better part of valour*”.

Borrowed idioms from Shakespeare artworks are quite popular in the modern English speech. They usually include archaisms which are not used anywhere except for this idioms, for example, the idiom “*from whom bourne no traveller returns*” representing *the place of death*, the word *bourne* is an archaism and denotes *a boundary or limit*, and it is used in modern English only within the framework of this idiom.

The modern English language has been influenced by works of other writers too, among them one can find idioms by Alexander Pope, Walter Scott, Geoffrey Chaucer, John Milton and Charles Dickens of great importance.

Idioms from works by Alexander Pope

1. “*Fools rush in where angels fear to tread*” – the idiom is taken from the written work “An Essay on Criticism” and is used to give a characteristics to the complicated event when *only a fool is ready to do something, but a wise man will never start it*, for example:

Working for Mr. Black now is only fools rushing in but angels fear to tread it [Philip, 2007, p. 108].

2. “*Damn with faint praise*” – this idiom was borrowed to modern English from the work “Epistle to Dr. Arbuthnot” and is used to describe a kind of contradiction action *while condemning a person to pretend to praise him or her what he had done*, for example:

Mr. Smith is a strange boss, you know. You'll never know his true attitude. Damn with faint praise, he's too weird [Seidl, 1989, p. 14].

3. “*Break a butterfly on the wheel*” – the analyzed idiom is a part of everyday English now, and it was borrowed from the work “Epistle to Dr. Arbuthnot”, denoting *a useless action taken by a person*, for a example:

Having bought all that staff was breaking a butterfly on the wheel [Kemertelidze, Giorgadze, 2020].

4. “*Who shall decide when doctors disagree?*” – his saying by Alexander Pope was taken from his written work “Moral Essays” and presents a rhetorical question denoting *a difficult situation while a common person does not know how to behave and what to say, but the opinions of experts differ*.

Idioms from works by Walter Scott

1. “*To catches mb. red-handed*” – this idiom was taken from the novel “Ivanhoe” and is still used in modern English. It describes the case when *a person was caught at the scene of a crime*, for example:

I swear you'll be imprisoned as you've been caught red-handed [Philip, 2007, p. 112].

2. “*Beard the lion in his den*” – this set expression was taken from the novel in verse “Marmion” and it means *to attack a dangerous enemy in his own home* [Turker, 2019].

3. “*Laugh on the wrong side of one's mouth*” – the analyze idiom was borrowed to modern English from the historical novel “Rob Roy” and is used to describe the emotional condition of the person of *getting discouraged after fun or going from laughter to tears*, for example:

- *The party seems cool! Why are you so sad, honey?*

- *It's just laughing on the wrong side of my mouth, you see* [Adelina, Suprayogi, 2020].

4. “*On one's native path*” – this idiom was taken from the historical novel “Rob Roy” and depicts the place of birth – *Motherland*.

5. “*A foeman worthy of somebody's steel*” – this idiom was borrowed to the modern English language from the poem “The Lady of the Lake” by Walter Scott, and it describes *a worthy opponent or a rival*.

Idioms from works by John Milton

1. “*Fall on evil days*” – this set expression was taken from the novel “Paradise Lost” and is still used in modern English and depicts the hard period of life – *falling into poverty*. It describes the hardships of *dragging out a miserable existence*, for example:

I was fired two months ago and haven't found a suitable job yet. One month more without income and I'll face falling on evil days [Wright, 2002, p. 202].

2. “*Heaven on Earth*” – this expression presents a so-called *paradise on Earth*.

3. “*More than meets the ear*” – the idiom was borrowed to modern English from the epic poem “Paradise Lost”, and it describes *a difficult situation, not as easy as it seems to be at first*. [Bruening, 2019].

The statements of other English writers usually function as quotations. They are rarely used replenishing idioms of the English language, and in the majority of cases such quotations are typical for colloquial speech patterns, for example:

1. The expression “*man Friday*” from the novel of D. Defoe is used in modern English to describe *a faithful devoted servant* (named after a faithful servant in the novel “Robinson Crusoe”); *a gentleman's gentleman* – means *a servant* (based on the story “Everybody's Business”);

2. The expression “*an albatross about one's neck*” from the work by S.T. Coleridge has the following meaning “*a constant reminder of someone's fault*”; the expression *a sad circumstance* (from Coleridge's poem “The Ancient Mariner” is said about *a sailor who caused trouble on his ship by killing an albatross and was forced to wear a dead albatross around his neck as punishment*).

3. K. Marlo in his work used the expression “*to clip somebody's wings*” denoting *clipping the wings of someone*.

4. L. Chesterfield's expression *small talk* is used in modern English to denote *a chatter or talk about trifles, about the weather* (taken from the work “Letters to his Son”).

5. J.G. Byron in his poetry used the expression “*as merry as a marriage-bell*” to describe *a very cheerful period of life* (from the poem “Childe Harold's Pilgrimage”).

6. The main character of the comedy “Paul Pry” by J. Poole is the name to the person who *pokes his nose into other people's affairs*. The lexeme *Paul Pry* is used to describe *a very curious person* [Philip, 2007, p. 122].

Many idioms' units were not created by the writers themselves, but thanks to them they have become widespread in modern English. Here are some examples:

The saying “*to be on the side of the angels*” means *to insist on the traditional point of view* gained popularity thanks to B. Disraeli [Chen, 2020].

Idioms borrowed from literary works of foreign languages and countries

Many idioms' units were borrowings into modern England from the USA. They relate to intra-linguistic borrowings. Some of these idiomatic units were created by American writers and have become widespread in modern English speech. Among those who influenced greatly to the conditions of modern English idioms functioning are:

1. V. Irving: the idiom expression *the almighty dollar* is usually used ironically. Another expression *a Rip Van Winkle* denotes “*a backward person*” (named after the hero of the story of the same name who slept for twenty years).

2. E. O'Connor: the expression *the last hurrah* describes *the last chance of the person*; this is a kind of “*swan song*”, and it is usually used about *the last election campaign*, or about *a politician ending his turbulent political career* (this idiom is the title of the novel by E. O'Connor).

3. F. Cooper: the idiom *the last of the Mohicans* is taken from the title of the story. The Mohicans are an extinct tribe of North American Indians. The popularity of Cooper's works contributed much to the introduction of idioms' units related to the life of Indians, these expressions from this novel are widely used in the modern English language, for example, “*to bury the hatchet*” which means *to make peace, and to stop the enmity* (the Indians buried a tomahawk in the ground at the point of coming to peace agreement); “*to dig up the hatchet*” – *to start a war*

(the Indians had a custom before the start of hostilities to pull out a tomahawk buried in the ground); *“to go on the war – path” – to enter the path of war, be in a belligerent mood* [Thomas, 1999, p. 92].

4. G. Longfellow: *“ships that pass in the night” – fleeting, random encounters* (taken from *“Tales of Wayside Inn”*). The popularity of the expression is also associated with its use as the title of one of the novels of the writer Beatrice Harraden (1893).

5. J. Howe: *“the grapes of wrath”* - the phrase is first found in the work of J. Howe's *“Battle Hymn of the Republic”* (1862), and it owes its popularity thanks to the novel by J. Steinbeck with the same name [Thomas, 1999, p. 101].

The number of idioms' units borrowed from American fiction is not that productive in comparison with those created by English writers.

Moreover, French fiction has made a considerable contribution to the idioms fund of the modern English language as well. Many works of French writers have been translated into English and are still widely popular in England. The most famous are works by such authors as Francois Rabelais, Jean Baptiste Moliere, Jerome d'Angers, La Fontaine:

1. *“Appetite comes with eating”* - the expression is first found in the essay *“On the Causes”* (1515) by Jerome d'Angers, a bishop of Le Mans; this idiom was later popularized by Francois Rabelais in his work *“Gargantua and Pantagruel”* [Beck, Weber, 2020].

2. The expression *“to make a cat's paw of somebody”* is connected with the same fable. It has the following meaning *“to rake in the heat with someone else's hands”* [Alrajhi, 2020, p. 320].

It should be noted that the number of idioms' units borrowed from French fiction into English is not large, but despite this, they are often used by English writers to enhance imagery and are widely used in modern English speech.

Conclusions

Idioms are an integral part of any language, reflecting its historical aspects, language and cultural heritage, peculiarities of national identity, and the English language is not the exception to this rule.

The idioms' fund of the English language is impressive enough, therefore, there's a real need in its deep analysis of the diversity range of idioms, especially paying attention to idioms semantics and expressiveness peculiarities. Thanks to the literary works of writers and poets, both in the UK and foreign ones, the English language currently has a huge number of idioms' units.

Unfortunately, the use of expressions taken from the literature of Asian countries is not observed in modern English speech today. Only idioms borrowed from the literature of countries geographically and culturally close to the UK have become widespread in modern English. It should be noted that the number of biblical expressions in the English language is especially high and continues functioning today. Classic English poets and writers influenced greatly to the conditions of modern English, so, there are a lot of idioms borrowed from works by W. Shakespeare, W. Scott and A. Pope. Borrowed idioms and phrases to English from foreign artworks include idioms from American and French writers' novels, stories, poems, though they are not that productive as those of English origin, but too expressive and emotional while using in everyday communication patterns.

References

- Adelina C., Suprayogi S. 2020. Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body. *Linguistic and Literature Journal*, 1(1): 21–27. DOI: 10.33365/lj.v1i1.235
- Alrajhi A.S. 2020. Static infographics effects on the receptive knowledge of idiomatic expressions. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 10(2): 315–326. DOI: 10.17509/ijal.v10i2.28596
- Anderson S., Pelteret C. 2012. *Work on your idioms*. London, Harper Collins Publishers, 127 p.
- Awonusi M. 2002. *Man-made language*. London, Routledge, 76 p.

- Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A., 2018. Some Aspects of *African Study in the Era of Globalization. Espacios*, 39(38): 26–32 (in Spain).
- Beck S.D., Weber A. 2020. Context and Literality in Idiom Processing: Evidence from Self-Paced Reading. *Journal of Psycholinguistic Research*, 49: 837–863.
- Bruening B. 2019. Idioms, collocations, and structure. Syntactic constraints on conventionalized expressions. *Nat Lang Linguist Theory*, 38: 365–424. DOI: 10.1007/s11049-019-09451-0
- Chen L. 2020. Application of Compensatory Translation Approach to English Idioms. *Journal of Language Teaching and Research*, 11(6): 978–982. DOI: 10.17507/jltr.1106.15
- Kachru B.B., Nelson C.L., Kachru Y. 2006. *The Handbook of “World Englishes”*. Blackwell Publishing Ltd, 911 p.
- Kemertelidze N., Giorgadze M. 2020. One Approach to Idioms and Their Peculiarities in the English Language. *European Scientific Journal*, 16(11): 13. DOI: 10.19044/esj.2020.v16n11p13
- McCarthy M., O’Dell F. 2004. *English phrasal verbs in use*. Cambridge University Press, 208 p.
- Philip G. 2007. Idioms. In: *The Linguistics Encyclopedia*. Ed. K. Malmkjaer. London, UK, Routledge: 266–269.
- Seidl J. 1989. *English idioms*. Oxford University Press, 95 p.
- The Oxford Dictionary of Idioms*. 2004. Ed. J. Siefring. New York, Oxford University Press Inc., 352 p.
- Thomas J. 1999. *Advanced vocabulary and idiom*. Longman, 129 p.
- Turker E. 2019. Idiom acquisition by second language learners: the influence of cross-linguistic similarity and context. *The Language Learning Journal*, 47(2): 133–144. DOI: 10.1080/09571736.2016.1221441
- Wright J. 2002. *Idioms organizer*. Eds. J. Hill, M. Lewis. Heinle, Thompson, 294 p.
- Yule G. 2017. *The study of language*. Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 116 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2023

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received January 27, 2023

Revised February 27, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багана Жером, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ван Ци, ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Бисенбаева Жанат Николаевна, доктор философии, ассоциативный профессор кафедры информационных систем и общеобразовательных дисциплин, Алматинский Гуманитарный Экономический Университет, г. Алматы, Казахстан

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zherom Bagana, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Qi Wang, Assistant of the Department of the second foreign language, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Zhanat N. Bissenbayeva, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Information Systems and General Educational Disciplines, Almaty Humanitarian Economic University, Almaty, Kazakhstan

УДК 811.11, 81'373.2

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-126-138

Ономастикон романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» в переводе на английский язык

Бойчук И.В., Лукьянова Е.В., Купина Н.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lukyanova@bsu.edu.ru, nkupina@bsu.edu.ru

Аннотация. Проведено исследование ономастикона рассматриваемого произведения в исходном языке и фронтальное сопоставление составляющих его онимов в переводящем языке. Выявлены и описаны основные способы передачи имён собственных: практическое транскрибирование, графическое цитирование, семантическая адаптация, использование английских эквивалентов. Выявленные способы передачи могут быть условно разделены на творческие (семантическая адаптация) и нетворческие, выполняемые в соответствии с устоявшимися правилами и традициями (графическое цитирование, практическая транскрипция и др.). Описаны особенности передачи различных типов онимов, например, гипокористических имён, а также проведён их анализ, показавший возможность передачи синтетических русских гипокористических имён английскими аналитическими конструкциями. Установлено наличие субституций и опущения онимов при их передаче на переводящем языке. Проведён анализ роли фоновых знаний при передаче ономастикона литературного произведения на переводящем языке.

Ключевые слова: перевод на английский язык, художественный перевод, имена собственные, практическая транскрипция, графическое цитирование, семантическая адаптация, ономастикон, «Золотой теленок»

Для цитирования: Бойчук И.В., Лукьянова Е.В., Купина Н.И. 2023. Ономастикон романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» в переводе на английский язык. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 126–138. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-126-138

I. Ilf and E. Petrov's Novel "The Golden Calf" Onomasticon in an English Translation

Igor V. Boichuk, Elena V. Lukyanova, Natalya I. Kupina

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lukyanova@bsu.edu.ru, nkupina@bsu.edu.ru

Abstract. The onomasticon of the literary work in the source language (SL) and the frontal comparison of its constituent onyms in the target language (TL) was studied. The main ways of transferring proper names are identified and described: practical transcribing, graphic citation, semantic adaptation, the use of English equivalents. The identified techniques of transfer can be conventionally divided into creative (semantic adaptation) and non-creative, performed in accordance with established rules and traditions (graphical quotation, practical transcription, etc.). The peculiarities of the conveyance of various types of onyms, such as hypocritical names, are described, and their analysis is carried out, showing the possibility to convey synthetic Russian hypocoristic names by English analytical constructions. The presence of substitutions and omissions of onyms in the translations into the TL was established. An analysis of the role of background knowledge in the transfer of the onomasticon of a literary work in TL was carried out.

Keywords: English translation, fiction translation, proper names, practical transcription, graphical quotation, semantic adaptation, onomasticon, "The Golden Calf"

For citation: Boichuk I.V., Lukyanova E.V., Kupina N.I. 2023. I. Ilf and E. Petrov's Novel "The Golden Calf" Onomasticon in an English Translation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 126–138 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-126-138

Введение

Роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1930), являющийся второй частью дилогии о похождениях Остапа Бендера, переводился на английский язык неоднократно. Нельзя не согласиться с утверждением С. Кумар о том, что «перевод играет очень важную роль в развитии всех аспектов человеческой цивилизации мира. Сам перевод представляет из себя очень сложный процесс, и для перевода нужно иметь не только хорошее знание обоих языков, но и обеих культур тоже» [Кумар, 2017, с. 51]. Особо сложным аспектом переводческой деятельности может являться передача на языке перевода имён собственных (ИС), содержащихся в тексте переводимого произведения. Разумеется, сложность передачи на переводящем языке (ПЯ) содержащихся в исходном языке (ИЯ) ИС в огромной мере зависит от особенностей самого переводимого произведения.

В настоящее время высок интерес исследователей как к проблемам перевода [Ранская, 2015; Васильев, Кардо, 2017; Космачева, 2017; Нестерова, Тихонова, 2017], так и к вопросам ономастики [Voyakina, 2022].

Передача ономастикона художественных произведений русской и советской литературы в переводах на английский язык представляет собой одну из наименее исследованных областей переводоведения и ономастики. Целью нашего исследования явилось выявление и анализ применяемых при такой передаче лингвистических средств с максимальным учетом культурологического и страноведческого аспектов.

Объекты и методы

Нами был проанализирована передача ИС на английский язык в переводе романа «Золотой теленок», выполненном Константином Гуревичем (Konstantin Gurevich) и Элен Андерсон (Helen Anderson) на американский вариант английского языка и изданном в 2009 году. Предварительно был тщательно изучен ономастикон оригинального текста романа. Основным методом явилось последовательное фронтальное сравнение ономастикона оригинального текста романа и его перевода на английский язык.

Как пишет Н.К. Рябцева, «Переводческая деятельность, как всякая другая, совмещает в себе стереотипное и творческое. Но, в отличие от других типов деятельности, в переводе содержание этих двух начал и их взаимосвязь в некотором роде уникальны и на первый взгляд даже парадоксальны» [Рябцева, 2013, с. 9]. Яркой иллюстрацией этих слов является подход к передаче ИС, продемонстрированный Konstantin Gurevich и Helen Anderson.

Основные способы передачи онимов, использованные при переводе романа

Выбор способа передачи того или иного онима романа при его переводе на английский язык зависит от целого ряда факторов, одним из основных из которых является принадлежность онима к тому или типу. Так, наибольшая вариативность выявлена при передаче антропонимикона романа – от графического цитирования и фонографической адаптации [Бойчук, 2015] или практической транскрипции (другой термин – трансфонирование) до семантической передачи, то есть, фактически перевода тех или иных антропонимов.

Практическая транскрипция (Фонографическая адаптация)

Большинство славянских антропонимов при переводе текста романа на английский язык подвергаются практическому транскрибированию (трансфонированию). Применяется при этом, как правило, общепринятая для передачи кириллических славянских онимов практическая транскрипция: Сергей Есенин – Sergey Yesenin, Никита Пряхин – Nikita Pryakhin, Парусинов – Parusinov, Пуришкевич – Purishkevich, Корейко – Koreiko, Журкевич – Zhurkevich, Керженцев – Kerzhentsev. Очевидно, наибольшую трудность в данном случае может вызывать передача шипящих. Отметим, что в отличие от перевода романа «Двенадцать стульев», в рассматриваемом переводе «Золотого телёнка» правильно передаётся шипящий *щ*: Кащей – Kashchey (ср. Щукин – Shukin или Гусище – Gushishe в упоминавшемся выше переводе «Двенадцати стульев»). Наблюдаются, однако, и исключения. Так, название банковской конторы «Сикоморский и Цесаревич» передано в английском тексте как the banking firm of Sycamorsky and Cesarewitch, где имеется отступление от принятых правил практической транскрипции. В данном случае русское *ч* передается как *tch*, как это принято во французском языке и лишь в отдельных, традиционно передающихся русских антропонимах в английском (например, Tchaikovsky), а передача русского *в* через *w* свойственна немецкому языку. Передачу *в* - *w* наблюдаем также в случае Гарри Ковальчук – Harry Kowalchuk. Вероятно, это связано с тем, что в данном случае фамилия воспринимается не как украинская, а как польская – ср. польский апеллятив kowal – кузнец).

Основной способ передачи исконно славянских топонимов – также практическое транскрибирование: Чита – Chita, Минск – Minsk, Жмеринка – Zhmerinka и др.

Обратимся к особенностям передачи личных имен (ЛИ), гипокористических ЛИ и деминутивов.

Некоторые ЛИ не транскрибируются, а заменяются их английскими эквивалентами, если таковые имеются: Лев – Leo, Ян – Ian, Варвара – Barbara, Александр – Alexander. Мужское ЛИ Сергей передается при помощи французского эквивалента Serge. Мужское ЛИ Николай, имеющее эквивалент Nicholas, однако, передается путём практического транскрибирования: Nikolay. При этом гипокористическая форма этого имени передается при помощи его английского эквивалента: Коля – Nick. Большинство гипокористических ЛИ и деминутивов передается посредством практической транскрипции: Вася – Vasya, (дядя) Юра – (Uncle) Yura, Шура – Shura, Лида – Lida, Люда – Lyuda. Важно, что некоторые гипокористические имена из синтетических в русском варианте становятся аналитическими в английском варианте: Зосенька – Zosya sweetheart, Zosya dear, Алешенька – Alyosha boy. При передаче гипокористической формы имени дворника Никиты Пряхина, употреблённой в оригинале в форме архаичного звательного падежа Никитушко, переводчики воспользовались полной формой этого имени Nikita. Сашук (обращение Варвары Лоханкиной-Птибурдуковой к инженеру Птибурдукову) в переводе передано как Sasha, что интересно сравнить с передачей антропонима Саша Корейко как Alex Koreiko. Таким образом, мы видим, что Сашук – Sasha, а Саша – Alex. Гипокористическая форма Сереженька в составе антропонима Сереженька Кастраки передана по-английски как Serge Castraki. Заметим, что при передаче псевдо-греческой фамилии Кастраки с формальной точки зрения логично было бы использовать английскую букву *K*, а не *C*, что типично для происходящей из греческого языка английской апеллятивной лексики (например, kilo и многочисленные производные, kinetic, kudos, kerosene), но переводчики, используя букву *C*, сохранили аллюзию авторов романа на слово кастрация (castration), учитывая довольно пикантный контекст, в котором этот антропоним фигурирует в романе. ЛИ Васисуалий «латинизировано» при помощи окончания -us: Basilus. Кстати, таким же образом латинизировано ЛИ ксёндза Алоизий Морощек – Aloisius, хотя польский вариант этого ЛИ Alojzy, а английский Aloysius.

Переводчики творчески подошли к решению вопроса о передаче при переводе на английский язык уже упоминавшегося имени (митрополит) Двулогий. Это имя является пародией имени Евлогий, распространенного среди православного духовенства, однако практическое транскрибирование антропонима Двулогий не раскрыло бы англоязычному читателю иронию авторов. Очевидно, поэтому был избран прием замены имени Двулогий на не менее ироничный английский эквивалент: *archbishop Inclement* (явно вместо *archbishop Clement*).

Графическое цитирование (графические цитации)

Аллогенные антропонимы в тексте романа, под которыми мы имеем в виду иноязычные ИС, разделяются на пришедшие из языков, пользующихся латинской графикой (в основном, немецкий, польский, французский) и из языков, имеющих не латинскую графическую систему, например, китайский, греческий, монгольский.

В первом случае по правилам заимствования ИС в английский язык, они передаются в английском тексте в форме графического цитирования, т.е. воспроизводится их графическая форма в языке-этимоне, включая диакритические знаки. Д.И. Ермолович называет этот приём «простым переносом графической формы имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке» [Ермолович, 2001, с. 15]. В данном случае, поскольку иноязычные ИС уже включены в русский кириллический текст, перед переводчиками возникают дополнительные сложности, связанные с восстановлением их графического облика в третьих языках, из которых они и вошли в русский текст романа. Приведём примеры простого переноса графической формы ИС:

- a) из венгерского: (Франц) Лист – (Franz) Liszt (в данном случае ЛИ немецкое, а фамилия – венгерская, венгерский эквивалент Franz – Ferenc);
- b) из исландского: Рейкьявик – Reykjavík;
- c) из испанского: Примо-де-Ривера – Primo de Rivera, Испано-Сюиза – Hispano-Suiza, вулкан Попокатепетль – the Popocatepetl volcano (в испанский слово заимствовано из языка науатль);
- d) из итальянского: Галилей – Galileo, Рафаэль – Raphael, Паганини – Paganini, Габриэль д’Аннунцио – Gabriele d’Annunzio, Изотта-Фраскини – Isotta-Fraschini;
- e) из латинского: Кай Юлий Цезарь – Gaius Julius Caesar; «Кво-Вадис» – Quo Vadis;
- f) из немецкого: Шмидт – Schmidt, Блейлер – Bleuler, Гинденбург – Hindenburg, Аахен – Aachen, пещера Лейхтвейса – the Leichtweiss’ Cave;
- g) из норвежского: Роальд Амундсен – Roald Amundsen;
- h) из польского: Элиза Ожешко – Eliza Orzeszkowa, «Курьер Поранный» – Kurier Poranny;
- i) из португальского: Рио-де-Жанейро – Rio-de-Janeiro;
- j) из румынского: Сфатул-Церий – Sfatul Țării;
- k) из французского: Бриан – Briand, Пуанкаре – Poincaré, Эмиль Золя – Émile Zola, Элизе Реклю – Élisée Reclus, Гарпагон – Harpagon, Генрих Наваррский – Henri de Navarre, таксомоторы «рено» – Renault taxicabs;
- l) из чешского языка: Бенеш – Beneš.

Заметим, что иногда встречаются «гибридные» онимы, так, например, в Lorraine-Dietrich первый компонент французский, а второй – немецкий.

Это правило, однако, соблюдается не всегда. Так, например, антропоним Энвер Паша из турецкого языка, в 1928 году перешедшего на латиницу, не передаётся путём графического цитирования, а транскрибируется – Enver Pasha (тур. Enver Paşa). В авторской редакции романа Энвер Паша – Энвер-бей.

Особый интерес с этой точки зрения представляет передача в английском тексте некоторых польских ИС. Так, например, «Ченстоховский уезд» – Czestochowa District, а не Czeŝtchowa, то есть вместо польской буквы *ę* использована *e*, т.е. наличие в данном польском ИС так называемого «огонька» не было учтено. Возможно, эта графическая особен-

ность ИС была сочтена несущественной. Если это так, то можно констатировать, что параллельные процессы имеют место и в области апеллятивной лексики, где можно иногда наблюдать отсутствие подстрочного диакритического знака седиль в словах, заимствованных из французского языка: *façade/facade*. Представляет интерес, что, например, в переводе на английский язык романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвёртого» («Момент истины»), выполненном Katherine Judelson, при передаче ИС польского происхождения «огонёк» сохраняется: «...*near the town of Vilnius the Delegatura Rządu*» [Bogomolov, 1982, p. 151].

Польская фамилия Козлевич, однако, передаётся посредством практического транскрибирования *Kozlevich*, как если бы её этимон писался кириллицей. Вместе с тем эта же фамилия, произносимая живущими в СССР ксёндзами-поляками Кушаковским и Алоизием Морошеком, даётся в английском тексте в форме графической цитации: “*Ran Kozlewicz!*”. Подобным же образом, т.е. с ориентацией на кириллическую форму онима, передаётся и фамилия Фредерикс – *Frederiks*, а не *Freedericksz*.

Кроме того, при передаче некоторых онимов из иностранных языков, пользующихся графикой на латинской основе, вместо графического цитирования применяются традиционные передачи, например, Копенгаген – *Copenhagen*, а не *København*, Рейн – *the Rhine*, а не *Rhein*, Варшава – *Warsaw*, а не *Warszawa*. Объектом традиционной передачи являются и исконно русские онимы: Москва – *Moscow*, Ростов-на-Дону – *Rostov-on-the-Don*.

Примечательно, что в переводе могут появляться онимы, отсутствующие в русском тексте. Так, прагматонимы (почти утратившие в русском языке свой онимный статус) «старое венгерское, новое венгерское» переданы как “*old Tokay, new Tokay*”. О заимствовании этого слова в английский и французский из венгерского мы писали ранее [Бойчук, 2012]. Строго говоря, токайское не является единственным из венгерских вин.

С другой стороны, обращение Остапа Бендера к Паниковскому «золотая рота» передаётся как *Goldilocks*. В данном случае апеллятивное, по сути, обращение «золотая рота» (в данном контексте имеющие уничижительное значение «деклассированный, обнищавший, опустившийся человек») передаётся при помощи онима *Goldilocks*, основное значение которого «Златовласка», персонаж сказки “*The Three Bears*”. Насколько нам известно из доступных источников, *Goldilocks* в английском языке лишено коннотаций, присущих словосочетанию «золотая рота» в русском языке.

Вместе с тем оним в переводе может быть заменён апеллятивом. Так, например, восклицание Остапа Бендера «–Сигуранца проклятая!» переведено как “*Bloody persecutors!*”. Вероятно, переводчики не были уверены в том, что большей части англоязычной читательской аудитории известна фоновая информация, связанная с онимом *Siguranța* и решили заменить её апеллятивами, передающими смысл, вложенный авторами в восклицание Остапа.

Таким же образом передаются антропонимы из латинопишущих языков, в результате трансонимизации входящие в состав других онимов, например, урбанонимов: улица Меринга – *Mehring Street*; антропонимов: Усышкин-Вертер – *Usyshkin-Werther*; или эргонимов: фирма Павел Буре – *the Paul Buhre brand*.

Разумеется, британские и американские ИС ретранслируются в их исконной форме: Мильтон – *Milton*, Шейлок – *Shylock*, Чемберлен – *Chamberlain*, Керзон – *Curzon*, Рокфеллер – *Rockefeller*, Сноуден – *Snowden*, Макдональд – *MacDonald*, Гувер – *Hoover*, Дуглас Фербенк – *Douglas Fairbanks* и т.д. Чаще всего это антропонимы, но встречаются также топонимы: Чикаго – *Chicago*, Бирмингем – *Birmingham*, Ньюфаундленд – *Newfoundland*, в том числе и потамонимы – *the Mississippi*, а также другие онимы. При этом развёрнутый эргоним может передаваться при помощи аббревиатуры: «союз христианских молодых людей» – *the YMCA*. Заметим, что эргоним в виде аббревиатуры в русском тексте может передаваться в развёрнутой форме в английском тексте: ВОКС (Вокс в авторской редакции) – *the Soviet Society for Cultural Ties With Foreign Countries*, Рабис – *the Art Workers’*

Union. Весьма многочисленны в этой группе прагматонимы: кинокамера «Аймо» – Eumoto, «линкольн» – Lincoln, «паккард» – Packard, «студебеккер» – Studebaker, «бьюик» – Buick, экскаватор «Марион» – the Marion excavator и др.

При этом в единичных случаях могут наблюдаться отступления от такого подхода к передаче англоязычных антропонимов. Так, фамилия американца Хирама Бурмана в английском тексте выглядит как Bergman. Это может быть связано с нежеланием переводчиков передавать эту фамилию как Voorman или Burman во избежание возникновения неуместных коннотаций.

В соответствии с правилами английского языка передаётся в переводе и арабская патронимическое слово *ибн* (أَبْنُ): Александр Ибн-Иванович – Alexander bin Ivanovich, использованное авторами для создания восточного колорита.

Онимы из языков, пользующихся графикой иной, нежели латинская, передаются при помощи их английских эквивалентов или при помощи практической транскрипции: Юань Шикай (Юан-Ши-Кай в авторской редакции романа) (袁世凱) – Yuan Shikai, Ян-Цзы (長江) – the Yangtze, Ганди (ગાંધી) – Gandhi, Ганг (गङ्गा) – the Ganges.

Многочисленные в романе имена библейских и апокрифических персонажей и названия библейских объектов передаются при помощи их английских эквивалентов: Навуходоносор – Nebuchadnezzar, Валтасар – Balthazar, Каин – Cain, Авель – Abel, Авраам – Abraham, Исаак – Isaac, Яков – Jacob, Ной – Noah, Хам – Ham, пророк Самуил – Samuel the Prophet, Лия – Leah, Рахиль – Rachel, Ваал – Ba'al, Молох – Moloch, Вавилонская башня – the Tower of Babel и др.

Геортонимы либо заменяются английскими эквивалентами: Christmas, Easter, Whit Monday, Annunciation, Epiphany, либо транскрибируются: Kurban-Bairam (принятый в английском вариант Eid al-Adha), Yom Kippur, Ramadan, Purim.

В ряде случаев можно наблюдать субституции в переводе оригинальных онимов русского текста романа. Так, например, название оперы М.П. Мусоргского «Хованщина» заменено переводчиками на название “Down With the Queen of Spades!” Позволим себе предположить, что опера «Хованщина» гораздо менее знакома американской и в целом англоязычной аудитории, нежели опера П.И. Чайковского «Пиковая дама», что, очевидно и стало причиной указанной субституции.

При передаче теонимов и агонимов также наблюдаются субституции, вероятно, призванные облегчить восприятие текста англоязычным читателем. Так, например, восклицание Остапа Бендера «Матушка-заступница, милиция-троеручица!» переведено как Holy Mother of Divine Interception.

Топоним «(станция) Хацепетовка» (имеющий в современном русском языке коннотацию глухой провинции) заменён. Переводчики, вероятно, учитывая отсутствие подобных коннотаций, связанных с этим топонимом у англоязычных читателей, заменили станцию Хацепетовку на англоязычный топоним, обладающий соответствующими коннотациями для англоязычного читателя – Boonieville Station.

Подобный прием применяется и при передаче антропонимов. Так, в русском тексте Иван Осипович Трикартов, организатор парадного обеда в Гремящем Ключе, обращаясь к кочевнику, пытающемуся въехать в столовую верхом, называет его Мамай: «Отойди, Мамай, не видишь, что делается!». В переводе, однако, имя Мамай заменено на Genghis. Вероятно, это сделано в связи с тем, что фоновая информация, связанная для русскоязычной аудитории с именем Мамай, не прозрачна для англоязычной читательской аудитории, которой, зато, довольно хорошо известно имя Genghis, принадлежавшее основателю и великому хану Монгольской империи (Genghis Khan). Таким образом, путём замены антропонима при переводе достигается цель сохранения связанной с антропонимом коннотации. Вышеперечисленные приёмы являются вполне целесообразными, так как позволяют учесть этноречевой компонент коммуникации, а, по словам В.А. Иовенко «Переводный

текст, в котором не учтены национально-психологические аспекты коммуникации на ПЯ, воспринимается, как правило, неестественным» [Иовенко, 1999, с. 61].

Семантической адаптации подвергаются прозвания монархов Александр Второй – «Освободитель» – Alexander II the Liberator, Александр Третий – «Миротворец» – Alexander III the Peacemaker, Николай Второй – «Кровавый» – Nicholas II the Bloody.

Прозвища переводятся: сын Крепыша – Son of Brawny, Поршень – The Piston. Зооним Крепыш также передаётся путём семантической адаптации, т.е. перевода – Brawny.

Особый интерес представляет творческий подход к передаче некоторых антропонимов. Н. Галь задаётся вопросом «Переводить ли иностранные названия? И, что еще сложнее, переводить ли осмысленные, многозначительные имена?» [Галь, 1972, с. 105]. Н. Галь замечает, что именно в сатире «существует давняя традиция давать имена со значением» [Галь, 1972, с. 105] и указывает на сложность однозначного решения данного вопроса [Галь, 1972, с. 105]. Одно из основных возражений может быть выражено следующими словами Д.И. Ермоловича: «...имя собственное не должно (в принципе) заменяться на какое-то другое обозначение, когда о его носителе говорят или пишут на другом языке» [Ермолович, 2001, с. 14]. Переводчики «Золотого телёнка» всё же решают в ряде случаев прибегнуть к переводу. Так, ряд фамилий персонажей передаётся путём семантической адаптации: Скамейкин – Ian Benchikov, Индокитайский – Indochinov, Скумбриевич – Sardinevich, Мармеладов (в другой редакции – Мухин) – Smarmeladov, Плотский-Попелуев – Platonikov-Pervertov, Рубашкин – Shirtikov, Должностюк – Bossyuk. Перевод наделённой значением части фамилии снабжается русским, украинским или другим формантом. В случае передачи фамилии Волк-Лисицкий (в оригинале «Волкъ-Лисицкаго») – G.A. Bear-Wolfsky – речь идёт о переводе с одновременной субституцией Волк – Bear, Лисицкий – Wolfsky. Подобным образом решена и передача онима гражданин Самообложенский – Citizen Overarchangelsky, а также онима М.И. Святотацкий – M.I. Indignatuev. В последнем случае достигается сходство с реальной русской фамилией Игнатъев, при этом фамилия и в английском языке остаётся говорящей благодаря включению в её состав части корня *indignity*. Таким образом, переводчики действуют по принципу, за который ратует Н. Галь «Подходит по звучанию... верно по смыслу» [Галь, 1972, с. 106].

Фамилия Полуфабрикант передана как Customeir, что сохраняет заложенный авторами намёк на то, что фамилия еврейская путём включения в английский вариант транслитерированного латинскими буквами слова כִּימָר, при этом сохраняется сходство с апеллятивом customer. Этот приём напоминает применяемые авторами романа приёмы создания некоторых вымышленных фамилий, например, Лейбедев, Пятница, Кукушкинд, о которых речь шла выше, демонстрируя, насколько тонко переводчики понимают дух романа и роль, отводимую в нём авторами ИС.

Подобные фамилии в английской передаче могут либо сохранять свою национальную принадлежность, либо утрачивать её. Так, фамилия Стульян и в английском тексте сохраняет свойственный армянским фамилиям антропонимный формант, оставаясь, таким образом, армянской, или, скорее, псевдо-армянской – Stoolian. Псевдо-финская фамилия Павийнен в переводе Baboonian, т.е., судя по окончанию, становится, скорее, псевдо-армянской, нежели псевдо-финской. Псевдо-украинская фамилия Нидерландюк утрачивает в английском тексте украинский формант *-юк* и приобретает русский *-ов*: Нидерландюк – Netherlandov.

Более того, семантической адаптации может подвергаться лишь семантически нагруженная часть фамилии. Так, например, Подвысоцкий в тексте перевода Subvysotsky. Таким образом, можно констатировать отсутствие у переводчиков ригидных установок при решении вопроса о передаче близких по структуре фамилий и творческий подход к каждой такой передаче.

Семантической адаптации могут подвергаться и некоторые ЛИ. Необходимым условием является наличие у такого личного имени прозрачной семантики. Так, имя секретаря

и сожительницы начальника «Геркулеса» Полыхаева – *Серна Михайловна*, передано на английский язык как *Impala Mikhailovna*.

Антропоним может не только переводиться, а трансформироваться, фактически подвергаясь субституции. Так, Бендер-Задунайский в переводе *Bender-Transylvansky*. Полагая, что в данном случае аргументом в пользу такой трансформации послужило то, что англоязычная читательская аудитория очень хорошо знакома с произведением Брэма Стокера «Дракула», основные события которого, как известно, происходят именно в Трансильвании. С другой стороны, вероятно, слишком оптимистично было бы ожидать от данной аудитории знаний о графе Петре Александровиче Румянцеве-Задунайском, которого очевидно имел в виду Остап Бендер. При этом выбор Трансильвании позволяет сохранить в определенной мере и географическую приуроченность оригинала – Румыния, Бессарабия. В данном случае, как и в ряде других, переводчики как бы следуют рекомендации Н. Галь отдавать при переводе приоритет духу, а не букве [Галь, 1972], при очень внимательном, впрочем, отношении и к букве.

Прием семантической адаптации в некоторых случаях применяется и при адаптации топонимов, что ещё более необычно. Например, названия станций *Воробьево*, *Грачево* и *Дроздово* переданы по-английски как *Larkovo*, *Storkovo* и *Chickadeevo*, где также явно ощущается присутствие «птичьего» компонента *lark*, *stork* и *chicken*, хотя названия птиц в переводе не соответствуют таковым в тексте оригинала. Выявлен также следующий случай семантической адаптации топонима: *Гремящий Ключ* – *Roaring Springs*.

Русские мифоантропонимы, лишённые семантики, адаптируются путём практического транскрибирования: *Илья Муромец* – *Ilya Muromets*, *Добрыня Никитич* – *Dobrynya Nikitich*, *Алёша Попович* – *Alyosha Popovich*, *Кашей* – *Kashchey*. Семантически нагруженная часть мифоантропонимов, фактически эквивалентная прозвищу, переводится: *Соловей-разбойник* – *Nightingale the Robber*.

Женские фамилии в большинстве случаев передаются в форме мужского рода, что является в определённой мере традиционным приёмом: *Зося Синицкая* – *Zosya Sinitsky*, *Варвара Птибурдукова* – *Barbara Ptiburdukov* (ср., например, *Анна Karenin* или *Karénin* в некоторых переводах, другой вариант – *Karenina* и даже *Karénina*, или передачу фамилии *Грицацуева* как [Madame] *Gritsatsuyev* в упоминавшемся выше переводе первой части диалогии, выполненном Дж. Ричардсоном). Вместе с тем, в рассматриваемом переводе именно фамилия *Грицацуева* передаётся как *Gritsatsueva*.

Фалеронимы передаются при помощи их английских эквивалентов либо переводятся: *орден Золотого Руна* – *the Order of the Golden Fleece*, *орден Красного Знамени* – *the Order of the Red Banner*, *орден Подвязки* – *the Order of the Garter*.

Гемеронимы передаются либо путем практического транскрибирования: *Известия* – *Izvestiya*, *Правда* – *Pravda*, либо при помощи комбинации практического транскрибирования и перевода наделённых значением компонентов: «Черноморская газета» – *The Chernomorsk Gazette*, либо переводятся: журнал «Водопроводное дело» – *The Plumbing Journal*, «Экономическая жизнь» – *Economic Life*, «тюремная газета «Солнце всходит и заходит» – «*Day In and Day Out*». Зарубежные гемеронимы передаются путём графического цитирования: «*Ярбух фюр психоаналитик унд психопатологик*» – «*Jarbuch für Psychoanalytik und Psychopatologie*» (примечательно, что в процессе передачи скорректирован неправильный немецкий вариант оригинала).

Эргонимы, как правило, подвергаются семантической адаптации: «*Трудовой Кедр*» – *the Toiling Cedar*, «*Пилопомощник*» – *the Sawing Aid*, «*Южный Лесоруб*» – *the Southern Lumberjack*, «*Жесть и бекон*» – *Tin and Bacon Co*, «*Там бубна звон*» – *The Bells A-Jingling*, «*Под луной*» – *Under the Moonlight*, *Диалектический станковист* – *the Dialectical Easlists*, «*друзья кремации*» – *the Friends of the Cremation Society*. Некоторые эргонимы становятся частично переведёнными именами: *the Stalingrad Tractor Factory*. Некоторые эргонимы, фигурирующие в оригинале в сокращённой форме, в переводе передаются в развёрнутой

форме: Осоавиахим – the Society for Defense and Aviation, Сибкомбайн – The Siberian Combine Factory, Трехгорка – the Trekhgorka Factory, однако это происходит не всегда: «Пролеткульт» – Proletkult (развернутая форма в данном случае была бы явно не уместна, так как сам Хворобьев «До конца своей службы не знал, как расшифровать слово «Пролеткульт»»), «Интурист» – Intourist (эта организация достаточно хорошо известна англоязычной читательской аудитории), московская чека – the Moscow Cheka. Заметим, что использование развернутой формы онама вместо сокращенной распространяется и на хорошие: Донбасс – the Donets Coal Basin. Если в силу явления трансонимизации в качестве эргонима выступает мифоантропоним, он в английском тексте передается при помощи английского эквивалента: учреждение «Геркулес» – the Hercules. В случае, если в силу того же явления трансонимизации в качестве эргонима выступает иноземный топоним, он в английском тексте передается при помощи соответствующего английского эквивалента: извозчицья чайная «Версаль» – the Versailles cabdrivers' tearoom. Наблюдается также перевод сокращенных эргонимов оригинала на английский язык: Галантпром – Habertrade, Канцбум – Offisuppl. Кроме того, при переводе возможна замена русского эргонима близким по смыслу английским: совхоз «Гигант» – the Goliath state farm. Некоторые эргонимы передаются путем практического транскрибирования: «Интенсивник» – the Intensivnik. В тексте романа имеется эргоним на старославянском языке «Камо грядеши». При его передаче на ПЯ переводчики воспользовались языком King James Version, что является обычным приемом стилистической архаизации, применяемым многими американскими и британскими авторами [Бойчук, Моисеева, 2016, с. 40]: “Whither Goest movie theater, formerly the Quo Vadis”.

Урбанонимы, в частности, годонимы, либо переводятся: Бульвар Молодых Дарованый – the Boulevard of Prodigies, Лимонный переулок – Lemon Lane, Малая Касательная улица – Lesser Tangential Street, улица Полтавской Победы – Poltava Victory Street, проспект имени Социализма – the Avenue of Socialism, Приморский бульвар – Seaside Boulevard, либо, транскрибируются: Каланчевская площадь – Kalanchevka Square, Смоленский рынок – the Smolensk Market, Крещатик – Kreshchatik. Иногда транскрибируются и обладающие определенной семантикой урбанонимы: Прорезная (улица в Киеве) – Proreznaya, Нескучный сад – Neskuchny Gardens.

Дромонимы передаются при помощи комбинации практического транскрибирования и перевода наделенных значением компонентов, если таковые имеются в их составе: Сызрано-Вяземская дорога – the Syzran-Vyazma Line, Средне-Азиатская дорога – the Central Asian Line, большой Новозайцевский тракт – the big Novozaitsev highway, Калужская дорога – Kaluga Highway, Грязское шоссе – the Griazhsk Road.

Артионимы, как реальные, так и вымышленные, переводятся на английский язык: «Явление Христа народу» – “The Appearance of Christ to the People”, «Иван Грозный убивает своего сына» – Ivan the Terrible Kills His Son, «Дед Пахом и трактор в ночном» – “Grandpa Pakhom and His Tractor on a Night Shift”, «Купающаяся колхозница» – “A Collective Farm Woman Bathing”, балет «Красный мак» – the Red Poppy ballet, фокстрот «Цветок солнца» – the Sunflower Foxtrot. Некоторые артионимы могут содержать неперевоаемую лексику: «Стычка с басмачами» – A Skirmish With the Basmachs.

Многочисленные в романе библионимы либо переводятся, либо передаются при помощи уже существующих английских эквивалентов: «Мертвые души» – Dead Souls, «Мужчина и женщина» – Man and Woman, «Земля и люди» – The Earth and Its Inhabitants, «Капиталистические акулы» – The Capitalist Sharks, «Жизнь животных» – The Animals of the World. При передаче библионимов при помощи эквивалентов перед переводчиками может возникать проблема выбора: The Miserly Knight / The Covetous Knight.

Выявлены случаи опущения онимов при переводе. Так, вопрос Остапа, заданный Васисуалию Лоханкину, «Значит, до физики Краевича вы не дошли?» переведен как “So you never made it as far as physics?”, т.е. фамилия автора дореволюционного учебника физики в переводе не фигурирует. Предложению «Я на вас буду жаловаться в Сфатул-Церий, в

Большой Хурулдан!» соответствует “Or I’ll report you to the Sfatul Țării, your Supreme Soviet!”, то есть Большой Хурулдан, нечто довольно загадочное для американского читателя, не передан в тексте на ПЯ. Напротив, перевод онима «Сфатул-Церий» снабжен пояснением *your Supreme Soviet* с целью облегчить понимание того, о чём идёт речь. Применение вышеописанных приёмов обусловлено, на наш взгляд, прагматичной оценкой переводчиками соответствующих фоновых знаний целевой аудитории и стремлением достичь оптимального восприятия ею текста романа на ПЯ.

Заключение

Насыщенность ИС – одна из отличительных черт «Золотого телёнка». Ономастикон данного произведения характеризуется многочисленностью включённых в него ИС, принадлежащих к разным типам онимов, – антропонимам, топонимам, эргонимам, гемеронимам, наутонимам и др. В романе представлены как русские, так и иностранные, заимствованные онимы. Многочисленны также ИС, принадлежащие представителям различных этносов СССР. ИС в данном произведении присуща особая художественная роль, многие онимы являются плодом творческого воображения авторов романа (что идёт в русле русской сатирической литературы и продолжает традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова), и их адекватная передача в ПЯ требует от переводчика текста на английский язык повышенного внимания и творческого подхода при решении стоящих перед ним задач, а также обширных фоновых знаний и тонкого чувства как ЯИ, так и ПЯ.

Всю совокупность онимов романа «Золотой теленок» с точки зрения их передачи средствами английского языка можно разделить на не требующие при этом творческого подхода и даже не допускающие его, т.е. осуществляемые в соответствии со сложившимися правилами и традициями, в этом случае достаточно простого их соблюдения, и те, при передаче которых творческий подход порой необходим или, по крайней мере, вполне возможен и уместен. В рассматриваемом нами переводе романа творческий подход был успешно реализован.

В английском тексте романа были выявлены следующие основные способы передачи онимов: практическое транскрибирование, графическое цитирование, семантическая адаптация, использование английских эквивалентов, традиционные передачи. Именно семантическая адаптация онимов требует творческого подхода. При этом семантическая адаптация может быть и практически механической – например, в случае использования при передаче библионимов-названий известных литературных произведений, соответствующих общепринятых английских эквивалентов, хотя даже в этом случае перед переводчиками может возникать проблема выбора. То же может быть сказано и об артионимах. В анализируемом переводе семантическая адаптация широко применялась и при передаче тех онимов, которые обычно ей не подвергаются – антропонимов и топонимов. Именно в этом случае имелся наибольший простор для творческого подхода переводчиков. Разумеется, творческий подход при передаче онимов уместен только в рамках художественного перевода.

Синтетизм русского языка и аналитизм английского проявляются при передаче русских «синтетических» гипокористических имён английскими аналитическими конструкциями. Некоторые онимы подвергаются субституции. Оним из русского текста может заменяться апеллятивной лексикой. С другой стороны, апеллятивы русского текста в переводе на английский могут передаваться при помощи онима (золотая рота – *Goldilocks*). Выявлены опущения онимов, фигурирующих в тексте на ИЯ, в ПЯ, а также их «распространение» (Сфатул-Церий – *the Sfatul Țării, your Supreme Soviet*). Эти приёмы обусловлены соображениями, связанными с этно-речевым компонентом коммуникации и с прагматической целью облегчить читателю восприятие текста.

Перспективным явилось бы сравнительное исследование подходов к передаче ономастикона «Золотого телёнка» разными переводчиками этого произведения на английский язык.

Список источников

- Ильф И., Петров Е. 1984. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. Рассказы. Алма-Ата, Мектеп, 574 с.
- Ильф И., Петров Е. 2006а. Двенадцать стульев (авторская редакция). М., Текст, 414 с.
- Ильф И., Петров Е. 2006б. Золотой телёнок (авторская редакция). М., Текст, 428 с.
- Подольская Н.В. 1988. Словарь русской ономастической терминологии. Под ред. А.В. Суперанской. М., Наука, 187 с.
- Bogomolov V. 1982. The Moment of Truth (In August '44). Translated by Katherine Judelson. In: Bogomolov V. The Aching in My Heart. Moscow, Progress Publishers: 143–635.
- Ilf I. and Petrov Ye. 2009. The Golden Calf. Translated from the Russian by Konstantin Gurevich and Helen Anderson. Open Letter, 336 p.
- Ballantine. 2001. Random House Webster's Dictionary. Perfection Learning Corporation, 850 p.

Список литературы

- Бойчук И.В. 2012. О взаимодействии индоевропейских и финно-угорских языков на лексическом уровне: на материале английского, французского и венгерского языков. В кн.: Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики. Сборник научных трудов. Посвящается памяти д. ф. н., профессора Н.А. Кобриной. Под ред. О.Н. Прохоровой. Белгород, Полигerra: 301–304.
- Бойчук И.В. 2015. Адаптация французских онимов в восточнославянских языках (на материале русского и украинского языков). Белгород, БелГУ, 259 с.
- Бойчук И.В., Моисеева С.А. 2016. Архаизация в англоязычной прозе (на материале произведений американских и британских авторов XIX–XXI вв.). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28 (249). Вып. 32: 34–41.
- Васильев А.В., Кардо Ю.А. 2017. Проблемы семантического перевода и способы их решения. В кн.: Язык и культура. Сборник статей XXVII Международной научной конференции, Томск, 26–28 октября 2016 года. Под ред. С.К. Гураль. Томск, Издательский Дом Томского государственного университета: 175–177.
- Галь Н. 1972. Слово живое и мертвое. Москва, ФТМ, 177 с.
- Ермолович Д.И. 2001. Имена собственные на стыке языков и культур. М., Р. Валент, 200 с.
- Иовенко В.А. 1999. Общий перевод испанского языка. М., ЧеРо, 288 с.
- Космачева А.С. 2017. Переводческие трансформации при переводе с субтитрами (на материале китайского и русского языков). В кн.: Язык и культура. Сборник статей XXVII Международной научной конференции, Томск, 26–28 октября 2016 года. Под ред. С.К. Гураль. Томск, Издательский Дом Томского государственного университета: 334–338.
- Кумар С. 2017. Сравнительный анализ текста оригинала рассказа «Аристократка» М. Зоценко и перевода на хинди и анализ переводческих трудностей. В кн.: Язык и культура. Сборник статей XXVII Международной научной конференции, Томск, 26–28 октября 2016 года. Под ред. С.К. Гураль. Томск, Издательский Дом Томского государственного университета: 51–54.
- Нестерова К.А., Тихонова Е.В. 2017. Виды перевода и их особенности. В кн.: Язык и культура. Сборник статей XXVII Международной научной конференции, Томск, 26–28 октября 2016 года. Под ред. С.К. Гураль. Томск, Издательский Дом Томского государственного университета: 354–357.
- Ранская А.Г. 2015. Зарубежные издания «Конька-Горбунка». Новые материалы. В кн.: XXV Ершовские чтения. Межвузовский сборник научных статей конференции, Ишим, 5–6 марта 2015 года. Под ред. Л.В. Ведерниковой. Ишим, Издательство Филиал ТюмГУ, г. Ишим: 15–18.
- Рябцева Н.К. 2013. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. М., Флинта, Наука, 224 с.
- Voyakina E.Yu. 2022. Coronavirus pandemic reality in mass media discourse: a comparative analysis of English-Russian onomastic metaphors. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(1): 105–121. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-7

References

- Boichuk I.V. 2012. O vzaimodeystvii indoevropeyskikh i finno-ugorskikh yazykov na leksicheskom urovne: na materiale angliyskogo, frantsuzskogo i vengerskogo yazykov [On the interaction of the Indo-European and Finno-Ugric languages at the lexical level: based on the material of English, French and Hungarian]. In: *Sovremennye podkhody k izucheniyu edinit yazyka i rechi i voprosy lingvodidaktiki* [Modern approaches to the study of units of language and speech and issues of linguodidactics]. Collection of scientific papers. Dedicated to the memory of Doctor of Philological Sciences, Professor N.A. Kobrina. Ed. O.N. Prokhorova. Belgorod, Publ. Politerra: 301–304.
- Boichuk I.V. 2015. Adaptatsiya frantsuzskikh onimov v vostochnoslavianskikh yazykakh (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov) [Adaptation of French onyms in East Slavic languages (on the basis of Russian and Ukrainian languages)]. Belgorod, Publ. BelGU, 259 p.
- Boichuk I.V., Moiseeva S.A. 2016. Archaization in english prose (based on works of American and British authors of XIX–XXI centuries). *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 28(249). Вып. 32: 34–41 (in Russia).
- Vasil'ev A.V., Kardo Yu.A. 2017. Problemy semanticheskogo perevoda i sposoby ikh resheniya [Problems of semantic translation and ways to solve them]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Collection of articles of the XXVII International Scientific Conference, Tomsk, October 26–28, 2016. Ed. S.K. Gural'. Tomsk, Publ. Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 175–177.
- Gal' N. 1972. Slovo zhivoe i mertvoe [Word alive and dead]. M., Publ. FTM, 177 p.
- Ermolovich D.I. 2001. Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur [Imena's own natural language and culture]. M., Publ. R. Valent, 200 p.
- Iovenko V.A. 1999. Obshchiy perevod ispanskogo yazyka [General translation of Spanish]. M., Publ. CheRo, 288 p.
- Kosmacheva A.S. 2017. Perevodcheskie transformatsii pri perevode s subtitrami (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov) [Translation transformations in translation with subtitles (based on Chinese and Russian languages)]. Collection of articles of the XXVII International Scientific Conference, Tomsk, October 26–28, 2016. Ed. S.K. Gural'. Tomsk, Publ. Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 334–338.
- Kumar S. 2017. Sravnitel'nyy analiz teksta originala rasskaza «Aristokratka» M. Zoshchenko i perevoda na khindi i analiz perevodcheskikh trudnostey [Comparative analysis of the text of the original story "The Aristocrat" by M. Zoshchenko and the Hindi translation and analysis of translation difficulties]. Collection of articles of the XXVII International Scientific Conference, Tomsk, October 26–28, 2016. Ed. S.K. Gural'. Tomsk, Publ. Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 51–54.
- Nesterova K.A., Tikhonova E.V. 2017. Vidy perevoda i ikh osobennosti [Types of translation and their features]. Collection of articles of the XXVII International Scientific Conference, Tomsk, October 26–28, 2016. Ed. S.K. Gural'. Tomsk, Publ. Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 354–357.
- Ranskaya A.G. 2015. Zarubezhnye izdaniya «Kon'ka-Gorbunka». Novye materialy [Foreign editions of The Little Humpbacked Horse. New materials]. In: *XXV Ershovskie chteniya* [XXV Ershov Readings]. Interuniversity collection of scientific articles of the conference, Ishim, March 5–6, 2015. Ed. L.V. Vedernikova. Ishim, Publ. Izdatel'stvo Filial TyumGU v g. Ishime: 15–18.
- Ryabtseva N.K. 2013. Prikladnye problemy perevodovedeniya. Lingvisticheskiy aspekt [Applied Problems of Translation Studies. Linguistic aspect]. M., Publ. Flinta, Nauka, 224 p.
- Voyakina E.Yu. 2022. Coronavirus pandemic reality in mass media discourse: a comparative analysis of English-Russian onomastic metaphors. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(1): 105–121 (in Russia). DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-7

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2023

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received January 27, 2023

Revised February 27, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бойчук Игорь Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Лукьянова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Купина Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Boichuk, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Elena V. Lukyanova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Natalya I. Kupina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 821.161.1(Платонов А. П.)
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-139-148

Ономастическое пространство рассказа А. Платонова «Такыр»

Бугакова Н.Б.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84
E-mail: ya_witch@mail.ru

Аннотация. В современной лингвистике отсутствуют исследования, рассматривающие ономастикон рассказа «Такыр» как единую систему, анализ которой необходим для выявления принципов ономастического кода художественных текстов А. Платонова. Цель исследования – выявление принципов формирования ономастической лаборатории А. Платонова на примере рассказа «Такыр». Методом сплошной выборки отобраны и подробно рассмотрены ономастические единицы, употребляемые автором повести в качестве антропонимов, топонимов, гидронимов, этнонимов и единиц, формирующих культурно-ономастический фон. Проведенный анализ позволяет говорить о своеобразии ономастических единиц, употребленных А. Платоновым в рассказе «Такыр». Основная масса онимов, употребленных писателем в тексте рассматриваемого произведения, представляет собой имена тюркского, персидского и арабского происхождения. Полагаем, это обстоятельство обусловлено особенностями хронотопа, формируемого писателем на страницах произведения, действие которого происходит в Средней Азии в начальном периоде становления Советской власти на территории Туркмени. В результате исследования выявлены такие принципы формирования ономастической лаборатории А. Платонова, как социальная детерминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом.

Ключевые слова: А. Платонов, ономастика, ономастикон, «Такыр», культурно-ономастический фон

Для цитирования: Бугакова Н.Б. 2023. Ономастическое пространство рассказа А. Платонова «Такыр». Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 139–148. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-139-148

Onomastic Space of the Story A. Platonov "Takyr"

Nadeshda B. Bugakova

Voronezh State Technical University,
84 20th Anniversary of October St, Voronezh 394006, Russia
E-mail: ya_witch@mail.ru

Abstract. In modern linguistics, there are no studies that consider the onomasticon of the story "Takyr" as a single system, the analysis of which is necessary to identify the principles of the onomastic code of literary texts by A. Platonov. The purpose of the study is to identify the principles of the formation of the onomastic laboratory of A. Platonov on the example of the story "Takyr". Onomastic units used by the author of the story as anthroponyms, toponyms, hydronyms, ethnonyms and units that form the cultural and onomastic background are selected and considered in detail by the continuous sampling method. The analysis carried out allows us to speak about the originality of the onomastic units used by A. Platonov in the story "Takyr". The bulk of the onyms used by the writer in the text of the work under consideration are names of Turkic, Persian and Arabic origin. We believe that this circumstance is due to the peculiarities of the chronotope formed by the writer on the pages of the work, the action of which takes place in Central Asia in the initial period of the formation of Soviet power on the territory of Turkmenistan. As a result of the study, such principles of the formation of the onomastic laboratory of A. Platonov as social determinism, autobiography, correlation with the historical chronotope were revealed.

Keywords: A. Platonov, onomastics, onomasticon, "Takyr", cultural and onomastic background

For citation: Bugakova N.B. 2023. Onomastic Space of the Story A. Platonov "Takyr". Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 139–148 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-139-148

Введение

Ономастические единицы, функционирующие в художественном тексте, помимо прочего, участвуют в создании художественного образа. Большое влияние на выбор автором имени оказывает ассоциация, которая возникает в сознании писателя в связи с тем или иным именем. Полагаем, это обстоятельство обусловлено тем, что для писателя имя – одно из основных средств создания образа героя. Очевидно, что имя собственное – это особый художественный элемент, не существующий в тексте самостоятельно и всегда взаимосвязанный с другими элементами текста. Анализ этих взаимосвязей позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы.

Настоящее исследование направлено на выявление принципов формирования ономастической лаборатории А. Платонова на примере рассказа «Такыр». Необходимо отметить, что попытки анализа ономастикона произведений А. Платонова предпринимались. Так, например, Г.Ф. Ковалев занимался рассмотрением названия одного из веховых произведений А. Платонова – романа «Чевенгур». По мнению ученого, данный библионим-топоним вызывал и продолжает вызывать споры в кругах исследователей, что обусловлено, на наш взгляд, необычностью выбранной автором для названия вымышленного города лексемы. Г.Ф. Ковалев считает, что интерпретация названия влияет на понимание произведения [Ковалев, 2014], так как библионим – это важнейший перспективный компонент композиции произведения.

Изучением ономастики произведений А. Платонова занимались также последователи Г.Ф. Ковалева, поддерживающие идеи Воронежской ономастической школы. Так, в Воронежском государственном университете защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и автобиографические произведения)» [Фьонг, 2019]. Автор этой работы делает акцент на том, что произведения А. Платонова с точки зрения особенностей употребления ономастических единиц практически не исследованы, отсутствуют работы по комплексному изучению ономастики произведений А. Платонова. В рассматриваемой работе предпринимается попытка выявить специфику ономастической системы ранних и автобиографических произведений А. Платонова. В результате исследования автор приходит к выводу, что А. Платонов использует в текстах своих произведений наполненные автобиографизмом как реальные, так и вымышленные имена собственные, которые были либо выбраны из уже существующих, либо придуманы самим автором, что было необходимо для отражения авторского замысла.

Немалый вклад в исследование творчества А. Платонова с точки зрения особенностей употребления ономастических единиц внес также известный воронежский ученый О.Ю. Алейников, посвятивший анализу произведений данного писателя большое количество работ, в том числе монографию «Андрей Платонов и его роман «Чевенгур» [Алейников, 2013]. Данное исследование стало результатом многолетнего труда, поисков известного ученого, глубокого интерпретатора платоновских текстов; здесь предпринята попытка открыть путь к познанию глубин платоновского наследия. Введение О.Ю. Алейниковым в научный оборот огромного количества свидетельств, «удостоверяющих» сюжетно-фабульные линии, эпизоды, лица «Чевенгура» и других произведений писателя, взрыхлило почву для адекватных интерпретаций его творений и позволило несколько иначе взгля-

нуть на природу его дара — способность произрастать из конкретно-исторических форм той жизни, участником, свидетелем и создателем которой он был [Алейников, 2013].

Помимо этого, О.Ю. Алейникову принадлежит научная статья «Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» [Алейников, 2015]. В этом исследовании ученый предпринимает попытку выявить семантику имен персонажей повести «Джан», написанной А. Платоновым под впечатлением от командировки в Среднюю Азию. О.Ю. Алейников отмечает системность, проявленную писателем при отборе антропонимов. Авторский замысел, иноказательные смыслы, реализованные в художественном тексте, выявляются также в свете значений персидских и тюркских личных имён [Алейников, 2015]. Но исследователем отмечаются определенные сложности, которые возникают в процессе рассмотрения личных имен персонажей повести «Джан». Очевидная причина тому – разночтения в установлении культурных кодов, реализованных в тексте этого произведения [Алейников, 2015]. Эту точку зрения подтверждает и подробный анализ тех записей, которые делал А. Платонов во время поездки в Туркмении; на основании этого анализа можно сделать вывод, что во время поездки по Средней Азии писатель интересовался именами арабского, персидского, тюркского происхождения, А. Платонова занимали этимология, перевод, принадлежность к мужскому и/или женскому роду имен, распространенных на территории Средней Азии.

Помимо воронежских ученых, исследованием творчества А. Платонова занимаются и зарубежом. Так, в 2019 г. в Минске вышла научная статья аспиранта БГПУ Е. Соловей, посвященная рассмотрению антропонимического пространства персональности повести А. Платонова «Котлован». Автор данного исследования обращает внимание на то, что А. Платонов никогда не дает героям своих произведений случайных имен, имена всегда играют важную роль в характеристике персонажей и являются маркерами причастности героев определенной эпохе [Соловей, 2019].

Также можно отметить работы А.А. Дырдина, занимающегося изучением творчества А. Платонова в разных аспектах. Одно из исследований ученого посвящено этимологии имен повести «Ювенильное море» [Дырдин, 2017]; А.А. Дырдин предпринимает попытки уточнить происхождение и значение имен собственных персонажей, а также их место и роль в повести [Дырдин, 2017]. В результате исследования ученый приходит к выводу, что «имена у Платонова содержат коннотации, порождающие ассоциативные связи с текущими событиями, массовым трудовым подъемом конца 1920-х – начала 1930-х годов» [Дырдин, 2017]. По мнению исследователя, «имена в повести являются способом познания героев, указания на их принадлежность к определенному историческому времени, культурной среде, национально-выраженному типу личности. В них можно найти важнейшие смыслы платоновских образов, которые раскрывают авторскую картину мира» [Дырдин, 2017].

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием в современной лингвистике исследований, рассматривающих ономастическое пространство рассказа «Такыр» как целостную систему.

Целью исследования является выявление принципов ономастического кода рассказа «Такыр».

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает ономастическое пространство рассказа А. Платонова «Такыр», рассматриваемое как целостное явление. Для интерпретации онимов, выявленных в результате сплошной выборки, используются метод лингвистического наблюдения и описания (при составлении классификации имен собственных), сравнительно-исторический метод (при выявлении этимологии, особенностей словообразования и определении скрытой семантики созданных А. Платоновым онимов), текстологический анализ (при уточнении тексто- и сюжетобразующей роли имен собственных в тексте рас-

сказа «Такыр»), контекстуальный анализ (при определении зависимости семантики имен собственных от контекста художественного произведения).

Результаты и их обсуждение

Анализ рассказа «Такыр» считаем необходимым начать с рассмотрения заглавия, поскольку, как уже было отмечено выше, именно заглавие является важнейшим элементом текста.

В качестве библионима А. Платонов выбирает тюркскую лексему *такыры* – «ровный, гладкий» [Шипова, 1976]. В Средней Азии такырами называют формы рельефа, образующиеся в пустыне после высыхания соленого грунта. Таким образом, уже в заглавии писатель заявляет полнейшую непригодность для жизни топоса, в границах которого происходит основное действие рассказа и рождается главная героиня. А. Платонов характеризует такыр как «самую нищую глинистую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба» [Платонов, 2010]. Центральный персонаж рассказа, Заррин-Тадж, пленная персиянка, сравнивает место своего обитания с детской смертью: «Она с любопытством глядела в пустой свет туркменистанской равнины, скучной, как детская смерть, и не понимала, зачем там живут» [Платонов, 2010].

Рассказ во многом основывается на впечатлениях, полученных автором во время поездки по Средней Азии. В частности, в структуру рассказа «Такыр» включена легенда о чинаре «Семь братьев», которая была услышана А. Платоновым в Фирюзе [Скуридина, Бугакова, 2021]. Кроме того, автор попытался реализовать найденную им «в еле уловимой форме» [Платонов, 2019] фольклорную тему – сказку о Джальме. Полагаем, что эта сказка произвела на писателя большое впечатление, ведь в качестве имени главной героини автор использует оним *Джумаль*, созвучный имени героини сказки. Антропоним *Джумаль* существует в форме *Джумали* и является мужским именем арабского происхождения со значением «не боящийся трансформации» [Шипова, 1976]. Отсутствие страха к изменениям характеризует героиню платоновского рассказа: Джумаль часто меняет место жительства, род занятий.

Писатель, используя принципы русского словообразования существительных женского рода 3 скл., формирует оним *Джумаль* от мужского антропонима *Джумали*, чтобы подчеркнуть твердость характера героини, ее образ жизни, не типичный для восточной женщины того времени. В отличие от своей матери, которая погибает под палящими лучами солнца, перенеся и плен, и голод, и тяжкий труд, Джумаль стремится избежать рабской жизни. Она убивает туркмена, который купил ее. Повествование завершается тем, что Джумаль разводит сады в пустыне, т. е. героиня строит свою жизнь так, как хочется ей, демонстрируя небывалую силу духа.

Мать Джумаль – персиянка Заррин-Тадж – полная противоположность дочери. Она терпеливо переносит все, что с ней случается, и даже не думает о том, чтобы как-то противостоять судьбе. Оним *Заррин-Тадж* в переводе с персидского означает «Золотой венец» [Шипова, 1976].

Центральный мужской персонаж рассказа – «туркмен из племени такэ, человек более сорока лет» [Платонов, 2010] – носит имя *Атах-баба*. Данный оним состоит из мужского имени тюркского происхождения *Атах* и термина *баба*, который традиционно употребляется в сочетании с собственным именем высокоуважаемой личности, в том числе основателя рода, клана [Шипова, 1976]. Атах-баба – «муж и хозяин» [Платонов, 2010], действительно уважаемый человек, принимающий важные для рода решения: «Когда овцы начинали худеть идохнуть от бестравия, Атах-баба велел снимать кибитку, собирать в узлы домашнее добро и уходить в дальнейшее безлюдье, где земля свежее и еще стоит нетронутой бедная трава» [Платонов, 2010].

Необходимо отметить, что мужские персонажи в рассказе «Такыр» именуются составными онимами: Курбан-Нияз, Ода-Кара. О.Ю. Алейников считает, что подобные

онимы вводятся в текст произведений азиатского цикла в связи с тем, что «в распределении сюжетных ролей, смысловых параллелей, задающих иносказательные проекции, писателем учитывается значение имён персонажей, подсказанных как минимум двумя восточными традициями – тюркской и арабо-мусульманской, пришедшей в Среднюю Азию с распространением ислама» [Алейников, 2015]. Отметим, что имена, состоящие из двух частей, писатель использует для героев, занимающих высокое социальное положение (у таких персонажей много скота, несколько жен и т.п.). Персонажи, находящиеся в зависимом положении от богатых, именуются однокомпонентными онимами: «Затем явились... два батрака – Агар и Лала» [Платонов, 2010]. И здесь важно обратить внимание на особенность ономастической лаборатории А. Платонова: женский персонаж Заррин-Тадж именуется составным онимом, при этом являясь рабыней; ее подруги-рабыни также носят двукомпонентные имена: «Гель-Эндам давно увели эрсари, – шептала персиянка себе в сердце, чтобы сравнить свое горе с наибольшим страданием и тем утешиться, – милая, лучшая моя Ханом-Ага живет у джафарбайцев, на берегу моря, и рождает детей» [Платонов, 2010]. Автор использует двукомпонентные онимы, подчеркивая схожесть судеб героинь, о которой говорит и сама Заррин-Тадж: «Я тоже буду с ними» [Платонов, 2010]. Однокомпонентные антропонимы у героинь, которым удалось избавиться от рабства тем или иным путем. Например, подруга Заррин-Тадж Фатъма «утонула в Дарье» [Платонов, 2010]. Джумаль, ставшая свободной, также носит однокомпонентное имя, а позднее у нее появляется фамилия; фамилий нет ни у одного из персонажей, и это еще раз подчеркивает отличие Джумаль от остальных героев рассказа.

Внезапно появляющийся в жизни Джумаль австриец Стефан Катигроб носит «фатальное» имя [Алейников, 2015]. Очевидной кажется мысль о возникновении этой фамилии из повелительного наклонения глагола *катить* и существительного *гроб*. Казалось бы, герой полностью соответствует своей фамилии. Действительно, появление в жизни Джумаль Катигроба знаменуется смертью ее матери: «Пока Джумаль говорила, ела и смеялась с Катигробом, Заррин-Тадж, лежавшая одна в песке, молча умерла» [Платонов, 2010]. Однако при подробном рассмотрении становится понятно, что писатель использует существующую в украинском языке фамилию *Кадигроб*, построенную по модели «глагол в повелительном наклонении + существительное в И.П.» и являющуюся свидетельством «неповторимого украинского юмора» [Унбегаун, 1989]. Для формирования этой фамилии использован глагол *кадить* – то есть «раскачивая в руке кадило, распространять дым и запах курящихся в нём ароматических веществ – обычно ладана – при исполнении религиозных обрядов» [Ожегов, Шведова, 2008]. Соответственно, кадить гроб – ритуал, соблюдаемый во время похорон. Обратим внимание на то, что оним *Стефан* (греч. Στέφανος), который использует писатель в качестве имени этого героя, означает «венчик, венец, корона, диадема» [Суперанская, 1998]. Имя Заррин-Тадж также включает компонент, который в переводе с персидского означает ‘венец’ (см. выше). Здесь возникает аллюзия с терновым венцом, который, как известно, был возложен на голову Иисуса Христа; в русской картине мира терновый венец символизирует боль, мучения и страдания.

Персонаж по фамилии Катигроб максимально парадоксален: пытаясь скрыться от войны и смерти, которые преследуют его в родной стране, он видит смерти «в этой худой пустыне» [Платонов, 2010], хоронит здесь совершенно посторонних людей; будучи оптимом, в пустыне теряет способность видеть что-либо, кроме миражей, эфемеров света и жизни [Платонов, 2010]. Весь рассказ представляет собой апелляцию к противостоянию жизни и смерти (напомним, что эта оппозиция играет немаловажную роль в творчестве А. Платонова), каждый из героев рассказа находится в пограничных состояниях (в прямом или переносном смысле). Так реализуется ведущая мысль Платонова-философа о необходимости стереть границы между жизнью и смертью ([Бугакова, 2022]).

Топонимикон рассказа формируется из вводимых автором в текст онимов *Туркмения* (*Туркменистан*), *Персия* (*Иран*), *Хорасан*, *Хива*, *Бухара*, *Ашхабад*, *Ташкент*; *Фирюза*, *Аму-*

Дарья; Копет-Даг. Наше предположение о том, что в композицию рассказа включена легенда о чинаре, подтверждается самим автором, который вводит в текст гидроним *Фирюза* (в переводе с фарси ‘бирюза’). *Фирюза* – это поселок на берегу реки Фирюзинки, в Туркмении, в горах Копет-Дага, где и происходит действие рассказа: «...сорок или больше всадников ехали... в долине Фирюзы по краю речного потока. Горы Копет-Дага... стояли по сторонам» [Платонов, 2010]. Интересно, что в качестве названия реки автор использует не реально существующий деминутив *Фирюзинка*, а название поселка, представляющее собой форму без уменьшительно-ласкательного суффикса *Фирюза*.

Гидроним *Амударья* (А. Платонов употребляет устаревшее дефисное написание Аму-Дарья) образован от перс. *آمو* *Аму* (название исторического города Амуй, совр. Чарджоу [Поспелов, 2008]. Как указывает Е.М. Поспелов, это название образовано от древнего этнонима *амарады* и перс. *دريا* *дарья* («река», «море») [Поспелов, 2008]; это вторая по длине (после Сырдарьи) и крупнейшая по полноводности река в Средней Азии [Поспелов, 2008].

Ороним *Копет-Даг* используется писателем для обозначения места действия в рассказе. Лексема *Копет-Даг*, именуемая в платоновском тексте горный хребет на границе Туркмении и Ирана, образована от тюркск. *kop* – много и *dag* – гора [Поспелов, 2008]. «Горы Копет-Дага... стояли по сторонам» [Платонов, 2010]. Жизнь «по ту сторону гор» отличалась от жизни «по эту». Гидроним *Аму-Дарья* употреблен писателем так же с целью показать, что река разграничивает пространство: Туркмению с ее проблемами, голодом, бедностью река отделяет от территорий, где люди живут богато и счастливо: «На краю песков слабо виднелись небольшие горы... а в другую сторону, говорил Атах-баба, была Амударья и богатая Хива» [Платонов, 2010]; «Ода-Кара сидел на ковре с Атахом и рассуждал об общем течении жизни в пустыне, о том, что в Бухаре, говорят, опять открылся базар рабов» [Платонов, 2010]. Богатые города, о которых рассуждают герои рассказа – Хива, Бухара, – это города в Узбекистане, на другом берегу Аму-Дарьи. Топонимом *Хива* обозначается основанный на рубеже нашей эры город в Хорезмской области Узбекистана. Этимология топонима утрачена [Поспелов, 2008]. Топоним *Бухара*, использованный писателем также для обозначения города в Узбекистане, образован, по мнению А. Мухаммаджанова, от *бугоро* – «божья красота» [цит. по: Поспелов, 2008].

Всадники везут пленных из Ирана. Топоним *Иран* (ایران) введен в текст рассказа автором для обозначения страны на Востоке, граничащей с Туркменией. До 1935 г. Иран именовался Персией.

Повествуя о появлении в туркменском такыре персидской женщины Заррин-Тадж, А. Платонов сообщает, что ее родиной является *Хорасан*: «в... женщине по имени Заррин-Тадж ум бился наравне с сердцем, и она не спала. Ей было четырнадцать лет, она чувствовала тоску, удушающую ей горло, и глядела в темную сторону *Харасана*, откуда ее вели» [Платонов, 2010]. *Хорасан* (خراسان) *Xorâsân* («откуда приходит солнце») – область в Восточном Иране [Поспелов, 2008]. Обозначая родину Заррин-Тадж топонимом *Харасан* (А. Платонов употребляет написание топонима *Хорасан* в форме *Харасан*), писатель наделяет героиню атрибутикой солнца. Полагаем, что подобный выбор онима для героини обусловлен предположениями писателя о том, что она будет освещать, согревать тех, кто рядом с ней. Однако Заррин-Тадж не справляется с этой миссией.

Введенные автором уже в финале рассказа топонимы *Ашхабад*, *Ташкент* обозначают соответственно столицы Туркмении и Узбекистана. В этих городах живет Джумаль, покинувшая такыр после того, как ее поцеловал Катигроб: «после того события Джумаль долго не была на такыре с глиняной башней – десять лет» [Платонов, 2010]. А. Платонов апеллирует к популярному в фольклоре сюжету, когда принц будит спящую красавицу поцелуем. Джумаль от поцелуя Катигроба тоже «просыпается» и понимает, что пора уходить из такыра. Время после ухода она «прожила... в Ашхабаде и Ташкенте и окончила

сельскохозяйственный институт» [Платонов, 2010]. Жизнь Джумаль меняется кардинальным образом, она получает образование, фамилию.

Туркмения произвела на А. Платонова гнетущее впечатление, так как он стал свидетелем голода 1933 года, вызванного тем, что туркменские крестьяне уничтожали запасы во время раскулачивания. Все это лишило писателя радостного настроения, с которым он собирался в поездку. В «Автобиографии» он пишет: «Засуха ... произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом – литературой» [Шенталинский, 1991]. Увидев, как относятся к женщине в Средней Азии, он ужаснулся: «Женщина в Туркмении лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность...», – отмечает он в записных книжках [Платонов, 2000]. Такое отношение к женщине отражено в рассказе: «Ближний туркмен смотрел на нее обоими глазами, довольный, что девушка скоро привыкнет быть женой, если умеет плакать, и смирно умрет под яшмаком в Туркменистане» [Платонов, 2010]. Здесь важно отметить также, что Туркменистан – государство в Средней Азии, граничащее с Афганистаном, Ираном, Казахстаном и Узбекистаном, – воспринимается писателем как место, в котором можно только умирать. Жить, по мнению самого писателя и героев рассказа, там нельзя. Обращая внимание на характерные для Туркмении проблемы с водой, писатель упоминает в рассказе колодцы, у которых собирались люди и скот; колодцы являлись своеобразными жизнеобеспечивающими центрами. Здесь находят отражение автобиографические мотивы (напомним, что А. Платонов был озабочен проблемой гидрофикации и посвятил этому большую часть своей жизни). Колодцы в рассказе имеют названия, что совсем нетипично для русской картины мира: «На двенадцатую ночь после родины пленников аламана пригнали к кибиткам близ колодца *Таган*» [Платонов, 2010]; «На другой день Катигроб... пошел за сто верст на хивинскую караванную дорогу, где был колодец *Боркан*» [Платонов, 2010]. Колодец – знаковый топос пустыни: караванщики, перевозившие товары по Великому шелковому пути, измеряли расстояние отрезками перемещения между колодцами, являвшимися основными ориентирами в пустыне Каракумы. Многие колодцы сохранили свои названия и в наше время: Як-Куи, Ирикли, Аджыкуи, Донгра, Тувер, Гоймат, Гарайман. Некоторые названия колодцы получали от имени человека, их обустроившего, другие – по определению качества или количества воды в них. Отметим, что колодцы располагались на определенном расстоянии друг от друга (12–15 км) по всему Великому шелковому пути, связывавшему Китай и города Центральной Азии со Средиземноморьем и являвшемуся важнейшей транспортной артерией на протяжении долгого времени. Поскольку большая часть Шелкового пути проходила по пустынным территориям, колодцы выполняли функцию жизнеобеспечивающего центра: здесь можно было напоить верблюдов, обеспечить запасы воды для людей, восстановить силы. Эти колодцы были уникальными инженерными сооружениями: в них всегда была вода в количестве, достаточном для того, чтобы напоить караван из 150–200 верблюдов; накапливалась вода не за счет подземных вод, а благодаря оригинальной конструкции, которая позволяла получать воду из воздуха.

В качестве названий колодцев в рассматриваемом тексте писатель использует лексемы *таган* – «железный обруч на ножках, служащий подставкой для котла, чугуна и т. п. при приготовлении пищи на открытом огне» [Евгеньева, 1999] и *боркан* – «морковь» [Фасмер, 2007]; «муж., нем., новг., пск., твер. морковь» [Даль, 2006]. Лексема *таган* может быть употреблена писателем в качестве названия колодца, во-первых, на основе внешнего сходства формы колодца и тагана, а во-вторых, на основе семантической нагрузки лексемы *таган*. Писатель демонстрирует важность колодца для жизни, он кормит, так же, как таган. Кроме того, употребление этой лексемы в качестве названия колодца может быть обусловлено особенностями восприятия такыра самим писателем. В «Записных книжках» он отмечает: «Страшная жизнь на глинистых раскаленных такырах, как на сковородках ада» [Платонов, 2000]. Известен реальный колодец Таган-клыч,

расположенный в г. Чикишляр (Туркмения) «на персидской границе около залива Гасанкули» [Брокгауз, 2013]. Очевидно, что писатель мог использовать в качестве названия колодца действительно существующее, поскольку описываемые в рассказе действия происходят на персидской границе. Лексема *боркан*, имеющая, по данным словарей, лексическое значение ‘морковь’, употреблена с целью продемонстрировать сходство моркови и колодца, основанное на их расположении под землей.

Финал рассказа знаменуется возвращением Джумаль в пустыню, где ей предстоит «определить место для опытного садоводства в глубине Каракумов» [Платонов, 2010]. Это возвращение воспринимается писателем как абсолютно естественный процесс: «Естественно, что садоводство лучше приурочить к такырной земле» [Платонов, 2010]. И также естественно «Джумаль Таджиева сняла свою европейскую кофту и юбку, надела персидское черное платье, покрылась белой тонкой шалью и утром верхом на лошади выехала одна из Ашхабада» [Платонов, 2010]. Здесь очевидна аллюзия А. Платонова к библейскому постулату «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [Быт. 3:19].

Обратим внимание на использование автором в тексте рассказа этнонимов, то есть названий людей по национальности или государственной принадлежности, являющихся довольно значительной группой слов любого современного языка [Ковалев, 2014]. Так, в тексте рассказа «Такыр» встречаются следующие случаи употребления А. Платоновым этнонимов:

– курды: «На выходах из ущелья... могли появиться *курды* в погоню» [Платонов, 2010]. Относительно этнонима *курд*, его происхождения и значения существует множество гипотез. Приведем одну из них: «этноним *kurd* означает «наделенный мужеством», «герой» и «храбрец», т.к. большинство героев своего времени и славных богатырей вышло из этого народа» [Шипова, 1976];

– туркмены: «*Туркмены* знали про то и держали ружья близ груди» [Платонов, 2010]. Этнонимом *туркмен* обозначается представитель тюркского народа, который является основным населением Туркменистана [Ожегов, Шведова, 2008];

– эрсари: «Гель-Эндам давно увели *эрсари*, – шептала персиянка» [Платонов, 2010]. Эрсары – это племенная группа туркменского народа, традиционно расселявшаяся на юге Туркмении, на границе с Афганистаном [Эргешева, 2022]. Отметим, что писатель употребляет написание *эрсари*, отличающееся от традиционного *эрсары*. Полагаем, подобный прием должен создать впечатление вымышленности этнонима;

– джафарбайцы: «Ханом-Ага живет у *джафарбайцев*, на берегу моря» [Платонов, 2010]. Этноним *джафарбайцы*, очевидно, вымышлен автором и образован на основании созвучия с этнонимом *джагатайцы* – тюркский народ в Центральной Азии [Фасмер, 2007].

Заключение

Завершая рассмотрение ономастикона рассказа А. Платонова «Такыр», созданного на основе впечатлений от путешествий по Средней Азии, можем говорить о своеобразии ономастических единиц, употребленных А. Платоновым в рассказе. Отметим, что онимы, используемые автором в этом тексте в качестве антропонимов, топонимов, оронимов, гидронимов, этнонимов, единиц, формирующих культурно-ономастический фон, представляют собой имена собственные тюркского происхождения. Очевидно, подобный ономастикон обусловлен желанием автора максимально погрузить читателя в описываемую действительность с целью воссоздания исторического хронотопа, формируемого писателем на страницах произведений, действие которых происходит в Средней Азии в начальный период становления Советской власти на территории Туркмении. К основным принципам ономастического кода художественных текстов А. Платонова, выявленным нами в ходе исследования, можно отнести такие принципы, как ассоциативность, социальная де-

терминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом. Отметим, что одной из особенностей ономастической лаборатории писателя является употребление вымышленных онимов, образующихся на основе созвучия с существующими, по грамматическим моделям, принятым в русском языке.

Список источников

- Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. 1995. М.: Российское Библейское общество, 1254 : 1017.
Брокгауз Ф. А. 2013. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М.: Рипол Классик, 524 с.
Даль В.И. 2011. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Дрофа; Русский язык – Медиа, Т. 1. С. III—XII.
Евгеньева А.П. 1999. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 569 с.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2008. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., Азбуковник.
Платонов А. Такыр. 2010. Собрание сочинений в 8 т. М.: Время, Т. 4. С. 135 – 146.
Платонов А.П. 2000. Записные книжки. Материалы к биографии. М., «Наследие», 424 с.
Платонов А.П. 2019. «...Я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М., АСТ, 720 с.
Поспелов Е.М. 2008. Географические названия России: топонимический словарь. М., Астрель, 523 с.
Суперанская А.В. 1998. Словарь русских личных имен. М., Издательство АСТ, 522 с.
Фасмер М. 2007. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Д. М., Астрель.
Шенталинский В. 1991. Арестованное слово. В кн.: Технический роман. Огонек, 28: 50.

Список литературы

- Алейников О.Ю. 2015. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан». Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика, 2: 5–8.
Алейников Ю.О. 2013. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 222 с.
Бугакова Н.Б. 2022. Особенности вербализации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур». *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4(48): 146–152.
Дырдин А.А. 2017. «В стране трудного счастья» (этимология имен героев в повести А. Платонова «Ювенильное море»). *Филологический класс*, 2(48): 67–73.
Ковалев Г.Ф. 2014. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». 440 с.
Соловей Е.И. 2019. Антропонимическое пространство персональности повести А. Платонова «Котлован». В кн.: Теория и практика современной науки. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Минск, С. 150–160.
Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. 2021. Феноменология камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова: культурно-ономастический аспект. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 3(42): 140–146.
Унбегаун Б. 1989. Русские фамилии. Пер. с англ. Общ. Ред. Б.А. Успенского. М., Прогресс, 443 с.
Чыонг Т.Ф.Т. 2019. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 164 с.
Шипова Е.Н. 1976. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 392 с.
Эргешева Р.А. 2022. Выдающиеся наставники стиля эрсары. *Эпосоведение*, 3(27): 16–29.

References

- Alejnikov O.Ju. 2015. Semantika imen personazhej v povesti A. Platonova «Dzhan» [Semantics of character names in A. Platonov's story "Jan"]. *Vestnik VGU. Serija Filologija. Zhurnalistika*, 2: 5–8.
Alejnikov O.Ju. 2013. Andrej Platonov i ego roman «Chevengur» [Andrey Platonov and his novel "Chevengur"]. Voronezh. Publ. NAUKA-YuNIPRESS, 222 p.
Bugakova N.B. 2022. Osobennosti verbalizacii binarnoj oppozicii «zhizn' – smert'» v romane A. Platonova «Chevengur». [Features of the verbalization of the binary opposition "life-death" in A. Platonov's novel "Chevengur"]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 4(48): 146–152.

- Dyrdin A.A. 2017. «V strane trudnogo schast'ya» (etimologiya imen geroev v povesti A. Platonova «Yuvenil'noe more») ["In the country of difficult happiness" (etymology of the names of the characters in A. Platonov's story "The Juvenile Sea")]. *Filologicheskij klass*, 2(48): 67–73.
- Kovalev G.F. 2014. *Izbrannoe. Jetnonimika. Voronezhskoe lingvokraevedenie. Raznoe*. [Favorites. Ethnonymy. Voronezh regional linguistics. Miscellaneous]. Voronezh, Publ. Nauchnaja kniga, 440 p.
- Solovej E.I. 2019. Antroponimicheskoe prostranstvo personal'nosti povesti A. Platonova «Kotlovan» [Anthroponymic space of the personality of A. Platonov's story "The Pit"]. In: *Theory and Practice of Modern Science. Materials of the International (correspondence) scientific and practical conference*. Minsk, pp. 150–160.
- Skuridina S.A., Bugakova N.B. 2021. Fenomenologija kamnja v hudozhestvennyh tekstah F.M. Dostoevskogo i A. Platonova: kul'turno-onomasticheskij aspekt. [The phenomenology of stone in the literary texts of F.M. Dostoevsky and A. Platonov: cultural and onomastic aspect]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 3(42): 140–146.
- Unbegaun B. 1989. *Russkie familii*. [Russian surnames]. Ed. B.A. Uspenskogo. M., Progress.
- Truong T.F.T. 2019. *Onomastika rannih i avtobiograficheskikh proizvedenij Andreya Platonova* [Onomastics of Andrey Platonov's Early and Autobiographical Works]. Voronezh, Publ. SCIENCE-UNIPRESS. 164 p.
- Shipova E.N. 1976. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata, Publ. Nauka, 392 p.
- Ergesheva R.A. 2022. *Vydayushchiesya nastavniki stilya ersary* [Prominent mentors of the Ersara style]. *Eposovedenie*, 3(27): 16–29.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2023

Поступила после рецензирования 27.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received January 27, 2023

Revised February 27, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бугакова Надежда Борисовна, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda B. Bugakova, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-149-156

Коммуникативные стратегии языковой личности (на примере руководителя вуза)

Жигулина Т.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: zhigu.tatyana@yandex.ru

Аннотация. Феномен речевого воздействия занимает центральное место в рамках когнитивной лингвистики. Проблемы интерпретации стратегий речевого поведения включают различные аспекты их изучения. На сегодняшний день не существует стандартного репертуара стратегий, которым распоряжается говорящий. В силу этого изучение стратегий на конкретном примере является основным этапом коммуникативного анализа. Цель исследования – определить роль коммуникативных стратегий языковой личности на примере руководителя высшего учебного заведения. В исследовании рассмотрены коммуникативные стратегии публичной языковой личности, с помощью многоаспектного анализа выявлены речевые особенности, являющиеся лингвокультурным маркером дискурса языковой личности. Результаты показали, что ориентация на массового читателя и публичный характер коммуникации предполагают следование определенным правилам, а использование регулятивных средств и структур актуализирует воздействующую функцию на адресата. Выявлены ценностные, социокультурные и индивидуально-авторские особенности языковой личности. Определено, что роль коммуникативных стратегий руководителя высшего учебного заведения как языковой личности заключается в трансляции базовых человеческих ценностей, таких как знание, наука, образование с целью обозначить свою позицию как руководителя, который заботится о престиже и рейтинге вуза, стремится привлечь наибольшее количество абитуриентов. Результаты полученного исследования могут быть использованы преподавателями и студентами в высших учебных заведениях при обучении руководителей высшего звена.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, языковая личность, идиостиль, коммуникативный стиль

Для цитирования: Жигулина Т.С. 2023. Коммуникативные стратегии языковой личности (на примере руководителя вуза). Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 42(1): 149–156. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-149-156

Communicative Strategies of the Linguistic Personality (On the Example of the Head of the University)

Tatiana S. Zhigulina

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: zhigu.tatyana@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of speech influence occupies a central place within the framework of cognitive linguistics. The purpose of the study is to identify and describe the role of communicative strategies of a linguistic personality. The study examines the communicative strategies of a public linguistic personality, using a multidimensional analysis, speech features that are a linguistic and cultural marker of the discourse of a linguistic personality are identified. Communicative intentions demonstrate a system of socio-cultural and individual author's values, which are conditioned by linguistic and extralinguistic factors. The results showed that the orientation to the mass reader and the public nature of

communication presuppose following certain rules, and the use of regulatory means and structures actualizes the influencing function on the addressee. Thanks to the study of communicative strategies, the value, socio-cultural and individual authorial features of the linguistic personality are revealed. The results of the obtained research can be used in the training of senior managers.

Keywords: communication strategies, language personality, idiosyncrasy, communication style

For citation: Zhigulina T.S. 2023. Communicative Strategies of the Linguistic Personality (On the Example of the Head of the University). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 149–156 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-149-156

Введение

Современные исследования проблемы репрезентации человека через язык демонстрируют многоаспектные подходы к описанию языковой личности. Теоретической основой нашего исследования стратегий языковой личности послужили труды Н.В. Руженцевой, которая отмечала важность установления доверительной связи между коммуникантами [Руженцева, 2004], Е.В. Шелестюк [2011], которая подчеркивала важность соотношения черт коммуникативного стиля с психологическими характеристиками: коммуникативностью, эмпатичностью, типичными видами психологической дистанции, пристройки, коммуникативных ролей, Л.В. Калининой и С.В. Черновой [2010]. Языковой материал позволяет систематизировать «непроцессуальные (внешность, вещный мир и атрибуты, предпочтения, душевные качества, система ценностей и т. д.) и процессуальные (модель поведения человека) характеристики человека, которые во взаимодействии, совместившись, позволили бы выстроить его целостный образ» [Чернова, Калинина, 2010]. А.В. Болотнов отмечал, что коммуникативный стиль связан с речевой характеристикой личности, но не ограничивается лексиконом, семантиконом, грамматиконом, стилистическими приемами и другими особенностями, поскольку здесь речь идет как раз о процессуальных характеристиках личности [Болотнов, 2016].

Вслед за Л.В. Калининой мы придерживаемся мнения, что вопрос лингвистической интерпретации образа человека является актуальным и основным направлением антропоцентризма. Так как элементы когнитивной структуры определяют действия любых компонентов языковой системы, изучение языковых форм без обращения к языковым и когнитивным категориям заведомо неполно. Поэтому внимание к мыслительным процессам, совершающимся в сознании участников коммуникации, подразумевает комплексное изучение.

В данной работе описание доминантных характеристик личности проведено не только с помощью анализа непроцессуальных и процессуальных характеристик, но и посредством исследования коммуникативных аспектов идиостиля языковой личности. В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка зафиксировано, что идиостиль представляет «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка»¹. В интерпретации Н.С. Болотновой идиостиль характеризуется индивидуально-авторскими особенностями мировидения и текстовой деятельности, которые отражаются в текстах в форме коммуникации. Следовательно, коммуникативные стратегии языковой личности позволяют выявить речевые интенции адресанта. Под коммуникативными стратегиями и тактиками мы будем понимать набор заранее спланированных речевых ходов, целью которых будет являться достижение коммуникативной задачи.

---

¹ Кожина, <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/>.

Коммуникативные стратегии, на наш взгляд, позволят определить в речевой деятельности человека ценностные, социокультурные и индивидуально-авторские факторы, которые формируют идиостиль языковой личности.

Цель исследования – определить роль коммуникативных стратегий языковой личности.

Объекты и методы исследования

Исследование коммуникативных стратегий языковой личности в работе проводится на материале колонки ректора НИУ «БелГУ» О.Н. Полухина, которая является постоянной рубрикой в электронной версии газеты «Вести БелГУ», блога ректора и новостного канала FONAR. TV.

Антропоцентрическая направленность коммуникативно-когнитивной методологии предопределяет выбор методов исследования. С помощью контекстуально-семантического метода описаны социокультурные универсалии публицистических текстов. Контекстуально-семантический метод позволяет исследовать ценностные константы языковой личности по следующим направлениям:

– восприятие и интерпретация коммуникативных стратегий в публицистических текстах,

– выявление и осмысление лингвистических факторов в репрезентации коммуникативных стратегий публицистических текстов.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассматривая культурно-речевые стили языковой личности, В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротина определяют типы речевой культуры [Гольдин, Сиротина, 1993; Сиротина, 2003]. По определению ученых, *полнофункциональный стиль* обнаруживается у людей с высшим образованием. Он преобладает в речи людей с достаточно высоким уровнем образованности. Как правило, адресат владеет функциональными стилями литературного языка, он контролирует свою речь и использует в ней термины и определения. *Неполнофункциональный стиль* схож с полнофункциональным и также используется в речи образованных людей, но в такой речи будет в меньшей степени проявляться высокий уровень культуры. Речь представителя *среднелитературного* стиля характеризуется нарушением ортологических, коммуникативных и этических правил в силу сознательного игнорирования норм. Обилие жаргонизмов в речи, предпочтение просторечий, диалектов характерно для представителя *литературно-разговорного* стиля.

Анализируя речевую культуру О.Н. Полухина, следует отметить высокий уровень лингвистической компетенции, строгое следование основам корпоративной этики, активное использование интернет-технологий: блог ректора является постоянно действующей связующей нитью в вопросах взаимодействия руководителя вуза со студентами и преподавателями. Проведенный анализ позволяет заключить, что лексикон О.Н. Полухина разнообразен, его речь относится к полнофункциональному типу речевой культуры. Доказательством тому служит обилие книжной лексики: *программа развития НИУ «БелГУ», международный рейтинг, научно-исследовательская база, информационное пространство, с целью популяризации нашего Ботанического сада и другое.*

Для создания экспрессивного восприятия используется разговорно-просторечная лексика, имеющая ярко выраженную оценочность: *«Мы никак не заткнём всех тех, кто поливает нас грязью, баламутит нашу молодёжь, призывает её на войну с властью»* [Мохначёва, 2021]. В данном контексте пейоративная лексика является когнитивной моделью образной вербализации тезауруса языковой личности (при метафоризации слотов разных фреймов адресант добивается своей коммуникативной задачи: семантика неодобрения проявляется ярко и эмоционально). В другом примере употребление эмоциональной лексики создает положительный эффект. Таким образом говорящий демонстрирует своим

слушателям высокий статус вуза: *«По итогам мониторинга лиц, закончивших университет за последние три года и стоящих на бирже труда, которые не могут найти работу – zero, ноль, ни одного человека!»*. С целью создания доверительной атмосферы адресантом обычно используются разговорные средства. Таким образом создается естественная атмосфера, в которой важное место занимает непринужденность: *«в Америке... везде наткнёшься на юриста», «чтобы студенты меньше "химичили", пытались правдами и неправдами добыть справку, освобождающую от занятий», «установили стоимость выскокую, которая отпугнула многих»* [Мохначёва, 2021]; *«мы все по вам очень соскучились и будем рады видеть вас в стенах университета»* (после продолжительного периода дистанционного обучения в НИУ «БелГУ») [Мохначёва, 2021]; *«мне больно, когда мы отчисляем детей», «если кто-то закончил экономический факультет, но стал работать в сфере управления, или становится успешным менеджером, предпринимателем – ради Бога, пожалуйста», «заключили соглашения, в которые уже зашиты, если можно так сказать, конкретные проекты», «было бы лучше, если бы выпускники находили себя на территории нашего рынка, но чудес не бывает»*.

Частотное использование средств художественной выразительности порождает экспрессивность восприятия публицистического текста, выявляет аксиологические доминанты и вербализуется:

1) образными метафорами: *«бояться растерять знания», «сортируем первокурсников», «на заседании Совета заострил эту тему», «на свет появилось восемь проектов», «всплеск по поводу Навального»;*

2) сравнениями: *«наш рынок, как кривое зеркало, отображает существующую реальность», «всё равно что ходить голым в многолюдном городе»;*

3) прецедентными высказываниями: *«коллектив – это живой организм»* (из работы советского педагога А.С. Макаренко), *«это не трагедия для выпускника, что он не пошел работать по специальности», «это философия, а если говорить о статистике...»;*

4) эпитетами: *«коварная болезнь», «годовой локдаун», «рекордное количество первокурсников», «знаковые результаты», «знаменательное событие», «дистанционный контроль», «могущественнейший партнер»;*

5) фразеологизмами: *«не испытывать судьбу», «финансируем из последних сил»;*

б) контекстуальной метонимией: *«для НИУ "БелГУ" никогда не заходит солнце»* [Полухин, 2020б];

7) олицетворением: *«уровень трудоустраиваемых выпускников подрастал»*.

Благодаря средствам художественной выразительности усиливается воздействие на адресата и реализуется воздействующая функция как доминанта публицистического стиля.

Прием диалогизации в речи предполагает отсылку к адресату, который является не пассивным, а активным и равноправным участником коммуникации [Михальская, 1996]. В монологической речи диалогизация является средством достижения коммуникативных целей. Диалогизация как коммуникативная стратегия рассматривалась многими учеными, например, Н.Б. Руженцевой [2004], О.С. Иссерс [2008]. С помощью этой стратегии становится возможным привлечь адресата к процессу общения и наладить доверительную связь.

В речи О.Н. Полухина диалог с читателем нацелен не только на привлечение внимания адресата к содержанию речи, но и на приглашение его к сомышлению: *«Кто же на них пойдёт?»* (о высокой стоимости обучения по инженерным специальностям), *«Где вы найдёте такую зарплату?»*.

Следует отметить, что использование местоимений «мы», «наш» вместо «я», «мой» актуализирует приоритетный статус коллектива. Социоцентризм является постоянным мировоззренческим полюсом коммуникативных стратегий О.Н. Полухина. В разгар пандемии Covid-19 «мы», «наш» становятся средством единения участников коммуникации: *«мы с вами – на переднем плане», «самоотверженная работа наших преподавателей и студентов медицинского института и медколледжа», «наши коллеги-женщины»,*

«26 сентября **мы** все вместе отметим 145-летие со дня основания вуза» [Полухин, 2020б], «экономика открывает **перед нами** новые рынки, на которых могут себя найти **наши выпускники**».

Единичны и неслучайны употребления местоимения «я». В первом интервью в качестве ректора НИУ «БелГУ» Олег Николаевич Полухин делится впечатлениями и планами: «**Я** составил план работы на ближайшую перспективу», «Свою задачу **я** вижу в том, чтобы не мешать инициативе, а предоставлять "инициаторам" большую свободу» [С холодной..., 2012].

Следует отметить, что психологические и прагматические факторы речевого поведения обуславливают функционирование коммуникативного стиля. Коммуникативный стиль, по мнению А.В. Болотнова [2008], связан с речевой характеристикой личности, но не ограничивается лексиконом, семантиконом, грамматиконом, стилистическими приемами и другими особенностями, поскольку здесь речь идет как раз о процессуальных характеристиках личности.

Регулятивные средства и структуры рассматриваемой нами языковой личности отражают ее коммуникативный характер. Регулятивная стратегия, которую выделила Н.С. Болотнова [2008], реализует способность адресата интерпретировать деятельность адресанта. Следовательно, регулятивная стратегия – это набор речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной задачи. Выступая на заседании Белгородского отделения Всемирного русского народного собора, О.Н. Полухин предстает яркой публичной личностью, проявляет аналитические способности, эрудицию и интеллект, большую заинтересованность в обсуждаемой теме. В данном случае регулятивные структуры (парцелляция, повторы, синтаксический параллелизм, вопросно-ответный ход) обуславливают тактику прямой оценки и прогнозирования с целью объяснения и доказательства своей позиции: **Мы готовим сегодня кадры, журналистов готовим. Журналисты сегодня во многом формируют общественное сознание и влияют на него. И то, какими они выходят из стен университета, с какими ценностями, с какими принципами, каково их отношение к государству, власти и так далее, – от этого многое зависит: это либо наши завтрашние сторонники или же наши оппоненты, на которых мы деньги потратили, силы вложили, свои знания вложили, а завтра с ними бороться будем на медийном пространстве** [Мохначёва, 2021].

В речи по поводу открытия и старта благотворительного марафона (09.12.2017) «Теплым словом – добрым делом» повторы усиливают личностную оценку происходящих событий: «**Благодарю всех, кто все эти годы занимался этой работой** замечательной, даже это нельзя назвать **работой**, это **движение души и сердца. За то, что вы это движение души и сердца** проявляете, **за то, что вы сами становитесь** лучше, участвуя в этом, и **за то, что** вокруг вас **становится** лучше среда и в целом наша область **становится** лучше и все наше сообщество белгородцев **становится** лучше» [Полухин, 2017].

Еще одним примером активного воздействия на массовую аудиторию (в первую очередь, студентов, преподавателей и сотрудников университета) является цитирование при помощи косвенной речи Ж.Ж. Руссо. Адресант призывает принять участие в благотворительной акции «Теплым словом – добрым делом»: «**Давайте вместе дарить детям праздник, маленькое новогоднее чудо, руководствуясь словами писателя и мыслителя эпохи Просвещения Жан Жака Руссо, который говорил, что именно благодаря добру наша жизнь чего-нибудь стоит**» [Полухин, 2020б].

В тексте, посвященном поздравлению с 8 Марта, автором сообщается секрет успеха женщин, который состоит «в их особенном взгляде». Историческая и гендерная аналогия демонстрирует эмоциональность рассуждений адресанта: «**Дважды лауреат Нобелевской премии, знаменитый физик Мария Кюри-Складовская** говорила, что наука – это великая красота, и сравнивала учёного в лаборатории с ребёнком, на которого явления природы действуют, как волшебная сказка» [Полухин, 2020а].

Называя причины необычайного «всплеска по поводу Навального», адресант затрагивает глобальную тему – объясняет «беду сегодняшней молодежи». Сравнение как регулятивная структура также позволяет адресанту быть убедительным и доказательным в своих суждениях, выступая не только в роли руководителя вуза, но и в качестве аналитика и общественного деятеля: *«Вот пример такой: мы заходим с вами в ближайшую булочную. Если там есть мягкий хлеб, берём белую булку и идём домой. Мы же не обходим ещё с десяток булочных, чтобы пощупать этот хлеб и взять (тот), который нам понравится. Так и молодой человек. Когда он это гуглит, он это видит, берёт пусть и совершенно неправильный, но первый попавшийся ответ. Он для него становится основополагающим, начинаются в соответствии с этим действия».* Отметим, что в начале своего выступления речь адресанта была лишена эмоций и крайностей в оценке политических событий: *«Это стремление взять **самое простое решение**, которое тебе предложат, – вот в чём беда сегодняшней молодёжи. Мы анализировали с психологами, социологами, другими специалистами в области воспитания молодёжи эти явления, которые происходили в связи с Навальным. И все сошлись во мнении, что это вполне естественно, когда **человек инстинктивно экономит свои усилия и идёт на поводу у простейших решений**, которые ему предлагают в тех или иных социальных сетях»* [Мохначёва, 2021]. Регулятивная функция текста иллюстрируется проанализированными примерами и отличается способностью воздействия на читательское восприятие и интерпретационную деятельность.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что коммуникативные стратегии исследуемой языковой личности обусловлены мотивами речевого высказывания. Роль коммуникативных стратегий языковой личности соответствует стратегиям развития университета и воспитательной политики вуза в отношении культурно-нравственного воспитания молодежи и заключается в трансляции базовых человеческих ценностей, таких как знание, наука, образование с целью обозначить свою позицию как руководителя высшего учебного заведения, который заботится о престиже и рейтинге вуза, стремится привлечь наибольшее количество абитуриентов. Оценочные языковые средства отражают степень вовлеченности и равнодушия к острым социально-политическим проблемам общества. Речевые интенции О.Н. Полухина демонстрируют систему социокультурных и индивидуально-авторских ценностей, которые обусловлены лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Ориентация на массового читателя и публичный характер коммуникации предполагают следование определенным правилам, а использование регулятивных средств и структур актуализирует воздействующую на адресата функцию.

Проведенное исследование свидетельствует об уникальности культурно-речевого и коммуникативного стилей на уровне функционирования регулятивных средств и коммуникативных стратегий языковой личности.

Список источников

- Болотнова Н.С. 2008. Коммуникативная стилистика текста. Словарь тезаурус. Томск, Изд-во Томского государственного педагогического университета, 384 с.
- Малова В. 2015. Как заработать миллиард. Олег Полухин подвёл итоги уходящего года и рассказал об особенностях приёмной кампании. Fonar. TV, 18 июня, 2015. URL: <https://fonar.tv/article/2015/06/18/kak-zarabotat-milliard-oleg-poluhin-podvel-itogi-uhodyashego-goda-i-rasskazal-ob-osobennostyah-priemnoy-kampanii> (дата обращения: 01.07.2021).
- Мохначёва В. 2021. Олег Полухин: «Мы никак не заткнём всех тех, кто поливает нас грязью, баламутит нашу молодёжь, призывает её на войну с властью». Fonar. TV, 14 февраля, 2021. URL: <https://fonar.tv/article/2021/02/14/oleg-poluhin-my-nikak-ne-zatknem-vseh-teh-kto-polivaet-nas-gryazyu-balamutit-nashu-molodezh-prizyvaet-ee-na-voynu-s-vlastyu> (дата обращения: 01.07.2021)

- Полухин О.Н. 2020а. Видеть красоту в любом деле. Вести БелГУ, 5 марта, 2020, № 02 (77). URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/148/077.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).
- Полухин О.Н. 2020б. Время – делать добро. Вести БелГУ, 4 декабря, 2020, № 10 (85). URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/c64/085.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).
- Полухин О.Н. 2017. О старте благотворительного марафона. Блог ректора, 12 декабря, 2017. URL: https://bsuedu.ru/bsu/olegpolukhin/blog/index.php?page=post&blog=blog_rector&post_id=ostarte-blagotvoritelnogo-marafona (дата обращения: 02.07.2021).
- С холодной головой и горячим сердцем. 2012. Будни, 5 июля, 2012, № 4 (627). URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/191/627.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).
- Сиротинина О.Б. 2003. Речевая культура. В кн.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожинной. URL: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/140-%D0%A0%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 01.07.2021)
- Тезисы предвыборной программы. Будни, 19 марта. 2012. № 2 (625) URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/91f/625.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).

Список литературы

- Болотнов А.В. 2016. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования. Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 405 с.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. 1993. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие. В кн.: Вопросы стилистики. Межвузовский сборник научных трудов. Проблемы культуры речи. Вып. 25. Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, Издательство Саратовского университета: 9–18.
- Жигулина Т.С. 2021. Языковая личность ректора вуза. *Гуманитарные исследования*, 3(79): 129–133. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-79-3-129-132.
- Иссерс, О.С. 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., Лки, 284 с.
- Калинина Л.В., Наумова Н.Г. 2018. Лингвистическая интерпретация образа человека в свете идей С.В. Черновой: результаты и перспективы. *Вестник гуманитарного образования*, 2: 101–112. DOI: 10.25730/VSU.2070.18.026.
- Клюев Е.В. 1998. Речевая коммуникация. М., Приор, 224 с.
- Михальская А.К. 1996. Основы риторики. М., Просвещение, 416 с.
- Руженцева Н.Б. 2004. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 294 с.
- Чернова С.В., Калинина Л.В. 2010. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение*, 2(2): 8–14.
- Шелестюк Е.В. 2011. Психосоциальный аспект языковой личности. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 24(239): 286–290.

References

- Bolotnov A.V. 2016. Idiostil' informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya [Idiostyle of information and media language personality: communicative and cognitive aspects of the study]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Tomsk, 405 p.
- Gol'din V.E., Sirotnina O.B. 1993. Vnutrinatsional'nye rechevye kul'tury i ikh vzaimodeystvie [Intranational speech cultures and their interaction]. In: Voprosy stilistiki [Questions of Stylistics]. Interuniversity collection of scientific papers. Problemy kul'tury rechi [Problems of speech culture]. Iss. 25. Ed. O.B. Sirotnina. Saratov, Publ. Saratovskogo universiteta: 9–18.
- Zhigulina T.S. 2021. The language personality of the university rector. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(79): 129–133. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-79-3-129-132.
- Issers, O.S. 2008. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. M., Lki, 284 p.
- Kalinina L.V., Naumova N.G. 2018. Linguistic interpretation of the human image in light of S.V. Chernova's ideas: results and prospects. *Herald of humanitarian education*, 2: 101–112 (in Russia). DOI: 10.25730/VSU.2070.18.026.
- Klyuev E.V. 1998. Rechevaya kommunikatsiya [Speech communication]. M., Publ. Prior, 224 p.

- Mikhail'skaya A.K. 1996. *Osnovy ritoriki* [Fundamentals of Rhetoric]. M., Publ. Prosveshchenie, 416 p.
- Ruzhentseva N.B. 2004. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, Publ. Ural gos. ped. un-t, 294 p.
- Chernova S.V., Kalinina L.V. 2010. Interpretation of Human Image as a Linguistic Problem. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*, 2(2): 8–14.
- Shelestyuk E.V. 2011. Psikhosotsial'nyy aspekt yazykovoy lichnosti [Psychosocial Aspect of Linguistic Personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 57. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 24(239): 286–290.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.05.2022
Поступила после рецензирования 19.10.2022
Принята к публикации 10.12.2022

Received May 21, 2022
Revised October 19, 2022
Accepted December 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жигулина Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana S. Zhigulina, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 10.02.20

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165

Особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации

Нурмухаметов А.Н.

Югорский государственный университет
Россия, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16
E-mail: artemnurm@gmail.com

Аннотация. Актуальность данного исследования состоит в необходимости признать сложность создания текста, идентичного исходному, содержащему уникальные для реципиента представления. Подчеркивая значимость лексических задач, необходимо признать важность культурологического и психологического аспектов в работе с безэквивалентной лексикой. Восприятие лакун в двух языковых концептосферах определяется не только возможностью подбора более или менее «вменяемого» представления о концепте, но и его адекватности в конкретном акте коммуникации. До сих пор в лингвистике не разработано единых критериев создания идентичного перевода. В отдельных случаях универсальные стратегии бесполезны. Цель данного исследования рассмотреть особенности передачи безэквивалентной лексики, определив оптимальные способы преодоления информационного барьера в диалоге культур. Результаты работы доказывают, что основной причиной появления лакун при переводе безэквивалентной лексики является не отсутствие релевантных лексических единиц, а разница концептуального видения у представителей двух лингвокультур.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, языковые реалии, лингвокогнитивные особенности, диалог культур, когнитивная структура, эквивалентный перевод, адекватный перевод

Для цитирования: Нурмухаметов А.Н. 2023. Особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 157–165. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165

Features of Translation of Non-Equivalent Language Units in Intercultural Communication

Artem N. Nurmuhametov

Yugra State University,
16 Chekhova St, Khanty-Mansiysk, 628012, Russia
E-mail: artemnurm@gmail.com

Abstract. The relevance of this study lies in the need to recognize the complexity of creating a text identical to the original, containing unique representations that are unique to the recipient. Emphasizing the importance of lexical tasks, it is necessary to recognize the importance of cultural and psychological aspects in working with non-equivalent vocabulary. Thus, the perception of lacunae of two linguistic conceptual spheres is determined not only by the possibility of selecting a more or less "sane" idea of the concept, but also by its adequacy in a particular act of communication. So far, linguistics has not developed unified criteria for creating an identical translation. In some cases, universal strategies are useless. The purpose of this study is to consider the features of the transfer of non-equivalent vocabulary, determining the optimal ways to overcome the information barrier in the dialogue of cultures. The results of the work prove that the main reason for the appearance of lacunae in the translation of non-equivalent

vocabulary is not the absence of relevant lexical units, but the difference in conceptual vision among representatives of the two linguistic cultures.

Keywords: non-equivalent vocabulary, linguistic realities, linguocognitive features, dialogue of cultures, cognitive structure, equivalent translation, adequate translation

For citation: Nurmhametov A.N. 2023. Features of Translation of Non-Equivalent Language Units in Intercultural Communication. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 157–165 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165

Введение

Не вызывает сомнения, что создание адекватного перевода во многом упрощает диалог культур. Однако проблема релевантности переводимых текстов во многом определяется культурологическими и психологическими факторами, поскольку разное видение окружающих реалий во многом предопределяет смысл, заложенный в сообщении. Часто такое общение осложняется из-за отсутствия самого представления, либо иной трактовкой схожих феноменов. Безэквивалентная лексика представляет собой наибольшую трудность для переводчика, которому необходимо сгладить барьер между лингвокультурами, создав приемлемый вариант для обоих участников. Наличие лакун как свидетельства уникальности языкового кода нации требует особого внимания при создании текста, поскольку именно этот пласт безэквивалентной лексики представляет собой «зыбкую почву» для переводчика, цель которого – не только объяснить необъяснимое, но и сделать частью культуры реципиента хотя бы в отдельном случае коммуникации.

Исследование проблемы перевода безэквивалентной лексики имеет долгую историю в отечественном и зарубежном языкознании. Тем не менее, данная тематика требует подробного изучения. Во-первых, классические теории предлагают только ограниченный круг стратегий: описательные конструкции, транслитерации и т.д.; во-вторых, все большую силу набирает лингвокогнитивный подход в изучении языковых реалий (Попова, Стернин, Тучинский, Великолуг); в-третьих, современный этап развития общества, несмотря на стремление к интеграции, представляет собой плодородную почву для рождения лакун, обозначенных социальными и культурными явлениями и препятствующих диалогу культур, что может быть положено в основу дальнейших исследований.

Гипотезой исследования является предположение о том, что только лингвокогнитивные особенности языковой концептосферы могут являться релевантным условием передачи безэквивалентной лексики для обоих участников диалога культур.

Безэквивалентная лексика – феномен диалога культур

Признание значимости языка как зеркала культуры имело место еще в античные времена. Его природу можно расценивать в разных плоскостях, в том числе и как проявление условий и обстоятельств жизни народа-носителя в совокупности всего исторического периода его существования. Связь языка и культуры отражена прежде всего в его лексическом составе. Лингвистическая самобытность заключена в особенностях номинаций, которые при межкультурных контактах не всегда поддаются не только переводу, но и требуют изыскания возможности и способа введения самого понятия, а не просто возможного иноязычного дубликата языковой единицы.

Безэквивалентная лексика «является важнейшим средством информации об окружающей действительности, истории, культуре и быте народа и, как следствие, содержит информацию высокой культуроведческой ценности» [Влахов, 1980]. Анализ результатов исследования А.В. Тучинского позволяет заключить, что в любом языке безэквивалентная лексика обнаруживается только при проецировании когнитивной структуры одного языка

на другой язык... только процесс межкультурной коммуникации позволяет обнаружить лакуну, потому что в родном языке говорящий ее не замечает [Тучинский, 2021]. Исходя из данной точки зрения, можно предположить, что именно безэквивалентная лексика сохраняет в себе уникальность концептосферы народа в ее языковой реализации. Таким образом, только погружение в когнитивную среду другого, часто имеющего кардинально противоположенные или разительно отличающиеся представления о концептуальном проявлении действительности, позволяет создать в большей или меньшей степени приближенный перевод. В том числе это объясняется тем, что имеет место разность коннотаций даже при предположительном сходстве денотативных значений, представленных в универсальных концептах культур разных народов.

Диалог культур – явление разностороннее и неоднозначное. В первую очередь это объясняется тем, что в процесс вовлечены и передаваемые через поколения гены нации – заложенные в менталитет представления о единичных фактах реальности, в целом представляющие собой культурное наследие народа.

Интерпретация понятия «культура» подвержена влиянию современного состояния общества – человек сам формирует ценности, расставляя приоритеты и определяя нормы, а следовательно, может дать и новое определение элементам, содержащим в себе культурный и социальный код нации или человечества в целом. Культура имеет двоякую позицию – можно интерпретировать ее внешнюю оболочку, подверженную изменениям, а соответственно, и процессу интерференции новых языковых единиц, необходимых в качестве терминов для ее описания. При этом внутреннее ядро – культурное богатство и наследие – прочно срослось, сохраняя возможность бесконечного развития. «Данная возможность реализуется деятельностью человека, способного обогащать и актуализировать те неповторимые смыслы, которые он обнаруживает в явлениях культуры. Это свидетельствует о постоянном обновлении в процессе динамики культуры»¹. Социальное и культурное развитие – естественное состояние общества, и для корректного понимания заложенных в основу этого «механизма» концептов необходимо учитывать симбиоз национального и интернационального аспектов. Одновременно общество – это множество индивидуумов, каждый из которых по-своему, с пристрастием оценивает окружающий мир. Критическое мышление предполагает умение анализировать, осмысливать и систематизировать с точки зрения и позитивного, и негативного выявления реалий, но в любом случае пренебрежение любыми культурными традициями (национальными и общечеловеческими) – путь к обструкции и стагнации.

Коммуникация – процесс обмена информационными сообщениями любой наполненности, представленными в форме текста. Признание факта уникальности народов в силу расхождений их языковых кодов подводит к принятию положения, что тексты на различных языках никогда не могут быть абсолютно равнозначными. Смысл текста не заключен в суммарном значении языковых единиц, его конструирующих. Приоритет принадлежит контексту как маркеру уникальности культурного кода, частью которого является естественный язык.

Идентификация слов-реалий в тексте и способы их передачи

Лингвокультурология представляет собой отрасль языкознания, которая сочетает в себе как изучение языка в целом, так и погружение в языковую среду изучаемого языка: в культуру, страноведение, традиции, историю – все то, что в совокупности создает уникальное, ни с чем не сравнимое явление лингвистической интерпретации концептосферы нации.

---

¹ Культура как предмет философского анализа. Философия культуры и культурология. 2019. Файловый архив студентов. URL: <https://studfile.net/preview/9436608/page:30/> (дата обращения: 04.12.2022).

Главной задачей лингвокультурологии является познание тех единиц языка и экстралингвистических явлений, которые наиболее ярко отражают национальные особенности иностранной культуры. Данные лексические единицы представляют собой слова-реалии.

Реалии – это слова, обозначающие предметы и явления материальной и духовной культуры, быта народа, его истории и государственных институтов, семантика которых полностью или частично отличается от значения соответствующих слов получателя переводимого текста. Таким образом «национальная специфика проявляется в близких концептах разных культур в неполном совпадении содержания сопоставимых концептов» [Попова, Стернин, 2001].

Обратимся к примеру регионализма. Часто в пределах одного государства, при едином государственном языке, общение на котором, не должно представлять собой сложности для народностей и этнических групп, сохраняются этнонациональные особенности языков. «Не раз отмечались черты близости индоевропейских языков с семитическими, кавказскими, угро-финскими, алтайскими, что естественным образом ставит проблему родства языков или же заимствования» [Жамсаранова, 2013]. Опираясь на примеры языковых единиц финно-угорской лексики, приведенные в работе Р.Г. Жамсарановой, можно говорить о практически эквивалентных единицах с семой сивер – северный; арх. – северный ветер; вост.-сиб. – северный склон горы. «В бурятском языке существует синонимичное (полностью эквивалентное) слово *жабар* – ветер-верховик – не сильный, но резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади; *жавар* – резкий, холодный ветер, но ассоциация с семой сивер прослеживается, поскольку холодный ветер ассоциируется именно с северным» [Жамсаранова, 2013].

В современном языкознании термин «реалия», сочетающее в себе конвенциональность и уникальность, занимает особое место, представляя собой не только факт существования или наличия, но и совокупность представлений о нем. Согласно одному подходу, реалии – это культурно-маркированные слова расширенного значения, согласно другой точке зрения, реалии воплотили в себе образ самого существования языка – носителя культурных ценностей: быт, мировоззрение, социальная жизнь и т.п. Исходя из этого, вполне обоснованно сделать акцент на значимости одного из субъектов трансляции «информационной соты», т. к. переводчик является «культурным медиатором, который помогает в общении заполнять когнитивные и коммуникативные лакуны, возникающие при наложении языковых «картин мира» отправителя и получателя речи» [Воркачев, 2003].

При классификации реалий традиционно выделяют: 1) ономастические реалии: топонимы и антропонимы (например, имена собственные); 2) реалии общественно-политической жизни; 3) социальной жизни и религии; 4) географические реалии (чаще термины и названия-определения); 5) этнографические реалии: уникальные лексемы, описывающие быт определенного народа.

Существует множество способов введения единиц безэквивалентной лексики в принимающий язык. В первую очередь выделяют аутентичные тексты – кладезь культуры и традиций конкретной нации, исторической эпохи, жизни индивида. При переводе происходит адаптация текста к новому получателю, которая является причиной изменений в информации, содержащейся в исходном тексте. Учет функциональной роли, которую играет реалия в том или ином сообщении, является важнейшим принципом прагматического аспекта перевода.

Лингвокогнитивные особенности перевода безэквивалентной лексики

С одной стороны, нельзя оспаривать тот факт, что при профессионально переводческой деятельности имеет место узкая специфика. Это ошибочно может натолкнуть на мысль, что развитие лингвокультурных умений и навыков вторичной языковой, или линг-

вокультурной, личности предполагает ограниченное рамкой спецификации направление работы. Но тем не менее сохраняется острая необходимость в системе упражнений общелингвистического характера – рецептивных, продуктивных, аналитических, позволяющих не только овладеть общими социально-прагматическими и специальными, профессиональными лингвокультурными умениями и навыками, но и научиться моделировать ситуации их проявления. Таким образом, умение представления и передачи безэквивалентной лексики и реалий в ходе межкультурной коммуникации является одним из важнейших условий. «Для элиминирования – заполнения и компенсации – лакун следует научиться подбирать оптимальный способ перевода: транслитерацию, описательный, трансформационный, приближенный виды перевода, калькирование и др.» [Великолуг, 2021].

Резюмируя вышесказанное, приходим к утверждению, что безэквивалентная лексика представлена на всех языковых уровнях, ее перевод – сложнейший процесс, в котором переводчику необходимо пройти все этапы переводческого процесса [Горшенина, Царан, 2018]. При этом целесообразно добавить к данному списку классифицирующую единицу, предложенную Л.С. Бархударовым, который выделяет «случайные лакуны» как «отдельную группу, понимая под этим явлением «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [Гасанова, 2018]. Однако на современном этапе развития человечества в целом, основным показателем которого являются стремительные потоки «рождающихся в мгновение ока информационных волн», можно говорить о зарождении безэквивалентной лексики на уровне неологизмов. С одной стороны, она вроде бы понятна носителю языка-реципиента, поскольку имеет общечеловеческий культурный фон. Но, с другой стороны, полное понимание составляющих частей неологизма создает только общее восприятие номинативной единицы, в то время как эквивалента в языке-реципиенте нет. Отдельно взятое слово находится в зависимости не только от идеи или смысла коммуникативного акта, но и от «концептуального зачатка», дающего этой идее развитие. В таком случае возникает необходимость учитывать внутреннюю подоплеку контекста, «который определяет выбор того или иного соответствия при переводе или отказ от использования известных соответствий и необходимость поиска иных способов перевода» [Никулина, Чусовлянова, Алексеева, 2021]. Предположительная многозначность некоторых языковых единиц представляет собой проблему выбора из множества потенциальных значений. Особенно ярко это проявляется на уровне безэквивалентной лексики, представленной в виде фразеологизмов и паремий.

Например, на фоне пандемии в английском языке появилось слово COVIDIOT (человек, чьи действия создают искусственный дефицит из-за стремления закупить в огромном количестве товары, нужные или нет, в период пандемии). Однако в данной ситуации следует обратить внимание на важное обстоятельство: даже для человека, не знающего английский язык, доступно значение составляющих частей: COVID и IDIOT. При этом аналога в русском языке, способного передать смысл, нет. Трансляция значения данного слова-реалии проходит на уровне перцепции, а перевод возможен не только за счет описательной конструкции, но и смыслового «перекраивания» структуры части или всего текста для полноценной передачи смысла. Однако к случайной лакуне эту языковую единицу также отнести нельзя, поскольку обе составляющие данной единицы присутствуют в составе двух языков (в случае данного примера оригинальный язык – английский, реципиент – любой из европейских языков), имея при этом максимально идентичное денотативное значение. В случае приведенного примера, на основе реалий и национального менталитета, к ним приравнена иронизирующая фраза «скупающие гречку», поскольку именно крупы, особенно гречневая, составляют «запас стратегического значения» у русских. Со-

ответственно, «лексическая лакуарность вносит свой вклад в обеспечение национального своеобразия лексико-фразеологической системы языка» [Сафарова, 2018].

Еще одним примером трудности перевода безэквивалентной лексики является сохранение концепта, транслируемого в иноязычную среду. Так, представление американцев о русских, отраженное в кинофильмах, художественной литературе 90-х гг. прошлого века, сохраняется во многом и в настоящее время: [matrj'oʃka], [u'ʃanka], [to'variftʃ], ['vodka], [bala'laika]. До сих пор они являются маркерами «русских варваров», что подсознательно указывает на исторические корни противостояния капиталистов и коммунистов, поскольку транскрибированные безэквивалентные лексические единицы употребляются в отрицательной коннотации.

Другим ярким примером трудности перевода безэквивалентной лексики является выражение «ходить на цырлах». Действительно в основе данного жаргонизма лежит значение «передвигаться бесшумно на пальцах ног», что и передается дословно в переводе как *on toes*. Но на самом деле значение данного примера тюремной лексики «шестерить» (тоже чисто русское выражение), «пресмыкаться».

Исходя из представленных выше примеров, можно заключить, что лингвокогнитивный аспект перевода заключен в необходимости анализа концептуальной структуры текста. При этом понимание текста состоит из концепции транслируемого значения безэквивалентной единицы и способа ее «внедрения» в принимающий язык с учетом личностного смысла. Важная роль отводится когнитивным опорам (ключевым словам), структурным опорам (сильным позициям, макроструктуре), учитывается ситуативная и темпоральная составляющая порождения и восприятия текста.

Понимание текста обусловлено аудиторией и подготовленностью самого переводчика. Культурологическая концепция перевода подразумевает принадлежность текста к двум культурам – языку оригинала и языку реципиента, что обусловлено в различиях языковых картин мира и своеобразии менталитета. Для понимания механизма решения проблемы подобного перевода важно определить место того или иного культурно-специфического смысла в концептуальной системе автора, переводчика и реципиента, а также учесть переходы и трансформации, происходящие в системе культурно специфического в различных коммуникативных ситуациях [Мягкова, 2019].

Рассматривая проблему создания «равносильного» текста на языке реципиента, необходимо учитывать два аспекта его создания: является ли эквивалентный перевод адекватным; возможно ли создание подобных текстов при единицах, «выпадающих» из общего представления культур. С одной стороны, эквивалентность достигается на уровне цели коммуникации, что можно рассматривать как адекватную передачу смыслового содержания концепта при рациональном использовании средств его репрезентации [Ян Цзы, 2021]. Адекватный перевод – гармоничное отражение плана содержания концепта, облаченного в форму языковой единицы, с планом ее выражения согласно нормам языка реципиента, что чаще всего реализуется в переводческих трансформациях [Бачиева, Кравченко, 2018].

Заключение

В результате изучения проблемы возможности перевода, отражающего смысловую наполненность текста на иностранном языке, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, создание текста перевода полностью идентичного тексту оригинала – совпадающего по уникальности, смысловому наполнению, лексическому составу, культурологической составляющей с затронутой автором проблемой, представляет собой трудность для переводчика, поскольку даже отклонение от одной из составляющих приведет к нарушению целостности оригинала в принимающем языке. Во-вторых, перевод безэквивалентной лексики путем использования возможных способов передачи плана содержания

концептуального ядра (описательные конструкции, транслитерация, использование приблизительно подходящего варианта из языка реципиента), во многом определяет план выражения в языке другой культуры. Это приводит к тому, что особое внимание при переводе лингвоконцептуальных лакун требует разграничения категорий эквивалентности и адекватности, поскольку в переводе не все адекватно, «что является эквивалентным и, наоборот, не все эквивалентно, что является адекватным» [Дворак, 2018].

Таким образом, можно заключить, что дословный перевод текста с безэквивалентной лексикой невозможен. Слова-реалии, лакуны, неологизмы, порожденные одним языком со схожим денотативным и коннотативным значением в другом, в межкультурной коммуникации могут быть реализованы в тексте только с учетом культурологических особенностей языковой картины мира принимающего языка посредством представленных в данной языковой концептосфере «лингвистических инструментов». Исходя из этого, одним из перспективных направлений в лингвистике является изучение особенностей перевода безэквивалентной лексики как маркера национально обусловленных интерференций в межкультурной коммуникации. Таким образом, безэквивалентная лексика может рассматриваться в разрезе отображения и обозначения существующих реалий в иноязычной среде, тем самым определяя специфику взаимоотношений стран в диалоге культур.

Список литературы

- Бачиева Р.И., Кравченко Л.Н. 2018. Главная цель перевода – адекватность или эквивалентность? В кн.: Лингвистические и психологические особенности преподавания иностранных языков. Сборник материалов межвузовской научно-методической конференции, Ростов-на-Дону, 25 января 2018 года. Под ред. Ю.Б. Нектаревской, Г.Д. Скар, Н.Д. Агафоновой, Я.С. Морозовой, Е.Ю. Сорокиной. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовский государственный медицинский университет: 26–34.
- Великолуг Л.Г. 2021. Лингвокультурологические знания как неотъемлемая часть межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся иностранным языкам. Вестник Московского государственного лингвистического университета. *Образование и педагогические науки*, 4(841): 68–77. DOI: 10.52070/2500-3488_2021_4_841_68
- Влахов С., Флорин С. 1980. Непереводимое в переводе. Под ред. В. Россельса. М., Международные отношения, 343 с.
- Воркачев С.Г. 2003. Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия. Вестник *Московского государственного областного университета*, 4: 88–93.
- Гасанова Ш.М. 2018. К проблеме перевода безэквивалентной лексики. В кн.: Язык и мир изучаемого языка: сборник научных статей. Т. 9. Под ред. А.А. Зарайского, Е.А. Елиной, С.П. Хижняка. Саратов, Издательство Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова: 267–270.
- Горшенина А.В., Царан А.А. 2018. Проблема адекватности и эквивалентности перевода. В кн.: Вектор развития современной науки. Сборник трудов XXX международной научно-практической конференции, Москва, 25 января 2018 года. Астрахань, Издательство Научный центр Олимп: 26–27.
- Дворак Е.В. 2018. Переводческая эквивалентность и прагматический потенциал перевода. В кн.: Научные исследования: теория, методика и практика. Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Чебоксары, 29 января 2018 года. Под ред. Т.В. Яковлевой. Чебоксары, Издательство Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»: 265–268.
- Жамсаранова Р.Г. 2013. Регионализмы как явление этноязыкового субстрата. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 8 (99): 87–99.
- Мягкова В.А. 2019. Перевод культурно-специфических смыслов поэтического текста как психолингвистическая проблема. Вестник Московского государственного лингвистического университета. *Гуманитарные науки*, 4(820): 256–268.

- Никулина Д.Н., Чусовлянова С.В., Алексеева И.С. 2021. Поиск соответствий на семантическом уровне эквивалентности в научном тексте при переводе. *Евразийское Научное Объединение*, 6-6(76): 479–482.
- Попова З.Д., Стернин И.А. 2001. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, Истоки, 191 с.
- Сафарова З.А. 2018. Особенности перевода безэквивалентной лексики (лакун) на русский язык. В кн.: Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Вып. 25. Под ред. Т.М. Сигитова. Пермь, Издательство ИП Сигитов Т.М.: 89–90.
- Тучинский А.В. 2021. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения как феномен диалога культур. В кн.: Язык и межкультурные коммуникации. Сборник научных статей. Под ред. В.Д. Старичёнка. Минск, БГПУ: 292–296.
- Ян Цзы. 2021. Проблемы эквивалентности перевода для адекватной передачи концепта «герой». *Инновации. Наука. Образование*, 46: 2038–2053.

References

- Bachieva R.I., Kravchenko L.N. 2018. Glavnaya tsel' perevoda – adekvatnost' ili ekvivalentnost'? [The main goal of translation – adequacy or equivalence?] In: *Lingvisticheskie i psikhologicheskie osobennosti prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistic and psychological features of teaching foreign languages]. Collection of materials of the interuniversity scientific and methodological conference, Rostov-on-Don, January 25, 2018. Eds. Yu.B. Nektarevskaya. Rostov-na-Donu, Publ. Rostovskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet: 26–34.
- Velikolug L.G. 2021. Linguocultural knowledge as an object of research in linguodidactics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 4(841): 68–77 (In Russian). DOI: 10.52070/2500-3488_2021_4_841_68
- Vlakhov S., Florin S. 1980. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Ed. V. Rossel's. M., Publ. Mezhdunarodnye otnosheniya, 343 p.
- Vorkachev S.G. 2003. Kul'turnye kontsepty i perevod: makarizmy v tekste Evangel'iya [Cultural Concepts and Translation: Makarisms in the Gospel Text]. *Bulletin of Moscow Region State University*, 4: 88–93.
- Gasanova Sh.M. 2018. K probleme perevoda bezekvivalentnoy leksiki [On the problem of translating non-equivalent vocabulary]. In: *Language and the world of the studied language: Collection of scientific articles*. Vol. 9. Eds. A.A. Zaraysky. Saratov, Publ. Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova: 267–270.
- Gorshenina A.V., Tsaran A.A. 2018. Problema adekvatnosti i ekvivalentnosti perevoda [The problem of the adequacy and equivalence of translation]. In: *Vektor razvitiya sovremennoy nauki* [Vector of the development of modern science]. Proceedings of the XXX International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 25, 2018. Astrakhan', Publ. Izdatel'stvo Nauchnyy tsentr Olimp: 26–27.
- Dvorak E.V. 2018. Perevodcheskaya ekvivalentnost' i pragmaticheskiy potentsial perevoda [Translation equivalence and the pragmatic potential of translation]. In: *Nauchnye issledovaniya: teoriya, metodika i praktika* [Scientific Research: Theory, Methods and Practice]. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, January 29, 2018. Ed. T.V. Yakovleva. Cheboksary, Publ. Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus»: 265–268.
- Zhamsaranova R.G. 2013. Regionalisms as phenomenon of ethno linguistic substrate. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 8(99): 87–99.
- Myagkova V.A. 2019. Rendering culturally specific meanings of poetic texts as a psycholinguistic issue. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 4(820): 256–268.
- Nikulina D.N., Chusovlyanova S.V., Alekseeva I.S. 2021. Poisk sootvetstviy na semanticheskom urovne ekvivalentnosti v nauchnom tekste pri perevode [Search for correspondences at the semantic level of equivalence in a scientific text during translation]. *Evraziyskoe Nauchnoe Ob"edinenie*, 6-6(76): 479–482.
- Popova Z.D., Sternin I.A. 2001. Oчерки по когнитивной лингвистике [Essays in Cognitive Linguistics]. Voronezh, Publ. Istoki, 191 p.
- Safarova Z.A. 2018. Osobennosti perevoda bezekvivalentnoy leksiki (lakun) na russkiy yazyk [Features of the translation of non-equivalent vocabulary (lacunae) into Russian]. In: *Razvitie sovremennoy*

nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Development of Modern Science: Theoretical and Applied Aspects]. Collection of scientific articles of students, undergraduates, graduate students, young scientists and teachers. Iss. 25. Ed. T.M. Sigitov. Perm', Publ. IP Sigitov T.M.: 89–90.

Tuchinskiy A.V. 2021. Bezekvivalentnaya leksika s natsional'no-kul'turnoy spetsifikoy znacheniya kak fenomen dialoga kul'tur [Non-equivalent vocabulary with national and cultural specifics of meaning as a phenomenon of the dialogue of cultures]. In: Yazyk i mezhkul'turnye kommunikatsii [Language and Intercultural Communications]. Collection of scientific articles. Ed. V.D. Starichenok. Minsk, Publ. BGPU: 292–296.

Yan Tszy. 2021. Problemy ekvivalentnosti perevoda dlya adekvatnoy peredachi kontsepta “geroy” [Problems of translation equivalence for adequate transfer of the concept “hero”]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 46: 2038–2053.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 4.11.2022

Received November 4, 2022

Поступила после рецензирования 2.03.2023

Revised March 2, 2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нурмухаметов Артем Начибович, аспирант,
Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия

Artem N. Nurmuhametov, Postgraduate Student,
Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

УДК 81+004.6

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса

Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: sarkisova@data.tsu.ru; jalexandrova@data.tsu.ru

Аннотация. Особенности лингвопрагматики обнаруживают интересное воплощение в неформальной коммуникации. В коммуникации российских студентов в социальных сетях, посвящённой организации образовательной деятельности, очевидно наличие оппозиции «мы – они», более типичной для политического дискурса и соответственно привлекающей внимание исследователей именно в аспекте политической лингвистики. Авторами на большом эмпирическом материале прослежены особенности языковой экспликации данной оппозиции в студенческих сообщениях периода пандемии в наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте». Цель исследования – выявить особенности лингвистической экспликации данной оппозиции и декодировать прагматические установки авторов сообщений на большом эмпирическом материале. Анализируются такие особенности лингвистической экспликации оппозиции «мы – они», как лексические репрезентанты данной дихотомии, метонимические переносы часть – целое (индивид – группа; частный случай – общая закономерность), регулярные выступления от коллективного лица, обращения к группе, риторические вопросы, негативные оценки, манипуляции, групповые нарративы, ирония и сарказм (средства дискредитации оппонентов), речевая агрессия и др. Результаты представляют интерес как в аспекте выявления особенностей речевого поведения личности и коллективного, массового мироощущения в условиях «своей» аудитории, так и в плане исследования специфики речевого воздействия в разных типах дискурса.

Ключевые слова: оппозиция «мы – они», стратегии речевого воздействия, социальные сети, студенческие сообщества, онлайн-коммуникация, групповое языковое сознание, коммуникативное поведение

Для цитирования: Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К. 2023. Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 166–176. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Linguistic Explication of the Opposition “We – They” in the Informal Communication of Russian Students

Anna Yu. Sarkisova, Yuliya K. Alexandrova

National Research Tomsk State University,
36 Lenin Av., Tomsk 634050, Russia

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru; jalexandrova@data.tsu.ru

Abstract. Features of linguistic pragmatics reveal interesting embodiment in informal communication. In Russian students' social networks communication on the organization of educational activities the presence of the opposition "we – they" is obvious despite being more typical of political discourse. The article uses extensive empirical material to trace the features of the linguistic explication of this

opposition in the messages of students during the pandemic in the most popular Russian social network “VKontakte”. The purpose of the study is to identify the features of the linguistic explication of this opposition and decode the pragmatic attitudes of the authors of messages on a large empirical material. The texts contrast students as recipients of educational services (“we”) and university employees who organize the educational process (“they”). The specificity of rhetoric is determined by the unambiguous orientation to “their” audience. The pragmatic intentions of the authors is to find support, express solidarity, express emotions. Messages are distinguished by some theatricality and carnivalism. The characteristic of the “we” group is weakly manifested (in contrast to political discourse), the subject of discussion-criticism in the vast majority of messages is “they”. The article analyzes such features of the linguistic explication of the opposition “we – they” as lexical representatives of this dichotomy, metonymy “part – whole” (“individual – group”; “special case – general pattern”), permanent speeches from a collective person, appeals to a group, rhetorical questions, negative assessments, manipulations, group narratives, irony and sarcasm (means of discrediting opponents), verbal aggression, etc. The results are of interest both in terms of identifying the features of the individual’s speech behavior and the collective, mass worldview in the conditions of “one’s own” audience, and in terms of research specifics of speech impact in different types of discourse.

Keywords: “we – they” opposition, speech impact strategies, social networks, student communities, online communication, group consciousness, communicative behavior

For citation: Sarkisova A.Yu., Alexandrova Y.K. 2023. Linguistic Explication of the Opposition “We – They” in the Informal Communication of Russian Students. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 166–176 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Введение

Социальные сети, будучи пространством публичной коммуникации, в полной мере отражают типовые речевые модели и стратегии медиадискурса.

Одним из приёмов, реализующих, как правило, стратегические задачи дискредитации оппонентов и поддержания солидарности с группой, является концептуальная оппозиция «свой – чужой» и её частная реализация – оппозиция «мы – они». Признаваемый «фундаментальный характер данной оппозиции определяется ее участием в формировании всевозможных представлений о бинарной структуре мира, а также о ее организованности по принципу «своё – чужое»» [Иванова, 2016, с. 63] (см. также [Егоров, 2020; Пономаренко и др., 2020; Салимова, 2021]). Поляризация групп и сообществ провоцирует определённый тип коммуникации и коммуникативных реакций [Moscatelli, Rubini, 2021; Wojcieszak et al., 2022].

Оппозиция «мы – они» находит наиболее яркое выражение в политическом дискурсе [Шейгал, 2004; Красильникова, 2005; Алиева, 2013; Григорьева, 2020; Гридина, Коновалова, 2021]. В политической коммуникации рассматриваемая бинарная оппозиция является ядерной: стратегия неизменно состоит в выгодной репрезентации «своих» с целью получения определённых политических дивидендов, привлечения сторонников, укрепления идеологической позиции среди целевой аудитории, с одной стороны, и создании негативных моделей восприятия «чужих», с другой стороны.

Представляют интерес особенности функционирования и репрезентации оппозиции «мы – они» не в политическом дискурсе, а в коммуникации, по умолчанию свободной от обязательного разграничения сфер интересов.

Важно отметить, что в студенческих сообществах социальных сетей в принципе традиционно высока степень экспрессивности общения, при этом преобладают высказывания негативной тональности. Отчасти это проявление специфики коммуникации в социальных сетях в целом: исследователи называют социальные сети «жалобной книгой» и подчёркивают, что в социальных сетях пользователи намного более склонны высказываться негативно [Щекотин и др., 2020, с. 81–82]. Отмечают также возрастной фактор – склонность

к максималистским суждениям и относительно низкий уровень толерантности молодёжи, провоцирующие оппозицию «мы – они» в коммуникации студентов [Кардинская, 2019].

Даже с учётом этих объективных факторов в современных российских студенческих пабликах социальных сетей, посвящённых проблемам обучения в вузе, очевидно резко выраженное противопоставление студентов («своих») – лицам, ответственным за организацию учебного процесса, – прежде всего преподавателям, а также руководителям организаций и учебных подразделений, методистам кафедр, представителям отдела расписания и др.

Актуальность исследования обусловлена 1) интересом междисциплинарного научного знания к особенностям группового языкового сознания современных российских студентов в контексте социально значимых проблем, связанных со сферой высшего образования, пандемией, молодёжным восприятием статусно-ролевых отношений и институций; 2) изучением лингвистических механизмов речевого воздействия и коммуникативного поведения в «своей» среде; 3) ролью социальных сетей в современной коммуникации и формировании общественного мнения; 4) привлечением эмпирии больших данных, введением в научный оборот нового аутентичного материала; 5) слабой проработанностью оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации в лингвистическом аспекте.

В данной работе исследуется специфика экспликации оппозиции «мы – они» в представленных в социальной сети «ВКонтакте» студенческих сообщениях (постах), посвящённых вопросам организации учебной деятельности в период пандемии. Цель исследования – выявить особенности лингвистической экспликации данной оппозиции и декодировать прагматические установки авторов сообщений на большом эмпирическом материале.

Объекты и методы исследования

Источником послужили университетские паблики социальной сети «ВКонтакте» авторами которых являются, как правило, студенты данных учебных заведений, существенно реже – выпускники, преподаватели и сотрудники. Контент сообществ был извлечён с помощью открытого API. Извлечённый контент охватывает 548 вузов Российской Федерации, 2 168 пабликов «ВКонтакте», около 2 млн сообщений. Период выборки: с 1 сентября 2020 г. по 31 июля 2021 года.

С помощью программного обеспечения PolyAnalyst¹, функционирующего на базе суперкомпьютера НИ ТГУ «СКИФ Cyberia» и доступного через Центр коллективного пользования, была проведена первичная обработка данных: из массива удалены сообщения, не содержащие текстовый контент (только картинка), и тексты объёмом менее 50 символов. Далее для сокращения ручной разметки с помощью слов-маркеров удалены нерелевантные сообщения, например, различные объявления (покупка/продажа/обмен вещей, аренда жилья и т.д.). На следующем этапе была проведена ручная разметка постов и комментариев пользователей по тематическим категориям с присвоением тональности (нейтральная/позитивная/негативная). Были выделены следующие тематики: 1) «учебная вовлеченность и взаимодействие с профессорско-преподавательским составом», 2) «стресс и психологическое благополучие», 3) «социальная сфера», 4) «финансы».

Для настоящего исследования в качестве материала выбраны сообщения первой группы, включающие в себя мнения студентов по поводу учебного процесса и работы преподавателей, в том числе затрагивающие системные проблемы организации образовательного процесса (сессия, домашние задания, лекции, самостоятельная работа студентов, экзамены, дедлайны, документооборот, техническое обеспечение учебного процесса, личные кабинеты, канал Интернета и т.д.), отношение к преподавателям / научным руководителям и качеству преподавания в вузе, коммуникации между преподавателями и студентами. К данной категории отнесено 1 058 сообщений.

¹ <https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>

Методологической основой исследования послужили работы в области теории речевого воздействия (Т. Ван Дейк [1989], Р.М. Блакар [1987], О.С. Иссерс [2017] и др.) и текстовой реализации оппозиции «свой» – «чужой» (В.К. Егоров [2020], Ю.М. Лотман [1996], Е.И. Шейгал [2004] и др.).

Для достижения цели исследования использовались количественный метод, аналитическое описание языковых данных, лингвопрагматический и риторический анализ.

Результаты и обсуждение

Ручное ранжирование текстов показало, что из 1 058 извлечённых студенческих сообщений 250 (то есть каждое четвёртое) содержит оппозицию «мы – они».

Одновременно проведённый анализ тональности текстов выявил, что из 1 058 текстов 657 имеют негативную тональность и только 94 – позитивную. Таким образом подтвердилось, что в целом студенты склонны высказываться в негативном ключе в неформальной внутригрупповой онлайн-коммуникации по тематике образования и организации учебной деятельности. Рассматриваемый в данном исследовании материал в основном отмечен отрицательными коннотациями, конфликтной семантикой, нагнетанием резких утверждений и оценок. Данная особенность представляется именно атрибутом онлайн-коммуникации и типом коммуникативной ситуации.

Концептуальная оппозиция «мы – они» представлена следующими словами-репрезентантами (в скобках здесь и далее указано количество упоминаний в данной функции в выборке 250 сообщений).

– «Мы»: *студенты* (103), *мы* (71), *группа* (27), *иностранцы* (4), *заочники* (3), *студенты из Казахстана* (3), *поток* (2), *ординаторы* (2), *иностранцы* (1), *коммерческие студенты* (1).

– «Они»: *преподаватели* (78), *преподы* (46), *университет* (27), *вуз* (24), *деканат* (24), *руководство* (20), *универ* (16), *академия* (10), *кафедра* (10), *политех* (8), *ректор* (7), *методисты* (5), *отдел расписания* (4), а также названия конкретных вузов.

Реализация оппозиции «мы – они», по сравнению, например, с межкультурной или политической коммуникацией, имеет в студенческой неформальной коммуникации выраженную специфику.

Характеристика группы «мы»

Первым признаком, определяющим данную специфику, является тот, что «свои» в постах, за редким исключением, не обсуждаются никоим образом. Предметом коммуникации – преимущественно критики – выступают «они»: содержание типового сообщения представляет собой жалобу и осуждение лиц, из-за которых студенты сталкиваются с определёнными неудобствами в процессе обучения в вузе. «Мы» – это своего рода жертвы, которые зависят от множества людей и обстоятельств, не несут ответственности за учебный процесс. Портрет «нас» не вырисовывается. Максимально невнятный образ «своих» резко отличает студенческую коммуникацию от упомянутого выше политического дискурса: у коммуникантов как группы нет необходимости создавать себе репутацию, формулировать и защищать свою идеологию; права и значимый статус студентов выступают как что-то само собой разумеющееся, признаваемое по умолчанию. Цель произвести хорошее впечатление на аудиторию, сохранять лицо – отсутствует. По итогу чтения текстов трудно говорить о каких-то социальных ценностях группы, положительной программе.

Слова-репрезентанты группы «мы» не сочетаются в текстах с оценочной лексикой. Так, например, слово «студент(ы)» сопровождается определением (именем прилагательным) 28 раз, при этом использованы в основном относительные прилагательные (*коммерческие студенты*, *иностранцы* и т.п.), безоценочные качественные (*больные студенты*, *здоровые студенты*), прилагательные, обозначающие студента как субъекта

оценки, а не объекта (*недовольные студенты, мотивированные студенты*), или иногда выражающие сарказм (*неудобные студенты, жалкие студенты*).

Главная прагматическая установка авторов постов – найти поддержку среди «своих», подтвердить для себя наличие единомышленников. О типе аудитории как центральном факторе реализации оппозиции «свой – чужой» пишет О.С. Иссерс: «Выбор имиджа осуществляется на основе прогнозирования аудитории. Задача понравиться "своему народу" является, по сути говоря, коммуникативной стратегией» [Иссерс, 2017, с. 206]. В данном случае сообщения предназначены именно для аудитории «своих», преподаватели и представители вузовской администрации нечасто заходят в данные неформальные сообщества и крайне редко пишут. Вопросы студентов к ним носят риторический характер и на самом деле представляют собой обращение к «своим» (*Препода, которые ставят свои отработки, зачеты и тесты после 27.12, ВЫ АЛЛО ВОООЩЕ? Вам оливье не принести в аудиторию? Или: Препода, зачем вы вели весь сем пары онлайн, а экз ставите очно? В чем смысл?*). Частотны и прямые обращения в форме побудительных предложений к преподавателям, но они опять же обращены не непосредственно к ним, а имеют целью выплеснуть эмоции и получить отклик от «своих»: об этом говорит, например, обилие нецензурной лексики как маркер реальной коммуникативной ситуации (*Препода, говорите баллы ДО нового года, а не за пару дней до экзамена б...ть*).

Данные высказывания эксплицируют типичную для оппозиции «мы – они» борьбу за свои интересы. Подразумеваются определённые конвенциональные правила, регулирующие образовательный процесс, которые регулярно нарушаются «ими». Как и в других дискурсах, репрезентирующих оппозицию «мы – они», здесь она способствует оценке ситуации, фиксации «точки зрения». Коммуникация – способ выразить протест против действий «их», угрожающих правильному «миропорядку».

Подобно тому, как в медицинских онлайн-сообществах пациенты обмениваются социальной поддержкой [Jiang et al., 2022], в неформальных студенческих сообществах выражение негативных настроений даёт высокие шансы на эмоциональную поддержку. Однако информационная поддержка, в отличие от медицинских сообществ, не характерна для данных сообществ.

Буквальные обращения к «своим» также частотны, отличаются эмоциональной лексикой и нагромождением тропов и фигур (*дорогие мои сокамерники, часто ли вуз вызывает у вас чувство отчаяния? везде завал, моральные силы взяли отпуск, уйти в академ нельзя, как и отчислиться, потому что родители платят*).

Сообщения, как правило, не остаются без реакции. Из 250 сообщений, репрезентирующих оппозицию «мы – они», 210 отмечены комментариями, 227 – лайками, 168 – репостами. В целом со стороны аудитории наблюдается ожидаемая реакция и желательные для говорящего эмоции. Реактивное поведение функционально также с точки зрения включения участников в групповое сообщество, так как «участие в дискурсивной практике комментария – это участие в социальной жизни» [Лабутина, Топчий, 2020, с. 101].

Иногда (однако, что симптоматично, относительно нечасто) звучат призывы защищать свои интересы, жаловаться, создавать прецеденты (*По поводу нашумевших в деканатах постов про то, что преподаватели ставят отработку занятий (с запиской деканата), тесты и зачёты вне расписания после 28.12.20 как староста потока с 5-летним стажем скажу вам, что вы смело можете сообщать в свой деканат о подобных инцидентах! Это незаконно*). Выражение солидарности – одна из ключевых особенностей реализации оппозиции «мы – они». Тем не менее российские студенты более склонны к пассивному выражению недовольства (цифровой активизм).

Яркой особенностью наличия оппозиции «мы – они» в студенческих постах является то, что все жалобы звучат от коллективного лица («мы»). Частный случай возводится в общую закономерность (*Препода, которые ставят свои пары в конце декабря взамен пропущенных (по вине самого препода), вы алло вообще? Студенты не виноваты, что вы*

болели или были заняты в сентябре-октябре. Но какого лешего мы отрабатываем прямо до Нового Года из-за вас?!). Стабильно прослеживается желание подчеркнуть типичность ситуации. Личная экспрессия, спровоцированная скорее всего конкретными текущими событиями, выдаётся за общегрупповую (*Срочно! Как поменять препода!? Наша группа больше не может у него учиться, это ад....*).

Слово «студенты» (или метонимическое «студент») встречается 103 раза. Личное, индивидуальное максимально имплицировано. Индивидуальные пожелания по конкретным поводам почти всегда сопровождаются ссылкой на студентов как группу (*Почему нас не могут закрыть на дистанционное обучение? Ведь студенты болеют, уезжают домой и набирают долги*).

В жалобах, как правило, возникают различные немудрёные манипуляции. Например, типовой является спекуляция на коронавирусе (*Анонимно. Стало известно, что сессия в январе у очной формы обучения будет проходить очно. Очень много студентов являются приезжими из других регионов. На новогодние праздники эти студенты поедут домой по разным регионам России. Студенты же могут в пути заразиться коронавирусом и это может привести к вспышкам вируса. Симптомы вируса проявляются не сразу, а студенты вернутся в Ростовскую область за 2 дня или за день до начала экзаменов, поэтому принятые санитарные нормы в вузах не помогут, так как симптомы не сразу проявляются*). Показательно, что в целом российская молодёжь отличается низкой заботой о здоровье в период пандемии и пренебрежением средствами и мерами защиты (см., например: [Simaeva, Budarina, 2021]), в данных же текстах «забота о здоровье» – один из наиболее частотных нарративов.

Групповое поведение определяется групповыми нарративами [Blisc, Chidley, 2022]. Студенческие сообщества демонстрируют, прежде всего, *объединяющие* внутригрупповые нарративы. Нарративов, провоцирующих внутригрупповые конфликты, в рассматриваемой выборке не встретилось.

Исследователи отмечают свойство социальных сетей – лишать человека автономии [Sahebi, Formosa, 2022]. Под автономией авторы понимают развитие автономных компетенций, наличие подлинных целей, контроль человека над ключевыми аспектами собственной жизни в противоположность манипулированию, принуждению и контролю со стороны других лиц. Однако во многом лишение автономии ограничивается цифровой жизнью и не накладывает офлайн-обязательств.

Характеристика группы «они»

Характер негативных высказываний в адрес преподавателей и других лиц, ответственных за организацию учебного процесса, в целом конструирует крайне нелицеприятный их образ.

Часто сообщения отличают ирония и откровенная дискредитация, высмеивание «их»: *Спасибо любимому политехническому за возможность отдыхать. Забота преподавателей о студентах просто бесценна, из 5 пар, у нас была одна. Всегда мечтал о таком университете. Сошлись все звезды. Я понимаю, что в конце семестра эти преподаватели перестанут быть добрыми и у них случится амнезия. Но что тут поделать? Это жизнь!*

Имеют место сообщения как не содержащие никакой конкретики и аргументации, а выражающие отношение в целом (*правда ли, что в горниле ада черти придумывали план по созданию этого замечательного вуза, чтобы студенты обучаясь либо перегорали, либо становились сами чертями?*), так и вызванные конкретным поводом (*Преподаватели имеют право переносить в зуме пары на вечер, если утром (в уч. время) у них дела?*). И в тех, и в других неизменно наблюдаются смешение единичного и типового, выступление от лица студенческого сообщества в целом, экспрессивная риторика.

Авторы постов не церемонятся в выражениях, сообщения часто отличаются агрессией. Например: *Нашим преподам теперь мягкого говоря плевать не только на нас, но и на*

свои предметы! Чтобы закрыть долг нужно чуть ли не УМОЛЯТЬ препода посмотреть работу на почте, и так весь этот семестр. Я уже молчу про неадекватные и грубые комментарии в ответах. Это не [название вуза – А.С., Ю.А.], это рили шарага! Анон пожалуйста.

В характеристике «их» регулярно используется оценочная лексика, например, *нормально* (20), *адекватный* (5), *невозможно* (6), *плохо* (6), *отвратительный* (4) и др.

Заметной чертой реализации оппозиции «мы – они» в студенческой коммуникации является карнавальность (*Лично ректору рекомендую баллотироваться на должность президента. Вы явно переросли своё кресло и пытаетесь за счёт студентов расширить пределы ваших полномочий*). Обращения к «ним» характеризуются нарушением статусно-ролевых отношений, а также отказом от соответствующего речевого этикета.

Часто в студенческих сообщениях «они» маскируются под словами «университет», «институт», «вуз» и т.д., активно используется подобного рода метонимия: *Универ так жаждет уйти на дистант, что специально создает условия для заражения короной или как? Или: Мне одному кажется, что основная задача института, в частности нашего, не в воспитании специалистов а в том, чтобы отбить у большинства студентов любые амбиции и стремления?* Таким образом, есть некоторый выход на образовательную систему как объект критики в противоположность обвинениям в адрес конкретных лиц.

Институциональность является особенностью коллективного сознания русских: мишенью для осуждения в медиадискурсе и бытовом общении часто выступают не отдельные личности, а институты власти [Красильникова, 2005, с. 96]: характерные для политического дискурса политическая апатия, недоверие к власти, способность увидеть за недостатками конкретных людей изъяны системы коррелируют с отношением российских студентов к образовательной системе, отражённым в социальных сетях.

Любопытно и то, что в таких высказываниях студенты не ассоциируют себя с университетом, не считают себя его частью. Коллективная идентичность («студенты») обнаруживается прежде всего для группового противостояния «им». Наблюдается риторика отчуждения и конфликтности (которая, однако, всё же носит театральный, демонстративный характер).

В характеристике «их» также распространены неопределённо-личные предложения (*Анонимно. Почему такое наплевательское отношение ко своим студентам? В группе заболел человек ковидом, но группу не закрывают. Молодцы*). В ряде сообщений «они» вовсе абстрагируются: *Давайте предложим что-то конструктивное? Не, зачем, лучше будем свистеть, что всё у нас есть и только ленивый не учится. ПОЛИТЕХ ЛУЧШЕ ВСЕХ! Только вот студентам говорят одно, преподавателям совсем другое, а делают третье.*

Ещё одной особенностью рассматриваемого дискурса является то, что граница между «мы» и «они» периодически оказывается подвижной. В таком случае эффект поляризации нейтрализуется, в противовес системе или администрации преподаватели и студенты выступают единым фронтом: *Политех, ну как так. Пишут, что университет готов к смешанной форме обучения, а по итогу преподаватели остались без технического оснащения и выкручиваются как могут. Стыдно.*

В контексте исследуемой проблемы представляют интерес также примеры, когда «они» низводятся до «нас»: *Когда пришел на экзу кланчить у препода 4 и видишь такого же лодыря как и ты сам. Или: Университет забил на студентов – студенты забили на университет. Вот вся суть дистанционного обучения.* К преподавателю предъявляются более высокие требования, чем к студенту; то, что простительно студенту, вызывает в студенческой среде неуважение в случае преподавателя, поэтому уравнивание «нас» и «их» используется в качестве дискредитации последних. Преподаватель лишается своего высокого статуса, его миссия нивелируется.

В целом прослеживаются (свойственное русскому менталитету вообще) достаточно высокое представление о назначении преподавателя, повышенные требования к профессии. Привлекается внимание к тому, что эти требования, с точки зрения говорящих, не выдерживаются – это вызывает возмущение и протест.

Заключение

В ходе исследования было обнаружено следующее:

1. Анализ большого массива данных показал, что в сообщениях студентов в социальной сети, посвящённых организации учебного процесса, очевидно противопоставление студентов как получателей образовательных услуг («мы») и сотрудников вузов, организующих образовательный процесс («они»). Авторами постов подчёркивается объединение «своих» и демонстрируется разобщённость «своих» с «чужими».

2. Причины данной оппозиции видятся больше в специфике типа коммуникации (неформальное общение, «своя» аудитория, анонимность). Коммуникация выполняет функцию снятия стресса, прагматические цели авторов – найти поддержку, выразить солидарность, выплеснуть негативные впечатления, озвучить пожелания, которые не могут быть озвучены офлайн, оставить негативный отзыв о вузе или преподавателе. Основная стратегия – формирование общего эмоционального настроения. Целевая аудитория постов – другие студенты. Риторика текстов демонстрирует определённую театральность, иногда карнавальность. Сообщения слабо выражают цель изменения ситуации, сообщения в жанре совета или просьбы о совете встречаются редко.

Социальные ценности «своих» выражены в текстах слабо. Интерес, например, к качеству обучения или поддержке престижа вуза в текстах практически не проявлен (ср. с экспликацией приоритетов иностранных студентов [Juraković et al., 2022]). Критические отзывы в адрес «их» больше связаны с удобством организации обучения, обеспокоенностью о здоровье в пандемию, личными отношениями с конкретными преподавателями, недовольством манерой коммуникации в учебных подразделениях и т.п. Тексты демонстрируют минимальную степень субъектности в изображении «своих», портрет «нас» не выражен. Коллективное «мы» не выступает носителем активности и ценностей, но выступает носителем солидарности. Проглядывается определённая мера инфантильности коммуникантов, психологическая установка на отсутствие ответственности (вся ответственность перекладывается на «их»). Некоторые посты, тем не менее, отражают реальные проблемы организации образования в период пандемии.

3. Оппозиция «мы» – «они» выступает инструментом эффективного воздействия. Лингвистическими средствами её экспликации выступают регулярные сообщения от лица группы, а не от себя лично; нейтрализация индивидуального; смешение частного и общего в характеристике «их» («преподаватели» вместо «преподаватель/ФИО» в изложении конкретных ситуаций); негативная лексика в характеристике «чужих»; высокая эмоциональность и использование большого количества риторических средств воздействия на собеседника.

Теоретическое значение полученных результатов состоит в уточнении некоторых аспектов выявления особенностей речевого поведения личности и коллективного, массового мироощущения в условиях «своей» аудитории, с одной стороны, и специфики речевого воздействия в разных типах дискурса, с другой стороны. Практическое значение исследования видится в обеспечении более адекватного восприятия сторонним реципиентом (в данном случае читателем социальных сетей) речевых манипуляций и прагматических стратегий коммуникантов в текстах социально значимых тематик.

Список литературы

- Алиева Т.В. 2013. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 28 с.
- Блакар Р.М. 1987. Язык как инструмент социальной власти. В кн.: Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, Прогресс: 88–125.
- Григорьева Е.Г. 2020. Концептуальная оппозиция «мы – они» в американском политическом дискурсе (на примере послевыборной речи Д. Трампа). В кн.: Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы XXIV международной научно-практической конференции, North Charleston, 7–8 декабря 2020 года. LuluPress, Inc.: 227–230.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И. 2021. Речевые репрезентанты этностереотипов в современной политической коммуникации в свете оппозиции «свои» – «чужие». *Лингвокультурология*, 15: 47–56.
- Дейк ван Т. А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. Москва, Прогресс, 312 с.
- Егоров В.К. 2020. Ещё раз об оппозиции «свой – чужой». *Коммуникология*, 8(1): 138–154. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154
- Иванова А.А. 2016. Семантические поля оппозиции «мы – они» в современном русском языке. В кн.: Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Красноярск, 20–21 октября 2016 г. Т. II. Под ред. Ж.А. Сержановой. Красноярск, Сибирский государственный технологический университет: 63–65.
- Иссерс О.С. 2017. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Под ред. Н.А. Купиной. Москва, ЛЕНАНД, 308 с.
- Кардинская С.В. 2019. Дискурсивные практики нетерпимости и ксенофобии в студенческой среде (по материалам фокус-групп со студентами СПбГУПТД). В кн.: Современные СМИ в контексте информационных технологий. Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции – 2018, Санкт-Петербург, 16 апреля 2018 года. Под ред. Н.Б. Лезуновой. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна: 65–72.
- Красильникова Н.А. 2005. Оппозиция «мы» – «они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США. *Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика*, 15: 85–102.
- Лабутина В.В., Топчий И.В. 2020. Оппозиция «мы» – «они» в дискурсивной практике комментария сетевого медиаконтента. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 1: 101–105.
- Лотман Ю.М. 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, Языки русской культуры, 464 с.
- Пономаренко И.Н., Крыжановская В.А., Сегал Н.А. 2020. Асимметричная основа антитезы с оппозицией свой / чужой в современных медиатекстах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3: 111–116. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116
- Салимова Р.М. 2021. Бинарная оппозиция «свой» – «чужой» (на примере британского медиaprостранства). *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. Вып. 126: 158–163. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10922
- Шейгал Е.И. 2004. Семиотика политического дискурса. Москва, Гнозис, 324 с.
- Щекотин Е.В., Мягков М.Г., Гойко В.Л., Кашпур В.В., Коварж Г.Ю. 2020. Субъективная оценка (не)благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(155): 78–116. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05
- Bliuc A.-M., Chidley A. 2022. From cooperation to conflict: The role of collective narratives in shaping group behaviour. *Social and Personality Psychology Compass*, 16(7): e12670. DOI: 10.1111/spc3.1267
- Jiang S., Liu X., Chi X. 2022. Effect of writing style on social support in online health communities: A theoretical linguistic analysis framework. *Information and Management*, 59(6): 103683. DOI: 10.1016/j.im.2022.103683
- Juraković L., Tatković S., Radulović P. 2022. Students' Attitudes Towards Online Teaching and Communication During the Coronavirus Pandemic. *Journal of Learning for Development*, 9(2): 253–266. DOI: 10.56059/jl4d.v9i2.619

- Moscattelli S., Rubini M. 2021. Is Group-Directed Praise Always Welcome? Reactions to Ingroup and Outgroup Praise Depend on Linguistic Abstraction. *Journal of Language and Social Psychology*, 40: 439–458. DOI: 10.1177/0261927X211000838
- Sahebi S., Formosa P. 2022. Social Media and its Negative Impacts on Autonomy. *Philosophy and Technology*, 35(3): 1–24. DOI: 10.1007/s13347-022-00567-7
- Simaeva I.N., Budarina A.O. 2021. Self-preservation attitudes of youth and adolescents during the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(4): 75–98.
- Wojcieszak M., Sobkowicz P., Yu X., Bulat B. 2022. What Information Drives Political Polarization? Comparing the Effects of In-group Praise, Out-group Derogation, and Evidence-based Communications on Polarization. *International Journal of Press/Politics*, 27(2): 325–352. DOI: 10.1177/19401612211004418

References

- Alieva T.V. 2013. Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoj – chuzhoy» v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic Means of Implementing the Conceptual Opposition “Friends and Foes” in British Political Discourse]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 28 p.
- Blakar R.M. 1987. Jazyk kak instrument social'noj vlasti. In: Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya [Language and Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress: 88–125.
- Grigor'eva E.G. 2020. Kontseptual'naya oppozitsiya «my – oni» v amerikanskom politicheskom diskurse (na primere posleвыbornoy rechi D. Trampa) [Conceptual opposition “we – they” in American political discourse (on the example of D. Trump's post-election speech)]. In: Fundamental'naya nauka i tekhnologii – perspektivnye razrabotki [Fundamental science and technology - promising developments]. Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference, North Charleston, December 7–8, 2020. Morrisville, Publ. LuluPress, Inc.: 227–230.
- Gridina T.A., Konovalova N.I. 2021. Speech representants of ethnostereotypes in modern political communication in the light of the opposition “owns – alien”. *Lingvokul'turologiya*, 15: 47–56.
- Deik van T. A. 1989. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 312 p.
- Egorov V.K. 2020. Yet again on the contents of friend or foe dichotomy. *Communicology*, 8(1): 138–154. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154
- Ivanova A.A. 2016. Semanticheskie polya oppozitsii «my – oni» v sovremennom russkom yazyke [Semantic fields of the opposition “we – they” in modern Russian]. In: Aktual'nye voprosy organizatsii volonterskoy deyatelnosti v ramkakh podgotovki k universiade 2019: lingvoperevodcheskiy, psikhologo-pedagogicheskii, organizatsionno-upravlencheskiy i sotsial'nyy aspekty [Topical issues of organizing volunteer activities in preparation for the Universiade 2019: linguistic translation, psychological and pedagogical, organizational, managerial and social aspects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, October 20–21, 2016. Vol. II. Ed. Zh.A. Serzhanova. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet: 63–65.
- Issers O.S. 2017. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech.]. Ed. N.A. Kupina. Moscow, Publ. LENAND, 308 p.
- Kardinskaya S.V. 2019. Discursive practices of intolerance and xenophobia in the student environment (based on focus groups with students of spbsud). In: Sovremennye SMI v kontekste informatsionnykh tekhnologiy [Modern media in the context of information technology]. Collection of scientific papers of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference – 2018, St. Petersburg, April 16, 2018. Ed. N.B. Lezunova. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna: 65–72.
- Krasil'nikova N.A. 2005. Oppozitsiya «my» – «oni» v diskurse ekologicheskikh dvizheniy Anglii, Rossii i SShA [Opposition “we” – “them” in the discourse of environmental movements in England, Russia and the USA]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 15: 85–102.
- Labutina V.V., Topchiy I.V. 2020. The “we” - “they” opposition in the discursive practice of comments on network media content. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1: 101–105 (in Russian).
- Lotman Yu.M. 1996. Vnutri mysl'jashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Languages of Russian culture, 464 p.

- Ponomarenko I.N., Kryzhanovskaya V.A., Segal N.A. 2020. Asymmetrical basis of the antithesis with the opposition self / other in modern mediatexts. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3: 111–116 (in Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116
- Salimova R.M. 2021. The binary opposition “own” - “alien” as illustrated by british media sphere. *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology Sciences. Iss.:* 126: 158–163 (in Russian). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10922
- Sheygal E.I. 2004. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow, Publ. Gnozis, 324 p.
- Shchekotin E.V., Myagkov M.G., Goyko V.L., Kashpur V.V., Kovarzh G.Yu. 2020. Subjective measurement of population ill-being/well-being in the russian regions based on social media data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155): 78–116 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05
- Bliuc A.-M., Chidley A. 2022. From cooperation to conflict: The role of collective narratives in shaping group behaviour. *Social and Personality Psychology Compass*, 16(7): e12670. DOI: 10.1111/spc3.1267
- Jiang S., Liu X., Chi X. 2022. Effect of writing style on social support in online health communities: A theoretical linguistic analysis framework. *Information and Management*, 59(6): 103683. DOI: 10.1016/j.im.2022.103683
- Juraković L., Tatković S., Radulović P. 2022. Students’ Attitudes Towards Online Teaching and Communication During the Coronavirus Pandemic. *Journal of Learning for Development*, 9(2): 253–266. DOI: 10.56059/jl4d.v9i2.619
- Moscatelli S., Rubini M. 2021. Is Group-Directed Praise Always Welcome? Reactions to Ingroup and Outgroup Praise Depend on Linguistic Abstraction. *Journal of Language and Social Psychology*, 40: 439–458. DOI: 10.1177/0261927X211000838
- Sahebi S., Formosa P. 2022. Social Media and its Negative Impacts on Autonomy. *Philosophy and Technology*, 35(3): 1–24. DOI: 10.1007/s13347-022-00567-7
- Simaeva I.N., Budarina A.O. 2021. Self-preservation attitudes of youth and adolescents during the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(4): 75–98.
- Wojcieszak M., Sobkowicz P., Yu X., Bulat B. 2022. What Information Drives Political Polarization? Comparing the Effects of In-group Praise, Out-group Derogation, and Evidence-based Communications on Polarization. *International Journal of Press/Politics*, 27(2): 325–352. DOI: 10.1177/19401612211004418

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.08.2022

Поступила после рецензирования 23.01.2022

Принята к публикации 10.03.2023

Received August 16, 2022

Revised January 23, 2022

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саркисова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Александрова Юлия Константиновна младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Yu. Sarkisova, Candidate of Philology, Associate Professor, Junior Researcher, Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Julia K. Alexandrova, Junior Researcher, Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

УДК 81–115

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194

Частотный анализ зоонимических фразеологизмов

Цюаньмин У

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, Волгоградская Область, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100
E-mail: wqm1022@mail.ru

Аннотация. В настоящее время всё более актуальными являются исследования в области сопоставительной фразеологии. Такие исследования раскрывают не только близкие и отличительные характеристики языков и тенденции их развития, но и особенности культуры их носителей. В рамках сопоставительной фразеологии относительно недавно стало развиваться направление частотного анализа фразеологических единиц. Для выявления пробелов в данном направлении исследований автором проделан всеохватывающий анализ эволюции взглядов в фразеологии, начиная от классификационных моделей, через сопоставительные исследования и кончая вышеуказанным частотным анализом. Данный анализ показал, что отсутствует достаточное количество работ по систематическому частотному анализу наиболее распространенных зоонимических фразеологизмов. Для восполнения этого пробела из словарей «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» под редакцией В. М. Мокиенко [2007] и «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [1986] извлечены 95 фразеологизмов, в которых 36 зоонимов представлены общепринятой формой имени существительного. В Национальном корпусе русского языка найдены 7 712 случаев их употребления в текстах публицистики и художественной литературы XIX–XXI веков. На примере двух самых употребляемых фразеологизмов – «первая ласточка» (731 употребление) и «козел отпущения» (679 употреблений) – показано, что большая частотность их использования обусловлена их значением, стилистической и эмоционально-оценочной окраской, экспрессивностью и спецификой образа, отражаемого этими фразеологизмами.

Ключевые слова: фразеологизмы, сопоставительный анализ, зоонимы, частотный анализ, национальный корпус русского языка

Для цитирования: Цюаньмин У. 2023. Частотный анализ зоонимических фразеологизмов. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 177–194. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194

Frequency Analysis of Zoonymic Phraseological Units

Wu Quanming

Volgograd State University,
100 Prospect Universitetsky, Volgograd, Volgograd Oblast 400062, Russia
E-mail: wqm1022@mail.ru

Abstract. Nowadays, studies in the field of comparative phraseology are becoming more and more relevant, that reveal not only the close, distinctive characteristics of the languages and trends of their development, but also the features of the culture of their speakers. Within the framework of comparative phraseology, the direction of frequency analysis of phraseological units has started to develop relatively recently. In order to identify the gaps in this research direction, a comprehensive analysis of the evolution of views in phraseology, starting from classification models, through comparative studies and ending with the above-mentioned frequency analysis, was performed. This analysis has shown that there are not enough works on a systematic frequency analysis of the most common zoonymic phraseological expressions. Based on the dictionaries “Russian Phraseology. Historical and etymological dictionary” edited by V.M. Mokiенko [2007] and “Phraseological Dictionary of the Russian Language” edited by

A.I. Molotkova (1986) extracted 95 phraseological units, in which 36 zoonyms were represented by the form of a noun. In the National Corpus of the Russian Language 7712 cases of their use in the texts of publicism and imaginative literature of the 19–21 centuries were found. On the example of the two most frequently used phraseological expressions - "the first swallow" (731 uses) and "the scapegoat" (679 uses), it is shown that the great frequency of their use is caused by their meaning, stylistic and emotional and evaluative coloring, expressiveness and the specific image, reflected by these phraseological expressions.

Keywords: phraseological units, comparative analysis, zoonyms, frequency analysis, national corpus of the Russian language

For citation: Quanming Wu. 2023. Frequency Analysis of Zoonymic Phraseological Units. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 177–194 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194

Введение

В последнее время всё более актуальными являются исследования в области фразеологии, а точнее в области сопоставительной фразеологии. Такие исследования раскрывают не только близкие и отличительные характеристики языков и тенденции их развития, но и особенности культуры их носителей. Естественно, что фразеологизмы или фразеологические единицы отражают картину восприятия мира различных народов и этнических групп, а следовательно, тесно переплетены с их культурой и историей. Эти фразеологизмы, как правило, формируются вокруг некоторых знаменательных слов, которые значат в себе определённую доминантную идею. В этой связи В.П. Жуков писал: «Такие знаменательные слова относятся к наиболее употребляемым единицам лексического фонда русского языка, обладают номинативной функцией и способны выражать понятия и выступать в роли членов предложения» ссылка на цитату [Жуков, 1986]. Но чтобы признать некоторое слово доминантой, важно, чтобы оно было общеупотребительным, использовалось с большой частотой в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок и т. д. В этом, на наш взгляд, заключается большая важность проведения частотного анализа вышеуказанных знаменательных или доминантных слов в фразеологической науке.

Хорошо известно, что многие виды групп фразеологических единиц сосредотачиваются вокруг имен существительных, которые представляют собой наименования частей тела человека (соматизмы) или животного (зоонимы). Как отмечают авторы Ю.Н. Куличенко, Е.М. Королевская, «одним из самых богатых источников возникновения образных выражений во многих языках является зоонимическая лексика. Фразеологизмы с зоонимическим компонентом наглядно показывают общность и различие в стереотипах, ценностях и моделях поведения человека в различных национальных культурах» [Куличенко, Королевская, 2017].

Анализ изучаемого аспекта лексики важен для понимания языковой картины мира, так как «зооним отражает различия в национально-культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностях и разнообразных обычаях, присущих определённому языковому сообществу и культуре в целом» [Гордеева, 2013, с. 71]. Как отмечает Н.А. Козько, «фразеологизмы с зоонимами являются маркерами национального образа мира, сложившегося в сознании определенной этнической общности» [Козько, 2008, с. 83].

Но изучение фразеологических единиц, способствует не только пониманию языковой картины мира, но и улучшению межкультурной коммуникации. В настоящее время исследователи большое внимание уделяют фразеологическим соответствиям в различных языках, что имеет большое значение в теории и практики перевода. Практикующие переводчики имеют большие трудности во время работы с текстами, которые содержат фразеологизмы. Поэтому, как пишет Е.Г. Полонникова [Полонникова, 2020] нужно иметь методики отбора фразеоло-

гизмов и их минимизации в процессе обучения иностранному языку. А в этом процессе, естественно, не обойтись без частотного анализа фразеологизмов.

Как раз в рамках сопоставительных исследований [Ройзензон, 1964], возникло направление частотного анализа фразеологизмов и составляющих их элементов, так как важно понимать, какие фразеологизмы и их элементы встречаются чаще в том или ином языке и почему. Так как среди фразеологизмов наиболее употребительными являются фразеологизмы с зоонимической компонентой, то мы решили идентифицировать их из толковых словарей русского языка, а потом провести анализ частоты употребления зоонимических фразеологизмов на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Из дальнейшего более детального анализа эволюции взглядов в фразеологии, начиная с классификационных моделей, переходя к сопоставительным исследованиям и кончая частотным анализом в фразеологии, будет следовать новизна нашего исследования.

В связи с этим целью нашего исследования является проверить гипотезу и провести систематический анализ частоты употребления зоонимических фразеологизмов русского языка.

Объект и методы исследований

Из словарей «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» под редакцией В.М. Мокиенко [2007] и «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [1986] извлечены фразеологизмы, в которых зоонимы представлены формой имени существительного. Прделано количественное распределение этих зоонимов по фразеологизмам. Поиск вёлся во всех подкорпусах, но только в основном, газетном и устном подкорпусах появились контексты с отобранными фразеологизмами. Технология этого поиска состояла в следующем. На главной странице Национального корпуса русского языка были выбраны все подкорпусы: основной, газетный, синтаксический, поэтический, устный и т. д. В каждом подкорпусе через лексико-грамматический поиск для двух поисковых слов (Слово 1 и Слово 2) задавались соответствующие леммы из отобранных фразеологизмов. Например, Слово 1 – лемма “Козёл”, Слово 2 – лемма “Отпущение”. Такой поиск позволял фиксировать все контексты с этими фразеологизмами и подсчитывать частоту встречаемости ранее выделенных фразеологизмов с данными зоонимами в текстах НКРЯ.

В итоге выявлялись все случаи употребления выделенных фразеологизмов в этом корпусе в текстах публицистики и художественной литературы XIX–XXI веков.

Кроме описанного метода частотного анализа в данном исследовании использованы методы структурно-грамматического, лексико-семантического и контекстуального анализа идентифицированных зоонимических фразеологизмов.

Эволюция взглядов в фразеологии: классификационные модели, сопоставительные исследования и частотный анализ фразеологизмов

Зарождение фразеологии как особой лингвистической области исследования связывают с именем швейцарского языковеда Шарля Балли (1865–1947). Он впервые в истории языкознания, концептуально осмыслил и описал фразеологические явления и тем самым заложил основы современной фразеологической науки. Шарль Балли ввёл «термин *phraséologie* – фразеология, берущий начало от греческих слов *phrasis* (выражение, оборот речи) и *logos* (понятие, учение), который имеет два значения» [Балли, 1961]. Как лингвистический термин он «используется для обозначения области языкознания, изучающей устойчивые словосочетания. Они называются фразеологическими единицами, фразеологическими оборотами или фразеологизмами. Другое значение этого понятия связано с обозначением совокупности устойчивых словосочетаний, которые характерны для определённого языка» [Балли, 1961].

Фразеологическая концепция Шарля Балли описана в его трактатах “*Précis de stylistique*” (1905 г.), “*Traité de stylistique française*” (1909 г.), “*Linguistique generale et*

linguistique française” (1932 г.). В первом труде (в переводе – *точная лингвистика*) им впервые была предложена «концепция фразеологических единиц (фр. *unité phraséologique*), которые он представлял в качестве устойчивых словосочетаний, смысл которых не выводится из значений составляющих их слов. В этом труде он рассматривал фразеологические единицы в противопоставлении другому типу словосочетаний – фразеологическим группам (фр. *séries phraséologiques*), которые отличаются от первых изменчивым сочетанием компонентов» [Балли, 1961]. Данный труд не переводился на русский язык, но сама концепция хорошо представлена в других переводных трудах Шарля Балли.

Во второй работе, которая была переведена на русский язык и опубликована в 1961 году [Балли, 1961], автор обратил внимание на существенные особенности лексической сочетаемости: «Словосочетания могут представлять различную степень спаянности в пределах между двумя крайними случаями, а именно: 1) когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь приобретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) когда слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании. Ясно, что между этими двумя крайними случаями можно обнаружить массу переходных случаев, не поддающихся точной квалификации» [Балли, 1961, с. 89].

Две работы Шарля Балли, опубликованные в начале 20 века, были обобщены в третьей вышеуказанной работе, которая была переведена на русский язык и опубликована в 1955 году [Балли, 1955].

В 1953 году академик Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), в развитии концепции Шарля Балли, ввёл три вида фразеологизмов: фразеологические сращения (идиомы); фразеологические единства и фразеологические сочетания [Виноградов, 1953, с. 89]. Примерно в эти же годы Николай Максимович Шанский (1922–2005) в развитие классификации фразеологизмов В.В. Виноградова ввёл дополнительный их вид – фразеологические выражения, представляющие собой устойчивые изречения, которые появляются в языке из конкретных литературных источников, а также рассматривал фразеологические обороты с точки зрения лингвистической сущности, семантической слитности, лексической структуры, стилистических свойств и происхождения. Результаты лингвистических исследований он обобщил в своём учебном пособии «Фразеология современного русского языка», первое издание которого вышло в 1963 году [Шанский, 1963]. Но следует отметить, что зачатки отечественной фразеологической науки мы находим в трудах замечательных русских лингвистов Измаила Ивановича Срезневского (1812–1889) и Филиппа Фёдоровича Фортунатова (1848–1914). И.И. Срезневский обратил внимание на то, что воспроизводимость *окаменевших* выражений связана не только с *силой предания*, но и с самим строением языка. Он высказал свои соображения о том, что во фразеологических оборотах, который являются элементами языка, наблюдаются определенные системные закономерности [Срезневский, 1873; Суворова, 2017]. Он впервые показал регулярность образования сложных слов из словосочетаний, называя их выражениями: «Слова, составленные из глагольных выражений, могут быть вообще разделены на два отдела: в одни преобразовались глаголы с приложением слов качественных: красно баять – краснобай, скоро говорить – скороговорка, скоро спеть – скороспелый; в других слились глаголы с существительными: брать крохи – крохобор, валить сено – сеновал, валять сукно – сукновальня, лазить в воду – водолаз, летать зимою – зимолёт, родить зимою – зимород, мерить глазами – глазомер» [Срезневский, 1873; Толстая, 2020].

К сожалению, в дальнейшем, как отмечала С.М. Толстая, этот подход в отечественной лингвистике не получил признания и продолжения. Как можно понять из её статьи, это связано с тем, что академик В.В. Виноградов скептически относился к попыткам других ученых истолковать словосложение как словообразовательную операцию над словосочетаниями [Толстая, 2020].

Не останавливаясь детально на трудах Ф.Ф. Фортунатова, отметим только, что он рассматривал устойчивые выражения или словосочетания, опираясь на их смысловую и грамматическую наполненность [Фортунатов, 1956].

Помимо исследований фразеологических единиц в рамках одного языка и их классификаций, в 60-е годы 20 века формируется направление сопоставительных исследований в фразеологии. Такие исследования раскрывают не только близкие или отличительные тенденции развития языков, но также и особенности культуры их носителей. Наиболее ярко сущность таких исследований выразил Л.И. Ройзензон, занимающийся изучением фразеологии в сопоставительном плане «на материале славянских языков и установивший определённые параллелизм в развитии ряда фразеологических видов. Он подчеркивал, что «такого рода явление зиждется на одинаковом, если можно так сказать, фразеологическом восприятии и осмыслении фактов действительности» [Ройзензон, 1964]. И далее он уточняет: «В связи с тем, что наблюдения человека над природой, над жизнью и т. д. у многих народов одинаковые, возникает одинаковое фразеологическое осмысление этих фактов, наблюдений и выводов, образуются одинаковые или схожие фразеологические обороты» [Ройзензон, 1964].

В сравнительной или сопоставительной фразеологии изучаются лингвокультурологические особенности фразеологизмов и составляющих их элементов (зоонимы, фитонимы, соматизмы и др.), их лексическая специфика, а также частота встречаемости в различных языках. Рассмотрим этот вопрос на примере зоонимов.

Как отмечается в работе С. В. Шустовой и А.Е. Тяпугиной [2020], со ссылкой на работу Е.В. Лаврищевой, Н.Б. Аброськина и А.В. Остроухова [2019], впервые термин зооним (от гр. ζῷον – животное и ονομα — имя) возник в языкознании в 60-х годах 20 века. Из сущностного понимания этого термина очевидно следует, что фразеологические единицы с компонентом-зоонимом представляют собой «языковые единицы, отражающие предметы и явления, прямо или косвенно связанные с миром фауны» [Антонова, 2010].

Зоонимы, обозначающие представителей животного мира, являются культурным компонентом любого языка. К ним относятся анимализмы, то есть слова, образованные от названий животных, и также зооморфизмы, которые обозначают животных в метафорическом смысле с целью характеристики человека и его поведения, суть которых проявляется в составе фразеологизмов [Шустова, Тяпугина, 2020].

В филологии термин зооним используется в широком и узком смыслах. В первом случае этот термин охватывает наименования животных, названия частей их тела, клички животных и др., а в узком смысле он в себя только наименования животных в прямом значении этого слова [Яблонская, Кураш, 2015].

Как хорошо известно, анималистические фразеологизмы связаны наблюдением людей за повадками животных и их внешностью. [Коршунова, Федорчук 2016], причём они «являются одной из самых многочисленных групп фразеологического фонда» [Сакаева, 2008]. Так, при изучении сопоставительной немецкой – русской фразеологии А.Д. Райхштейн [1989], что также подчеркивается в исследовании В.П. Жукова, обратил внимание, «что среди элементов фразеологических единиц зоонимы занимают второе место по частоте употребления после соматизмов, а среди зоонимов наиболее часто употребляются названия домашних и диких животных, птиц и насекомых» [Жуков, 2006].

Это говорит о том, что, как утверждает Р.Х. Каримова, «слова, связанные с животным миром, относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира. Пытаясь описать своё поведение, чувства, состояние, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего знакомо» [Каримова, 2005].

Так как большая доля зоонимов принадлежит зооморфной метафоре, то следует отметить со ссылкой на работу [Мусси, 2017], «что её в различных аспектах, в том числе и сравнительном (русский, французский, английский языки), в 60–70-е гг. XX в. изучали М.И. Черемисина [1967], Ф.А. Литвин [1974], О.А. Рыжкина [1976], Е.А. Гутман [1977] и др. В этих работах был заложен фундамент современного лингвокультурологического

подхода в изучении метафоры» [Мусси, 2017]. Отметим, что в последней работе в списке литературы была упущена работа М.И. Черемисиной, поэтому мы восстановили наиболее характерную её работу по данной тематике за 60-е годы.

Как отмечают исследователи Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская, «в последнее время появились сопоставительные работы, посвященные русским и итальянским зооморфизмам на примере энтомологических метафор» [Булыгина, Трипольская, 2009; Мусси, 2017]. Но наиболее часто мы встречаем сопоставительные фразеологические исследования на примере русского и английского языков, в том числе и по зоонимическим фразеологизмам [Чанышева, Асабин, 2009; Григорьева, Корепина, 2013; Стрункова, Косенко, 2018 и др.]. Например, в работе Е.С. Стрункова и А.А. Косенко [2018] изучены лингвокультурологические особенности по 150 сходным фразеологизмам с зоонимами в русском и английском языках, заимствованных из «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Молоткова и электронного словаря *Idioms 211 Abbyu Lingvo*.

Наши эксперименты в Google Scholar показали, что в последние годы появилось много сопоставительных бакалаврских, магистерских и аспирантских фразеологических исследований на примере русского и китайского языков. Это связано с большим количеством китайских студентов и аспирантов-филологов, обучающихся в российских университетах в последнее время. Приведем ссылки на несколько журнальных публикаций молодых китайских исследователей по сопоставительному анализу анималистических фразеологизмов: [Цзяньчжуан, Кошелева, 2015; Вэньхуэй, 2020].

Следует отметить, что сравнительная фразеология является самостоятельной областью лингвистических исследований [Гусева, 2007; Азизова, 2020]. Так, наши эксперименты в расширенном поиске Google Scholar показали, что на запрос по термину «сопоставительная фразеология» мы получаем 416 откликов, а на запрос по англоязычному термину *comparative phraseology* – 557 откликов, при этом термин «сравнительная фразеология» встречается на порядок реже – 43 отклика (запросы проделаны 03.10. 2022).

В рамках сопоставительной фразеологии в целом и русской фразеологии в частности мы встречаем работы по частотному анализу фразеологизмов и составляющих их значимых слов. Проделаем обзор таких работ в привязке к зоонимам, идентифицированных нами с помощью экспериментов в Google Scholar. Для таких исследований используются толковые фразеологические одноязычные словари, национальный корпусы языков, а также непосредственно художественные и публицистические тексты. О.Н. Иванищева [2020] отмечает, что материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) отвечают дескриптивным принципам анализа языка, принимающим во внимание языковую интуицию их носителей. Об эффективности корпусов языков писали также В.А. Разумовская и В.А. Кононова [2016]. О.Ю. Сёмина [2012] на основе толковых словарей русского языка и результатов семантических запросов в НКРЯ составила список 658 зоонимов. В то же время в контексте изучения зоонимов, имеется также мнение, что в словарях переносные номинации зоонимов фиксируются неполно, поэтому для более полного описания структуры переносных номинаций следует обращаться непосредственно к текстам [Мэтякубов, 2020]. С точки зрения частотного анализа зоонимов, большой интерес, на наш взгляд, представляет работа Е.Е. Юркова [2012] по метафорам лингвокультурного кода «Животные». В этой работе он при изучении различных толковых словарей выделил 20 тематических групп (ТГ). Например, ТГ-1 соответствует хищным млекопитающим, ТГ-2 – домашним животным, ТГ-20 – местам обитания и скопления животных.

Для всех 20 тематических групп автор строит частотную матрицу метафорических переносов, в которой прослеживается преобладание доминирующего типа переноса – животное → человек, а также распределение оценочных доминантных мотивационных признаков (ДМП) по группам и в целом. Выделены наиболее многочисленные по составу тематические группы: ТГ-2 (68; домашние животные); ТГ-18 (48; части тела, органы); ТГ-11 (29; насекомые); ТГ-20 (24; места обитания и скопления животных); ТГ-1 (21; хищные

млекопитающие); ТГ-6 (20; зайцеобразные млекопитающие). Общее количество членов всех 20 тематических групп было равно 380.

В работе О.Г. Яблонской и С.Б. Кураш [2015] «на основе “Большого толково-фразеологического словаря русского языка Михельсона” [2004], “Фразеологического словаря русского языка” А.И. Молоткова [1986] и «Большого словаря русских поговорок» В.М. Мокиенко [2007] авторы выделили более 600 зоонимических фразеологизмов русского языка. Рассматриваемые фразеологизмы были распределены на 84 фразеологических гнезда, количественный состав зоонимической компоненты которых варьировал от 1 до 48 единиц. Некоторые виды животных были представлены наименованиями, отличающимися по половому, возрастному или другому признаку, например, конь – кобыла – лошадь – мерин. Этим объяснялась разница между количеством видов фразеологических гнезд (84) и названий животных (102). В процессе формирования фразеологических единиц зоонимы вели себя по-разному. Наиболее высокой частотностью обладали компоненты-зоонимы баран/овца (27), бык/корова/теленочек (28), волк (35), козел/коза (22), конь/кобыла/мерин/лошадь/пегас (42), кот/кошка (26), муха (22), петух/курица/цыплята (33), птица/птенец (29), свинья (22), собака/пес (48). Наиболее употребительными в составе фразеологизмов являлись лексические единицы, обозначающие домашних животных, наименее употребительными – лексические единицы, обозначающие птиц и рыб» [Яблонская, Кураш, 2015].

В работе О.Г. Яблонской [2016] из Национального корпуса русского языка было выделено более 1500 художественных текстов XX–XXI веков, в структуре которых находились зоонимические фразеологизмы. Они были распределены по 15 литературным формам. Показано, что больше всего изучаемых фразеологизмов имело место в рассказах, романах и повестях, а меньше всего – в дневниках, биографиях и поэмах. Например, к жанру «рассказ» отнесено 34 % рассматриваемых текстов, в которых содержатся от одной до 13 фразеологических единиц, к жанру «роман» – 32 % рассматриваемых текстов, в которых содержатся от одной до 50 фразеологических единиц, к жанру «повесть» – 27 % рассматриваемых текстов, в которых содержатся от одной до 20 фразеологических единиц.

Из анализа рассмотренных фразеологических концепций и методов анализа фразеологизмов, включая фразеологизмы с зоонимической компонентой, следует, что количество по их систематическому частотному анализу недостаточно. Ниже мы восполним этот пробел.

Частотный анализ зоонимических фразеологизмов

Из словарей «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» под редакцией В.М. Мокиенко [2007] и «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [1986] было выделено 95 фразеологизмов с 36 зоонимами с названиями животных, птиц и насекомых, представленных формой имени существительного. Частота распределения этих фразеологизмов приведена в Приложении. Количественное распределение фразеологизмов по этим зоонимам вместе с частотой их встречаемости в текстах, представленных в НКРЯ, приведено в табл. 1. Так, через поиск в НКРЯ найдены все 7712 случаев их употребления в текстах публицистики и художественной литературы XIX–XXI веков.

Фразеологические единицы с зоонимическими компонентами используются в различных текстах с разной степенью активности. Как видно из таблицы 1, отсутствует корреляция между активностью зоонима в образовании фразеологизма в русском языке и частотностью употребления этих фразеологизмов в текстах. Так, например, со словом *ласточка* в русском языке нами выделен лишь один фразеологизм *первая ласточка*, однако этот фразеологизм является в текстах НКРЯ самым употребительным – 731 контекст. В то же время имеется много зоонимов также с одним фразеологизмом, но с очень низкой частотой употребления (*кукушка*, *лиса*, *баран* и др.) (количественные данные по отдельным фразеологизмам приведены в Приложении).

Таблица 1
 Table 1

Употребление зоонимов в составе фразеологизмов
 The use of zoonyms as part of phraseological units

Зооним	Количество фразеологизмов с данным зоонимом в русском языке	Количество употреблений фразеологизмов с данным зоонимом в текстах
Ласточка	1	731
Козел	2	711
Рыба	4	613
Ворона	3	503
Муха	9	471
Собака	8	438
Волк	4	437
Курица	6	311
Гусь	3	300
Корова	3	296
Заяц	2	279
Кот	2	265
Бык	2	263
Кошка	4	206
Белка	1	205
Овца	2	188
Птица	5	175
Лошадь	1	128
Змея	3	127
Воробей	2	125
Свинья	3	109
Рак	4	107
Слон	3	90
Осел	2	86
Медведь	2	82
Коза	2	79
Комар	1	74
Сельдь	1	67
Конь	1	65
Мышь	1	38
Петух	1	34
Ворон	2	33
Баран	1	31
Мерин	2	21
Лиса	1	21
Кукушка	1	3
Итого	95	7712

Рассматривая далее табл. 1 видим, что зооним *козел* входит в состав двух фразеологизмов – *козел отпущения* и *пустить/пускать козла в огород*, при этом первый из них отмечен в 679 контекстах (по употребительности следует за фразеологизмом *первая ласточка*), а второй – в 32; зооним *медведь* образует 2 фразеологизма – *делить шкуру неубитого медведя* (48 употреблений) и *медведь на ухо наступил* (34 употребления), и отмечен в 82 случаях (48 + 34 = 82). Больше всего фразеологизмов (9) мы видим для зоонима *муха*, с общим количеством употреблений равным 471 (табл. 1), что следует из подсчёта числа употреблений по каждому из фразеологизмов с этим зоонимом (Приложение) и их суммированию.

Частотность использования фразеологизмов может быть обусловлена их значением, стилистической и эмоционально-оценочной окраской, экспрессивностью и спецификой образа, отражаемого фразеологизмом. Рассмотрим этот вопрос на примере первых двух наиболее употребляемых фразеологизмов (см. Приложение).

Фразеологический оборот *первая ласточка* обозначает «1. Самые ранние, самые первые признаки появления, наступления чего-либо. 2. Самый первый в ряду последовавших за ним» [Молотков, 1986, с. 220]. Как видим, значение этого фразеологизма очень общее, он может обозначать любой предмет либо человека, любое явление, действие и т. д., которое является первым, при этом не конкретизируются индивидуальные признаки предметов и явлений, их отличия от других. Кроме того, фразеологизм является стилистически нейтральным, не выражает оценку и имеет простую синтаксическую структуру – имя существительное + имя прилагательное в роли определения.

Анализ контекстов показал, что данный фразеологизм активно используется в публицистических и художественных текстах в речи автора (чаще) и персонажей для обозначения самых различных явлений, которые возникают впервые: автомобили, компьютеры в школах, научные результаты, публикации, направления в искусстве и люди – представители этих направлений, технологии, и люди – новаторы в области этих технологий, экономические процессы, и люди, реализующие их, и многое другое. Хотя сам фразеологизм не имеет эмоционально-оценочной окраски, образ ласточки как приметы начинающейся весны, вероятно, вызывает положительные ассоциации, поэтому фразеологизм чаще используется для обозначения новых явлений как реализации прогресса, которые воспринимаются как что-то хорошее. Реже он обозначает негативные новшества, события и т.д., например: *...первых ласточек российской мафии я узрела воочию не где-нибудь, а в Жене* [Кожевникова, 2003]; *«Первая ласточка» прилетела к нам в апреле: в Бердске произошло обрушение несущих конструкций, выпущенных на заводе, который трижды переходил из рук в руки* (Чтобы не повторился ни «Трансвааль», ни «Спартак»! (2004) // «Строительство», 2004.10.25).

Всё вышесказанное и определяет очень высокую частоту употребления этого фразеологизма в художественных и публицистических текстах.

Второй по частоте употребления фразеологизм *козел отпущения* имеет значение «человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других» [Молотков, 1986, с. 200]. Происхождение этого фразеологизма связано с существованием у древних евреев особого обряда возлагания на козла грехов всего народа. Выражение стилистически изначально связано с книжной, церковнославянской, традицией (см. словообразование существительного *отпущение*), но во многих словарях современного русского языка не имеет стилистических помет, вне которых отмечается как разговорный [Ушаков, т. 1, с. 1393] или ироничный.

Стилевая неопределенность фразеологизма определяет его использование в публицистике, художественной литературе, в книжных текстах и разговорной речи. Этот фразеологизм употребляется чаще всего в авторской речи, а также в прямой речи персонажей, отличающихся высоким уровнем образования, социального положения, это говорит о связи фразеологизма с книжным языком. Об этом говорят и некоторые

контексты из русской классической литературы, например: ...*блаженный забормотал какие-то отрывочные фразы...* – «*Вода возлияния, козел отпущения, жертва ревнования, хлебы предложения, светильник седмишестидневный – все медное море... все медное море*» [Крестовский, 1867], здесь фразеологический оборот стоит в одном ряду с другими церковнославянскими устойчивыми оборотами: «*Это наши тихие, смиренные обиденные люди, разыгрывающие в жизни плачевную роль библейского козла отпущения*» [Крестовский, 1864], в данном случае отмечается связь происхождения фразеологизма с Библией.

В различных текстах фразеологизм используется при описании отношений между людьми в политике, на службе, в быту и других сферах жизни. Объектом, который обозначается фразеологизмом, может быть отдельный человек, сообщество, организация, государство и др. Этот объект так или иначе представляется чуждым, не таким, как все, враждебным, к которому негативно относятся другой человек или люди, то есть чужим; возможно, здесь проявляются какие-то очень глубокие особенности человеческого характера, сознания, человеческих отношений, поэтому фразеологизм так употребителен. Понимание того, что объект может быть намеренно выбран для перекладывания на него ответственности и часто несправедливо, действительно придает во многих контекстах этому выражению ироничную окраску.

Заключение

С целью выявления пробелов в изучении фразеологизмов, проделан детальный анализ эволюции взглядов в данной области лингвистических исследований, начиная с возникновения первых классификационных моделей в работах Ш. Балли, В.В. Виноградова и Н.М. Шанского и кончая частотным анализом в этой области исследования.

В результате этого анализа было показано на недостаточное количество работ по систематическому частотному анализу зоонимических фразеологизмов.

В развитие этих не многочисленных исследований из словарей «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» под редакцией В.М. Мокиенко [2007] и «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [1986] извлечены 95 фразеологизмов, в которых 36 зоонимов с названиями животных, птиц и насекомых были представлены формой имени существительного. В Национальном корпусе русского языка найдены 7 712 случаев их употребления в текстах публицистики и художественной литературы XIX–XXI веков. Поиск велся во всех подкорпусах, но только в основном, газетном и устном подкорпусах появились контексты с отобранными фразеологизмами.

На примере двух самых употребляемых фразеологизмов – *первая ласточка* (731 употребление) и *козел отпущения* (679 употреблений) – показано, что большая частотность их использования обусловлена их значением, стилистической и эмоционально-оценочной окраской, экспрессивностью и спецификой образа, отражаемого этими фразеологизмами.

Список источников

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. 2007. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Под ред. В.М. Мокиенко. М., АСТ, Астрель, Хранитель, 926 с.
- Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И. и др. 1986–1987. Фразеологический словарь русского языка. М., Русский язык, 544 с.
- Кожевникова Н.В. 2003. Колониальный стиль. Континент, 118.
- Крестовский В.В. 1864. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Том 1. Части I–III.
- Крестовский В.В. 1867. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Том 2. Часть VI. URL:
- Михельсон М.И. 2004. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. СПб., ETS Publishing house, 2208 с.

- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 2007. Большой словарь русских поговорок. Под ред. В.М. Мокиенко. М., ЗАО «Олма Медиа Групп», 784 с.
- Национальный корпус русского языка. 2003–2023.
- Срезневский И.И. 1873. Замечания об образовании слов из выражений. Записки Императорской Академии наук. Т. 22. Кн. 2. Санкт-Петербург, тип. Имп. Акад. наук: 243–256.
- Толковый словарь русского языка. 1935. В 4-х т. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1: А–Кюрины. М., Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1562 стб.

Список литературы

- Антонова А.Б. 2010. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта drinking. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 4: 149–155.
- Азизова С.М. 2022. К вопросу о сопоставительной фразеологии. *Мир науки, культуры, образования*, 1(92): 238–240. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-238-240
- Балли Ш. 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель. Под ред. Р.А. Будагова. М., Издательство иностранной литературы, 416 с. (Bally Ch.1950. *Linguistique générale et linguistique française*. A. Francke, Berne, 440 p.)
- Балли Ш. 1961. Французская стилистика. Пер. с фр. К.А. Долинина. Под ред. Е.Г. Эткинда. Под ред. Р.А. Будагова. М., Издательство иностранной литературы, 394 с. (Bally Ch. 1909. *Traité de stylistique française*. Heidelberg; Geneve, 296 p.)
- Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. 2009. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках. В кн.: *Образы Италии в русской словесности XVIII–XX веков*. Под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск, Изд-во Том. ун-та: 261–272.
- Виноградов В.В. 1953. Основные типы лексических значений слова. *Вопросы языкознания*, 5: 3–29.
- Вэньхуэй Я. 2020. Русские устойчивые сравнения с зоонимами, описывающие черты характера человека, в русском и китайском языках. *Преподаватель XXI век*, 3–2: 436–451. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-3-436-451
- Гордеева З.А. 2013. Методика исследования зоонимов при моделировании русской языковой картины мира (на примере зоонима «кошка»). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 1: 71–73.
- Григорьева Д.А., Корепина Н.А. 2013. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом – зоонимом в английском языке и их русских эквивалентов. *Молодёжный вестник ИРГТУ*, 3: 1–5.
- Гусева А.Е. 2007. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы развития. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 1: 247–254.
- Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. 1977. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков). В кн.: Леонтьев А.А., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А. и др. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Под ред. А.А. Леонтьева. Москва, Наука: 147–165.
- Жуков В.П. 1986. Русская фразеология. Под ред. М.В. Лагуновой. Москва, Высшая школа, 310 с.
- Жуков В.П., Жуков А.В. 2006. Русская фразеология. М., Высшая школа, 408 с.
- Иванищева О.Н. 2020. Динамика русских культурных смыслов (на примере речевого употребления зоонима попугай). *Человек. Культура. Образование*, 3(37): 89–104. DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-89
- Каримова Р.Х. 2005. Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков. *Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика*, 16: 169–176.
- Козько Н.А. 2008. Перевод фразеологических единиц, содержащих зоонимы. *Альманах современной науки и образования*, 8–2: 83–85.
- Коршунова Н.Г., Федорчук И.А. 2016. Межъязыковая асимметрия фразеологизмов немецкого и русского языка на материале анимализмов. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*, 12: 69–74.
- Куличенко Ю.Н., Королевская Е.М. 2017. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. *Научный диалог*, 4: 44–56. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-44-56

- Лаврищева Е.В., Аброськина Н.Б., Остроухова А.В. 2019. Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2(2): 40–46.
- Литвин Ф.А. 1974. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка). В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 5. Новосибирск, Наука, Сиб. отд-ние: 81–93.
- Мусси В. 2017. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты. *Вестник Томского государственного университета*, 419: 45–53. DOI: 10.17223/15617793/419/5
- Мзтякубов Д. 2020. Сопоставительный анализ как способ выявления лингвистического изоморфизма (на примере анализа зоонимов). *Бюллетень науки и практики*, 6(5): 540–543. DOI: 10.33619/2414-2948/53/74
- Полонникова Е.Г. 2020. К вопросу о частотности фразеологизмов в русском языке при их отборе для обучения иностранцев. *Мир русского слова*, 1: 82–89. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-11082
- Разумовская В.А., Кононова В.А. 2016. Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 1: 37–46.
- Райхштейн А.Д. 1980. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., Высшая школа, 143 с.
- Ройзензон Л.И. 1964. К проблеме сравнительного изучения фразеологии славянских языков (чешские и верхнелужицкие фразеологические параллели). *Prace Filologiczne*, 18(2): 119.
- Рыжжина О.А. 1976. Зооморфные характеристики группы «asinus» в русском и английском языках. В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Под ред. К.А. Тимофеева. Новосибирск, Изд-во Новосибирского гос. ун-та: 42–58.
- Сакаева Л.Р. 2008. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 62: 43–47.
- Сёмина О.Ю. 2012. Верификация данных переводных словарей с помощью языковых корпусов. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 3: 572–576.
- Стрункова Е.С., Косенко А.А. 2018. Лингвокультурологическая специфика фразеологизмов с зоонимами в английском и русском языках. В кн.: Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 1–2 марта 2018 г.. Под ред. О.Г. Прохоренко. Минск, Издательство Белорусского государственного университета: 210–214.
- Суворова Н.Н. 2017. Фразеология русского языка в истории и современности. *Litera*, 1: 129–134. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22097
- Толстая С.М. 2020. Сложные слова и словосочетания: синтаксис и семантика. *Rocznik slawistyczny*, LXIX: 143–166. DOI: 10.24425/rslaw.2020.134712
- Цзяньчжуан Х., Кошелева Е.Ю. 2015. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащие зоонимы: сопоставительный анализ. *Молодой ученый*, 11(91): 1701–1703.
- Чанышева З.З., Асабин Р.К. 2009. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической семантикой. *Вестник Башкирского университета*, 14 (4): 1458–1460.
- Черемисина М.И. 1967. Сравнения-фразеологизмы русского разговорного языка. *Русский язык за рубежом*, 2: 72–77.
- Шанский Н.М. 1963. Фразеология современного русского языка. М., Высшая школа, 156 с.
- Шустова С.В., Тяпугина А.Е. 2020. Анимализмы в русской и английской лингвокультуре. *Евразийский гуманитарный журнал*, 3: 45–53.
- Фортунов Ф.Ф. 1956. Словосочетания и их части. В кн.: Фортунов Ф.Ф. Избранные труды. В 2-х т. Под ред. М.И. Петерсона. Т.1. М., Госучпедгиз: 182–191.
- Юрков Е.Е. 2012. Метафора лингвокультурного кода «Животные». *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 1–2: 431–438.
- Яблонская О. Г. 2015. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в современном русском языке. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна*, 2 (46): 153–158.

Яблонская О.Г. 2016. Обзор корпуса текстов, содержащих фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале национального корпуса русского языка). В кн.: Теоретические и практические аспекты романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных статей. Том. Выпуск 2. Под ред. Л.И. Богатиковой. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины: 228–232.

References

- Antonova A.B. 2010. The role of zoonyms in representation of notional, image-bearing and evaluative aspects of the concept drinking. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 4: 149–155.
- Azizova S.M. 2022. On the question of comparative phraseology. *The world of science, culture and education*, 1 (92): 238–240 (in Russia). DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-238-240
- Balli Sh. 1955. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and Issues of the French Language]. Per. from fr. E.V. Venttsel', T.V. Venttsel'. Ed. R.A. Budagov. M., Publ. Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 416 p. (Bally Ch. 1950. Linguistique générale et linguistique française. A. Francke, Berne, 440 p.)
- Balli Sh. 1961. Frantsuzskaya stilistika [French style]. Per. from fr. K.A. Dolinin. Ed. E.G. Etkind. M., Publ. Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 394 p. (Bally Ch. 1909. Traité de stylistique française. Heidelberg; Geneve, 296 p.)
- Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T.A. 2009. Natsional'no-kul'turnyy komponent v semantike naimenovaniy nasekomykh v russkom i ital'yanskom yazykakh [National-cultural component in the semantics of insect names in Russian and Italian]. In: Obrazy Italii v russkoy slovesnosti XVIII–XX vekov [Images of Italy in Russian Literature of the 18th–20th Centuries]. Ed. O.B. Lebedeva, N.E. Mednis. Tomsk, Publ. Tom. un-ta: 261–272.
- Vinogradov V.V. 1953. Osnovnye tipy leksicheskikh znacheniy slova [Main types of lexical meanings of a word]. *Voprosy yazykoznanii*, 5: 3–29.
- Ven'khuey Ya. 2020. Russian fixed comparisons with zoonym component describing human character traits in Russian and chinese languages. *Prepodavatel 21 vek*, 3–2: 436–451 (in Russia). DOI: 10.31862/2073-9613-2020-3-436-451
- Gordeeva Z.A. 2013. Methodology of studying the words which name animals in modelling russian language picture of the world (by way of example of the word "cat"). *Newsletter of Omsk State Pedagogical University Humanitarian Research*, 1: 71–73 (in Russia).
- Grigor'eva D.A., Korepina N.A. 2013. Comparative analysis of english phraseological units with zoonyms and their russian equivalents. *Molodezhnyy vestnik IrGTU*, 3: 1–5.
- Guseva A.E. 2007. Sopostavitel'naya frazeologiya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Comparative Phraseology: State and Development Prospects]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic*, 1: 247–254.
- Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremisina M. I. 1977. Sopostavitel'nyy analiz zoomorfnykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (based on Russian, English and French languages)]. In: Leont'ev A.A., Tarasov E.F., Sorokin Yu.A. i dr. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya [National-cultural specificity of speech behavior]. Ed. A.A. Leont'ev. Moscow, Publ. Nauka: 147–165.
- Zhukov V.P. 1986. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. Ed. M.V. Lagunova. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 310 p.
- Zhukov V.P., Zhukov A.V. 2006. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 408 p.
- Ivanishcheva O.N. 2020. Dynamics of russian cultural meanings (on the example of the speech use of the zoononym parrot). *Human. Culture. Education*, 3(37): 89–104 (in Russia).
- Karimova R.Kh. 2005. Semantika zoonimov vo frazeologii nemetskogo i russkogo yazykov [Zoonym semantics in German and Russian phraseology]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 16: 169–176.
- Koz'ko N.A. 2008. Perevod frazeologicheskikh edinit, soderzhashchikh zoonimy [Translation of phraseological units containing zoonyms]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 8–2: 83–85.

- Korshunova N.G., Fedorchuk I.A. 2016. Mezhtsazykovaya asimetriya frazeologizmov nemetskogo i russkogo yazyka na materiale animalizmov [Interlingual asymmetry of German and Russian phraseological units based on animalisms]. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 12: 69–74.
- Kulichenko Yu.N., Korolevskaya E.M. 2017. Comparative Analysis of Phraseological Units with Component-Zoonym. *Scientific Dialogue*, 4: 44–56. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-44-56
- Lavrishcheva E.V., Abros'kina N.B., Ostroukhova A.V. 2019. The national specific character of phraseological units with component-zoonym in the german and english linguistic view of the world. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2(2): 40–46.
- Litvin F.A. 1974. Ob izuchenii raznovidnostey zoomorfnykh kharakteristik (na materiale angliyskogo yazyka) [On the study of varieties of zoomorphic characteristics (on the material of the English language)]. In: *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov* [To help teachers of foreign languages]. Iss. 5. Novosibirsk, Publ. Nauka, Sib. otd-nie: 81–93.
- Mussi V. 2017. Russian and italian entomological metaphors in comparison with zoomorphic metaphors: their distinctive features. *Tomsk State University Journal*, 419: 45–53 (in Russia). DOI: 10.17223/15617793/419/5
- Metyakubov D. 2020. Comparative analyses as a way of revealing linguistic isomorphism (on the example of zoonyms). *Bulletin of Science and Practice*, 6(5): 540–543 (in Russia). DOI: 10.33619/2414-2948/53/74
- Polonnikova E.G. 2020. On the Issue of Phraseological Units Frequency in the Russian Language During their Selection for Teaching Foreigners. *The World of Russian Word*, 1: 82–89 (in Russia). DOI: 10.24411/1811-1629-2020-11082
- Razumovskaya V.A., Kononova V.A. 2016. Corpora approach towards the fixation of speechphenomena (on the material of the lexeme knowledge). *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Problems of Education: Languages and Speciality*, 1: 37–46 (in Russia).
- Raykhshteyn A.D. 1980. Sopostavitel'nyy analiz nemetskoy i russkoy frazeologii [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. M., Publ. Vysshaya shkola, 143 p.
- Royzenzon L.I. 1964. K probleme sravnitel'nogo izucheniya frazeologii slavyanskikh yazykov (cheshskie i verkhneluzhitskie frazeologicheskie paralleli). *Prace Filologiczne*, 18(2): 119.
- Ryzhkina O.A. 1976. Zoomorfnye kharakteristiki gruppy «asinus» v russkom i angliyskom yazykakh [Zoomorphic characteristics of the "asinus" group in Russian and English]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Iss. 5. Ed. K.A. Timofeev. Novosibirsk, Publ. Novosibirskogo gos. un-ta: 42–58.
- Sakaeva L.R. 2008. Phraseologisms with zoonymic components describing a person as an object of comparative analysis of russian and english. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 62: 43–47.
- Semina O.Yu. 2012. Using language corpora to verify the data of translation dictionaries. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 3: 572–576.
- Strunkova E.C., Kosenko A.A. 2018. Lingvokul'turologicheskaya spetsifika spetsifika frazeologizmov s zoonimami v angliyskom i russkom yazykakh [Linguistic and cultural specificity of phraseological units with zoonyms in English and Russian]. In: *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and development prospects]. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 1–2, 2018. Ed. O.G. Prokhorenko. Minsk, Publ. Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta: 210–214.
- Suvorova N.N. 2017. Frazeologiya russkogo yazyka v istorii i sovremennosti [Phraseology of the Russian language in history and modernity]. *Litera*, 1: 129–134. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22097
- Tolstaya S.M. 2020. Complex words and phrases: syntax and semantics. *Yearbook of Slavic Studies*, LXIX: 157–180 (in Poland). DOI: 10.24425/rslaw.2020.134712
- Tszyan'chzhuan Kh., Kosheleva E.Yu. 2015. Frazeologizmy kitayskogo i russkogo yazykov, sodержashchie zoonimy: sopostavitel'nyy analiz [Phraseologisms of the Chinese and Russian languages containing zoonyms: a comparative analysis.]. *Young Scientist*, 11(91): 1701–1703.
- Chanysheva Z.Z., Asabin R.K. 2009. Sopostavitel'nyy analiz leksikograficheskoy interpretatsii konnotatsiy zoonimov s antropologicheskoy semantikoy [Comparative analysis of lexicographic interpretation of zoonym connotations with anthropological semantics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 14(4): 1458–1460.

- Cheremisina M.I. 1967. Sravneniya-frazeologizmy russkogo razgovornogo yazyka [Comparisons-phraseological units of the Russian colloquial language]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2: 72–77.
- Shanskiy N.M. 1963. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language]. M., Publ. Vysshaya shkola, 156 p.
- Shustova S.V., Tyapugina A.E. 2020. Animalisms in Russian and English Linguistic Cultures. *Eurasian Humanitarian Journal*, 3: 45–53 (in Russia).
- Fortunatov F.F. 1956. Slovosochetaniya i ikh chasti [Word combinations and their parts]. In: Fortunatov F.F. *Izbrannye trudy* [Selected works]. In 2 vol. Ed. M.I. Peterson. Vol. 1. M., Publ. Gosuchpedgiz: 182–191.
- Yurkov E.E. 2012. Linqwo-cultural metaphore of the code "animals". *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1–2: 431–438.
- Yablonskaya O.G. 2015. Analiz frazeologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v sovremennom russkom yazyke [Analysis of phraseological units with a zoonym component in modern Russian language]. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagagichnaga yuniversiteta imya I.P. Shamyakina*, 2(46): 153–158.
- Yablonskaya O.G. 2016. Obzor korpusa tekstov, sodержashchikh frazeologicheskie edinity s komponentom-zoonimom (na materiale natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Review of the corpus of texts containing phraseological units with a zoonym component (on the basis of the national corpus of the Russian language)]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty romano-germanskoy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Theoretical and practical aspects of Romano-Germanic philology and methods of teaching foreign languages]. Collection of scientific articles. Volume. Issue 2. Ed. L.I. Bogatikova. Gomel', Publ. GGU im. F. Skoriny: 228–232.

Приложение
Appendix

Количество употреблений фразеологизмов с зоонимами
в Национальном корпусе русского языка
The number of uses of phraseological units with zoonyms
in the National Corpus of the Russian Language

Фразеологизм	Количество употреблений
Первая ласточка	731
Козел отпущения	679
Белая ворона	445
Как рыба в воде	390
Морской волк	249
Кот наплакал	223
Брать/взять быка за рога	211
(Как) белка в колесе	205
Дойная корова	186
Как с гуся вода	181
Убить двух зайцев	171
Собаку съест на чѐм	143
Рабочая лошадь	128
Мокрая курица	126

Продолжение таблицы
 Continuation of the table

Фразеологизм	Количество употреблений
(Как) собака на сене	116
Стреляный/старый воробей	116
Под мухой	114
Черная кошка пробежала	114
Заблудшая овца/овечка	112
Гоняться/гнаться за двумя зайцами	108
Важная птица	99
Биться как рыба об лёд	98
Травленный/старый волк	95
Мухи не обидит/обидел	92
Змея подколотная	91
Ни рыба ни мясо	89
Денег куры не клюют	84
Как корова языком слизала/слизнула	82
Гусей дразнить	77
Волк в овечьей шкуре	76
Комар носа не подточит	74
Подкладывать/подложить свинью	69
Как сельди в бочке	67
Конь (ещё) не валялся	65
Мрут/дохнут как мухи	60
Драть/пороть/сечь/лупить как сидорову козу	58
Как/что собак нерезаных	55
Какая/будто/словно/точно муха укусила кого	54
Как сонная муха	54
Как красная тряпка на быка	52
Попасть/попасться как кур во щи	51
(Жить) как кошка с собакой	51
Буриданов осёл	50
Кошки скребут/заскребли на душе/сердце	49
Делить шкуру неубитого медведя	48
Белые мухи	48
Хоть волком вой	47
Волком выть	46
Как/что слону дробина	42
Гусь лапчатый	42
Покупать/купить kota в мешке	42
Делать из мухи слона	40

Продолжение таблицы
Continuation of the table

Фразеологизм	Количество употреблений
Когда/пока рак свистнет	38
Надулся как/будто/словно/точно мышь на крупу	38
Ловить рыбу в мутной воде	36
Валаамова ослица	36
Мухи дохнут/мрут	36
Пускать/пустить красного петуха	34
Медведь на ухо наступил	34
Ни пава ни ворона	33
Пускать/пустить козла в огород	32
Метать бисер перед свиньями	32
(Смотреть/уставиться) как баран на новые ворота	31
Как рак на мели (сидеть/остаться)	29
Сидит/идёт/пристало как на(к) корове седло	28
Играть в кошки-мышки	26
Ворона в павлиньих перьях	25
Знать, где раки зимуют	25
Видно/видать/видеть/узнавать птицу по полету	24
Вот где/в чём собака зарыта	24
Птица высокого полета	23
Носится как курица с яйцом	22
Отставной козы барабанщик	21
Лиса Патрикеевна	21
До зеленого змия	21
Считать ворон	20
Жить как птица небесная	19
Как угорелая кошка (метаться, бегать)	17
Вешать собак	17
Нужен как собаке пятая нога	17
Писать как курица лапой	16
Врет/брешет как сивый мерин	16
Отогреть/согреть/пригреть змею на груди/за пазухой	15
Показать, где раки зимуют	15
Собак гонять	15
(Куда) ворон костей не заносил	13
Слепая курица	12
Едят тебя/его/её/вас/их мухи	10
Стреляная/обстрелянная птица	10
Старого воробья на мякине (не проведешь)	9

Окончание таблицы
End of the table

Фразеологизм	Количество употреблений
Разбирается/смыслит/понимает как свинья в апельсинах	8
Слоны/слонов слонять	8
Глуп как сивый мерин	5
Менять кукушку на ястреба	3
Как/будто/словно/точно муху проглотил	3
ВСЕГО: 95	7712

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 4.11.2022
Поступила после рецензирования 2.03.2023
Принята к публикации 10.03.2023

Received November 4, 2022
Revised March 2, 2023
Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

У Цюаньмин, аспирант кафедры русского языка и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wu Quanming, Postgraduate Student of the Department of Russian language and journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia

УДК 811.111-26

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-195-200

Языковая личность современного рэп-исполнителя (на материале текстов Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky)

Чистякова А.А.

Московский Городской Педагогический Университет
Россия, 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
E-mail: aliechistyakova@yandex.ru

Аннотация. Существующие исследования языковой личности автора рэп-текстов не позволяют составить полное представление об описываемом явлении в совокупности аспектов. Для изучения проблемы был проанализирован ряд текстов американских рэп-исполнителей. В результате исследования были выявлены основные семантические поля проанализированных рэп-текстов, основные черты языковой личности современного рэп-исполнителя на трёх уровнях. Были установлены основные семантические поля рэп-дискурса, а также моральные и идеологические ценности и мотивы современного рэп-исполнителя, что позволило сделать вывод о принадлежности языковой личности рэп-исполнителя к дискурсивному пространству субкультуры «хип-хоп».

Ключевые слова: рэп-дискурс, рэп-текст, семантическое поле, язык субкультуры, языковые средства

Для цитирования: Чистякова А.А. 2023. Языковая личность современного рэп-исполнителя (на материале текстов Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 195–200. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-195-200

Linguistic Personality of a Modern Rap Artist (Based on Texts of Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky)

Alexandra A. Chistyakova

Moscow City Pedagogical University
4 2nd Selskohozyajstvennyj passage, building 1, Moscow 129226, Russia
E-mail: aliechistyakova@yandex.ru

Abstract. This study examines the linguistic personality of the author of rap lyrics through the analysis of linguistic means. A linguistic personality is any native speaker of a particular language, characterized on the basis of an analysis of the texts produced by him in terms of the use in these texts of the systemic means of this language to reflect his vision of the surrounding reality and to achieve certain goals in this world, thus studying a linguistic personality allows to get the most complete picture of the subculture as part of world culture. The aim of this article is to analyse a number of rap texts in order to study a linguistic personality of a modern rap artist so the conclusion of what the corresponding linguistic world-image is like can be made. The study allowed to elicit three levels of a linguistic personality (according to Yuri Karaulov) which therefore gave us an image of the main semantic fields of the analyzed rap texts (such as crime, guns, religion etc.), as well as moral and ideological values and motives of a modern rap artist, thus defining the linguistic personality of a modern rap artist as a member of the “hip-hop” subculture discursive space.

Keywords: rap discourse, rap text, semantic field, subculture language, linguistic means

For citation: Chistyakova A.A. 2023. Linguistic Personality of a Modern Rap Artist (Based on Texts of Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 42(1): 195–200 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-195-200

Введение

Хип-хоп культура является сравнительно молодой, однако за тридцать лет своего активного развития, по оценке исследователей М.В. Вершинина и Е.В. Макаровой, устоялась как претензионная, агрессивная, «как форма протеста» [Вершинин, Макарова, 2007], вероятно, поэтому долгое время находилась вне научных интересов в отечественной лингвистике. В зарубежной традиции рэп-музыка изучается практически с момента зарождения, то есть с 90-х годов XX века, однако отечественные исследования немногочисленны и выполнены преимущественно в лингвопрагматическом и лингвокультурном русле [Грудева, 2021], отражая интерес гуманитарного научного знания к проблемам культурного, национального, этнического самосознания.

Рэп-музыка является текстом в стихотворной форме, и, что важно, песенным текстом [Кожелупенко, 2013], то есть художественным произведением, порождаемым рэп-исполнителем. Следует упомянуть, что рэп-текст является текстом событийным, то есть понятие «рэп-тексты» приравнивается к понятию «рэп-дискурс» ввиду своей «погруженности в жизнь» [Карасик, 2002]. Рэп-исполнитель, в свою очередь – член особой субкультуры, дискурсивного пространства определённого языкового сообщества, и соответственно является языковой личностью.

Языковая личность является личностью, выраженной через язык, через написанный ею текст, через выбранные ею языковые средства, то есть это конструкт лингвистики, исследовать который возможно исключительно путём анализа производимых человеком текстов [Жеребило, 2010, с. 477]. Термин языковая личность (ЯЛ) был впервые употреблён немецким языковедом Лео Вайсгербером в работе «Родной язык и формирование духа», изданной в 1927 году. По словам учёного, «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть он вырастает в это языковое сообщество» [Вайсгербер, 2004]. Вайсгербер отрицает индивидуализм в национальном языке (но не идиолект и/или идиостиль как таковой) и выделяет коллективизм как черту ЯЛ – носителя национальной картины мира. В русскоязычном пространстве термин ЯЛ впервые употребил В.В. Виноградов в своей работе «О художественной прозе», изданной в 1930 году. Он упоминает языковую личность как «вместилище социально-языковых норм и норм коллектива», «норм языкового сознания», утверждая, что в таком ключе суть понятия рассматривал Бодуэн де Куртене [Виноградов, 1980, с. 61].

Вклад в определение ЯЛ как лингвистического понятия внесли многие учёные. Благодаря возникшему к ЯЛ интересу сформировались несколько векторов исследования, однако для данной работы ключевыми являются модели ЯЛ. Моделированием структуры ЯЛ занимались такие отечественные учёные, как Г.И. Богин [1980], Ю.Н. Караулов [1987], С.Г. Воркачёв [2001], однако не все они применимы к изучению художественных текстов. Поэтому в данном исследовании была выбрана модель Караулова [1987].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью ЯЛ и языковых средств её выражения в современном рэп-дискурсе.

В настоящей работе в качестве цели исследования предлагается гипотеза, согласно которой ЯЛ современного рэп-исполнителя является носителем языка особого дискурсивного пространства отдельной субкультуры «хип-хоп».

Объекты и методы исследования

В 2021 году система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ Brand Analytics опубликовала результаты исследования, согласно которому музыкальный сервис Spotify является крупнейшим и наиболее популярным у пользователей [Вебер, 2021]. По данным Spotify в 2021 году самой востребованной музыкой стала рэп-музыка, по этой причине англоязычный рэп-текст или текст англоязычного рэп-произведения как значимое культурное явление был выбран объектом данного исследования. Предметом исследования является языковая личность участника рэп-дискуса.

Полное описание ЯЛ в целях ее анализа или синтеза, по мнению Ю.Н. Караулова, предполагает: а) характеристику семантико-строевого уровня её организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемые на фоне усреднённого представления данного языкового строя), то есть изучение вербально-семантического уровня; б) когнитивный уровень — реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведённых ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов, то есть прагматический уровень [Караулов, 2010, 43]. С целью изучения языковой личности современного рэп-исполнителя в этом исследовании применяется метод семантического поля и метод содержательного дискурс-анализа.

В данной статье использованы тексты таких исполнителей, как Juice WRLD, Travis Scott, 21 Savage, ASAP Rocky, являющихся представителями современной рэп-музыки.

Результаты и их обсуждение

Анализ вербально-семантического уровня языковой личности современного рэп-исполнителя показал наличие в рэп-дискурсе определённых семантических полей, представляющих собой также и национальные культурные семы, такие как:

- 1) семантическое поле *crime* — (криминал): Jump Out Boys — полиция, twenty four hour lockdown — заключённые, trapping — продажа наркотических веществ [ASAP Rocky 2015];
- 2) семантическое поле *guns* (оружие): chopper, glizzy, glock [ASAP Rocky 2012, 2013; 21 Savage 2016, 2017];
- 3) *US companies* (американские компании): Jamba Juice, производитель напитков [Scott 2018]; 808Mafia, музыкальная компания [Juice WRLD 2020]; Kel-Tech, производитель огнестрельного оружия [Juice WRLD 2020]; TMZ, новостной портал [Juice WRLD 2020; ASAP Rocky 2013];
- 4) названия видов наркотических веществ, которые представляют собой семантическое поле *drugs* (наркотики): Biscotti, сорт марихуанны, производящийся в Калифорнии (место производства имеет значимость с культурной точки зрения) [Juice WRLD 2020]; Perky, дословно весёлый, бойкий, самоуверенный, наглый — эвфемизм для наркотического вещества Percocet [Juice WRLD 2020]; Оху — сокращение от Охусcodone [Juice WRLD 2020]; метонимия, вещество Codeine, также встречаются обозначения Barre, Purp; Molly [21 Savage 2016; Scott 2018; ASAP Rocky 2018; Juice WRLD 2020] — сам по себе сленг, в настоящее время обозначает сорт наркотических веществ типа «экстази», M&M's — также сленг, обозначающий наркотическое вещество «экстази» [Scott 2018];
- 5) семантическое поле *religion* (религия) преимущественно состоит из следующих семантических ядер: devil (дьявол) [Scott 2018; ASAP Rocky 2018; Juice WRLD 2020], demon (демон), Satan (Сатана), Bible (Библия) [ASAP Rocky 2013; Scott 2016; 21 Savage 2018], God (Бог, также встречаются синонимы Holy Father, Good Lord);

Упоминание таких брендов как Dior [ASAP Rocky 2018; Juice WRLD 2020], Givenchy [Juice WRLD 2020], Louis Vitton [21 Savage 2016; Scott 2018] и прочих свидетельствует о глобализации и «усреднении» мировой картины мира, так как эти бренды известны по всему миру и в текстах рэп-исполнителя являются метонимией дорогой одежды для очень обеспеченных людей, а также выражает ценностное ориентирование рэп-исполнителей.

В рэп-дискурсе часто упоминаются известные личности различных сфер деятельности, а также те знаменитости, с которыми лично знаком сам исполнитель. Дружеская степень близости обозначается такими лексемами как brother (брат) или характерный для афроамериканцев и американцев аналог этого слова nigger и его вариации. Любовные отношения также переданы рядом лексических единиц, таких как love, heart, а также устойчивыми выражениями как to give butterflies (заставить кого-либо почувствовать бабочки в животе, метафора любовных чувств), to break ones heart (разбить кому-то сердце). Немногочисленная лексика из этой группы достаточно часто встречается в текстах.

На когнитивном уровне изучается картина мира человека, которая складывается из понятий, идей и концептов, отражающая иерархию ценностей человека. Рэп-тексты являются стихотворным пересказом событий из жизни исполнителя, описанием мироощущения, личных переживаний и межличностных отношений. В приоритете современного рэп-исполнителя стоят индивидуальные материальные ценности, такие как автомобили, украшения, деньги, однако индивидуальные и коллективные культурные ценности, такие как идеология (гедонизм), религия (употребление образов и метафор, связанных с религиозной тематикой) и художественный аспект (собственное и чужое творчество) также присутствуют в системе ценностей. Важны и социальные ценности, такие как друзья и любовь (прецедентные личности, на которых исполнители ссылаются в своих текстах). Рэп-дискурс характеризуется в первую очередь ненавязчивостью — рэп-исполнитель показывает свой образ жизни, он предельно честен в отношении того, кто он есть и как живёт, но не стремится приобщить слушателя к своему образу жизни. Концепт «свой – чужой» также не имеет изначально агрессивной природы. Рэп-исполнитель принимает и интегрирует «своих», но не обращает внимания на «чужих» исключая возможную ситуацию вторжения.

При анализе прагматического уровня ЯЛ следует учитывать коммуникативные потребности человека: 1) контактоустанавливающую, 2) информационную и 3) воздействующую, а также, согласно Т.В. Жеребило, корреляты коммуникативно-деятельностных потребностей, которые выражаются в информационных моделях, являющихся комплексными лингвистическими единицами:

1) трехкомпонентные модели функциональных стилей и стилистически дифференцированных текстов;

2) шестикомпонентные модели коммуникативных качеств речи;

3) многомерные схемы и модели словообразовательных типов (СТ) [Жеребило 2010, с. 478].

Прагматический уровень современного рэп-исполнителя предельно однороден. Главный мотив — саморепрезентация, не обладающая особыми суггестивными аспектами. Однако рэп-исполнитель учитывает адресата своего сообщения и насыщает свой текст понятными для реципиента лексическими единицами, упрощая речь за счёт разговорных фраз и выражений, пословиц, поговорок, слэнга, порождая в слушателе ощущение духовной и культурной близости с рэп-исполнителем. В этом и состоит перлокутивный эффект рэп-текстов — ощущение, что рэп-исполнитель «свой», заставляет реципиента следовать идеологии исполнителя и ценить его творчество, что в свою очередь обогащает рэп-исполнителя материально.

Заключение

На материале ряда текстов англоязычных рэп-исполнителей были рассмотрены основные черты языковой личности современного рэп-исполнителя. На вербально-семантическом уровне были выявлены следующие семантические группы: *crime, drugs, religion, brands, USA companies, relationships*, с преобладанием лексики из группы *drugs, religion, brands* и *relationships*. На когнитивном уровне было выявлено, что основными моральными и идеологическими ценностями современного исполнителя рэп-музыки являются гедонистический образ жизни, материальные ценности и межличностные отношения. На прагматическом уровне было выявлено, что социальные нормы не имеют особого значения для современного рэп-исполнителя и его основной мотив — осветить свою жизнь и вызвать положительные чувства у слушателя с целью успешной продажи своего продукта, а также транслировать свои морально идеологические ценности в выразительной и понятной реципиенту форме. Языковая личность рэп-исполнителя на основе анализа порождённых ею текстов охарактеризована как представитель определённого дискурсивного, субкультурного пространства «хип-хоп», носитель уникальной картины мира, придерживающийся гедонистического образа жизни, так как обладает общими чертами на всех проанализированных уровнях, что подтверждает заявленную гипотезу.

Автор выражает благодарность научному руководителю, доценту, кандидату филологических наук Леонтьевой Алесье Вячеславовне.

Список источников

- Жеребило Т.В. 2010. Словарь лингвистических терминов. Назрань, ООО «Пилигрим», 486 с.
- Пси-фактор. 2001-2023. URL: https://psyfactor.org/rar.htm#_ftn1 (дата обращения: 20.02.2022)
- ML Genius Holdings, LLC. 2023. Available at: <https://genius.com/> (accessed: 27.02.2022)
- 21 Savage. 2018. a lot // Genius URL: <https://genius.com/21-savage-a-lot-lyrics> (дата обращения: 27.02.2022).
- 21 Savage. 2017. Bank Account // Genius URL: <https://genius.com/21-savage-bank-account-lyrics> (дата обращения: 28.02.2022).
- 21 Savage. 2018. monster // Genius URL: <https://genius.com/21-savage-monster-lyrics> (дата обращения: 27.02.2022).
- 21 Savage. 2016. No Heart // Genius URL: <https://genius.com/21-savage-and-metro-boomin-no-heart-lyrics> (дата обращения: 27.02.2022).
- 21 Savage. 2016. X // Genius URL: <https://genius.com/21-savage-and-metro-boomin-x-lyrics> (дата обращения: 27.02.2022).
- ASAP Rocky. 2018. Bad Company // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-bad-company-lyrics> (дата обращения: 07.03.2022).
- ASAP Rocky. 2015. Excuse me // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-excuse-me-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2018. Fukk Sleep // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-fukk-sleep-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2012. Goldie // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-goldie-lyrics> (дата обращения: 11.03.22).
- ASAP Rocky. 2018. Gunz N Butter // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-gunz-n-butter-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2015. Jukebox Joint // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-jukebox-joints-lyrics> (дата обращения: 08.03.2022).
- ASAP Rocky. 2013. Pain // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-pain-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2013. Phoenix // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-phoenix-lyrics> (дата обращения: 08.03.2022).
- ASAP Rocky. 2018. Praise the Lord (Da Shine) // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-praise-the-lord-da-shine-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2018. Purity // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-fukk-sleep-lyrics> (дата обращения: 09.03.22).
- ASAP Rocky. 2013. Wild for the Night // Genius URL: <https://genius.com/A-ap-rocky-wild-for-the-night-lyrics> (дата обращения: 12.03.22).
- Juice WRLD. 2020. Bad Energy // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-bad-energy-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2019. Bandit // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-and-youngboy-never-broke-again-bandit-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2020. Blood On My Jeans // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-blood-on-my-jeans-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2020. Conversations // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-conversations-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2019. Empty // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-empty-lyrics> (дата обращения: 11.03.2022).
- Juice WRLD. 2020. Hate the Other Side // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-and-marshmello-hate-the-other-side-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2020. Righteous // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-righteous-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Juice WRLD. 2020. Wishing Well // Genius URL: <https://genius.com/Juice-wrld-wishing-well-lyrics> (дата обращения: 12.03.2022).
- Scott T. 2015. 90210 // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-90210-lyrics> (дата обращения: 05.03.2022).

- Scott T. 2015. Antidote // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-antidote-lyrics> (дата обращения: 06.03.2022).
- Scott T. 2017. BUTTERFLY EFFECT // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-butterfly-effect-lyrics> (дата обращения: 06.03.2022).
- Scott T. 2018. CAROUSEL // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-carousel-lyrics> (дата обращения: 05.03.2022).
- Scott T. 2016. goosebumps // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-goosebumps-lyrics> (дата обращения: 06.03.2022).
- Scott T. 2018. SICKO MODE // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-sicko-mode-lyrics> (дата обращения: 07.03.2022).
- Scott T. 2018. YOSEMITE // Genius URL: <https://genius.com/Travis-scott-yosemite-lyrics> (дата обращения: 07.03.2022).

Список литературы

- Вайсгербер Й. Л. 2004. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем. О.А. Радченко. М., Едиториал УРСС, 232 с. (Weisgerber J.L. 1929. Muttersprache und Geistesbildung. Vandenhoeck & Ruprecht, 170 p.)
- Виноградов В.В. 1980. Избранные труды. Т.5. О языке художественной прозы. М., Наука, 362 с.
- Грудева Е.В., Дивеева А.А. 2021. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов. Научный диалог, 9: 74–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Караулов Ю.Н. 2010. Русский язык и языковая личность. М., Издательство ЛКИ, 264 с.
- Кожелупенко Т.П. 2013. Лингвокультурологические характеристики современного американского рэп текста. Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики, 6: 30–37.

References

- Vaysgerber Y. L. 2004. Rodnoy yazyk i formirovanie dukha [Native language and the formation of the spirit]. Per. with him. O.A. Radchenko. M., Publ. Editorial URSS, 232 p. (Weisgerber J.L. 1929. Muttersprache und Geistesbildung. Vandenhoeck & Ruprecht, 170 s.)
- Vinogradov V.V. 1980. Izbrannye Trudy [Selected Works]. Vol. 5. O yazyke khudozhestvennoy prozy [On the language of artistic prose]. M., Publ. Nauka, 362 p.
- Grudeva E.V., Diveeva A.A. 2021. Linguistic and extralinguistic aspects of study of modern russian rap texts. *Nauchnyi dialog*, 9: 74–97 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97
- Karasik V.I. 2002. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Karaulov Yu.N. 2010. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M., Publ. Izdate'l'stvo LKI, 264 p.
- Kozhelupenko T.P. 2013. Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki sovremennogo amerikan-skogo rep teksta [Linguistic and cultural characteristics of modern American rap text]. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 6: 30–37.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 4.11.2022

Поступила после рецензирования 2.03.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Received November 4, 2022

Revised March 2, 2023

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чистякова Александра Александровна, аспирант кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук, Московский Городской Педагогический Университет, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra A. Chistyakova, Postgraduate Student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia